

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

Факультет
государственного
управления

270 МГУ
1755 2025

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ISSN 2070-1381

ЭЛЕКТРОННЫЙ ВЕСТНИК

PUBLIC ADMINISTRATION
E-journal (Russia)

99

2023

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Издатель:

Факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Редакция:

Никонов В.А. — главный редактор, доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова;

Петрунин Ю.Ю. — зам. главного редактора, доктор философских наук;

Сухарева М.А. — ответственный секретарь, кандидат экономических наук;

Федько М.В. — редактор, кандидат филологических наук;

Ребрикова А.Г. — технический редактор.

Редакционная коллегия:

Никонов В.А. — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Петрунин Ю.Ю. — доктор философских наук (МГУ, Россия);

Ван Слайк Д. — PhD (Сиракузский университет, США);

Ван Яарсвелд Л.С. — PhD (Университет Южной Африки, ЮАР);

Барабашев А.Г. — доктор философских наук (НИУ ВШЭ, Россия);

Воронов А.С. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Глазьев С.Ю. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Григорьева Н.С. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Дубровская Ю.В. — кандидат экономических наук (ПНИПУ, Россия);

Зайцева Т.В. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Зуб А.Т. — доктор философских наук (МГУ, Россия);

Кудина М.В. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Купряшин Г.Л. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Лексин И.В. — доктор юридических наук (МГУ, Россия);

Леонтьева Л.С. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Лившин А.Я. — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Логинов А.В. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Машкова А.Л. — кандидат технических наук (ОГУ, Россия);

Михайлова О.В. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Нарбут Н.П. — доктор социологических наук (РУДН, Россия);

Осипов В.С. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Осипов Е.М. — доктор социологических наук (МГУ, Россия);

Певная М.В. — доктор социологических наук (МГУ, Россия);

Полюшкевич О.А. — кандидат философских наук (ИГУ, Россия);

Попова С.С. — кандидат юридических наук (МГУ, Россия);

Сидоров А.В. — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Смакотина Н.Л. — доктор социологических наук (МГУ, Россия);

Соловьев А.И. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Сторчевой М.А. — кандидат экономических наук (НИУ ВШЭ, Россия);

Судас Л.Г. — доктор философских наук (МГУ, Россия);

Сухарева М.А. — кандидат экономических наук (МГУ, Россия);

Угнич Е.А. — кандидат экономических наук (ДГТУ, Россия);

Федько М.В. — кандидат филологических наук (МГУ, Россия);

Халиков М.С. — доктор социологических наук (РАНХиГС, Россия).

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре как сетевое издание (свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Эл № 77-6880 от 10 апреля 2003 года и Эл № ФС77-56592 от 26 декабря 2013 года).

Международный стандартный серийный номер журнала **ISSN 2070-1381**.

Издание входит в систему РИНЦ на платформе eLIBRARY.ru (сублицензионный договор № 19-10/09 от 12 ноября 2009 года). Журнал входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией России (ВАК РФ) при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по экономике, социологии, и политологии (с 22 октября 2010 года). Журнал выходит 6 раз в год. Все номера находятся в свободном доступе на сайте: e-journal.spa.msu.ru/.

Статьи журнала доступны в открытом доступе на основании принятой Лицензии Creative Commons:: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Адрес редакции: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, каб. А-701. Тел.: +7 (495) 930-85-71.

E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Founding Organization:

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University.

Publisher:

School of Public Administration Lomonosov Moscow State University.

Editors:

Vyacheslav A. Nikonov — Editor-in-chief, DSc (History), Dean of School of Public Administration;

Yury Y. Petrunin — Deputy editor-in-chief, DSc (Philosophy);

Maria A. Sukhareva — Executive Secretary, PhD;

Maria V. Fedko — Editor, PhD;

Anastasia G. Rebrikova — Layout editor.

Board of Editors:

Vyacheslav A. Nikonov — DSc (History), Dean of School of Public Administration (MSU, Russia);

Yury Y. Petrunin — DSc (Philosophy) (MSU, Russia);

Alexey G. Barabashev — DSc (Philosophy) (HSE, Russia);

Sergey Yu. Glaziev — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Natalia S. Grigorieva — DSc (Political Science) (MSU, Russia);

Julia V. Dubrovskaya — PhD (PNRPU, Russia);

Tatyana V. Zaytseva — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Anatoliy T. Zub — DSc (Philosophy) (MSU, Russia);

Liza Ceciel van Jaarsveld — PhD (University of South Africa, RSA);

Manir S. Khalikov — DSc (Sociological Sciences) (RANEPA, Russia);

Marianna V. Kudina — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Gennady L. Kupryashin — DSc (Political Science) (MSU, Russia);

Vladimir I. Leksin — DSc (Juridical Sciences) (MSU, Russia);

Alexander Y. Livshin — DSc (History) (MSU, Russia);

Lidiya S. Leontieva — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Andrey V. Loginov — DSc (Political Science) (MSU, Russia);

Aleksandra L. Mashkova — PhD (OSU, Russia);

Olga V. Mikhailova — DSc (Political Science) (MSU, Russia);

Nikolay P. Narbut — DSc (Sociological Sciences) (RUDN, Russia);

Vladimir S. Osipov — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Egor M. Osipov — DSc (Sociological Sciences) (MSU, Russia);

Maria V. Pevnaya — DSc (Sociological Sciences) (MSU, Russia);

Oxana A. Polyushkevich — PhD (ISU, Russia);

Svetlana S. Popova — PhD (MSU, Russia);

Alexander V. Sidorov — DSc (History) (MSU, Russia);

David Van Slyke — PhD (Syracuse University, USA);

Natalia V. Smakotina — DSc (Political Science) (MSU, Russia);

Alexander I. Solovyev — DSc (Political Science) (MSU, Russia);

Maxim A. Storchevoy — PhD (Political Science) (MSU, Russia);

Larisa G. Sudas — DSc (Philosophy) (MSU, Russia);

Maria A. Sukhareva — PhD (MSU, Russia);

Ekaterina A. Ugnich — PhD (DSTU, Russia);

Aleksandr S. Voronov — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Maria V. Fedko — PhD (MSU, Russia).

The journal is officially registered with the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation. International serial number of the magazine is ISSN 2070-1381.

“E-journal. Public Administration (Russia)” is included into RISC (Russian Index of Scientific Citation) and a Higher Attestation Commission (VAK) list.

The goal of “E-journal. Public Administration (Russia)” is to use the possibilities of Internet to promote cutting-edge theoretical and practical developments in public, municipal and corporate administration. All issues are available on the website: ee-journal.spa.msu.ru/.

The articles published in the journal are available on the basis of Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Address: 119992, Moscow, Lomonosovskiy prospekt 27/4, room A-701. Telephone: + 7 (495) 930-85-71.
E-mail: ee-journal@spa.msu.ru

Содержание

Глобальное управление
Global governance

Никонов Вячеслав Алексеевич

Специальная военная операция и новый миропорядок 7

Vyacheslav A. Nikonov

Special Military Operation and New World Order

Экономические вопросы управления
Economic issues in administration

Восколович Нина Александровна

Особенности трансформации сферы услуг в новой экономической реальности 35

Nina A. Voskolovich

Features of Service Sector Transformation in New Economic Reality

Евстафьева Юлия Валерьевна

Специальные инвестиционные контракты нового поколения — СПИК 2.0: особенности использования и перспективы 49

Yulia V. Yevstafyeva

Special Investment Contracts of New Edition — SPIC 2.0: Features of Use and Perspectives

Трофимов Сергей Евгеньевич

Государственная политика импортоопережения в нефтегазовом комплексе России 62

Sergey E. Trofimov

State Policy of Import Advance in the Russian Oil and Gas Complex

Проблемы управления: теория и практика
Administrative issues: theory and practice

Постикэ Надежда Борисовна

Постсоветская историография государственной деятельности в сфере развития сельского хозяйства в Российской империи в XIX в. 78

Nadezhda B. Postike

Post-Soviet Historiography of State Activity in the Field of Agricultural Development in the Russian Empire in the 19th Century

Скворцов Евгений Алексеевич

Реформа в структуре командного состава итальянских вооруженных сил в середине 1950-х гг. (проект Раффаэле Кадорны) 91

Evgeny A. Skvortsov

Reform in the Structure of Command Staff of the Italian Armed Forces in the Mid-1950s (Raffaele Cadorna's Project)

**Региональная экономика
Regional economy**

Леонтьева Лидия Сергеевна ; Проскурнова Ксения Юрьевна
Оценка пространственного развития Волжских регионов..... 106

Lidia S. Leontieva; Ksenia Yu. Proskurnova
Assessment of Spatial Development of the Volga Regions

Малашенков Борис Михайлович; Петрянин Владислав Валерьевич
Проблемы пространственного развития трансграничных регионов..... 115

Boris M. Malashenkov; Vladislav V. Petryanin
Problems of Spatial Development of Cross-Border Regions

Шпакова Раиса Николаевна; Городецкий Дмитрий Игоревич
**Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации:
мониторинг и контроль реализации..... 131**

Raisa N. Shpakova; Dmitriy I. Gorodetskiy
**Socio-Economic Development Strategies of the Russian Federation Regions: Implementation
Monitoring and Control**

**Государственное и муниципальное управление
Public and municipal administration**

Кононкова Наталья Петровна; Михайленко Диана Александровна
**Новая структура и функции государственного сектора России перед лицом глобальных
вызовов..... 144**

Natalia P. Kononkova; Diana A. Mikhailenko
New Structure and Functions of State Sector in Russia in Face of Global Challenges

Шимук Ольга Владимировна
**Устойчивое развитие сельских территорий: проблемы направления государственного
регулирующего..... 161**

Olga V. Shimuk
Sustainable Development of Rural Areas: Problems and Directions of State Regulation

**Стратегия цифровой экономики
Digital economy strategies**

Ведута Елена Николаевна ; Ерицын Григор Артурович
**Кибернетическое планирование в системе обеспечения экологической и
экономической безопасности 175**

Elena N. Veduta ; Grigor A. Eritsyayn
Cybernetic Planning in the System of Environmental and Economic Security

Коновалов Максим Анатольевич
Цифровые компетенции специалиста по подбору персонала 188

Maxim A. Konovalov
Digital Competencies of a Recruiter

**Подготовка управленческих кадров
Administration personnel training**

Зайцева Татьяна Вячеславовна; Суворова Анна Александровна

Организационная поддержка, стимулирующая сотрудников научно-исследовательских организаций к защите диссертационных работ в формате соискательства205

Tatiana V. Zaytseva ; Anna A. Suvorova

The Organizational Support That Encourages Employees-Applicants of Research Organizations to Defend Scientific Papers

Цзоу Синьюй

Инновационная деятельность университетов в современном Китае233

Zou Xinyu

Innovation Activities of Universities in Modern China

Глобальное управление
Global governance

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-99-7-34

Специальная военная операция и новый миропорядок

Никонов Вячеслав Алексеевич

Доктор исторических наук, декан факультета государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: Nikonov@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: 3908-7388

Аннотация

Статья посвящена анализу влияния Специальной военной операции на трансформацию современного мирового порядка. Отмечается, что за последние полтора года в международной и российской политике произошли тектонические изменения. В основе текущего геополитического кризиса лежит стремление Соединенных Штатов Америки сохранить свое глобальное доминирование в условиях, когда их экономические, политические и моральные позиции заметно ослабли на фоне подъема новых центров силы. Вашингтон взял курс на жесткое противостояние с государствами, способными бросить вызов американской гегемонии, прежде всего с Россией и Китаем. Для Москвы нарастающая конфронтация с Западом во главе с США приняла форму опосредованной войны с блоком НАТО на территории Украины. В исследовании отдельно рассматриваются причины и последствия западных санкций, в ходе которых произошло столкновение реальной экономики России и во многом виртуальной экономики недружественных стран, при этом фиксируется бесперспективность попыток подобного незаконного санкционного давления. Анализу также подвергается характер реакции ведущих центров современного мира — США, европейских держав, Китая, Индии, мусульманских государств, стран Африки и Латинской Америки — на развитие событий на Украине в 2022–2023 годах. Автор приходит к выводу, что СВО стала схваткой за создание нового, более справедливого и подлинно многополярного мира, в ходе которой подавляющее большинство человечества отказалось поддерживать агрессивную антироссийскую политику коллективного Запада. Указывается, что главным геополитическим изменением, вызванным Специальной военной операцией, стало завершение периода тотального доминирования государств «золотого миллиарда» и де-факто наступление многополярности. Россия же подтвердила статус не только ключевой региональной, но и глобальной державы.

Ключевые слова

Геополитика, мировой порядок, Специальная военная операция, санкции, Россия, США, Китай, Индия, исламский мир, Африка, Европейский союз, НАТО, БРИКС, ШОС, СНГ, ЕАЭС.

Special Military Operation and New World Oder

Vyacheslav A. Nikonov

DSc, Dean of School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Nikonov@spa.msu.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of Special Military Operation impact on the transformation of the modern world order. It is noted that over the past year and a half, tectonic changes have taken place in international and Russian politics. The current geopolitical crisis is based on the aspiration of the United States of America to maintain its global dominance in conditions when its economic, political and moral positions have noticeably weakened amid the rise of new centers of power. Washington has embarked on a tough confrontation with states capable of challenging American hegemony, primarily with Russia and China. For Moscow, the growing confrontation with the West, led by the United States, took the form of an indirect war with the NATO on the territory of Ukraine. The study separately examines the causes and consequences of Western sanctions, during which the real economy of Russia and the largely virtual economy of unfriendly countries and territories collided, while the futility of attempts at such illegal sanctions pressure is noted. The analysis also examines the nature of the reaction of the modern world leading centers — the United States, European powers, China, India, Muslim states, African and Latin American countries to the Ukrainian crisis. The author comes to the conclusion that Special Military Operation has become a struggle for the creation of a new, more just and truly multipolar world, during which the overwhelming majority of humanity refused to support the aggressive anti-Russian policy of the collective West. It is indicated that the main geopolitical change caused by the Special Military Operation was the end of the period of total dominance of the United States and its allies in world politics and the de facto onset of multipolarity. Russia has confirmed the status of not only a key regional, but also a global power.

Keywords

Geopolitics, World order, Special Military Operation, Sanctions, Russia, USA, China, India, Islamic world, Africa, European Union, NATO, BRICS, SCO, CIS, EAEU.

Введение

Хронологическое и историческое начало века может не совпадать. Исторический XX век ученые согласились начинать с августа 1914 года. Есть все основания полагать, что историки будущего начнут отсчет исторического XXI века с февраля 2022 года, резко изменившего судьбы нашей страны и всего мира.

С начала 2022 года в мировой и российской политике произошли тектонические изменения, связанные с кризисом вокруг Украины. Нараставшая конфронтация с Западом приняла форму опосредованной войны России с США и НАТО на территории Украины. Эта война вписывается в сложный процесс смены мирового порядка, в основе которого — сдвиг центра экономической мощи из Евро-Атлантического региона в Индо-Тихоокеанский. Суверенная Россия связывает свою судьбу с опорой на собственные силы и на мировое большинство.

Мир начала 2020-х годов и кризис вокруг Украины

В основе разразившегося геополитического кризиса лежало стремление Соединенных Штатов сохранить свое глобальное доминирование в условиях, когда их экономические, политические, моральные позиции заметно слабели на фоне подъема новых центров силы. США взяли курс на ослабление и подрыв государств, способных бросить вызов их гегемонии, прежде всего России и Китая.

Постоянно усиливая давление на нашу страну, США и их европейские вассалы ускоренно продвигали военную инфраструктуру НАТО к нашим границам, хотя это было прямо запрещено Основополагающим актом Россия — НАТО 1997 года. Против России по надуманным предложениям вводились все новые и новые «санкции», велась непрекращающаяся экономическая и информационная война.

Военная активность Североатлантического альянса увеличилась в разы. В качестве ударного кулака Запада, нацеленного против России, использовалась Украина, оказавшаяся в годы президентства Порошенко и Зеленского под полным внешним управлением со стороны Вашингтона. На территории Украины размещались американские и британские военные объекты, военные инструкторы НАТО готовили ее вооруженные силы к ведению военных действий против Донецкой и Луганской народных республик, против нашей страны. Министерством обороны США на территории Украины были созданы свыше 30 биологических лабораторий, где шла работа над созданием компонентов биологического оружия, запрещенного международными конвенциями.

Западные страны и местные националистические круги проводили усиленную идеологическую обработку в антироссийском ключе. Украину превращали в плацдарм для нападения НАТО на нашу страну.

Москва выдвинула серию предложений, которые были призваны нормализовать отношения с Западом: не приближать западные войска и вооружения к границам нашей страны; не производить расширение НАТО на восток, как обещали лидеры всех западных стран в конце 1980-х – начале 1990-х годов; воздержаться от приема в НАТО Украины; вывести размещенное в Европе американское тактическое ядерное оружие на национальную территорию.

В январе 2022 года в Москве стало известно о подготовке на начало марта широкомасштабной военной операции по захвату Донбасса и Крыма украинскими войсками при западной поддержке. Главы народных республик приняли решение начать эвакуацию населения и обратились за помощью к Москве.

14 февраля министр иностранных дел Сергей Викторович Лавров доложил Президенту РФ Владимиру Владимировичу Путину смысл ответа США на российские предложения по безопасности: высокомерный отказ, который нас удовлетворить не может¹; 15 февраля

¹ Путин спросил Лаврова, есть ли шанс договориться с США и НАТО // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/02/14/putin-sprosil-lavrova-est-li-shans-dogovoritsia-s-ssha-i-nato.html> (дата обращения: 15.07.2023).

Государственная Дума проголосовала за немедленное обращение к Президенту с просьбой рассмотреть вопрос признания ДНР и ЛНР; 21 февраля Путин подписал указы о признании ДНР и ЛНР.

Президент Украины Зеленский 19 февраля заявил о готовности Украины отказаться от выполнения условий Будапештского меморандума, то есть начать создание собственного ядерного оружия. Таким образом, военные угрозы, исходившие от Украины и НАТО, обрели комплексный характер, включая как вооружение и подготовку ее армии под западным руководством к войне против России, так и к применению оружия массового уничтожения [Григорьев и др. 2022, 628–629].

В 6 утра 24 февраля началась специальная военная операция (СВО): российские войска вошли на территорию Украины.

Непосредственными задачами специальной военной операции стали избавление ДНР и ЛНР от ежедневных обстрелов, обеспечение их суверенитета в соответствии с волей их народа. Целями операции стали также *демилитаризация* Украины, то есть предотвращение ситуации, когда ее вооруженные силы и размещенные на ее территории иностранные войска и вооружения могли бы представлять угрозу для Российской Федерации. И *денацификация*, то есть уничтожение на Украине нацистских вооруженных формирований и организаций, искоренение насаждавшейся там фашистской идеологии.

Но у нашей СВО был и куда более глубокий, вселенский, эсхатологический смысл. Об этом хорошо написала Наталия Алексеевна Нарочницкая: «Логика исторического развития двух противоположных векторов — западного апостасийного, либертаристского, антигуманистического по своей сути, разрушающего христианские и богоданные константы человеческой цивилизации и того проекта сохранения и развития традиционных ценностей и социального государства, с которыми выступает Россия, не могли не прийти в противоречие... Полем столкновения предсказуемо стала историческая земля Русского мира, брошенная элитой нынешней Украины в горнило мирового цивилизационного конфликта» [Нарочницкая 2023, 3].

СВО стала схваткой за создание нового, более справедливого, более плюралистического и многоцветного мира, за возвращение мировому большинству, которое раньше Запад подавлял, грабил и унижал, свободы, достоинства, суверенитета и справедливой доли в мировом богатстве.

Наша страна, как это и бывало неоднократно в отечественной истории, сплотилась для противодействия внешним вызовам, в поддержку своих Вооруженных Сил и целей освободительной военной операции.

Рейтинг одобрения политики Президента Путина впервые поднялся до 80%. На новый уровень поднималось патриотическое сознание.

Заметно ускорился процесс национализации российских элит, вытеснения компрадорских настроений. Это происходило из-за эмиграции наиболее радикальных противников власти, воздействия внешних мер экономического давления и западной русофобии, которые вызвали эффект «наших бьют». Начался постепенный отход от культурно-интеллектуальной вестернизации, привычки воспринимать события сквозь призму западных источников информации, опираться на оценки и теории, идущие с Запада².

² Уроки истории и образ будущего: размышления о внешней политике России // Международная жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/36410> (дата обращения: 15.07.2023).

Суверенность России была подчеркнута ее выходом из Совета Европы, давно превратившегося в инструмент шельмования России³. Москва заявила о выходе из Совета Европы 16 марта 2022 года, а в феврале 2023 года формально вышла из конвенций, открытых для государств – членов Совета Европы.

Западная помощь режиму Зеленского, беспрецедентные экономические санкции не сломили стойкость России в достижении целей специальной военной операции, решимость наших Вооруженных Сил добиться победы, стремления народа Юго-Востока Украины к воссоединению с исторической Родиной, к избавлению от гнета антинародного киевского режима.

С 23 по 27 сентября 2022 года в Донецкой и Луганской народных республиках, в Запорожской и Херсонской областях прошли референдумы по вопросу вхождения в состав России. В Кремле 30 сентября Путин и руководители четырех регионов подписали договоры о вхождении в Российскую Федерацию. Таким образом число субъектов Российской Федерации выросло до 89. Азовское море стало для нас внутренним, появился сухопутный коридор в Крым.

Западные санкции и Российская Федерация

С начала СВО на саммитах НАТО, ЕС, «Большой семерки» теперь уже открытым текстом заговорили о том, что раньше предпочитали слегка скрывать, — об уничтожении России как своей главной цели. Западные страны массированно поддержали агонизировавший киевский режим оружием и деньгами.

На Западе началось гонение на все российское: во многих местах студентов из нашей страны выгоняли из университетов, запрещали преподавание произведений Достоевского, исполнение шедевров Чайковского, отменяли концерты Гергиева и Мацуева, других представителей высокого искусства.

Против России было введено большее количество санкций, чем против всех других стран мира за всю историю, и санкционные пакеты только продолжают множиться. Точнее, речь шла о беспрецедентных незаконных мерах экономического удушения и шантажа: санкции против тех или иных стран в соответствии с нормами международного права имеет полномочия вводить исключительно Совет Безопасности ООН. Ограничительные меры коснулись ключевых секторов российской экономики, включая финансы, энергетику, черную металлургию, добывающий сектор, электронику, машиностроение, транспорт. Были использованы финансовые санкции, запреты на инвестиции, контроль экспорта и импорта, транспортная блокада, визовые ограничения. Под санкциями оказались тысячи российских граждан и предприятий. Правительственные ограничения сочетались с корпоративным бойкотом российского рынка большим числом зарубежных компаний или приостановкой их деятельности в России.

Соединенные Штаты, Великобритания и Евросоюз заблокировали подавляющее большинство крупных российских банков, их отключили от системы передачи финансовых сообщений SWIFT. Были запрещены операции с российским суверенным долгом, ограничены операции с Банком России, Минфином и Фондом национального благосостояния, введены запреты на инвестиции в Россию. В прямое нарушение любых юридических норм замораживалась значительная часть наших золотовалютных резервов, номинированная в долларах и евро. Российская собственность в западных странах подвергалась конфискации. Представления о незыблемости права частной собственности, которое ранее на Западе объявлялось фундаментальным, оказались выброшенными на свалку истории.

³ Выход всегда есть. Итоги пребывания России в Совете Европы // Международная жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2647> (дата обращения: 15.07.2023).

Россия столкнулась с масштабными транспортными ограничениями: запрещался доступ в морские порты и воздушное пространство большинства западных стран, вводились санкции в отношении воздушных судов и их технического обслуживания. Торговые ограничения включали в себя запрет на поставки в Россию высокотехнологичных товаров и продукции двойного назначения. Импортные ограничения были направлены на вытеснение с рынков западных стран основных товаров российского экспорта — ископаемого топлива, продукции черной металлургии. То есть страны Запада разорвали с Россией нормальные торговые отношения. В истории самой России близким прецедентом является лишь блокада времен Гражданской войны 1918–1920 годов [Тимофеев 2022, 136, 146–149].

Угроза вторичных санкций со стороны США во многих случаях оказалась фактором, определяющим и ограничителем для незападных стран в развитии экономического и иного сотрудничества с Москвой.

Полагали, что ущерб для нашей экономики будет катастрофическим. Президент США Джозеф Байден предрекал, что Россия вернется в XIX век, прогнозы падения ВВП варьировались от 9 до 20% в 2022 году. Открыто ставились цели «разорвать в клочья» российскую экономику, вызвать у нас голод и товарный дефицит, породить возмущение людей, массовые протесты, добиться свержения правительства и развала России на части.

Они явно просчитались.

Вашингтонский Институт международных финансов оценил санкционную политику против России как провал по двум основным направлениям санкционного удара: ограничения против финансового сектора и эмбарго на экспорт в Россию товаров и услуг. Эффект банковских санкций против страны, которая не зависит от глобальных финансовых рынков, а, наоборот, выступает нетто-кредитором по отношению к мировой экономике, минимален. Накопление иностранных активов переместилось из подсанкционных банков в неподсанкционные. А сценарий санкций в отношении абсолютно всех российских банков был бы равносителен энергетическому эмбарго, поскольку Россия не стала бы экспортировать нефть и газ без возможности получать за это плату. В итоге Россия продолжала получать валюту и сохраняла возможность обеспечивать свой импорт. Торговые санкции также оказались неэффективны из-за параллельного импорта: экспортные потоки из Германии, Японии и США в такие страны, как Казахстан, Грузия, Белоруссия и Турция, многократно выросли⁴.

Российская экономика выстояла во многом благодаря правительственным мерам по стабилизации финансовой системы, поддержке отечественной промышленности, импортозамещению, использованию национальных валют в международных расчетах. Страна обрела финансовый суверенитет. Задолго до 2022 года российские финансовые власти сумели выстроить национальную платежную систему, технически независимую от внешних игроков. В сочетании с «пожарными» действиями Банка России, Минфина и других ведомств это позволило сохранить финансовую стабильность.

Свою роль сыграл и вызванный самими санкциями взлет цен на энергоносители. Он также поддержал курс рубля, а отчасти компенсировал утрату западных рынков. Рост цен на сырье, а также невозможность мгновенного отказа от российских товаров без неприемлемого ущерба странам – инициаторам санкций также давало Москве время для реализации экстренных мер.

⁴ Американские эксперты признали провал санкций против России // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/05/19/975792-amerikanskie-eksperti-priznali-proval-sanktsii-protiv-rossii> (дата обращения: 15.07.2023).

Произошло столкновение двух экономик — реальной экономики России, опирающейся на огромные природные ресурсы, развитую промышленность, мощный аграрный сектор, военно-промышленный комплекс, огромный интеллектуальный потенциал; и экономики по большей части виртуальной, основанной на высасывании прибылей от зарубежных инвестиций, в том числе и в нашу страну, надутых финансовых пузырей и фондовых индексах, эмиссии мало чем обеспеченных валют.

Выяснилось, что западные страны уже не могут предложить ничего позитивного, а способны только вводить все новые и новые незаконные санкции, от которых сами же и страдали.

Результатом их санкций стал скачок цен на бензин, электроэнергию, все виды сырья и продукты питания, увеличение транспортных расходов, что сделало нерентабельной работу большого количества промышленных предприятий, сельское хозяйство осталось без производимых в России и Белоруссии удобрений. Во всех странах ЕС наблюдались движения протеста против роста стоимости жизни, закрытия предприятий. Кроме того, нашими ответными мерами были заморожены активы западных компаний в России, введены масштабные персональные санкции.

Началась и деолларизация мировой экономики. После заморозки российских золотовалютных резервов, когда доллар, евро, американские и европейские государственные облигации перестали быть надежными средствами сбережения и вложения ресурсов, увеличилось стремление незападных стран осуществлять свои расчеты в собственных валютах. Роль доллара и евро как основных резервных валют заметно пошатнулась.

Оказалось, что нашими основными слабостями были связи с западными странами и зависимость от них. Теперь Россия вновь училась жить без Запада, становясь от этого только сильнее.

По итогам 2022 года ВВП России сократился лишь на 2,1%. При этом безработица снизилась до 3,7%. Впервые в истории было построено более 100 млн м² жилья. Доля российского рубля в наших международных расчетах за год удвоилась и составила одну треть, а вместе с валютами дружественных стран — уже больше половины⁵.

В 2022 году профицит платежного баланса России установил рекорд — 227 млрд долларов. Это стало следствием введенных против нас санкций, которые, с одной стороны, сократили импорт в страну, а с другой — привели к резкому удорожанию нефти и нефтепродуктов в первой половине года. Сыграла свою роль и блокировка иностранных ценных бумаг россиян, как и запрет на вывод резидентами недружественных стран своих инвестиций и активов из России, установленный в ответ на заморозку международных резервов страны.

Доля недружественных стран в товарном экспорте России сократилась с 58% до 35%. Импорт из США уменьшился в 3,7 раза, из стран ЕС — в 1,6 раза. Основным поставщиком товаров в РФ стал Китай, доля которого в российском импорте выросла с 25% до 34%⁶.

Из-за санкций и подрыва газопроводов «Северный поток» Россия снизила экспорт трубопроводного газа. При этом обеспечен рост производства, экспорта сжиженного природного газа на 8%, который достиг 46 млрд кубометров газа в год. Поставки по газопроводу «Сила Сибири» в Китай составили рекордные 15,5 млрд кубометров. Добыча нефти в 2022 году

⁵ Владимир Путин выступил с Посланием Федеральному Собранию: Мы должны обеспечить право России быть сильной // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/02/21/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-s-poslaniem-k-federalnomu-sobraniiu.html> (дата обращения: 15.07.2023).

⁶ Сценарий лучше худшего. Как Россия справилась с макроэкономическими проблемами, возникшими после 24 февраля 2022 года // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/02/27/63f204ec9a794789ef65aec> (дата обращения: 15.07.2023).

составила 535 миллионов тонн, или на 2% больше, чем годом ранее. При этом экспорт нефти вырос на 7%, а доходы бюджета от нефтегазовой отрасли увеличились на 28%, или на 2,5 трлн рублей⁷.

Введение западными странами так называемого «потолка цен» на российскую нефть привело лишь к отказу России поставлять нефть странам, согласившимся соблюдать этот «потолок»⁸.

В июне 2023 года Правительство рассмотрело отчет об исполнении бюджета страны за предыдущий год. «Несмотря на то что внешние ограничения были достаточно серьезными, мы все плановые задачи реализовали, — подчеркнул председатель Правительства Михаил Владимирович Мишустин. — Федеральный бюджет сохранил свою сбалансированность, а многие показатели улучшились». Отдельно премьер выделил снижение на 10% внешнего долга России⁹.

Россия продолжала укреплять свой технологический суверенитет. Перестраивалось внутреннее производство, что позволило сократить зависимость ИКТ-отрасли от иностранной продукции. С 1 января 2023 года органам государственной власти запрещалось использовать иностранное ПО на объектах критической информационной инфраструктуры¹⁰.

«Мотор» развития активно заработал внутри страны с опорой на собственные силы и дружественные страны.

21 февраля 2023 года Путин выступил с первым после начала СВО Посланием перед Федеральным Собранием. Президент уверенно дал понять, что страна способна добиться победы в СВО без заметного ущерба для российской экономики: «Оборона страны, конечно, важнейший приоритет, но, решая стратегические задачи в этой сфере, мы не должны повторять ошибок прошлого, не должны разрушать собственную экономику. У нас есть все для того, чтобы и безопасность обеспечить, и создать условия для уверенного развития страны. Именно в этой логике мы и действуем, и будем действовать дальше». Путин ясно дал понять, что конфликт на Украине и ядерный фактор находятся в одной плоскости: «Ни у кого не должно быть опасных иллюзий, что глобальный стратегический паритет может быть разрушен»¹¹.

Приостановка Россией участия в ДСНВ была оформлена законодательно. На практике это означает, что Москва более не допускает американских инспекторов к осмотру своих военных объектов, не соглашается на проведение заседаний двусторонней консультативной комиссии по договору и не отправляет США данные о состоянии своих стратегических ядерных сил. При этом Россия заявила о готовности и далее придерживаться количественных ограничений, предусмотренных ДСНВ, а также продолжать заранее уведомлять США о пусках своих межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет с подводных лодок¹².

⁷ В правительстве обсудили рост нефтегазовых доходов бюджета России на 28 процентов // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/01/16/istochniki-energii.html> (дата обращения: 15.07.2023).

⁸ Георгий Бовт: Не надо падать раньше выстрела. Чем ответит Россия на ценовой потолок по нефти // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/12/12/georgij-bovt-ne-nado-padat-ranshe-vystrela-chem-otvetit-rossiya-na-cenovoj-potolok-po-nefti.html> (дата обращения: 15.07.2023).

⁹ Михаил Мишустин: Важно сохранить темпы исполнения бюджета // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/06/13/finansy-v-planovom-poriadke.html> (дата обращения: 15.07.2023).

¹⁰ Технологический суверенитет как современный гарант киберстабильности // Международная жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2775> (дата обращения: 15.07.2023).

¹¹ Владимир Путин выступил с Посланием Федеральному Собранию: Мы должны обеспечить право России быть сильной // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/02/21/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-s-poslaniem-k-federalnomu-sobraniuu.html> (дата обращения: 15.07.2023).

¹² Ничто не вечно под войной // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5888929> (дата обращения: 15.07.2023).

15 мая 2023 года Государственная Дума проголосовала также за денонсацию Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), который давно утратил свою актуальность и не был даже ратифицирован в своей модифицированной версии ни одним западным государством¹³.

Тектонические изменения в геополитике нашли отражение в новой Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 марта 2023 года. Там подчеркивалось: «В целях содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

- устранению рудиментов доминирования США и других недружественных государств в мировых делах, созданию условий для отказа любого государства от неокOLONиальных и гегемонистских амбиций;
- укреплению потенциала и повышению международной роли межгосударственного объединения БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), РИК (Россия, Индия, Китай) и других межгосударственных объединений и международных организаций, а также механизмов с весомым участием России»¹⁴.

Заметно усиливаются идеологические начала российской внешней политики. Так, впервые в Концепции используются такие понятия, как Русский мир, российская цивилизация. Впервые фигурирует понятие русофобии, противодействие которой также становится приоритетным направлением внешней политики.

СВО и недружественные страны

7 марта 2022 года Правительство РФ утвердило «перечень иностранных государств и территорий, совершающих в отношении России недружественные действия», куда вошли все страны, которые ввели антироссийские санкции.

В списке 48 государств и территорий: Австралия, Албания, Андорра, Великобритания, страны Европейского Союза, Исландия, Канада, Лихтенштейн, Микронезия, Монако, Новая Зеландия, Норвегия, Республика Корея, Сан-Марино, Северная Македония, Сингапур, США, Тайвань (Китай), Украина, Черногория, Швейцария, Япония. Напомним, в состав Евросоюза входят: Австрия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швеция и Эстония. Эти страны и составляют западный «золотой миллиард».

Провоцирование кризиса вокруг Украины, наращивание враждебности к России — важнейшие элементы попыток Запада не только удержать свою доминирующую позицию, но и оголить тыл главного стратегического соперника предстоящих десятилетий — Китая. Россия важна как враг, для борьбы с которым нужно объединяться, для обоснования «права» западных элит на сохранение власти над миром в условиях исчерпанности собственной модели развития. В этом смысле конфликт экзистенциален для нынешнего западного истеблишмента, но не для народов стран Запада, которые не заинтересованы ставить на кон свои жизни.

¹³ Сергей Рябков: Запад пошел по пути конфронтации с Россией // Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/sergey-ryabkov-zapad-poshel-po-puti-konfrontacii-s-rossiey.html> (дата обращения: 15.07.2023).

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 15.07.2023).

В контексте СВО стало очевидно, что способность Киева продолжать борьбу является производной от готовности Запада предоставлять ей значительную военную и экономическую поддержку. Исчерпание имевшихся на начало кампании гигантских запасов советской военной техники и боеприпасов, финансовый коллапс киевского режима означали, что и военные усилия Украины, и ее существование полностью обуславливаются готовностью Запада ее обеспечивать.

США четко определили свои стратегические цели в конфликте — нанесение стратегического поражения России, то есть такое политическое, военное и экономическое ослабление нашей страны, которое устранил ее из числа значимых составляющих мирового баланса сил. Достигнуть этой цели предполагалось за счет провоцирования экономической и политической дестабилизации России под совокупным влиянием санкций, пропагандистской кампании и военных потерь [Кашин 2023, 10–12].

Недружественные страны сделали ставку не просто на сдерживание, а на уничтожение российского государства. Война не перерастает в прямую военную конфронтацию только из-за наличия у Российской Федерации мощного ядерного потенциала.

На поддержку киевского режима были брошены десятки миллиардов долларов (больше 170 млрд на середину 2023 года), огромное количество самого современного западного вооружения, дальнобойных средств поражения, уничтожающих мирные кварталы на Донбассе, наносящих удары по территории России. Запад выступил, по сути, стратегическим тылом режима Зеленского, надеясь заставить Киев вести военные действия «до последнего украинца». Внешняя помощь киевскому режиму не позволяла ему кардинально изменить соотношение сил на поле боя, которое неумолимо смещалось в пользу наших Вооруженных Сил.

Русофобски настроенный коллективный Запад по-прежнему силен. В его лице мы имеем опасного, мотивированного и все еще сильного соперника, располагающего передовым военно-техническим потенциалом, контролирующего значительную часть глобальных рынков, финансовых ресурсов, логистических цепочек и информационных потоков. Деграция международных институтов открывает возможности для игры без правил и переписывания правил.

Известный британский историк Ричард Саква справедливо подчеркивает: «По сути, политический Запад — герметичная система, игнорирующая призывы извне и подрывающая возможности дипломатии, которая по определению предполагает диалог и компромиссы. Это манихейский мир, упрощающий сложные вопросы. Компромиссы и прагматичный подход в государственных делах и политических суждениях исключены, потому что воспринимаются как предательство, но такой ригоризм делает невозможным принятие рациональных решений и подрывает безопасность. Любое сомнение относительно целей и перспектив политического Запада считается вызовом единству союзников и попыткой вбить клин между частями атлантической системы. Укрепление единства блока становится самоцелью, даже если последствия оказываются разрушительными. Все это обусловлено мощным ощущением собственной исключительности, в результате благие намерения приводят к дурному исходу» [Саква 2023, 39].

При этом очевидно, что западная модель глобализации 1980–2000-х годов приказала долго жить, неолиберальная экономическая политика рушится на глазах в масштабах всего мира, размываются этические основы бизнеса. Фрэнсис Фукуяма утверждает: «Начиная с конца 1970-х годов экономический либерализм эволюционировал в то, что сейчас называют неолиберализмом, что драматически увеличило экономическое неравенство и принесло с собой разрушительные финансовые кризисы, которые навредили простым людям гораздо больше, чем богатым элитам

во множестве стран по всей планете. Именно это неравенство лежит в основе прогрессистских возражений против либерализма и капиталистической системы, с которой он ассоциируется» [Fukuyama 2022, IX].

Произошла утрата Западом военного превосходства — основного фактора его доминирования в политике, экономике, культуре на протяжении последних веков.

Соединенные Штаты находятся в состоянии обостряющейся экономической, политической и социальной нестабильности. Американское лидерство оказалось под большим вопросом. Налицо все больше признаков заката американской империи.

США оказались в долговой ловушке. Государственный долг достиг колоссальной отметки в 36 трлн долл., а совокупный долг федерального правительства, правительств штатов, муниципалитетов и домохозяйств превысил 192 трлн долларов. Нуриэл Рубини, известный американский экономист, считающийся и лучшим прогнозистом, утверждает: «Сумма государственного и частного долга в Соединенных Штатах во время нынешнего восстановления, происходящего в мирное время, превысила свои пики времен Великой депрессии или роста долга во время Второй мировой войны; но сегодня нет ни депрессии, ни крупной войны. Это зловещая и беспрецедентная тенденция» [Rubini 2022, 69]. Долговая ловушка становится все более опасной по мере ослабления доверия к доллару и финансовым инструментам, эмитируемым американским правительством.

У США сохраняются возможности создать большие проблемы любой стране. Но Америка как пример... В чем? Летом 2022 года, по опросу «Гэллапа», 87% американцев считали, что страна движется в неверном направлении¹⁵. Соединенные Штаты, ранее имевшие лучшую инфраструктуру в мире, опустились на 16-место в соответствующем рейтинге Мирового экономического форума¹⁶. Уровень жизни средних американцев не повышается с 1980-х годов.

Тема паралича американской политической системы стала уже общим местом в трудах аналитиков. США, по мнению авторитетных политологов, отстают от остального мира в таких аспектах, как эффективность политической системы, ясность законов, достаточность регулирования, эффективность правовой системы [Ferguson 2012, 100–108]. В исследовании конкурентоспособности Всемирного экономического форума США оказались на 76-м месте по «времени государственного регулирования».

Исчезновение консенсуса по ключевым социально-экономическим и морально-этическим вопросам парализует политический механизм США, партийно-политическая система поляризована как никогда со времен Гражданской войны 1861–1865 годов, что препятствует принятию адекватных политических решений. Доверие к американскому правительству, к президенту — на исключительно низком уровне и только падает. За первые два года пребывания Байдена у власти республиканцы в конгрессе девять раз вносили проекты резолюций о его импичменте¹⁷. Фактически в настоящее время Байден поддерживает исключительно идеологическое ядро демократической партии, которому важна не личность президента, а сама партийная принадлежность.

Главное — водораздел между партиями и электоратами прошел по вопросам веры и морали, по которым в принципе компромисса быть не может. Вера и мораль бескомпромиссны, а это предвещает еще большую и долговременную политическую поляризацию Америки.

¹⁵ Кризис политических элит в США: тенденции и перспективы // Международная жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2717> (дата обращения: 15.07.2023).

¹⁶ Fukuyama F. Too Much Law and Too Little Infrastructure // American Interest [Электронный ресурс]. URL: <https://www.the-american-interest.com/2016/11/08/too-much-law-and-too-little-infrastructure/> (дата обращения: 15.07.2023).

¹⁷ Смогут ли республиканцы превратить остаток президентства Джо Байдена в череду импичментов // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/10/03/kliuch-v-palate.html> (дата обращения: 15.07.2023).

Поляризация находит свое выражение и в том, что после выборов 2022 года в 37 штатах одна из партий контролирует одновременно и пост губернатора, и обе палаты легислатуры. Это вдвое больше, чем в 1992 году¹⁸.

Президент Байден даже не пытается искать зоны сотрудничества с республиканцами и все чаще прибегает к риторике леворадикального популизма, провоцируя самую настоящую «борьбу классов» в стиле XIX века. Столкновение леворадикального и праворадикального популизма в перспективе порождает и призрак новой гражданской войны.

Соединенные Штаты традиционно позиционировали себя как образцовый «плавильный котел», в котором в единую американскую нацию переплавлялись выходцы из разных стран и культур. Но все чаще говорят о «культурной и политической фрагментации», «эрозии национальной идентичности». Америка перестала быть страной белых христиан: их доля в населении упала с 54% в 2008 году до 40% сейчас. Многие белые, особенно на Юге, считают, что черные, иммигранты, женские активистки и геи отнимают у них американскую мечту. Быстро растет неравенство по расовой линии: 72% черных детей рождаются вне семьи, причем почти всегда речь идет о действительно одиноких матерях.

При этом сферой исключительных американских интересов в Вашингтоне по-прежнему считают весь мир.

Главные объекты сдерживания для США на обозримую перспективу — Россия как основной вызов в военно-стратегической сфере и Китай как вызов экономический, геополитический и даже цивилизационный. «Двойное сдерживание» России и Китая — это огромный американский стратегический просчет. Соединенные Штаты, похоже, сильно переоценивают свою мощь, прежде всего военную. Их огромный военный бюджет в большой степени «размазывается» на содержание восьми сотен военных баз более чем в 130 странах, пенсии, страховки и социальные выплаты отставным и действующим военнослужащим. При этом у США не так много боеготовых частей. За последние десятилетия они не выиграли ни одной войны. Вряд ли бомбардировки Белграда с последующей просьбой Милошевича о мире можно считать победой. Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Афганистан, Ирак, Ливия — это были скорее поражения.

Одновременно подавляющее большинство человечества устало от однополярного доминирования, которое скрывается за вывеской «либерального мирового порядка, основанного на правилах», неизвестно кем написанных.

Но администрация Байдена вовсе не думает о том, чтобы умерить геополитические амбиции США, что хорошо видно из принятых в 2022 году Национальной стратегии обороны и Стратегии национальной безопасности (СНБ), Обзора ядерной политики и Обзора политики в области противоракетной обороны.

Во введении в СНБ за подписью Байдена говорилось: «Во всем мире потребность в американском лидерстве столь же высока, как и всегда. Мы находимся в ситуации стратегической конкуренции за формирование будущего миропорядка... Отвечая на этот вызов, США будут лидировать, опираясь на наши ценности, работать рука об руку с нашими союзниками и партнерами и со всеми, кто разделяет наши интересы. Мы не оставим будущее уязвимым для прихотей тех, кто не разделяет наше видение мира как свободного, открытого, процветающего и безопасного».

¹⁸ To understand America's future, watch the four mega-states // The Economist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/the-world-ahead/2022/11/18/to-understand-americas-future-watch-the-four-mega-states> (дата обращения: 15.07.2023).

СНБ-2022 зафиксировала окончание постбиполярной эпохи, обострение противостояния «свободных стран» и «антидемократических сил». Китай определен как ключевая, а Россия как наиболее острая угроза национальной безопасности Соединенных Штатов и «свободному миру». Основной смысл — отказ от каких-либо изоляционистских тенденций времен Трампа, возвращение к укреплению отношений с союзниками.

Свежим проявлением стратегической мысли является концепция «проведения кампаний»: США будут в мирное время более прямо действовать против своих геополитических противников с помощью мер военного и невоенного характера. Важным элементом сдерживания противников США видят развитие военного и оборонного потенциала своих союзников [Тебин 2023, 99–113].

Хотя в выступлениях государственных деятелей США присутствует «политически корректная» риторика многополярности и многосторонности, де-факто администрация Байдена взяла курс на восстановление однополярного мира, причем в том виде, в котором он существовал в 1990-е годы. Вот только повернуть историю вспять слабеющая Америка уже не в состоянии.

В США существует консенсус в отношении необходимости скорейшей модернизации вооруженных сил, в первую очередь для обеспечения превосходства над Китаем. В связи с этим все чаще звучат голоса о нецелесообразности направления сил и ресурсов на сдерживание России и поддержку Украины, что только отвлекает от противостояния Пекину [Стефанович, Ермаков 2023, 36].

Украинский кризис позволил администрации Байдена затушевать провальное завершение собственной 20-летней спецоперации в Афганистане, сплотить коллективный Запад под американским руководством, оживить американский военно-промышленный комплекс. Широкие экспортные возможности открылись и перед энергетическими компаниями США, наращивающими поставки дорогого сжиженного природного газа в Европу¹⁹.

Наша СВО дала и «новую жизнь» НАТО: США потребовали от союзников резкого увеличения военной помощи Украине, роста военных расходов и закупок американских вооружений. Началось расширение сил передового развертывания в Восточной Европе. На техническом саммите НАТО 24 марта 2022 года было решено создать четыре новые батальонно-тактические группы (БТГ) в южной части региона — Словакии, Венгрии, Румынии и Болгарии. Параллельно США развернули мотопехотную бригаду с ядром в Румынии. Одновременно решили создать БТГ в каждой из стран Балтии и в Польше и разместить там же бронетанковую американскую бригаду.

Администрация Байдена пересмотрела планы Трампа по сокращению американского военного присутствия в ФРГ и увеличила численность своего военного присутствия в европейской части зоны ответственности с 80 до 100 тысяч военнослужащих [Трунов 2023, 72, 74].

Стратегические документы администрации Байдена видят «китайскую угрозу» и в глобальном масштабе, и в тайваньском вопросе, в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, на границе с Индией.

В отношениях с Китаем Вашингтон играет только на обострение, провоцируя торговые войны, вводя многочисленные санкции, создавая напряженность вокруг Тайваня. В мае 2022 года Байден в Токио на переговорах в рамках QUAD («Четверка» — США, Япония, Австралия, Индия) подтвердил готовность США применить силу для защиты Тайваня. В августе остров посетила спикер палаты представителей Нэнси Пелоси [Зуенко 2022, 233].

¹⁹ Судьба американского лидерства // НГ [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2022-11-13/9_8588_usa.html (дата обращения: 15.07.2023).

Во время встречи с Председателем КНР Си Цзиньпином на саммите «Двадцатки» на Бали 14 ноября 2022 года Байден объяснил, что Вашингтон собирается решительно конкурировать с Пекином, как укрепляя собственную мощь, так и сотрудничая с союзниками и партнерами по всему миру, но не доводя дело до конфликта. Си Цзиньпин в ответ подчеркнул, что Китай никогда не претендовал на изменение действующего миропорядка, не вмешивается во внутренние дела американцев, не собирается бросать им вызов или заменить их в роли мирового лидера. Но ожидает подобного подхода и от Вашингтона [Лукин 2023, 119–120].

В феврале 2023 года новый тур американско-китайского обострения был вызван появлением китайского метеорологического зонда в воздушном пространстве США. Назначенный на 5 февраля первый за много лет визит госсекретаря США в КНР сорвался²⁰.

Сейчас существует опасность переноса в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) принципов военного альянса, к тому же с участием европейских союзников, безопасности которых оттуда ничего не угрожает. Между тем заинтересовать европейские страны антикитайской повесткой пока полностью не удастся: Европа не видит для себя непосредственных угроз от Китая и успешно взаимодействует с ним в экономической сфере²¹.

Европейский Союз, сыгравший немалую роль в провоцировании украинского кризиса, сразу же занял жесткую и непримиримую позицию в отношении СВО. 24 февраля 2022 года председатель Европейского Совета Шарль Мишель совместно с главой Европейской комиссии Урсулой фон дер Ляйен выступил с заявлением об осуждении действий Москвы. В тот же день на заседании Европейского совета было принято заявление о поддержке территориальной целостности Украины, недопустимости использования военной силы и принят заранее подготовленный первый пакет антироссийских санкций. В Версале, где 10–11 марта состоялась неформальная встреча глав государств и правительств, политики ЕС выразили намерение увеличить расходы на оборону, расширить возможности ЕС по проведению специальных миссий и военных операций, сократить зависимость от поставок российских газа, нефти и угля [Этап специальной военной операции на Украине 2022, 8–11].

Резкое увеличение оборонных расходов весной 2022 года анонсировали ведущие страны Европы, реализация этих планов тормозится лишь финансовыми ограничениями и инерцией бюджетного процесса. 27 февраля 2022 года германский канцлер Олаф Шольц объявил, что в ближайшие годы «на нужды обороны» будет сформирован специальный фонд объемом около 100 млрд евро — примерно два годовых обычных оборонных бюджета ФРГ. Значительный рост оборонных расходов наблюдался в таких странах альянса, как Бельгия, Дания, Испания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Румыния, Франция. Рекордсменом по росту оборонных расходов в Европе однозначно являлась Польша, чьи военные ассигнования, включая траты из специально сформированного Фонда вооруженных сил, составят в 2023 году около 27–29 млрд долларов, что в два с лишним раза больше, чем годом ранее, и равняется 4,5% от ВВП [Стефанович, Ермаков 2023, 33].

²⁰ По-китайски грамотно: чем обернется срыв визита Блинкена в Пекин // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1465481/evgeniia-chukalina/po-kitaiski-gramotno-chem-obernetsia-sryv-vizita-blinkena-v-pekin> (дата обращения: 15.07.2023); Чем в Пентагоне объясняют наше присутствие неопознанных объектов в небе над США // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/02/13/vosem-granej-nlo.html> (дата обращения: 15.07.2023).

²¹ Федор Лукьянов: В Восточной Азии завязывается тугой и запутанный узел // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/01/17/nravy-evropy-peremestilis-v-aziiu.html> (дата обращения: 15.07.2023).

Швеция и Финляндия подали заявки на вступление в НАТО. Однако процесс забуксовал из-за возражений Турции, недовольной поддержкой курдов со стороны Стокгольма и Хельсинки и их антиисламизмом. В итоге Финляндия оказалась в НАТО, а Швеция пока за бортом. Россия в ответ заявила о создании 12 новых частей и соединений в Западном военном округе.

К лету 2023 года было принято уже 11 пакетов антироссийских санкций, которые имели главным следствием исчезновение из Европы дешевого российского газа и замену его дорогим СПГ из США, а также рекордную инфляцию, выражавшуюся во многих европейских странах двузначной цифрой.

Был ли у Вашингтона изначальный план переложить основной груз противостояния с Россией на европейских союзников, пока неясно. Но известно, что 26 сентября 2022 года у датского острова Борнхольм были взорваны три трубы газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2». В ряде западных стран, включая США, в подрыве собственных газопроводов обвинили Россию. Однако уже через несколько месяцев все детали этого теракта были раскрыты в расследовании известнейшего американского журналиста Сеймура Херша. Акт войны осуществили спецслужбы США и Норвегии, желая навсегда прекратить возможность энергетического сотрудничества России с Западной Европой, в первую очередь с Германией.

Администрация Байдена принятием Закона о сокращении инфляции, который в нарушение базовых правил ВТО создавал многочисленные преференции для работающих в США компаний (не говоря уже о том, что газ в Америке стоит вчетверо дешевле, чем в Европе), спровоцировала разорение большого количества крупных европейских промышленных компаний, перемещение ими производства в Соединенные Штаты²².

Серьезный удар испытала банковская система стран Евросоюза. Эксперты Европейского центрального банка (ЕЦБ) в специальном исследовании пришли к выводам: банковский сектор ЕС может потерять почти четверть капитала в результате шоков на финансовых рынках Восточной или Южной Европы либо кризиса ликвидности в кредитных организациях. В 2022 году состоялось фактическое банкротство одного из крупнейших финансовых учреждений — Credit Suisse, второго по величине в Швейцарии. Его санация и присоединение к другому банку — UBS — стали возможны лишь после предоставления Нацбанком Швейцарии ликвидности на сумму 54 млрд долларов для закрытия дыры в капитале. Но спасение Credit Suisse не снизило общие риски в банковской системе Европы, оценивали эксперты ЕЦБ²³.

Европа в итоге стала основной — после Украины — жертвой геополитического кризиса. Евросоюз подошел вплотную к исчерпанию модели интеграции, которая опиралась на позитивные эффекты от объединения рынков и декларировала цели повышения благосостояния. ЕС все еще выбирается из экономического кризиса 2007–2009 годов, оставаясь регионом самого медленного роста на планете. Уровень доходов населения не вырос с того времени, а попытки руководства ЕС стимулировать экономический рост и технологическое развитие не принесли видимых результатов. Возможности поддержания на обозримое будущее европейской социальной модели тают на глазах. В настоящее время Брюссель переносит упор на такие цели, как цифровая и «зеленая» повестка, но уже не говорит о повышении уровня жизни и социально-экономическом выравнивании стран-членов [Европа в кризисном мире 2022, 351].

²² «Европа попала в ловушку»: Федор Лукьянов — о том, почему абсолютная солидарность ЕС с США по русскому вопросу предполагает субординацию более сильному партнеру-гаранту // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/12/06/evropa-popala-v-lovushku.html> (дата обращения: 15.07.2023).

²³ ЦБ описал три вида шоков для банковской системы Европы // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/05/12/974662-etsb-opisal-tri-vida-shokov-dlya-bankovskoi-sistemi-evropi> (дата обращения: 15.07.2023).

Известный сингапурский политолог Кишор Махбубани утверждает: «Изучая наше время, историки будущего с изумлением обнаружат, что Европа когда-то доминировала в мире, особенно в XIX и первой половине XX века. Они будут удивлены, потому что в XXI веке Европа — и в первую очередь Евросоюз — явно сбилась со своего пути. Причина проста. Европейский союз утратил ориентиры, потому что там забыли, что геополитика состоит из двух слов: география и политика. География ЕС, без сомнения, отличается от американской. Тем не менее большинство европейских стратегов уверены в полном совпадении интересов Евросоюза и США» [Зубир и др. 2022, 82].

Европа обречена, пока у руля ключевых европейских государств остаются выпестованные американцами политики-атлантисты. Однако очевидно, что тяга к стратегической автономии у Европы по-прежнему сильна, национально-ориентированные партии и движения пользуются популярностью. Это дает Европе шанс. Но на обозримую перспективу Евросоюз, да и Запад в целом (помимо, возможно, отдельных стран) — «враждебный и абсолютно недоговороспособный оппонент, требующий разумного размежевания и сдерживания» [Караганов 2022, 10].

Непосредственным политическим последствием обрушившихся на Европу экономических проблем стали провалы многих правивших партий на выборах.

Во Франции в апреле 2022 года Макрону удалось сохранить президентский пост, одолев лишь во втором туре лидера консервативной партии «Национальное объединение» Марин Ле Пен, выступавшую за диалог с Россией. Макрон набрал 58% голосов. Ле Пен, получившая 41%, назвала свой результат «яркой победой». Однако уже летом по итогам парламентских выборов президентская коалиция «Вместе!» потеряла большинство в Национальном собрании.

Серьезный политический кризис вызвало проведение пенсионной реформы решением кабинета без согласия парламента. 20 марта 2023 года правительство Элизабет Борн устояло с минимальным перевесом в девять голосов. Начались массовые протесты против и самой реформы, и процедуры ее утверждения. Как написала газета Figaro, «французская политическая система оказалась на грани краха». Рейтинг Макрона за месяц упал с 32% до 28%. Число протестующих превысило миллион человек²⁴. Еще больший размах приняли начавшиеся в конце июня 2023 года волнения, спровоцированные убийством полицейским юноши североафриканского происхождения. Были сожжены тысячи домов и автомобилей, разграблены сотни магазинов.

В Великобритании за один год сменилось три премьер-министра. Представители высших эшелонов Консервативной партии оказались замешаны в череде коррупционных скандалов. Бориса Джонсона обвиняли в постоянной лжи и авторитарных методах руководства, и 7 июня 2022 года Джонсон заявил о своей отставке. Уровень поддержки самой Консервативной партии упал до 29%, а Лейбористской вырос до 40%. 5 сентября избиратели консерваторов отдали голоса Лиз Трасс. Ее экономическая программа вызвала обвал рынков и фунта. Трасс продержалась у власти 44 дня, самым главным событием этих дней стала кончина королевы Елизаветы II, ее похороны и восшествие на престол принца Чарльза под именем Карла III.

Пытаясь купировать политический кризис, руководство тори фактически «короновало» Риши Сунака, который стал самым молодым премьер-министром в истории (42 года), первым этническим азиатом и индуистом на этом посту [Ананьева 2022, 177–178]. Но кризис

²⁴ Схватка за пенсионную реформу далека от завершения. Ждет ли Францию всенародный референдум? // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/03/21/pochti-golyj-korol.html> (дата обращения: 15.07.2023); Президент Франции защитил повышение пенсионного возраста // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/03/23/967747-prezident-frantsii-zaschitil-povishenie-pensionnogo-vozrasta> (дата обращения: 15.07.2023).

в Консервативной партии и в стране с назначением Сунака не был преодолен. Как заметил тогда известный британский политический философ Джон Грей, «корчи при выборах лидера стали конвульсией мертвого тела»²⁵.

Однако затем, списав все трудности на предшествующий кабинет Лиз Трасс, Сунак начал набирать очки, как его партия, но не настолько, чтобы догнать Лейбористскую партию и ее лидера Кира Стармера²⁶.

Прошедшие в *Италии* 25 сентября 2022 года досрочные парламентские выборы привели к успеху коалицию правых во главе с лидером партии «Братья Италии» Джорджи Мелони. Она начала политическую карьеру в партии «Итальянское социальное движение» (ИСД), объединившей после Второй мировой войны бывших фашистов и поклонников Муссолини. В 2012 году основала собственную партию «Братья Италии», позаимствовав у ИСД ее символику — факел с цветами итальянского флага.

Программа Мелони: «Да — традиционной семье, нет — ЛГБТ-лобби, да — сексуальной идентичности, нет — гендерной идеологии... Нет — исламистскому насилию, да — безопасности границ, нет — массовой миграции!»²⁷. При этом политика традиционализма и национальной идентичности уживалась с идеями трансатлантической солидарности и поддержкой политики Евросоюза. 22 сентября Мелони заявила о «поддержке Украины без всяких колебаний и раздумий» [Алексеенкова 2022, 192].

Германия стремительно теряла свои позиции ведущей политической силы в Европе. Ее руководство подвергалось острой критике из-за океана, из Брюсселя и Восточной Европы за недостаточную помощь Украине. Польша потребовала от Берлина выплаты репараций за ущерб в годы Второй мировой войны в размере 1,2 трлн евро. А внутри страна сотрясалась антивоенными выступлениями, которые кабинет Шольца предпочел игнорировать.

Происходит беспрецедентный для последних десятилетий рост военно-политической активности Германии, особенно в восточноевропейской зоне ответственности НАТО. Новая Стратегическая концепция НАТО подразумевает качественное и количественное наращивание сил в этой зоне, и одним из основных доноров военной силы является ФРГ. Германия выступает в роли «рамочной нации» сухопутной группировки Североатлантического альянса в случае начала возможного военного конфликта. После того как Германия в начале 2023 года все-таки согласилась на поставки на Украину танков «Леопард», выяснилось, что в реальности, кроме нее самой и еще пары европейских стран, посылать танки никто не спешил, включая и Соединенные Штаты²⁸.

СДПГ и «Зеленые», составлявшие основу правительственной коалиции, стремительно теряли популярность, зато растут рейтинги ХДС/ХСС и «Альтернативы для Германии»²⁹. Набирала популярность лидер левых Сара Вагенкнехт, чью деятельность одобряли 43% немцев. Она уступала только назначенному в январе 2023 года министром обороны Борису Писториусу с 52%³⁰.

²⁵ The Fall of Liz Truss Will Not Bring Calm but Rather a New Period of Conflict // The New Statesman [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newstatesman.com/politics/uk-politics/2022/10/the-fall-of-liz-truss-will-not-bring-calm-but-rather-a-new-period-of-conflict> (дата обращения: 15.07.2023).

²⁶ Can Rishi Sunak bring much-needed stability to Britain in 2023? // The Economist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/the-world-ahead/2022/11/18/can-rishi-sunak-bring-much-needed-stability-to-britain-in-2023> (дата обращения: 15.07.2023).

²⁷ «Я Джорджа, я женщина, я мать, я итальянка, я христианка» // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2022/10/19/946229-dzhordzha-italyanka> (дата обращения: 15.07.2023).

²⁸ США и Германия публично выясняют отношения из-за ситуации с поставками западных танков Украине // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/02/27/sholc-v-tigrovoj-shkure.html> (дата обращения: 15.07.2023).

²⁹ Идеология превыше всего: Партия «зеленых» угрожает доходам немцев и теряет популярность // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/03/21/bitva-za-kotly.html> (дата обращения: 15.07.2023).

³⁰ Красная ведьма и ее борьба за мир // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2023/02/27/964345-krasnaya-vedma-i-ee-borba-za-mir> (дата обращения: 15.07.2023).

В Японии — крупнейшей недружественной державе Азии — премьер-министр Фумио Кисида, занявший пост в период резкого обострения геополитического кризиса, просто похоронил внешнеполитическое наследие Синдзо Абэ (который был убит террористом), слепо встроившись в американский кильватер. Токио стремится к гораздо более плотному вовлечению Японии в НАТО и добивается все большей переориентации Североатлантического альянса на тихоокеанское пространство³¹.

В начале украинского кризиса ряд японских политиков развернул дискуссию о целесообразности обладания ядерным оружием или размещении на территории страны американского тактического атомного оружия. Однако Кисида подтвердил приверженность Японии политике трех неядерных принципов. Помимо антиядерных настроений японской общественности, следует принимать во внимание незаинтересованность Вашингтона в том, чтобы Токио выходил из-под американского «ядерного зонтика» [Панов 2023, 17].

В этом духе были выдержаны принятые в конце 2022 года Стратегия национальной безопасности, Национальная стратегия в области обороны и Среднесрочный план оборонного строительства. Ряд их положений беспрецедентен. Например, впервые открыто говорится об обретении потенциала, позволяющего наносить ракетные удары по вражеским базам в случае подготовки противником нападения на Японию. Поставлена задача довести к 2026 году оборонный бюджет до 2% ВВП — норматива для стран НАТО, тогда как все послевоенные годы соблюдался 1-процентный потолок. В июне 2022 года Япония впервые приняла участие в саммите НАТО, установив в Мадриде с Североатлантическим альянсом полноценное институциональное партнерство [Стрельцов 2023, 174, 183–184, 189–190].

В новой стратегии национальной безопасности беспрецедентным вызовом названа КНР. Япония утвердила формат помощи странам-единомышленницам — отныне Токио может поддерживать их в обеспечении военных нужд. А первыми получателями становятся Филиппины, взявшие курс на сближение с США и имеющие территориальный спор с Китаем.

Однако в нынешнем геополитическом контексте участь исполнителя воли США и их тыловой военной базы незавидна. Япония в случае крупного конфликта неизбежно превращается в мишень. Тем более что в результате последних архивных изысканий выяснилось, что американские «ядерные гарантии» по защите Японии нигде документально не закреплены [Агафонов 2022, 185-187].

В Южной Корее победу на президентских выборах в марте 2022 года одержал кандидат от консервативной оппозиции Юн Сок Ёль, обозначивший главной внешнеполитической целью повышение международного статуса страны до уровня «глобального ведущего государства».

Военно-политический альянс с США остается фундаментом обеспечения безопасности. Сеул также демонстрирует заинтересованность в расширении партнерства с «демократиями», в своем участии в организациях и многосторонних механизмах как в АТР, так и в Европе. Об этом свидетельствовало и участие Юн Сок Ёля в саммитах НАТО в Мадриде в июне 2022 года и в Вильнюсе в июле 2023 года.

При этом из южнокорейского политического дискурса не исчезли рассуждения о необходимости «стратегической автономии» и разумного баланса в отношениях с влиятельными соседями, включая Китай и Россию. Демократическая партия, которая проповедует такой подход, сохраняет серьезные позиции в стране и в Национальном собрании [Давыдов 2023].

³¹ Федор Лукьянов: В Восточной Азии завязывается тугой и запутанный узел // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/01/17/nravy-evropy-peremestilis-v-aziiu.html> (дата обращения: 15.07.2023).

Общим для всех недружественных государств оказалось то, что они занимают первые места в рейтингах стран с наибольшим государственным долгом. Выход из этого положения плохо просматривается. В книге «Мегаугрозы» Рубини констатировал: «Сейчас мы в ловушке. Никакое решение не является безболезненным. Сокращение долга оставит заемщиков с меньшими возможностями тратить на товары и услуги. Рост замедлится или даже остановится. Повышение процентной ставки сделает обслуживание долга удушающе дорогим для фирм, банков, рабочих и правительств. Растущие выплаты по долгам вызовут отток денег от нацеленных на рост инвестиций, осложняя будущее развитие. Многие фирм столкнутся с перспективой банкротства. Обремененные долгами правительства могут прибегнуть к повышению налогов или сокращению расходов и трансферов, но это приведет к стрессу в частном секторе. Серьезные ограничения на экономический рост могут и дальше дестабилизировать долговые рынки, нервировать рынок акций, что является предвестниками краха в условиях наличия финансовых пузырей.

По всему развитому миру мы создали мегаугрозу, увеличивая долг с помощью дешевых денег, кредита и фискальной политики. Итак, что же могут сделать власти? К сожалению, они почти вынуждены просто вдохновлять заемщиков не новые займы, иначе «долговой капкан» захлопнется, и это будет дорого стоить всем» [Rubini 2022, 73].

Мировое большинство

Подавляющее большинство человечества оказалось не с Западом. Санкции против России ввели только недружественные страны, общая численность населения которых меньше 1 млрд человек, или 1/8 населения Земного шара. Крупнейшие государства мира, включая наших партнеров по БРИКС, на которые приходится до 45% жителей планеты, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) подставили России плечо в сложной ситуации. К западным «санкциям» не присоединилась ни одна страна Африки, Латинской Америки, исламского мира, где хорошо помнят годы западного колониального господства и признают природу конфликта вокруг Украины.

Российские экспортные поставки и потоки импорта были оперативно перенаправлены с Запада на Восток и Юг, в сторону наиболее динамично растущих центров современного мира — Китая и Индии, население каждого из которых около 1,4 млрд человек. Дружественные нам страны получили возможность получать растущее количество российских энергоносителей, продовольствия и другой экспортной продукции на выгодных условиях [Цыганков 2022, 18].

Роль России в этом новом международном контексте состоит не только в отстаивании суверенитета в противоборстве с объединенным Западом, но главным образом в выстраивании новых моделей отношений внутри мирового большинства.

Специальная военная операция вызвала неоднозначную реакцию в странах СНГ, хотя в целом она была встречена с пониманием. Практически полностью солидарную с Россией позицию заняла Белоруссия. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) оказался важным механизмом для поддержания связи между российской экономикой и внешними рынками. Многие экспортно-импортные операции России проходили через страны СНГ [Михалёв, Рахимов 2023, 153].

Азия, в которой проживает большинство человечества, уже становится глобальным лидером по всем основным социально-экономическим и даже технологическим параметрам. Азиатские страны чувствуют, что «ветер дует в их паруса», и это приводит к повсеместному росту национального достоинства, уверенности в силе своих традиций и способности изменить свои страны и весь мир к лучшему.

Китайская Народная Республика выступила одним из наиболее надежных партнеров России. Китай еще до начала российской СВО четко заявил о том, что разделяет с Москвой ее тревогу относительно расширения НАТО, угрожающего национальной безопасности российского государства. Несмотря на жесткое давление со стороны Запада в пользу разрыва отношений с Россией, Пекин ни разу не поддержал ни одной антироссийской резолюции в международных организациях. Китай выступал за мирное разрешение конфликта с учетом интересов всех сторон.

30 января 2023 года МИД КНР сделал жесткое заявление о том, что именно США являются главной причиной украинского кризиса, а поставки тяжелых вооружений в зону боевых действий значительно усиливают эскалацию конфликта.

Роль Китая как основного торгово-экономического контрагента России заметно выросла. Российские поставки энергоносителей из Европы были перенаправлены в значительной степени в КНР. Китайские автомобильные компании стали активно осваивать российский рынок. Общий товарооборот за 2022 год увеличился на 30% и достиг 190,3 млрд долл., а за 1-ю половину 2023 года — 114,5 млрд долл.

Впрочем, ряд авторитетных авторов указывают на возможные пределы российско-китайского сотрудничества, на то, что Пекин «продолжит балансировать между двумя векторами своей внешней политики: с одной стороны, на развитие двустороннего сотрудничества с РФ, с другой — на недопустимость прямого столкновения с Соединенными Штатами [Михеев, Луконин 2023, 32].

При этом налицо обострение китайско-американских отношений. Стратегия безопасности КНР прямо не ставит целью борьбу с Соединенными Штатами или с кем-либо еще, но она вынужденно приобретает антиамериканский характер, так как Пекину приходится противодействовать откровенному курсу США на сдерживание Китая. Вашингтон раз за разом «задирает» КНР, выбрав для этого традиционный способ — провокации вокруг острова Тайвань, который в Пекине считают своей провинцией.

«Происходит явное усиление китайской критики действий Вашингтона на Украине, — видит Сергей Лузянин. — Возможно, что такая эволюция отчасти связана с желанием Пекина послать определенный сигнал американцам, что попытки военно-политического и технологического давления или демонтажа китайских международных позиций могут вызвать дальнейший отход Китая от “украинского нейтралитета” и переход к более активной поддержке Москвы на данном направлении, включая военную помощь» [Лузянин 2023, 10–11].

Конфронтационная стратегия Вашингтона вызвала в Пекине некоторое замешательство, однако дебаты завершились победой сторонников решительного отстаивания своих национальных интересов. Это было хорошо видно из документов прошедшего в октябре 2022 года XX съезда КПК и отчетного доклада ЦК, с которым выступил Си Цзиньпин.

В своем докладе он особо подчеркнул, что главными целями развития страны на ближайшее время будет завершение социалистической модернизации и превращение Китая в богатое, демократическое, социалистическое государство. Китай будет бороться за то, чтобы к середине века превратиться в державу, которая будет лидировать в мире по совокупной национальной мощи и международному влиянию³².

³² XX съезд КПК поставил главные цели развития Китая: завершение социалистической модернизации и трансформацию в богатое, демократическое, социалистическое государство // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/11/10/kompartiiia-kitaia-idet-v-budushchee.html> (дата обращения: 15.07.2023).

В феврале-марте 2023 года на 2-м пленуме ЦК КПК 20-го созыва был принят план реформирования партийных и государственных органов и утвержден новый состав руководящих постов в КНР. В озвученных бюджетных параметрах особое внимание привлекло увеличение расходов на национальную оборону на 7,2% — до 1,55 трлн юаней (около 224,79 млрд долларов)³³.

Российско-китайское партнерство только набирает обороты. «Мы даже не в состоянии осознать, насколько глубокими и длительными будут последствия этой геополитической бомбы, которая взорвала существующий мир: 2023 год, Путин и Си в Москве фактически сигнализируют о начале конца Pax Americana. Это стало окончательной анафемой для мировой гегемонии англо-американских элит, которая длилась дольше века. Подписанное, скрепленное печатями, всеобъемлющее стратегическое партнерство двух равных конкурентов, у которых на двоих есть и масштабная производственная база, и превосходство в снабжении природными ресурсами, и дипломатическая проницательность — с добавленной стоимостью современного российского оружия»³⁴, — пишет заметный бразильский политолог Пепе Эскобар.

Испытание на прочность выдержали и отношения нашей страны с *Индией*, которая в начале 2023 года вышла на первое место в мире по численности населения. Страна сохранила свою стратегическую автономию, несмотря на все стремление США включить страну в свою систему военно-политических альянсов.

Бывший министр иностранных дел Индии Нирупам Рао объясняет позицию страны: «Хотя Запад любит думать, что российское вторжение было совершенно неспровоцированным, Индия понимает, что это не был просто имперский проект. НАТО было создано как антимосковский альянс, и в течение последних 30 лет он расширялся вплоть до границ России. За последние десять лет западные лидеры обрушили на Москву самые разнообразные санкции. Кремль был прав, когда думал, что Вашингтон и Европа хотят его ослабить... Соединенные Штаты тоже осуществляли спорные покушения на суверенитет и невмешательство. Но Индия не отвечала Вашингтону на прошлые нарушения санкциями или ехидством»³⁵.

Товарооборот между Россией и Индией за 2022 год увеличился в 2,4 раза. Импорт из России вырос более чем на 400%, а индийский импорт упал на 14%. Россия вышла на первое место среди экспортеров нефти в Индию (22% от всего ввоза), опередив Ирак и Саудовскую Аравию³⁶.

Большую позитивную роль играло председательство Индии в 2023 году, и в «Большой двадцатке», и в Шанхайской организации сотрудничества.

Одновременно к укреплению партнерства с Индией устремился Вашингтон. Нарендра Моди в ходе визита в США в июне 2023 года назвал столпами двустороннего сотрудничества военно-технические связи, торговлю и энергетику³⁷. Вместе в тем Индия демонстрирует приверженность принципам стратегической самостоятельности, неприсоединения и вовсе не намерена жертвовать отношениями с Россией во имя американских интересов.

³³ Китай твердо намерен продолжить свой путь к достижению стратегических целей, невзирая на вызовы // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/03/21/dve-sessii-odin-kurs.html> (дата обращения: 15.07.2023).

³⁴ Конец света для гегемона // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2023/04/10/970144-konets-sveta-dlya-gegemona> (дата обращения: 15.07.2023).

³⁵ The Upside of Rivalry. India's Great-Power Opportunity // Foreign Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/india/modi-new-delhi-upside-rivalry> (дата обращения: 15.07.2023).

³⁶ Дисбаланс в торговле России и Индии не дает рупии стать популярным средством платежа // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2023/02/27/964339-disbalans-v-torgovle-rossii-i-indii> (дата обращения: 15.07.2023).

³⁷ Йога и дроны: Зачем премьер Индии едет с первым госвизитом в США // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/06/20/joga-i-drony-zachem-premer-indii-edet-s-pervym-gosvizitom-v-ssha.html> (дата обращения: 15.07.2023).

Россия продолжала укреплять сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии, из которых лишь одна — Сингапур — оказалась в числе недружественных. Профессор Хуонг Ле Тху, работающий в Австралии, объясняет причины, по которым страны АСЕАН не присоединяются к западным санкциям: «Инклюзивный мультикультурализм группы может не понравиться многим американцам, которые мысленно делят мир на друзей и соперников (особенно после начала войны на Украине). Но сотрудничество со всеми — лучший путь избежать вражды в кем-либо»³⁸.

Исламский мир демонстрирует растущую независимость и политический вес. Ни одна из мусульманских стран не выступает с антироссийских позиций, имея многовековой опыт испытаний от агрессивных действий западных государств.

Отношения России с Турцией вышли на качественно более высокий уровень. Страна стала одной из основных центров торгово-экономических и транспортных операций нашей страны с другими государствами.

После начала СВО Турция (страна НАТО) предложила выступить посредником. «Анкара увидела возможность утвердиться в роли страны, способной определять конфигурацию формирующегося нового регионального, а возможно, и мирового порядка. Внешнеполитическая линия Турции в условиях СВО стала качественно новым этапом в балансировании между Западом и Россией и хеджировании внешнеполитических рисков», — считает тюрколог Павел Шлыков. В экономическом плане это позволило более чем вдвое увеличить товарооборот с Россией — с 33 до более чем 70 млрд долларов — и вывести Турцию к концу 2022 года на второе место после Китая по объему торговли с РФ [Шлыков 2023, 152, 154].

Вместе с тем не следует переоценивать антизападные настроения в турецком руководстве. Анкара не намерена покидать западный лагерь или НАТО, добиваясь лишь большего учета союзниками ее интересов [Бакланов 2022, 167, 169, 172].

Важнейшим партнером России в экономической и военно-технической сферах стал *Иран*. Наши страны совместно развивают транспортный коридор «Север — Юг», состоящий из четырех маршрутов. Первый проходит по западному берегу Каспийского моря через Республику Дагестан и затем через Азербайджан и Иран с выходом к портам Персидского залива, рынкам Индии, Пакистана, Юго-Восточной Азии, стран Персидского залива и Африки. Второй — по восточному побережью Каспия через Казахстан, Туркменистан в Иран. Третий маршрут — через Каспийское море — обеспечивает связи между портами государств Каспийского моря. Четвертый пролегает через Армению и Грузию³⁹.

Резко возросли объемы российско-иранской торговли, особенно в военно-технической области.

По инициативе Китая состоялась важнейшая геополитическая перемена на Ближнем Востоке — прекращение длившейся много десятилетий конфронтации между Ираном и Саудовской Аравией. Это породило надежды на улучшение ситуации по всему Ближнему Востоку, который в последние годы немало страдал от саудовско-иранской конфронтации и борьбы за влияние — в Ливане, Ираке, Сирии, Йемене⁴⁰.

³⁸ How to Survive a Great-Power Competition // Foreign Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/china/beijing-survive-great-power-competition> (дата обращения: 15.07.2023).

³⁹ Страны ЕАЭС увеличили ввоз товаров в Россию на 30 процентов // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/11/22/tovar-ishchi.html> (дата обращения: 15.07.2023).

⁴⁰ Долгий путь к миру // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1496337/artem-adrianov/dolgi-put-k-miru> (дата обращения: 15.07.2023).

Расширили партнерство с Россией государства Персидского залива, прежде всего Саудовская Аравия и ОАЭ. Вместе с нашей страной они предприняли меры для сбалансирования энергетических рынков в рамках ОПЕК+.

Самая крупная мусульманская страна и лидер региона АСЕАН — Индонезия — в 2022 году председательствовала в «Большой двадцатке». Ее саммит прошел 15–16 ноября на острове Бали. Попытки Запада политизировать саммит и изолировать РФ провалились прежде всего из-за позиции самой Индонезии и ее президента Джоко Видодо и партнеров России по БРИКС.

Латинская Америка также все заметнее эмансипируется от американского доминирования, сбрасывает с себя «доктрину Монро». Правый крен 2010-х годов уже сменился новым левым ренессансом, который начался с победы на президентских выборах в Мексике Андреаса Мануэля Лопеса Обрадора в 2018 году. Вслед за этим левые политики стали одерживать одну победу за другой: Альберто Фернандес в Аргентине в 2019 году, Луис Арсе в Боливии в 2020 году, Сиомара Кастро в Гондурасе, Педро Кастильо в Перу, Габриэль Борич в Чили в 2021 году. Наконец, в 2022 году впервые левый политик — Густаво Петро — победил в Колумбии, а Луис Игнасио Лула да Сильва вернулся к власти в Бразилии.

В отличие от левого поворота начала века, для которого было характерно концептуальное единство лидеров, нынешние руководители «розовой волны» не проявляют большого желания к координации действий. Традиционные для левых антиамериканизм и отрицание неолиберальных рецептов Вашингтонского консенсуса сочетается с собственным выраженным взглядом на проблемы прав человека, противодействия климатическим вызовам. Но все они проявляют интерес к сотрудничеству с другими странами «глобального Юга» [Воротникова 2023, 102, 108].

Запуск Россией и Китаем в мировую повестку антиколониального дискурса может стать фактором усиления попыток Запада вернуть Латинскую Америку, да и весь «глобальный Юг» в орбиту влияния Североатлантического альянса. Вместе с тем новая левая волна «выступает объективным ограничителем этого процесса [Пятаков 2023, 119].

Континентальный лидер — Бразилия — претендует на все более активную роль в международных делах, продвигает партнерство по линии Юг — Юг. 2022 год прошел в Бразилии под знаком президентских выборов, на которых столкнулись действовавший президент Болсонару и бывший Лула да Сильва. Во втором туре победил Лула, получив 50,9% голосов против 49,1%. После объявления результатов, Болсонару два дня не признавал их, как и его многочисленные сторонники на улицах. Но затем все-таки смирился с волей избирателей и перебрался во Флориду⁴¹.

Лула да Сильва, который ранее стоял у истоков создания БРИКС, активизировал политику Бразилии в этой организации. Заметно окрепли бразильско-китайские связи. В ходе государственного визита Лулы в Китай были подписаны соглашения о переходе в двусторонней торговле на национальные валюты. Стороны договорились о взаимодействии в области высоких технологий, космических исследованиях, об обмене данными спутниковых снимков. Совпадают позиции Китая и Бразилии по украинскому конфликту: проблема должна решаться в ходе переговорного процесса⁴².

⁴¹ Lula's second term as Brazil's president will be difficult // The Economist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/the-world-ahead/2022/11/18/lulas-second-term-as-brazils-president-will-be-difficult> (дата обращения: 15.07.2023).

⁴² Алексей Маслов - об итогах визитов президента Бразилии Лула да Силвы и главы МИД Германии Бербок в Китай // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/04/16/aleksej-maslov-ob-itogah-vizitov-prezidenta-brazilii-lula-da-silvy-i-glavy-mid-germanii-berbok-v-kitaj.html> (дата обращения: 15.07.2023).

Африка становится самым быстрорастущим континентом как с точки зрения демографии, так и экономики. За сердца африканских стран, составляющих самую большую голосующую долю в ООН, и за ресурсы Черного континента усиливается соперничество основных глобальных центров силы. США и их союзники активно пытаются отговорить африканцев от сотрудничества с Москвой. Вашингтон был явно обескуражен нежеланием Африки публично осуждать Кремль и присоединяться к антироссийским санкциям.

В африканских странах сильна память о столетиях колониального грабежа западных держав. «На протяжении большей части из последних 500 лет международная система была однозначно спроектирована для эксплуатации Африки. Трансатлантическая работорговля похитила и переправила более десяти миллионов африканцев (на самом деле в разы больше — В.Н.) в Америки, где их подневольный труд делал элиты в Европе и Соединенных Штатах исключительно богатыми. Европейский колониализм и правление апартеида были жестокими, всеохватывающими, дегуманизирующими для африканцев, и последствия этой системы до сих пор чувствуются по всему континенту... Но африканские общества не рассматривают прошлое как прошлое. Они видят его как настоящее, грозно нависающее над панафриканским ландшафтом»⁴³, — подчеркивает профессор Кейптаунского университета Тим Мирути.

Летом 2022 года Лавров побывал в Египте, Эфиопии, Демократической Республике Конго и Уганде. В начале 2023 года глава российской дипломатии дважды совершил турне по странам Африки. В ходе первого он посетил ЮАР, Эсватини, Анголу и Эритрею, а второго — Мали, Мавританию и Судан. В центре переговоров были вопросы двустороннего сотрудничества и предстоявшего второго саммита Россия — Африка. Готовящиеся к саммиту Договоренности обобщены в политической декларации и плане действий на 2024–2026 годы⁴⁴.

Африканские страны выступили с собственным мирным планом по Украине, который озвучил президент ЮАР Сирил Рамафоса во ходе визитов делегации лидеров африканских стран в Киев и Санкт-Петербург в июне 2023 года⁴⁵.

Африка также остается местом острого соперничества западных стран и Китая. Суммарно накопленные экономические позиции стран Запада на континенте пока превосходят китайские. Но КНР занял первое место по объемам товарооборота и новым инвестициям и более десятилетия выступает как хозяйственный и политический партнер Африки номер один⁴⁶.

Основная перемена в мировом порядке состоит в том, что Россия, а за ней Китай и другие страны БРИКС показали глобальному большинству принципиальную возможность противостоять прямому американскому давлению. Вслед за этим начался своего рода геэкономический и геополитический бунт «глобального Юга» против американской гегемонии.

Мировое большинство устало от американской гегемонии и навязываемой миру западной матрицы. Повсеместно в мире мы видим возрождение интереса к своим корням, к вере, к естеству. Традиционализм, гордость наследием предков, национальной культурой, нравственными устоями проявляются повсеместно, принимая форму движений и/или концепций «индексиниста» в Латинской Америке, «убунту» в Южной Африке, конфуцианского возрождения в Китае и других восточноазиатских странах, подъема индусских настроений и политических сил в Индии.

⁴³ Order of Oppression. Africa's Quest for a New International System // Foreign Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/africa/global-south-un-order-oppression> (дата обращения: 15.07.2023).

⁴⁴ Африканские встречи. О визите С.В. Лаврова в Африку // Международная жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/39493> (дата обращения: 15.07.2023).

⁴⁵ «После того как мы отвели войска, киевские власти выбросили всё на свалку истории» // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1530515/liubov-lezhneva-alena-nefedova/posle-togo-kak-my-otveli-voiska-kiievskie-vlasti-vybrosili-vse-na-svalku-istorii> (дата обращения: 15.07.2023).

⁴⁶ Черный континент нужен всем // НГ [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2023-02-12/9_8658_africa.html (дата обращения: 15.07.2023).

За исключением Европы, где храмы пустеют, растущее количество людей в мире демонстрирует религиозные чувства. Это видно по скачкообразному росту прихожан православных храмов и мечетей в постсоветской России, толпам в буддистских пагодах Китая или Японии, реисламизации мусульманского мира (что порой приобретает и радикальные формы). А Африка, Индия, Латинская Америка всегда были почти поголовно верующими.

Заключение

Главное геополитическое изменение, которое произошло с 24 февраля 2022 года, — завершился исторически непродолжительный период гегемонии доминирования на Земле ограниченной группы стран. Многополярность наступила де-факто. Происходит становление миропорядка, в котором страны Запада не будут играть господствующей роли — ни в геополитике, ни в экономике, ни в культуре, ни в идеях, которые будут править миром.

Россия вовсе не обречена на стратегическое одиночество. С нами мировое большинство — те самые 7 миллиардов, которые не входят в западный «золотой миллиард», да и многие люди на самом Западе.

Наша стратегическая глубина будет наращиваться через расширяющиеся Евразийский экономический союз, Шанхайскую организацию сотрудничества, БРИКС, региональные и двусторонние альянсы

Американская стратегия, нацеленная на уничтожение России и Китая как альтернативных США центров силы, обречена на провал. Россия по целому ряду параметров обрела *качественное* превосходство в ключевых системах вооружений, прежде всего в средствах сдерживания. И подтвердила статус не только ключевой региональной, но и глобальной державы. Пекин обходит Соединенные Штаты по широкому спектру индикаторов совокупной мощи, в первую очередь экономической. Россия и Китай вновь приступили к действиям по формуле «спина к спине». По той самой, по которой действовали Сталин и Мао в начале 1950-х годов.

«Новый миропорядок обеспечит консолидацию незападных ценностей и норм, которые сформировались в России, Китае и на глобальном Юге. Именно эти ценности способствовали упадку либерального порядка. Двойные стандарты Запада, преобладавшие в последние годы, должны исчезнуть. Незападные государства, безусловно, продолжат все более энергично стремиться к более равноправному миру, где будет меньше несправедливости и патернализма. Они продолжат бороться за независимую внешнюю политику и невмешательство в свои внутренние дела. Они заинтересованы объединяться со странами, которые нацелены на развитие, а не на эксплуатацию природных ресурсов. Африканские державы уже демонстрируют, что не собираются больше терпеть проявления неокOLONиализма. Тенденция сохранится и в новом многополярном мире», — пишет Яхья Зубир, катарский политолог [Зубир и др. 2022, 83–84].

Контуры нового миропорядка уже просматриваются. Прежде всего в таких структурах, как БРИКС и ШОС. Их мягкое восхождение не связано с насилием или гегемонистскими устремлениями. У каждой из стран свое уникальное место на земном шаре, свои культурные матрицы, взгляды на развитие и обеспечение безопасности. Но они считают само это разнообразие безусловным благом, не склонны вмешиваться во внутренние дела друг друга, принимают партнеров такими, какими они сложились на протяжении столетий. Они сотрудничают поверх старых разделительных линий Восток — Запад или Север — Юг, близки к тому, чтобы продемонстрировать образец «концерта цивилизаций».

Однако если «концерт держав» состоится, то не скоро. Сочетание взаимодействия и конфликта — с преобладанием конфликта — будет главной чертой мировой политики в течение нескольких десятилетий, пока не сформируется новое глобальное соотношение сил. Есть все основания полагать, что оно будет в пользу новых центров силы в ущерб старым. Но старые не намерены отказываться от своей ускользающей гегемонии. И это нам предвещает исключительно бурную, нестабильную, полную вызовов и угроз международную политику.

Главное — не допустить все более вероятную новую большую войну, которая действительно может закончить историю вместе с человечеством. С учетом накопленных ядерных арсеналов ставки в идущей Большой игре не просто велики. Ставки — абсолютны.

Одержав победу в Специальной военной операции, Россия качественно изменит свое место в мире, заявит о себе как о стране, способной менять расстановку сил на международной арене и определять вектор мировой политики. Активная и конструктивная роль России способна сделать нашу страну одним из мировых интеллектуальных и политических лидеров.

Не первый раз нашей стране приходится вступать в схватку с очередным претендентом на мировое господство. И всегда она с честью выходила из этого испытания, одерживая победы над силами объединенного Запада.

Так будет и в этот раз.

Список литературы:

Агафонов С.Л. Выход из зоны комфорта // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 6. С. 174–188. DOI: [10.31278/1810-6439-2022-20-6-174-188](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-6-174-188)

Алексеев Е.С. Парламентские выборы в Италии: победа правых // Европейская аналитика 2022. М.: ИЕ РАН; Воронеж: Арт-Принт, 2022. С. 185–195.

Ананьева Е.В. Правительственный кризис в Британии. Перспективы Консервативной партии // Европейская аналитика 2022. М.: ИЕ РАН; Воронеж: Арт-Принт, 2022. С. 166–184.

Бакланов А.Г. Свет восходящей звезды? // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 6. С. 166–173. DOI: [10.31278/1810-6439-2022-20-6-166-173](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-6-166-173)

Воротникова Т.А. Трудно быть левым: внешнеполитические стратегии правительств новой «розовой волны» в Латинской Америке // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 1. С. 101–110. DOI: [10.20542/0131-2227-2023-67-1-101-110](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-1-101-110)

Григорьев М.С., Дейнего В.Н., Дюков А.Р., Засорин С.А., Малькевич А.А., Манько С.А., Шаповалов В.Л. История Украины: монография. М.: Международные отношения, 2022.

Давыдов О.В. Вашингтонская стратегия администрации Юн Сок Ёля и американо-южнокорейский альянс // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 1. С. 68–79. DOI: [10.20542/0131-2227-2023-67-1-68-79](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-1-68-79)

Европа в кризисном мире: коллективная монография / отв. ред. Ал.А. Громыко. М.: ИЕ РАН: Издательство «Весь Мир», 2022.

Зубир Я., Дабаш Х., Гупта А., Махбубани К., Махарадж Р., Сян Л., Джаятиллека Д., Челлани Б., Санай М., Кардим К.Э. «Судьба человечества вновь тесно переплелась с судьбой России» // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 6. С. 82–96. DOI: [10.31278/1810-6439-2022-20-6-82-96](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-6-82-96)

Зуенко И.Ю. «Мертвого нельзя вернуть к жизни» // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 5. С. 230–236. DOI: [10.31278/1810-6439-2022-20-5-230-236](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-5-230-236)

Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 5. С. 6–18. DOI: [10.31278/1810-6439-2022-20-5-6-18](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-5-6-18)

- Кашин В.Б. Первый год большой войны // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 10–21. DOI: [10.31278/1810-6439-2023-21-3-10-21](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-3-10-21)
- Лузянин С.Г. Китай – США: модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? // Азия и Африка сегодня. 2023. № 2. С. 5–13. DOI: [10.31857/S032150750024431-6](https://doi.org/10.31857/S032150750024431-6)
- Лукин А.В. Американо-китайское соперничество в АТР: декларации и реальность // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 118–137. DOI: [10.31278/1810-6439-2023-21-1-118-137](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-1-118-137)
- Михалёв А.В., Рахимов К.К. Центральная Азия и борьба за советское наследие // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 153–162. DOI: [10.31278/1810-6439-2023-21-1-153-162](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-1-153-162)
- Михеев В.В., Луконин С.А. Кризис-содержащие факторы развития КНР // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 5. С. 24–33. DOI: [10.20542/0131-2227-2023-67-5-24-33](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-5-24-33)
- Нарочницкая Н.А. Украинский рубеж. История и геополитика. М.: Вече, 2023.
- Панов А.Н. Американо-японский военно-политический союз: секреты долголетия (окончание) // США & Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 1. С. 5–20. DOI: [10.31857/S2686673023010017](https://doi.org/10.31857/S2686673023010017)
- Пятаков А.Н. Латинская Америка и НАТО: Форматы корреляций в XX – первой четверти XXI века // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 1. С. 111–121. DOI: [10.20542/0131-2227-2023-67-1-111-121](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-1-111-121)
- Саква Р. Неуставные международные отношения // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 34–50. DOI: [10.31278/1810-6439-2023-21-1-34-50](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-1-34-50)
- Стефанович Д.В., Ермаков А.С. Разворот через сплошную // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 22–41. DOI: [10.31278/1810-6439-2023-21-3-22-41](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-3-22-41)
- Стрельцов Д.В. Станет ли Япония «нормальной» страной? // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 174–191. DOI: [10.31278/1810-6439-2023-21-3-174-191](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-3-174-191)
- Тебин П. Наша священная оборона — их варварская агрессия // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 99–116. DOI: [10.31278/1810-6439-2023-21-1-99-116](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-1-99-116)
- Тимофеев И.Н. Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 4. С. 136–152. DOI: [10.31278/1810-6439-2022-20-4-136-152](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-4-136-152)
- Трунов Ф.О. Отношения ФРГ и США в 2022 г. в политической и военной сферах: кооперация или конкуренция // США & Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 2. С. 65–82. DOI: [10.31857/S2686673023020050](https://doi.org/10.31857/S2686673023020050)
- Цыганков А. Глобальный конфликт позднего модерна: логика и пределы эскалации // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 6. С. 10–21. DOI: [10.31278/1810-6439-2022-20-6-10-21](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-6-10-21)
- Шлыков П.В. Турецкий кульбит // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 142–159. DOI: [10.31278/1810-6439-2023-21-3-142-159](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-3-142-159)
- Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе / под ред. Ал.А. Громыко. М.: Ин-т Европы РАН, 2022.
- Ferguson N. The Great Degeneration. How Institutions Decay and Economies Die. New York: Penguin Books, 2012.
- Fukuyama F. Liberalism and Its Discontents. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2022.
- Rubini N. Megathreats. The Ten Trends, That Imperil Our Future, and How to Survive Them. New York, Boston, London: Little, Brown and Company, 2022.

References:

- Agafonov S.L. (2022) Leaving the Comfort Bubble. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 20. No. 6. P. 174–188. DOI: [10.31278/1810-6439-2022-20-6-174-188](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-6-174-188)
- Alekseenkova E.S. (2022) Parliamentary Elections in Italy: Victory of the Right. *Evropeyskaya analitika 2022*. Moscow: IE RAN; Voronezh: Art-Print. P. 185–195.
- Ananieva E.V. (2022) Governmental Crisis in Britain. Prospects of the Conservative Party. *Evropeyskaya analitika 2022*. Moscow: IE RAN; Voronezh: Art-Print. P. 166–184.
- Baklanov A.G. (2022) The Light of the Rising Star? *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 20. No. 6. P. 166–173. DOI: [10.31278/1810-6439-2022-20-6-166-173](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-6-166-173)
- Davydov O.V. (2023) Yoon Suk-Yeol Administration's Foreign Policy Strategy and the U.S.–Rok Alliance. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 67. No. 1. P. 68–79. DOI: [10.20542/0131-2227-2023-67-1-68-79](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-1-68-79)
- Ferguson N. (2012) *The Great Degeneration. How Institutions Decay and Economies Die*. New York: Penguin Books.
- Fukuyama F. (2022) *Liberalism and Its Discontents*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Grigoriev M.S., Deynego V.N., Dyukov A.R., Zasorin S.A., Malkevich A.A., Manko S.A., Shapovalov V.L. (2022) *History of Ukraine: Monograph*. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya.
- Gromyko A.I.A. (ed.) (2022) *Evropa v krizisnom mire: kollektivnaya monografiya* [Europe in the crisis world: Collective monograph]. Moscow: IE RAN: Izdatel'stvo «Ves' Mir».
- Gromyko A.I.A. (ed.) (2022) *Etap spetsial'noy voyennoy operatsii na Ukraine. Anatomiya antirossiyskoy politiki v Yevrope* [The stage of a special military operation in Ukraine. The anatomy of anti-Russian politics in Europe]. Moscow: In-t Yevropy RAN.
- Karaganov S.A. (2022) From the Non-West to the World Majority. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 20. No. 5. P. 6–18. DOI: [10.31278/1810-6439-2022-20-5-6-18](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-5-6-18)
- Kashin V.B. (2023) The First Year of the Big War. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 21. No. 3. P. 10–21. DOI: [10.31278/1810-6439-2023-21-3-10-21](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-3-10-21)
- Lukin A.V. (2023) Sino-U.S. Rivalry in the Asia-Pacific: Declarations and Actual Policies. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 21. No. 1. P. 118–137. DOI: [10.31278/1810-6439-2023-21-1-118-137](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-1-118-137)
- Luzyanin S.G. (2023) China – USA: Model 2023. The “Managed Conflict” or Global Split? *Aziya i Afrika segodnya*. No. 2. P. 5–13. DOI: [10.31857/S032150750024431-6](https://doi.org/10.31857/S032150750024431-6)
- Mikhalev A.V., Rakhimov K.K. (2023) Central Asia and the Fight for Soviet Heritage. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 21. No. 1. P. 153–162. DOI: [10.31278/1810-6439-2023-21-1-153-162](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-1-153-162)
- Mikheev V.V., Lukonin S.A. (2023) Crisis-Containing Factors of the PRC's Development. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 67. No. 5. P. 24–33. DOI: [10.20542/0131-2227-2023-67-5-24-33](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-5-24-33)
- Narochnitskaya N.A. (2023) *Ukrainskiy rubezh. Istoriya i geopolitika* [Ukrainian frontier. History and geopolitics]. Moscow: Veche.
- Panov A.N. (2023) The Japanese-American Military-Political Alliance: Secrets of Longevity. *SSHA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. No. 1. P. 5–20. DOI: [10.31857/S2686673023010017](https://doi.org/10.31857/S2686673023010017)
- Pyatakov A.N. (2023) Latin America and NATO: Correlation Formats in the XX – the First Quarter of the XXI Century. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 67. No. 1. P. 111–121. DOI: [10.20542/0131-2227-2023-67-1-111-121](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-1-111-121)

- Rubini N. (2022) *Megathreats. The Ten Trends, That Imperil Our Future, and How to Survive Them*. New York, Boston, London: Little, Brown and Company.
- Sakwa R. (2023) Non-Statutory International Relations. *Rossiia v global'noy politike*. Vol. 21. No. 1. P. 34–50. DOI: [10.31278/1810-6439-2023-21-1-34-50](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-1-34-50)
- Shlykov P.V. (2023) Turkish Somersault. *Rossiia v global'noy politike*. Vol. 21. No. 3. P. 142–159. DOI: [10.31278/1810-6439-2023-21-3-142-159](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-3-142-159)
- Stefanovich D.V., Ermakov A.S. (2023) U-Turn across Solid White Line. *Rossiia v global'noy politike*. Vol. 21. No. 3. P. 22–41. DOI: [10.31278/1810-6439-2023-21-3-22-41](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-3-22-41)
- Streltsov D.V. (2023) Will Japan Become a “Normal” Country? *Rossiia v global'noy politike*. Vol. 21. No. 3. P. 174–191. DOI: [10.31278/1810-6439-2023-21-3-174-191](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-3-174-191)
- Tebin P.Yu. (2023) Our Sacred Defense — Their Barbaric Aggression. *Rossiia v global'noy politike*. Vol. 21. No. 1. P. 99–116. DOI: [10.31278/1810-6439-2023-21-1-99-116](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-1-99-116)
- Timofeev I.N. (2022) Dubious Effectiveness? Sanctions against Russia before and after February. *Rossiia v global'noy politike*. Vol. 20. No. 4. P. 136–152. DOI: [10.31278/1810-6439-2022-20-4-136-152](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-4-136-152)
- Trunov Ph.O. (2023) The U.S. — German Relations in Political and Military Spheres in 2022: Cooperation or Competition? *SSHA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. No. 2. P. 65–82. DOI: [10.31857/S2686673023020050](https://doi.org/10.31857/S2686673023020050)
- Tsygankov A.P. (2022) The Global Conflict of Late Modernity: Logic and the Limits of Escalation. *Rossiia v global'noy politike*. Vol. 20. No. 6. P. 10–21. DOI: [10.31278/1810-6439-2022-20-6-10-21](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-6-10-21)
- Vorotnikova T.A. (2023) Hard to Be Left: Foreign Policy Strategies of the New “Pink Tide” Governments in Latin America. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 67. No. 1. P. 101–110. DOI: [10.20542/0131-2227-2023-67-1-101-110](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-1-101-110)
- Zoubir Y.H., Dabashi H., Gupta A., Maharajh R., Mahbubani K., Xiang L., Jayatilleka D., Chellaney B., Sanaei M., Cardim C.H. (2022) The Fate of Humanity Is Once Again Tightly Linked to That of Russia. *Rossiia v global'noy politike*. Vol. 20. No. 6. P. 82–96. DOI: [10.31278/1810-6439-2022-20-6-82-96](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-6-82-96)
- Zuenko I.Yu. (2022) The Dead Cannot Be Brought to Life. *Rossiia v global'noy politike*. Vol. 20. No. 5. P. 230–236. DOI: [10.31278/1810-6439-2022-20-5-230-236](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-5-230-236)

Дата поступления/Received: 17.07.2023

Экономические вопросы управления
Economic issues in administration

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-99-35-48

Особенности трансформации сферы услуг в новой экономической реальности

Восколович Нина Александровна

Доктор экономических наук, профессор, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: voskolovitch@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 3471-1650

ORCID ID: [0000-0003-1395-4930](https://orcid.org/0000-0003-1395-4930)

Аннотация

В статье рассмотрены особенности цифровой трансформации сферы услуг в современных условиях. Актуальность данной темы обусловлена значимостью применения цифровых технологий для развития сферы услуг в обеспечении повышения уровня и качества жизни населения. Цель исследования — проанализировать процесс цифровой трансформации сферы услуг и показать направления ее дальнейшего развития. В работе использованы данные официальной статистики, выборочных наблюдений, экспертные оценки, методы группировок, сравнительного анализа. Новизна статьи состоит в том, что показано влияние неравенства уровней цифровой трансформации регионов как препятствие к достижению их цифрового суверенитета; трендом, дополняющим цифровую трансформацию сферы услуг, становится сервисизация производственного сектора, создающего собственные службы сервисного назначения; дифференциация уровней применения отдельных цифровых технологий в ведущих отраслях сферы услуг сдерживает развитие цифровой экономики в целом; трансформация взаимоотношений хозяйствующих субъектов ведет к развитию партнерских отношений, появлению реляционных услуг, становлению новых бизнес-моделей, таких как экосистемы, маркетплейсы; во взаимоотношениях с потребителями цифровая трансформация непосредственно влияет на улучшение качества обслуживания. Особое внимание в статье уделено развитию форм поддержки цифровой трансформации компаний в сфере услуг в виде предпочтений при приобретении отечественного программного обеспечения, грантов, субсидий, консалтинга, использования рейтингов для поиска и отбора технологических компаний для их последующего участия в приоритетных проектах. В статье обоснованы рекомендации по дальнейшей активизации процесса цифровой трансформации посредством разработки критериев технологических компаний в сфере услуг и соответствующих им форм финансово-кредитной, консалтинговой, обучающей и иной поддержки; предпочтений при переходе на отечественное программное обеспечение в рамках государственных целевых проектов; стимулирующих рейтингов по поиску и отбору наиболее технологически продвинутых компаний как инструментов распространения успешных практик; применительно к малому и среднему бизнесу предлагается использовать понятие «малая технологическая компания» для усиления мер поддержки на региональном и местном уровнях.

Ключевые слова

Цифровая трансформация, сфера услуг, сервисизация, меры поддержки, рейтинги, успешные практики.

Features of Service Sector Transformation in New Economic Reality

Nina A. Voskolovich

DSc (Economics), Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: voskolovitch@mail.ru

ORCID ID: [0000-0003-1395-4930](https://orcid.org/0000-0003-1395-4930)

Abstract

The article discusses the features of the service sector digital transformation in modern conditions. The relevance of this issue is defined by the importance of using digital technologies for developing the service sector in ensuring an increase in the level and quality of life of the population. The aim of the study is to analyze the process of service sector digital transformation and show the directions of its further development. The study uses data from official statistics, sample observations, expert assessments, grouping methods, and comparative analysis. The novelty of the article lies in the fact that the influence of inequality in the levels of digital transformation of regions is shown as an obstacle to achieving their digital sovereignty; the trend complementing the digital transformation of the service sector is the servicization of the manufacturing sector that creates its own service services; differentiation of the levels of individual digital technologies application in the leading sectors of the service sector hinders the development of the digital economy as a whole; the transformation of relationships between economic entities leads to the development of partnerships, the emergence of relational services, the formation of new business models, such as ecosystems, marketplaces; in relations with consumers, digital transformation directly affects the improvement of the quality of service. Particular attention is paid to the development of forms of support for the digital transformation of companies in the service sector in the form of preferences for the acquisition of domestic software, grants, subsidies, consulting, the use of ratings for searching and selecting technology companies for their subsequent participation in priority projects. The article substantiates recommendations for further activation of the digital transformation process through the development of criteria for technology companies in the service sector and their corresponding forms of financial, credit, consulting, training and other support; preferences in the transition to domestic software within the framework of state targeted projects; stimulating ratings for the search and selection of the most technologically advanced companies as tools for the dissemination of successful practices; in relation to small and medium-sized businesses, it is suggested to use the concept of “small technology company” to strengthen support measures at the regional and local levels.

Keywords

Digital transformation, service sector, servicization, support measures, ratings, successful practices.

Введение

Новая экономическая реальность отличается высокой неопределенностью и воздействием множества разнонаправленных факторов. В этих сложных условиях сфера услуг продолжает выполнять свои важнейшие функции по поддержке и улучшению качества жизни населения, обеспечению вклада в ВВП страны, а также занятости населения и пополнения государственного бюджета. Наряду с этим в сфере услуг наметились и развиваются новые тренды, обуславливающие качественные преобразования бизнес-процессов, цифровую трансформацию технологий и управления хозяйственной деятельностью, изменение взаимоотношений в предпринимательстве, поведения потребителей и их взаимоотношений с поставщиками товаров и услуг, что предопределяет применение междисциплинарного подхода в ее изучении [Восколович 2019а].

Цель исследования — раскрыть особенности цифровой трансформации сферы услуг в условиях новой экономической реальности и наметить направления ее дальнейшего развития. Для достижения указанной цели были решены следующие задачи: охарактеризован процесс цифровой трансформации сферы услуг в целом по России, регионам и ведущим отраслям; раскрыт процесс сервисизации как тренд комплексной трансформации сферы услуг и производственной сферы; проанализировано влияние цифровой трансформации на взаимоотношения поставщиков и клиентов; выявлены изменения бизнес-моделей в сфере услуг; показаны направления развития поддержки процессов цифровой трансформации в сфере услуг.

Методология исследования

Высокая экономическая и социальная значимость развития сферы услуг неизменно привлекает внимание специалистов. Так, проблемы взаимосвязи активности политики цифровизации бизнеса и роста оборота деятельности рассмотрены на примерах ряда отраслей сферы услуг, в результате чего сделан вывод о сокращении числа предприятий и занятости персонала [Сидоров 2021]. Изменение отраслевой структуры, увеличение доли высокотехнологичных видов услуг, замена ряда неквалифицированных функций современными технологиями и соответствующий рост производительности труда, распространение гибких форм занятости приводят к преобразованиям в составе занятых работников и росту потребности в высококвалифицированном персонале [Гаджиева 2018]. Проблемам перестройки и оптимизации бизнес-процессов в условиях цифровой трансформации также посвящены несколько работ [Головцева, Сучкова 2020; Горбашко, Ватолкина 2019]. Региональные аспекты развития сферы услуг и ее динамику исследует ряд авторов [Асхабалиев 2017; Гусева 2011]. Влияние цифровой трансформации сферы услуг на качество жизни населения рассматривается как один из ведущих трендов [Восколович 2019b; Нежелченко и др. 2022]. Вместе с тем активное развитие цифровой трансформации в сфере услуг, поддерживаемое на национальном и региональном уровнях целевыми программами и проектами, быстро меняет ситуацию, создает новые тренды, что требует углубленного изучения. Для проведения данного исследования были использованы материалы официальной статистики, данные выборочных наблюдений и обследований, экспертные оценки, методы группировок, сравнительного анализа.

Общая характеристика цифровой экономики в Российской Федерации

Под цифровой трансформацией понимаются качественные изменения в бизнес-процессах или способах осуществления экономической деятельности (бизнес-моделях), происходящие вследствие внедрения цифровых технологий и приводящие к значительным

социально-экономическим эффектам¹. Одновременно меняются горизонтальные и вертикальные взаимосвязи бизнес-процессов, взаимоотношения между участниками создания стоимости, подходы к менеджменту и маркетингу, требования к квалификации и компетенциям занятых работников и многое другое.

Уровень цифровой зрелости характеризует комплексное использование технологий, квалификацию работающих с ними специалистов, направляемые на цели трансформации ресурсы, давая тем самым основу для понимания степени адаптации государства и бизнеса к новым условиям. Россия занимает следующие позиции в мировых рейтингах цифрового развития²:

- всемирный рейтинг цифровой конкурентоспособности(2021 г.): 42 место из 64;
- индекс готовности к сетевому обществу(2021 г.): 43 место из 130;
- индекс инклюзивного интернета(2022 г.): 30 место из 100;
- индекс мобильного взаимодействия(2021 г.): 38 место из 170 стран.

Экономическое и социальное развитие России находится в непосредственной зависимости от региональной экономики. В современных условиях сохраняются различия в уровне развития регионов (Таблица 1). По данным за 2021 год лидером выступает Центральный федеральный округ, в котором сосредоточена третья часть населения страны и соответствующая доля валового регионального продукта, инвестиций в основной капитал, розничного товарооборота³. Завершают рейтинг Северо-Кавказский и Сибирский федеральные округа, имеющие меньшую долю в численности населения с низкой плотностью его расселения по территории, большей дифференциацией среднедушевых денежных доходов, расходов и других показателей. Тем не менее в среднем по стране доля расходов на оплату услуг колеблется около четвертой части бюджетов домашних хозяйств, что свидетельствует о значимом месте сферы услуг в жизнеобеспечении населения.

Таблица 1. Доля организаций, использующих цифровые технологии, в организации и управлении хозяйственной деятельностью в регионах РФ в 2021 г. (в % к общему количеству организаций)⁴

Федеральные округа	Облачные сервисы	Технологии сбора, обработки и анализа больших данных	Цифровые платформы	ЕВР-системы	Интернет вещей	Геоинформационные системы	Технологии искусственного интеллекта
Российская Федерация в целом	27,1	25,8	14,7	13,8	13,7	12,8	5,7
1. Центральный ФО	28,9	25,0	15,5	15,5	14,2	11,2	6,6
2. Северо-Западный ФО	28,2	25,6	14,9	14,6	13,5	13,1	5,4
3. Южный ФО	24,7	26,3	14,0	11,6	13,1	12,2	5,5
4. Северо-Кавказский ФО	26,0	28,6	14,6	11,8	17,2	13,0	5,3
5. Поволжский ФО	27,8	23,8	14,1	14,1	13,0	12,6	5,5

¹ Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты. С. 14–15 // ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/463148459.pdf> (дата обращения: 15.04.2023).

² Индикаторы цифровой экономики 2022: статистический сборник. С. 30 // ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/780810055.pdf> (дата обращения: 15.04.2023).

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. С. 28–31, 250–253 // Росстат [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения: 15.04.2023).

⁴ Составлено автором по: Индикаторы цифровой экономики 2022: статистический сборник. С. 293–302 // ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/780810055.pdf> (дата обращения: 15.04.2023).

6. Уральский ФО	26,8	30,8	16,3	15,4	15,4	14,7	6,2
7. Сибирский ФО	25,1	25,1	14,4	12,2	12,1	13,8	4,7
8. Дальневосточный ФО	23,8	28,2	12,6	9,7	13,3	13,2	3,9

Уровень развития регионов во многом зависит от цифровой трансформации экономики в целом. Человеческий капитал, инвестиционный климат, институциональная среда, цифровая инфраструктура, используемые технологии и инновации — это ресурсы, определяющие возможность, вектор и скорость цифровой трансформации⁵. Согласно рейтингу цифровой трансформации 2022 г. (включает семь показателей: цифровая зрелость региона, платформа обратной связи, меры поддержки IT-отрасли, информационная безопасность, эксплуатация системы внутриведомственного электронного взаимодействия (СВЭВ), уровень импортонезависимости ПО и перевод массово социально значимых услуг в электронный вид), группу лидеров возглавили Республика Татарстан, Белгородская и Тульская области⁶. Чукотский автономный округ, Тамбовская область, Ставропольский край, набравшие минимальное число баллов, находятся в конце рейтинга. Неравенство регионов в цифровой среде ведет к тому, что менее продвинутые регионы не могут в равной степени достигнуть необходимого цифрового суверенитета [Леонтьева и др. 2021].

Дополняющим и развивающимся трендом в современных условиях следует считать сервисизацию «как феномен в промышленном производстве, при котором промышленные компании не только покупают и производят больше услуг, чем раньше, но также продают и экспортируют больше услуг в качестве интегрированных видов деятельности, при этом, как правило, происходит трансформация бизнес-модели самих компаний и репозиционирование в цепочках создания стоимости»⁷. Сервисизация в производственных отраслях формируется вследствие роста потребительских запросов, усиливающейся конкуренции и поиска путей повышения рентабельности. По экспертным оценкам, 88% производственных компаний создают собственные сервисные службы по оптовой и розничной торговле, хранению, транспортировке, логистике, маркетингу, а также послепродажному обслуживанию (монтаж, ремонт, лизинг, аренда)⁸. Наряду с этим увеличивается спрос на аутсорсинг услуг (например, бухгалтерский учет), то есть формируется внешняя сервисизация. Процесс сервисизации по мере своего развития ведет к формированию комплексной деятельности производственных компаний, усиливающейся цифровой трансформации, которая распространяется как на взаимоотношения с поставщиками, так и с потребителями.

Особенности цифровой трансформации отраслей сферы услуг

Исследование эволюции цифровой трансформации в сфере услуг привело к выделению трех ее этапов:

- 1) этапа испытаний, когда цифровые технологии стали применяться для улучшения качества услуг;
- 2) этапа конвергенции, в результате которой глобальное распространение смартфонов создало условия для интеграции сетевых сервисных моделей;

⁵ Индекс цифрового развития субъектов Российской Федерации (Рейтинг) в рамках реализации Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Цифровая эволюция [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80adbvdrrdn3buj1grakh.xn--p1ai/storage/filemanager/presentation/nircerf/karasev-indeks-tsifrovogo-razvitiya.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).

⁶ Цифровизация регионов России // Tadviser [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%> (дата обращения: 17.03.2023).

⁷ Услуга за услугу: сервисизация промышленности требует новой промышленной политики. Доклад НИУ ВШЭ. С. 5 // ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://conf.hse.ru/2022/papers/> (дата обращения: 15.04.2023).

⁸ Там же. С. 49.

- 3) этапа собственно трансформации с полной перестройкой цепочек создания стоимости, в которой участие потребителя/пользователя стало источником инноваций [Chin et al. 2023].

Как показывают обследования, применение цифровых технологий в отраслях сферы услуг находится на различных уровнях (Таблица 2). Так, облачные сервисы используются примерно третьей частью организаций торговли, гостиничного и ресторанного хозяйства, информации и связи, в здравоохранении и отрасли информационных технологий преимущественно для целей электронной почты, хранения данных и в гораздо меньшей степени для размещения и разработки программного обеспечения, специальных программных средств. Внедрение технологий сбора, обработки и анализа больших данных требует как времени на освоение приемов интеграции данных, статистической обработки, так и затрат на разработку машинного обучения, нейронных сетей. Возможности предиктивной аналитики и имитационного моделирования в повышении эффективности управленческих решений стимулируют дальнейшую разработку и применение этих технологий.

Таблица 2. Использование цифровых технологий в отраслях сферы услуг в РФ в 2021 г. (в % к общему числу организаций)⁹

Отрасли сферы услуг	Облачные сервисы	Технологии сбора, обработки и анализа больших данных	Цифровые платформы	Центры обработки данных	Геоинформационные системы	Интернет вещей	Технологии искусственного интеллекта
1. Торговля	39,8	32,3	24,6	24,3	14,6	23,0	14,4
2. Транспорт и хранение	21,2	23,5	12,7	12,1	15,67	15,0	4,4
3. Гостиницы и рестораны	29,9	31,9	15,5	15,2	6,6	21,5	8,6
4. Информация и связь	33,9	32,9	21,3	20,8	15,2	15,1	9,8
5. Отрасль информационных технологий	37,3	33,3	23,2	22,6	12,4	13,7	9,6
6. Финансы	38,9	45,5	33,2	32,9	26,0	11,2	13,0
7. Операции с недвижимостью	17,0	18,3	7,5	6,9	7,8	9,4	2,3
8. Профессиональная научная и техническая деятельность	21,6	20,3	9,3	8,5	8,8	8,2	2,6
9. Высшее образование	47,1	31,5	31,9	29,9	18,5	19,7	9,1
10. Здравоохранение и социальные услуги	34,0	30,6	16,5	15,4	14,3	15,1	2,9
11. Культура и спорт	20,3	19,4	7,6	6,9	6,7	9,2	2,0
12. Государственное управление и социальное обслуживание	21,2	19,5	9,1	8,1	11,2	8,5	2,0

Новые бизнес-модели формируются на основе цифровых платформ, служащих для обмена различными товарами, продуктами, услугами посредством онлайн-взаимодействия поставщиков и потребителей. Распространение цифровых платформ более активно происходит в торговле, финансовой системе, высшем образовании, связи, отрасли информационных технологий, что снижает транзакционные издержки и укрепляет взаимовыгодные партнерские отношения. Дальнейшее развитие этого направления цифровой трансформации, как представляется, будет происходить посредством отраслевых целевых [проектов](#), таких как «Цифровая торговля»,

⁹ Составлено автором по: Индикаторы цифровой экономики 2022: статистический сборник. С.219–222 // ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/780810055.pdf> (дата обращения: 15.04.2023).

«Цифровое образование», «Цифровое здравоохранение», «Цифровые финансы», «Цифровой транспорт», «Цифровой туризм» и др., способствуя продвижению наиболее эффективных разработок, распространению лучших практик и повышению конкурентоспособности бизнеса.

Использование технологий искусственного интеллекта в отраслях российской сферы услуг неодинаково. Наиболее продвинуты в анализе больших данных финансовая система, информация и связь, торговый, гостиничный и ресторанный бизнес (Таблица 3). При этом только часть аналитики выполняется силами сотрудников этих организаций, прежде всего вследствие дефицита квалифицированных кадров. В торговле на лучшем, в сравнении с другими отраслями, уровне находится наблюдение за активностью покупателей и передвижением транспортных средств. Тем не менее искусственный интеллект как программный комплекс находит в сфере услуг все большее применение, способствуя решению конкретных задач и автоматизируя многие процессы:

- на транспорте и в логистике искусственный интеллект используется для регулирования транспортных потоков, разработки «умных» дорожных систем, создания беспилотных транспортных средств;
- в крупных торговых, гостиничных, ресторанных сетях посредством применения технологий искусственного интеллекта осуществляется контроль за ассортиментом товаров, анализируется активность покупателей, разрабатывается аналитика для принятия управленческих решений;
- в финансовой системе искусственный интеллект применяется для подтверждения точности финансовых операций на основе обработки больших данных, ускорения анализа кредитных историй и решений по выдаче ссуд, обеспечивая тем самым безопасность транзакций;
- в медицине искусственный интеллект повышает точность диагностики, способствует подбору более эффективных методик лечения;
- в образовании внедрение искусственного интеллекта позволяет адаптировать учебные программы к различной успеваемости студентов, а также обеспечивает контроль проверки полученных знаний и компетенций;
- в культуре, анализируя личные данные пользователя, искусственный интеллект может подобрать музыкальную композицию с учетом настроения, местонахождения и других факторов;
- в спорте на основе анализа данных спортсменов искусственный интеллект оценивает их потенциал для разработки программ тренировок, составления прогнозов соревнований, матчей, олимпиад.

Таблица 3. Использование технологий искусственного интеллекта в организациях сферы услуг РФ в 2021 г. (в % к общему числу организаций отрасли)¹⁰

	Торговля	Транспорт и хранение	Гостиницы и рестораны	Информация и связь	Финансы	Высшее образование	Здравоохранение и социальные услуги	Культура и спорт
1. Анализ больших данных, всего	12,7	8,8	11,4	15,4	18,6	11,8	8,7	3,8
в том числе силами сотрудников организации	7,3	3,8	7,8	9,1	12,4	8,1	5,0	2,3
2. Отслеживание передвижения транспорта или продукции	13,5	10,1	7,2	4,6	3,2	3,4	4,3	1,4
3. Наблюдение за активностью покупателей	14,7	3,0	7,9	4,6	3,2	2,4	2,0	1,7
4. Интеллектуальный анализ данных	9,9	1,1	7,3	7,1	10,8	5,8	0,7	0,5
5. Обработка естественного языка	10,4	0,8	8,5	4,3	19,8	5,4	0,8	0,9
6. Распознавание и синтез речи	9,6	2,8	7,2	5,2	9,6	3,7	0,9	0,4
7. Интеллектуальные системы принятия решений	8,9	0,7	2,7	5,1	8,5	3,4	0,5	0,4
8. Анализ данных, основанный на алгоритмах глубинного обучения	9,7	0,9	2,7	,2	8,5	4,2	0,5	0,4

Трансформация взаимоотношений поставщиков и клиентов в процессе цифрового обслуживания

Внедрение цифровых технологий в производственно-экономическую деятельность вносит существенные изменения во взаимоотношения хозяйствующих субъектов, а также в их отношения с клиентами и потребителями. Стремление повысить конкурентоспособность и рентабельность побуждает компании переходить от транзакционной модели, ориентированной на продукт, к взаимодействию, ориентированному на реляционные услуги¹¹. Эта реляционная трансформация осуществляется посредством цифровой сервисизации [Kamalaldin et al. 2020, 306]. Реляционные отношения приобретают особую ценность в условиях неопределенности, когда хозяйствующие субъекты приходят к пониманию высокой значимости партнерского взаимодействия в сравнении с конкуренцией. Возможности реляционных отношений усиливаются цифровой трансформацией, когда цифровые технологии и инструменты создают дополнительные преимущества в доступности и безопасности контактов независимо от времени и пространственного местонахождения. Так, в получении от партнеров сведений о товарах, работах и услугах заинтересованы более половины субъектов, хозяйствующих в основных отраслях сферы услуг (Таблица 4). Около половины из них предоставляют информацию о своих потребностях в товарах, работах и услугах. Примерно столько же осуществляют оплату посредством электронных операций, а также заинтересованы в получении электронной продукции. Наиболее продвинуты в этом отношении

¹⁰ Составлено автором по: Индикаторы цифровой экономики 2022: статистический сборник. С. 237–239 // ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/780810055.pdf> (дата обращения: 15.04.2023).

¹¹ Реляционные услуги (от англ. relation — отношение, связь) — услуги в ходе двухсторонних взаимоотношений компании с другими хозяйствующими субъектами в целях повышения конкурентоспособности, увеличения прибыли и укрепления безопасности.

здравоохранение, система высшего образования, отрасль информационных технологий, информация и связь, торговля. В целом достигнутые изменения, как представляется, подтверждают тенденцию формирования реляционных отношений.

Таблица 4. Использование интернета в отраслях сферы услуг для связи с поставщиками в 2021 г. (в % к общему числу организаций)¹²

Отрасли сферы услуг	Получение сведений о товарах, работах, услугах	Предоставление сведений о потребностях организации в товарах, работах, услугах	Оплата товаров, работ, услуг	Получение электронной продукции
1. Торговля	66,5	59,8	53,0	40,4
2. Транспорт и хранение	55,6	42,6	38,5	30,7
3. Гостиницы и рестораны	58,5	43,1	34,2	22,8
4. Информация и связь	67,9	52,9	50,8	45,1
5. Отрасль информационных технологий	70,8	53,8	47,1	47,4
6. Финансы	52,5	34,4	34,7	36,3
7. Операции с недвижимостью	46,8	31,0	39,2	22,7
8. Профессиональная научная и техническая деятельность	53,5	39,3	43,1	31,9
9. Высшее образование	76,3	67,0	63,6	64,7
10. Здравоохранение и социальные услуги	76,7	69,2	64,4	46,2
11. Культура и спорт	53,6	41,0	33,0	23,8
12. Государственное управление и социальное обслуживание	58,0	47,0	41,9	28,9

Заметные изменения происходят в отраслях сферы услуг во взаимоотношениях с потребителями. Около половины организаций предоставляют потребителям сведения о товарах, работах и услугах посредством интернета (Таблица 5). Эволюция инструментов продвижения на рынок товаров и услуг привела к переходу от офлайн-каналов продвижения, ориентированных на массового потребителя, таких как телевидение, радио, печатные издания, к онлайн-каналам взаимодействия с целевой аудиторией, в том числе посредством соцсетей, прямой рассылки электронных сообщений (через электронные почты), рекламы в мобильных приложениях и др. Таргетированная онлайн-реклама становится действенным инструментом маркетинга, стабильным каналом коммуникаций с потребителями.

Таблица 5 Использование интернета в отраслях сферы услуг для связи с потребителями в 2021 г. (в% к общему числу организаций)¹³

Отрасли сферы услуг	Предоставление сведений об организации, ее товарах, работах, услугах	Электронные расчеты с потребителями	Послепродажное обслуживание	Распространение электронной продукции
1. Торговля	64,7	51,9	17,1	13,7
2. Транспорт и хранение	41,4	26,8	7,7	6,6
3. Гостиницы и рестораны	39,2	29,0	4,3	4,2

¹² Составлено автором по: Индикаторы цифровой экономики 2022: статистический сборник. С. 252 // ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/780810055.pdf> (дата обращения: 15.04.2023).

¹³ Составлено автором по: Индикаторы цифровой экономики 2022: статистический сборник. С. 253 // ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/780810055.pdf> (дата обращения: 15.04.2023).

4. Информация и связь	57,3	36,8	23,1	25,8
5. Отрасль информационных технологий	54,5	33,6	26,9	22,7
6. Финансы	59,2	41,7	30,2	25,2
7. Операции с недвижимостью	32,2	23,2	3,8	3,5
8. Профессиональная научная и техническая деятельность	38,9	24,2	5,9	6,0
9. Высшее образование	72,4	42,4	12,4	23,5
10. Здравоохранение и социальные услуги	64,0	32,6	5,2	4,8
11. Культура и спорт	43,8	18,6	3,2	6,3
12. Государственное управление и социальное обслуживание	29,8	13,2	2,5	2,8

В электронных расчетах с потребителями лидируют торговля и финансовая система. Доля послепродажного обслуживания с помощью интернет-взаимодействия пока невелика: в финансовой сфере — 30,2%, в отрасли информационных технологий — 26,9%, в информации и связи — 23,1%, в торговле — 17,1% от общего числа организаций. В остальных отраслях этот процесс находится на начальном уровне, что отражается на качестве обслуживания и ставит задачу более полного использования электронных операций.

Изменение бизнес-моделей в сфере услуг

В ходе цифровой трансформации меняются не только взаимоотношения хозяйствующих субъектов (происходит переход от конкурентных отношений к партнерским), преобразуются и бизнес-модели. Появление цифровых платформ послужило основой для онлайн-обмена продуктами, товарами, услугами, информацией, что существенно ускорило эти операции, сделало их более доступными и экономичными. Тем не менее доля организаций сферы услуг, использующих цифровые платформы как бизнес-модель, пока невелика (см. Таблицу 2).

Более продвинута клиентоцентричная бизнес-модель в виде цифровой экосистемы, работающей с двумя и более группами товаров, продуктов, услуг, информации, действующей на нескольких рынках и ориентированной на удовлетворение конечных потребностей клиентов¹⁴. Крупные российские цифровые экосистемы по основным направлениям своей деятельности относятся к сфере услуг, вертикально формируя вокруг основного бизнеса другие виды услуг¹⁵:

- банки: «Сбер», «Тинькофф», «ВТБ», «Сеть Партнерств» (включающая «Газпромбанк»);
- IT и телеком: «Яндекс», «МТС», «Магафон»;
- ритейл и классифайд: X5 Retail Group, Widberries, Ozon, «Авито».

Многие из перечисленных экосистем используют единые ID, системы подписки и лояльности, чат-боты и др., что усиливает процесс взаимопроникновения различных видов деятельности, присоединения новых видов сервиса, комплексности обслуживания. Если вначале цифровой трансформации экосистемы строились путем интеграции основного бизнеса, например банковского, с другими компаниями, то сейчас все большее распространение

¹⁴ Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovuh_platform_i_ekosistem (дата обращения: 10.04.2023).

¹⁵ Как российские компании развивают экосистемы-2022 // VC.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/u/163530-nikolay-sedashov/349623-kak-rossiyskie-kompanii-razvivayut-ekosistemy-2022> (дата обращения: 10.04.2023).

получает заключение партнерств, что ведет к экономии на разработке собственных продуктов и приобретении других компаний. Стратегия партнерства в ряде случаев не требует отказа от собственных брендов, что также способствует ее использованию. Эволюция программ лояльности привела к возникновению мультисервисной подписки, которая выполняет функции связующего звена для партнеров и одновременно позволяет пользователю / потребителю экономить на бонусах, скидках, кэшбеке и других привилегиях¹⁶. Подписки в ряде случаев не создают прибыль, но при этом выполняют другую весьма важную функцию — увеличение числа приверженных потребителей.

Другая бизнес-модель, базирующаяся на цифровой платформе и все больше распространяющаяся в сфере услуг, — маркетплейсы, успешно конкурирующие с интернет-магазинами. Маркетплейсы могут работать как под собственным брендом, так и в виде каталога привлеченных компаний. Главная функция маркетплейса — связать продавца с покупателем, обеспечив при этом удобный и представительный поиск товаров и услуг, маркетинговую поддержку, аналитику и др. Как показывают обследования, около половины населения России делали онлайн-покупки на маркетплейсах, которым покупатели отдавали предпочтения (в сравнении с интернет-магазинами) по таким критериям, как уровень цен, качество акций и распродаж, широта ассортимента, удобство в получении заказа, тогда как интернет-магазины имели преимущества в качестве товаров¹⁷.

Наиболее крупные российские маркетплейсы, такие как «ЯндексМаркет» («Беру»), «СберМегаМаркет», KazanExpress и др., обеспечивают около половины розничного товарооборота страны. Тем не менее доля электронных продаж в торговле составляет лишь 32,7%, в том числе с помощью маркетплейсов, а через сайт или мобильное приложение совершается только 17,5% покупок (Таблица 6). В других отраслях сферы услуг показатели еще меньше.

**Таблица 6. Электронные продажи организаций по отраслям сферы услуг
(в % к общему числу организаций)¹⁸**

Отрасли сферы услуг	Продажи, всего	Из них с использованием маркетплейсов (через сайт или мобильное приложение)
1. Торговля	32,7	17,5
2. Транспорт и хранение	15,1	5,6
3. Гостиницы и рестораны	25,0	13,1
4. Информация и связь	21,5	7,3
5. Отрасль информационных технологий	18,5	5,2
6. Финансы	21,0	8,8
7. Операции с недвижимостью	8,9	2,7
8. Профессиональная научная и техническая деятельность	9,3	3,3
9. Высшее образование	20,2	5,3
10. Здравоохранение и социальные услуги	16,0	5,4
11. Культура и спорт	12,0	3,8
12. Государственное управление и социальное обслуживание	6,5	2,3

¹⁶ Там же.

¹⁷ Покупки россиян на маркетплейсах: исследование Data Insight // E-pepper [Электронный ресурс]. URL: <https://e-pepper.ru/news/pokupki-rossiyan-na-marketpleysakh-issledovanie-data-insight.html> (дата обращения: 15.04.2023).

¹⁸ Составлено автором по: Индикаторы цифровой экономики 2022: статистический сборник. С. 250 // ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/780810055.pdf> (дата обращения: 15.04.2023).

Развитие форм поддержки цифровой трансформации

Достигнутый уровень использования цифровых технологий в организации и управлении хозяйственной деятельностью ведущих отраслей сферы услуг свидетельствует о включении их в этап цифровой трансформации. Принятие поддерживающих и стимулирующих мер на предстоящий период, в том числе предусмотренных указом Президента РФ № 83 от 02.03.2022, как ожидается, должно ускорить этот процесс¹⁹. Поддержке процесса цифровой трансформации малого и среднего предпринимательства должны способствовать меры по льготному приобретению программного обеспечения за счет 50-процентной компенсации стоимости лицензии производителю в рамках федерального проекта «Цифровые технологии» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»²⁰. Расширена грантовая поддержка отечественных IT-компаний и предоставление субсидий поддерживающим их российским фондам, что нацелено на дальнейшее импортозамещение, сокращение оттока квалифицированных кадров и ускорение цифровой трансформации²¹. В соответствии с Постановлением № 1826 от 13.10.2022 разрабатывается единый реестр получателей государственной поддержки инновационной деятельности, что ускорит обмен сведениями между государственными и ведомственными информационными системами и информационными ресурсами институтов развития.

К закону «О науке и научно-технической политике» предлагается установить поправку и ввести понятие «малая технологическая компания», что позволит расширить круг мер государственной поддержки. Малая технологическая компания — это коммерческая организация, создающая и/или применяющая при разработке и/или производстве продукции результаты интеллектуальной деятельности и соответствующая критериям по объему выручки, виду экономической деятельности, научно-техническому потенциалу и условиям реализации научно-технической или производственно-коммерческой деятельности²².

Важное значение имеют и другие меры. Некоммерческая организация «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере» ([Фонд содействия инновациям](#)) оказывает финансовую поддержку молодым ученым и малым предприятиям, осуществляющим научные разработки с высоким потенциалом коммерциализации. Проект «[СберПРО Цифровое развитие](#)» оказывает помощь в разработке цифровой стратегии, разработке и внедрении конкретных решений цифровой трансформации бизнеса.

Российский рейтинг «[ТехУспех](#)» представляет собой базу поиска и отбора отечественных технологических компаний для участия в приоритетном проекте Минэкономразвития «Поддержка частных высокотехнологических компаний-лидеров» («Национальные чемпионы»), в котором также есть IT-компании, в той или иной степени присутствующие в сфере услуг (например, разработчик решений в области бизнес-аналитики «Форсайт»). Ежегодно составляется «портрет» российского среднего технологического бизнеса с тем, чтобы отобрать тех, кому будет оказана поддержка.

¹⁹ Указ Президента РФ от 02.03.2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в РФ» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/403594486/> (дата обращения: 12.05.2023).

²⁰ Программа поддержки цифровизации малого и среднего бизнеса // Российский фонд развития информационных технологий [Электронный ресурс]. URL: <https://rfrit.ru/msp/4> (дата обращения: 12.05.2023).

²¹ Меры Правительства по повышению устойчивости экономики и поддержке граждан в условиях санкций // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/sanctions_measures/ (дата обращения: 19.05.2023).

²² Определены общие критерии технологических компаний // Новосибирский областной инновационный фонд [Электронный ресурс]. URL: <https://fondnid.ru/presscenter/opredeleny-obshchie-kriterii-tehnologicheskikh-kompaniy> (дата обращения: 19.05.2023).

Вместе с тем представляется целесообразным дальнейшее масштабирование наиболее продвинутых практик цифровой трансформации как в целом отраслей сферы услуг, так и отдельных компаний. Значительный вклад в этот процесс могут внести разработки по определению критериев технологических компаний в сфере услуг по аналогии с имеющимися критериями, используемыми для оказания господдержки бизнесу. Так, например, быстро растущие инновационные компании²³ (с числом занятых более 10 и среднегодовым приростом выручки или числа сотрудников более чем 20%), составившие в совокупности 28,6 тыс. предприятий, или 15% от их общей численности, обеспечили рост выручки в 2020 г. на 41%, а занятости на 18% в сравнении с 2017 г. При этом рост достигнут за счет производительности труда, увеличившейся в два раза, путем применения наукоемких технологий, использования специалистов, способных работать со сложными технологиями и технологическим оборудованием. Уже в настоящее время 21% таких компаний сосредоточены в торговле, 14% — в наукоемких рыночных услугах²⁴. Таким быстро растущим компаниям нужна финансово-кредитная поддержка, а также правовая, маркетинговая поддержка и бизнес-консалтинг, что можно реализовать посредством поиска и отбора тех из них, которые способны быстро продвигаться к цифровой зрелости и прокладывать дорогу другим.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует, что в современных условиях сформировались основные предпосылки активизации цифровой трансформации в сфере услуг, значимость которой в решении задач дальнейшего роста уровня и качества жизни населения России возрастает. Для активизации процесса цифровой трансформации представляется целесообразной реализация следующих мер:

- разработка критериев технологических компаний ведущих отраслей сферы услуг для определения наиболее эффективных форм финансово-кредитной, консалтинговой, обучающей и иной поддержки;
- расширение возможностей получения преференций при переходе на отечественное программное обеспечение посредством целевых проектов «Цифровое здравоохранение», «Цифровое образование», «Цифровой транспорт», «Цифровой туризм» и др.;
- разработка стимулирующих рейтингов по поиску и отбору в сфере услуг компаний, наиболее продвинутых в технологическом отношении, как инструмента повышения мотивации к распространению наиболее успешных практик цифровой трансформации;
- распространение понятия «малая технологическая компания» на малый и средний бизнес в сфере услуг для выработки и реализации мер поддержки в цифровой трансформации на региональном и местном уровнях.

Список литературы:

Асхабалиев И.Ч. Региональные аспекты доступности платных услуг населению // АНИ: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 2(19). С. 25–29.

Восколович Н.А. Междисциплинарный подход в оценке развития современной сферы услуг // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2019а. № 5. С. 80–91.

²³ Господдержке не угнаться за «газелями» // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5652437?from=doc_vrez (дата обращения: 19.05.2023).

²⁴ Там же.

Восколович Н.А. Измерение влияния цифровой трансформации сферы услуг на качество жизни населения // Государственное управление. Электронный вестник. 2019b. № 75. С. 6–23. DOI: [10.24411/2070-1381-2019-00001](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-00001)

Гаджиева А.Г. Цифровизация и занятость: роль отраслей сферы услуг // Инновации. 2018. № 2(232). С. 61–70.

Головцева И.Г., Сучкова М.Ю. Цифровая трансформация сферы услуг в новых условиях // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2020. № 4(54). С. 81–86.

Горбашко Е.А., Ватолкина Н.Ш. Тенденции развития сфер услуг в условиях цифровой трансформации экономики // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2019. № 3(49). С. 45–51.

Гусева А.Н. Сравнительный анализ состояния и проблем развития сферы услуг России и ее регионах // Научно-технические ведомости. 2011. № 3(125). С. 78–86.

Леонтьева Л.С., Кудина М.В., Воронов А.С., Сергеев С.С. Формирование национального цифрового суверенитета в условиях пространственного дифференцированного развития // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 277–299. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-84-277-299](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-277-299)

Нежелъченко Е.В., Ясенюк С.Н., Золоторева О.И., Герасимова Н.А. Диагностика влияния развития сферы услуг на качество жизни населения (на материалах регионов Центрального федерального округа) // Региональная экономика и управление. Электронный научный журнал. 2022. № 2(70). DOI: [10.24412/1999-2645-2022-270-12](https://doi.org/10.24412/1999-2645-2022-270-12)

Сидоров А.А. Развитие сферы услуг в условиях цифровой трансформации национальной экономики // Теоретическая и прикладная экономика. 2021. № 1. С. 39–47. DOI: [10.25136/2409-8647.2021.1.35316](https://doi.org/10.25136/2409-8647.2021.1.35316)

Chin H., Marasini D.P., Lee D. Digital Transformation Trends in Service Industries // Service Business. 2023. Vol. 17. P. 11–36. DOI: [10.1007/s11628-022-00516-6](https://doi.org/10.1007/s11628-022-00516-6)

Kamalaldin A., Linde L., Sjödin D., Parida V. Transforming Provider-Customer Relationships in Servitization: A Relational View on Digitalization // Industrial Marketing Management. 2020. Vol. 89. P. 306–325. DOI: [10.1016/j.indmarman.2020.02.004](https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2020.02.004)

References:

Askhabaliyev I.Ch. (2017) The Regional Aspects of Paid Services Accessibility to the Population. *ANI: ekonomika i upravlenie*. Vol. 6. No. 2(19). P. 25–29.

Gadzhieva A.G. (2018) Digitalization and Employment: The Role of Service Sector Industries. *Innovatsii*. No. 2(232). P. 61–70.

Chin H., Marasini D.P., Lee D. (2023) Digital Transformation Trends in Service Industries. *Service Business*. Vol. 17. P. 11–36. DOI: [10.1007/s11628-022-00516-6](https://doi.org/10.1007/s11628-022-00516-6)

Golovtsova L.G. Suchkova M.U. (2020) Digital Transformation of the Service Sphere in New Conditions. *Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa*. No. 4(54). P. 81–86.

Gorbashko E.A., Vatulkina N.Sh. (2019) Trends in Service Sector Development in the Era of Digital Transformation. *Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa*. No. 3(49). P. 45–51.

Guseva A.N. (2011) The Comparative Analysis of State and Problems of the Scope of Services in Russia and Its Regions. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti*. No. 3(125). P. 78–86.

Kamalaldin A., Linde L., Sjödin D., Parida V. (2020) Transforming Provider-Customer Relationships in Servitization: A Relational View on Digitalization. *Industrial Marketing Management*. Vol. 89. P. 306–325. DOI: [10.1016/j.indmarman.2020.02.004](https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2020.02.004)

Leontieva L.S., Kudina M.V., Voronov A.S., Sergeev S.S.(2021) Creating National Digital Sovereignty in the Context of Spatial Development Differentiation. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 84. P. 277–299. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-84-277-299](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-277-299)

Nezhelchenko E.V., Yasenok S.N., Zolotaryova O.I., Gerasimova N.A. (2022) Diagnostics of the Impact of the Development of the Service Sector on the Quality of Life of the Population (on the Materials of the Regions of the Central Federal District). *Regional'naya ekonomika i upravleniye. Elektronnyy nauchnyy zhurnal*. No. 2(70). DOI: [10.24412/1999-2645-2022-270-12](https://doi.org/10.24412/1999-2645-2022-270-12)

Sidorov A.A. (2021) The Development of Service Sector in the Conditions of Digital Transformation of the National Economy. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika*. No.1. P.39–47. DOI: [10.25136/2409-8647.2021.1.35316](https://doi.org/10.25136/2409-8647.2021.1.35316)

Voskolovich N.A. (2019a) Interdisciplinary Approach in Assessing the Development of Modern Services Sector. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*. No. 5. P. 80–91.

Voskolovich N.A. (2019b) Measuring the Impact of Digital Transformation of Services on the Quality of Life. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 75. P. 6–23. DOI: [10.24411/2070-1381-2019-00001](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-00001)

Дата поступления/Received: 09.06.2023

Специальные инвестиционные контракты нового поколения — СПИК 2.0: особенности использования и перспективы

Евстафьева Юлия Валерьевна

Кандидат экономических наук, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: Yevstafyeva@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [9943-8023](https://elibrary.ru/9943-8023)

Аннотация

С 2021 г. в Российской Федерации используется особый правовой режим стимулирования инвестиционной деятельности — специальный инвестиционный контракт второго поколения (СПИК 2.0). Данный инструмент промышленной и инвестиционной политики имеет ряд отличий от своей первой версии, главным из которых является исключительная технико-внедренческая направленность. В сложившихся политико-экономических условиях развитие собственной технологической базы и промышленного производства на ее основе является критически необходимым для укрепления экономического суверенитета. Целью исследования является изучение опыта использования СПИК 2.0 с момента запуска по настоящее время для решения стоящих перед государством задач. Исследование проведено на основе данных, размещенных в Государственной информационной системе промышленности, а именно данных публичного реестра специальных инвестиционных контрактов и публичного реестра конкурсных отборов, с использованием следующих методов: статистического, логического анализа, синтеза, сравнения и обобщения. С 2021 г. по июль 2023 г. было заключено 27 специальных инвестиционных контрактов по модели СПИК 2.0, в рамках которых предусматривается освоение серийного производства промышленной продукции на базе технологий, признанных в установленном порядке современными для целей заключения специинвестконтрактов. В рамках заключенных СПИК 2.0 предполагается освоение 26 технологий из почти 770, внесенных в специальный правительственный перечень; общий объем инвестиционных обязательств частной стороны составил 736,7 млрд руб. Данные результаты дают основания признать использование потенциала инструмента СПИК 2.0 недостаточным для решения задач промышленной и инвестиционной политики и рекомендовать интенсифицировать работу уполномоченных органов по проведению конкурсов на освоение современных технологий в рамках СПИК 2.0.

Ключевые слова

Специальный инвестиционный контракт, СПИК 2.0, промышленная политика, инновационное развитие промышленности, технико-внедренческие инвестиционные проекты, инвестиции в промышленность, технологическое развитие, стимулирование инвестиций.

Special Investment Contracts of New Edition — SPIC 2.0: Features of Use and Perspectives

Yulia V. Yevstafyeva

PhD, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Yevstafyeva@spa.msu.ru

Abstract

Since 2021 there is a special legal regime in the Russian Federation used for stimulating investment activity — special investment contract of the second edition (SPIC 2.0). This instrument of industrial and investment policy has a number of distinctions from its initial version, and the main one is its technology implementation focus. Under the current political and economic conditions development of the own technological base and based on that industrial production is critically necessary for strengthening the economic sovereignty. The aim of the research is to study the experience of using SPIC 2.0 from the moment of launch to the present to achieve the objectives of the state. The study was based on data from the State industrial information system, in particular the data of the public registry of special investment contracts and public registry of competitive selection. The following methods were used: statistical, logical analysis, synthesis, comparison and generalization. Since 2021 till July 2023 there were 27 special investment contracts signed according to the model of SPIC 2.0 which provides serial production of industrial goods on the basis of the technologies which in accordance with the established procedure are considered modern for special investment contract purposes. As a part of the signed SPIC 2.0 it is planned to develop 26 technologies out of approximately 770 included in the special government list; the total volume of investment obligations of the private party amounted to 736,7 billion rubles. These results give grounds for recognizing the use of the potential of the SPIC 2.0 tool as insufficient for solving the tasks of industrial and investment policy and recommend intensifying work of authorized bodies in holding competitions for the development of modern technologies within the framework of SPIC 2.0.

Keywords

Special investment contract, SPIC 2.0, industrial policy, innovations-based industrial development, technology implementation investment projects, industrial investments, technological development, investment incentives.

Введение

Специальный инвестиционный контракт (СПИК) появился в российском правовом поле в качестве инструмента промышленной политики с принятием Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»¹. Изменения, внесенные в инструмент специальных инвестиционных контрактов в 2019 г., были столь масштабными и существенно значимыми, что можно говорить о его полноценной реформе [Евстафьева 2020]. Так, во второй версии инструмента были, в частности, изменены субъектный состав публичной стороны договора, предмет договора, максимальный срок действия, условия и порядок заключения. Отличия двух моделей специальных инвестиционных контрактов раскрыты в ряде публикаций [Белоусов 2022; Соколов 2022; Акопян 2020]. Нельзя не согласиться с тем, что после изменения регуляторной модели «СПИК представляет собой совершенно иной инструмент поддержки развития промышленности» [Акопян 2020, 28]. Он получил название «СПИК 2.0», которое не только используется в качестве общепринятого в экспертном и научном сообществе, но и встречается в документах государственных органов². Изначально предполагалось, что соглашения по модели СПИК 1.0 более не будут заключаться, однако в рамках антикризисного пакета 2022 г. законодатель закрепил возможность их дальнейшего применения, и теперь для решения задач экономической политики, в частности инвестиционной и технологической, наравне используются два инструмента — СПИК 1.0 и СПИК 2.0.

В данной работе исследуется динамика использования инструмента СПИК 2.0 для решения задач государственной политики с момента его запуска по настоящее время. Для достижения данной цели была статистически обработана и проанализирована (логический анализ, сравнение, обобщение, синтез) информация, опубликованная в Государственной информационной системе промышленности, в частности публичный реестр специальных инвестиционных контрактов и публичный реестр конкурсных отборов. Помимо этого, информационную базу настоящего исследования составляют результаты проведенных ранее научных изысканий, а также информационно-справочные материалы органов исполнительной власти и профильных институтов развития. Нормативно-правовой базой выступают Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» и подзаконные акты, регулирующие применение СПИК 2.0.

О СПИК 2.0

СПИК 2.0, как и первый вариант специинвестконтрактов, является двусторонне обязывающим договором. Согласно части 1 статьи 18.1 Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации», инвестор, вложив в проект собственные или привлеченные средства, обязуется реализовать инвестиционный проект по внедрению или разработке и внедрению определенной технологии в целях освоения серийного производства промышленной продукции на ее основе, а вторая сторона контракта — совместно Российская Федерация, субъект Российской Федерации и муниципальное образование — обязуется обеспечивать стабильность условий ведения хозяйственной деятельности для инвестора и применять по отношению к нему предусмотренные законодательством соответствующего уровня меры стимулирования.

¹ Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (дата обращения: 01.07.2023).

² См., например: Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов (утв. Минфином России) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429950/ (дата обращения: 05.07.2023).

СПИК 2.0 как инструмент государственной политики призван стимулировать не просто рост инвестиций в реальный сектор экономики, а запуск технико-внедренческих инвестиционных проектов и, следовательно, модернизацию российской экономики, а также обеспечение технологического развития. С учетом текущей политико-экономической ситуации важность данной задачи сложно переоценить.

Реализация инвестиционного проекта в рамках СПИК 2.0 может предполагать:

- 1) разработку и внедрение современной технологии (создание на ее основе серийного производства) инвестором;
- 2) внедрение современной технологии, если инвестор имеет исключительное право на технологию или право использования результатов интеллектуальной деятельности, входящих в состав технологии для серийного производства промышленной продукции³.

В дополнение к этому в рамках СПИК 2.0 возможно промышленное освоение технологий, исключительные права на которые принадлежат Российской Федерации.

Перечень видов технологий, признаваемых современными технологиями в целях заключения специальных инвестиционных контрактов, формируется и актуализируется Правительством Российской Федерации. Полномочия по определению технологий современными возложены на ряд российских научных и экспертных организаций, которые также внесены в специальный правительственный перечень.

На освоение серийного производства промышленной продукции на базе той или иной технологии проводится конкурс (открытый или закрытый), с победителем которого заключается специальный инвестиционный контракт. При наличии решения Президента Российской Федерации проведение конкурсного отбора для заключения СПИК 2.0 не требуется (пункт 1 части 15 статьи 18.3).

Срок действия специнвестконтракта зависит от объема инвестиционных вложений: при инвестировании не более 50 млрд руб. срок действия СПИК 2.0 составит до 15 лет, если объем инвестиций превышает 50 млрд руб. — до 20 лет. Нижний порог инвестиций по СПИК 2.0 не установлен, так же как и минимальный срок, на который может быть заключен специнвестконтракт.

К мерам стимулирования, доступ к которым открывает заключение СПИК 2.0, относятся льготы по налогу на прибыль, досрочное получение статуса российского производителя, возможность принимать участие в государственных закупках в качестве единственного поставщика, аренда земельных участков на особых условиях, право выдачи покупателям своей продукции сертификата ее ускоренной амортизации и доступ к субсидиям⁴. Для держателей СПИК действуют особые условия участия в субсидиарных программах (упрощенная процедура подачи заявки и увеличенный срок, на который предоставляются субсидии), кроме того, существуют отдельные отраслевые субсидии, на получение которых не могут претендовать не заключившие специнвестконтракт организации [Исаев 2021а].

Потенциальные инвесторы вправе не заявлять потребность в мерах стимулирования в предоставляемых для участия в конкурсном отборе документах и использовать в рамках режима СПИК 2.0 только стабилизационную оговорку. Некоторые компании могут быть более

³ Если инвестор имеет право использования результатов интеллектуальной деятельности, входящих в состав технологии, он может также быть обязан, в соответствии с условиями подписываемого СПИК 2.0, обеспечить свое право создавать на основе вышеуказанных результатов собственные результаты интеллектуальной деятельности и право получать на них патенты (свидетельства).

⁴ Специальные инвестиционные контракты (СПИК 2.0): Версия от 03.07.2023 // Фонд развития промышленности [Электронный ресурс]. URL: <https://bod.frprf.ru/public/documents/prezentaciya-spik-20> (дата обращения: 10.07.2023).

заинтересованы в получении статуса российского производителя и доступа к государственным закупкам, чем в налоговых льготах. В таком случае они заявляют из всех потенциально доступных только те преференции, которые хотят использовать.

Следует отметить, что возможные меры стимулирования инвесторов по специнвестконтрактам первой и второй модели одинаковы, однако для СПИК 2.0 введено законодательное ограничение на объем предоставляемой поддержки: в случае если объем расходов и недополученных доходов бюджетной системы Российской Федерации превышает 50% от капитальных вложений в проект, обязательства публичной стороны договора по применению мер стимулирования прекращаются (часть 7 статьи 18.2). Разнятся и условия применения стабилизационной оговорки: если в первой версии специальных инвестиционных контрактов стабилизации подлежали и страховые взносы, то в рамках СПИК 2.0 гарантируется неувеличение только налоговой нагрузки [Исаев 2021b].

Использование инструмента СПИК 2.0 регулируется правилами заключения, изменения и расторжения специальных инвестиционных контрактов, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июля 2020 г. № 1048⁵. Для заключения СПИК 2.0 необходимо наличие регионального регулирования, в частности предоставление мер стимулирования в том субъекте Российской Федерации, в котором предполагается реализация контракта. По состоянию на начало 2023 г. в 12 субъектах Российской Федерации не установлены меры стимулирования для участников СПИК 2.0, а значит, нет возможности заключать такой контракт⁶.

Результаты использования СПИК 2.0

С июня 2021 г., когда был заключен первый СПИК 2.0, по июль 2023 г. было подписано 27 соглашений со сроком исполнения, варьирующимся от 31 декабря 2026 г. до 31 декабря 2042 г. Количество заключенных СПИК 2.0 в 2021 г. и 2022 г. сопоставимо (12 и 11 соглашений соответственно). В I полугодии 2023 г. было заключено только 4 СПИК 2.0. С учетом того, что инструмент носит, в отличие от СПИК 1.0, не заявительный, а конкурсный характер, динамика заключения соглашений всецело зависит от интенсивности работы по проведению конкурсных отборов.

Согласно публичному реестру конкурсных отборов⁷, размещенному на платформе Государственной информационной системы промышленности Минпромторга России, по состоянию на 1 июля 2023 г. в целях заключения СПИК было инициировано 49 конкурсных отборов, 48 из которых завершено. Распределение проведенных конкурсов по годам и по инициаторам приведено в Таблице 1.

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 16 июля 2020 г. № 1048 «Об утверждении Правил заключения, изменения и расторжения специальных инвестиционных контрактов» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357799/ (дата обращения: 04.07.2023).

⁶ Специальные инвестиционные контракты (СПИК 2.0): Версия от 03.07.2023 // Фонд развития промышленности [Электронный ресурс]. URL: <https://bod.frprf.ru/public/documents/prezentaciya-spik-20> (дата обращения: 10.07.2023).

⁷ Публичный реестр конкурсных отборов // ГИСП [Электронный ресурс]. URL: <https://gisp.gov.ru/spic2/pub/contest/search/> (дата обращения: 01.07.2023).

Таблица 1. Конкурсные отборы на заключение СПИК 2.0⁸

Год	Количество открытых конкурсных отборов					
	Минпромторг России		Минсельхоз России		Минэнерго России	
	Частная инициатива	Публичная инициатива	Частная инициатива	Публичная инициатива	Частная инициатива	Публичная инициатива
2021	16	8	2	—	—	—
2022	12	2	1	—	—	—
2023 (январь–июнь)	7	—	1	—	—	—

Большинство отборов (39 из 49) инициируют компании, готовые внедрить или разработать и внедрить определенные технологические решения. В некоторых случаях⁹ компаниям приходится сначала инициировать внесение собственной технологии в правительственный перечень, что усложняет и затягивает процесс заключения СПИК 2.0 для них. Вместе с тем компания, предложившая внести новую технологию в перечень, зачастую либо является ее разработчиком и правообладателем, либо имеет существенные заделы для ее разработки и может стать единственным участником конкурсного отбора (в таком случае контракт будет заключен с ней).

Министерство энергетики Российской Федерации, как и в случае со СПИК 1.0, не использует инструмент специнвестконтрактов, хоть и уполномочен на это. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации тоже не выступает инициатором проведения конкурсных отборов, однако это делают частные компании по технологиям, входящим в сферу ведения министерства, и по состоянию на июль 2023 г. Минсельхоз России от имени Российской Федерации выступил стороной одного контракта по модели СПИК 2.0. Необходимо отметить, что, согласно процедуре, инвестор, инициируя проведение конкурсного отбора, обращается с предложением о заключении контракта в уполномоченное министерство, которое принимает решение о проведении отбора либо об отказе в проведении. Инициатором проведения конкурсного отбора также может выступать Российская Федерация совместно с субъектом Российской Федерации и муниципальным образованием.

Не все проведенные конкурсы завершаются заключением специнвестконтракта. Так, 8 из 26 конкурсных отборов, открытых в 2021 г., не привели к заключению контрактов и освоению производства промышленной продукции по предложенным технологиям. В 2022 г. таких конкурсных отборов было уже 11 из 15. По результатам конкурсных отборов, открытых за первые 6 месяцев 2023 г. (8 отборов), по состоянию на 15 июля 2023 г. не было заключено ни одного контракта¹⁰.

Можем предположить, что причиной безрезультатности отборов не всегда является отсутствие интереса к предложениям публичной стороны, так как в ряде случаев инициаторами конкурсных отборов, не увенчавшихся заключением контрактов, были как раз частные компании (4 отбора в 2021 г., 9 отборов в 2022 г. и все отборы в 2023 г.). Например, причиной отсутствия заключенных СПИК 2.0 может быть слишком длительный промежуток времени, который проходит между подведением итогов конкурса (не публикуются в реестре) и заключением

⁸ Составлено автором на основе: Публичный реестр конкурсных отборов // ГИСП [Электронный ресурс]. URL: <https://gisp.gov.ru/spic2/pub/contest/search/> (дата обращения: 01.07.2023).

⁹ Если в перечне видов технологий, признаваемых современными технологиями в целях заключения специальных инвестиционных контрактов, отсутствует технология, которую компания планирует внедрять (разрабатывать и внедрять).

¹⁰ В 2021 г., в 2022 г. и в 2023 г. зафиксировано по одному случаю, когда конкурсные отборы на одну и ту же технологию проводились дважды. Инициатором во всех случаях дважды выступали одни и те же компании-инвесторы, но ни после первого, ни после второго конкурсного отбора с ними не были заключены СПИК 2.0.

контракта. В качестве примера можно привести заключение СПИК 2.0 по технологии изготовления конического подшипника. Прием заявок на участие в конкурсном отборе на право заключения специнвестконтракта по данной технологии был открыт одним из первых — 21 февраля 2021 г. Срок подачи заявок — до 5 марта 2021 г., срок подведения итогов конкурсного отбора, которому предшествовали этапы экспресс-анализа, входной экспертизы и комплексной экспертизы (по каждому из которых был установлен собственный срок), — 23 апреля 2021 г. Тем не менее контракты с победителями конкурсного отбора¹¹ были заключены только в декабре: 24 декабря 2021 г. с ООО «ЕПК — Бренко Подшипниковая Компания» и 29 декабря 2021 г. с ООО «СКФ»¹².

Отсутствие региональных нормативных правовых актов, предусматривающих меры стимулирования для инвесторов, реализующих инвестиционные проекты в рамках режима СПИК 2.0, также негативно сказывается на динамике использования инструмента, так как пока он не может быть применен на территории всей страны [Кванина 2022].

Предпринятые меры по сокращению сроков размещения извещения о проведении открытого конкурсного отбора после принятия соответствующего решения уполномоченным министерством с не более 45 дней до не более 10 дней и по сокращению сроков подачи заявок на участие в конкурсном отборе также до 10 дней со дня размещения извещения о нем (как исключение в 2022 г. и 2023 г.¹³) не приводят к улучшению динамики проведения отборов и заключения контрактов.

В рамках СПИК 2.0, заключенных в 2021 г. – I половине 2023 г., частные компании приняли на себя обязательства по вложению в российское промышленное производство 736,7 млрд руб. инвестиций. Наибольший объем вложений приходится на химическую промышленность — 501,3 млрд руб., или 68,1 % всех привлеченных инвестиций, что связано с большой капиталоемкостью данной отрасли и заключением наибольшего количества соглашений — 9 из 27. На втором месте находится черная металлургия, трубная промышленность и производство металлоконструкций — 188,5 млрд руб. планируемых инвестиций. Отраслевое распределение привлеченных в рамках СПИК 2.0 инвестиций представлено на Рисунке 1.

¹¹ Пример реализации нормы права, в соответствии с которой победителями конкурсного отбора могут быть признаны несколько компаний. Согласно Правилам заключения, изменения и расторжения специальных инвестиционных контрактов, информация о возможности признания победителями отбора более одного участника заявляется в конкурсной документации.

¹² В настоящее время инвестором по указанному контракту выступает не ООО «СКФ», а ООО «ТЕК-КОМ ПРОИЗВОДСТВО» (дополнительное соглашение от 28 апреля 2023 г. № 1 к специальному инвестиционному контракту от 29 декабря 2021 г. № 8). Смена инвестора допускается в рамках процедуры изменения контракта.

¹³ Постановление Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2022 г. № 753 «О внесении изменений в Правила заключения, изменения и расторжения специальных инвестиционных контрактов» // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/140775/> (дата обращения: 05.07.2023); Постановление Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2022 г. № 1660 «О внесении изменений в Правила заключения, изменения и расторжения специальных инвестиционных контрактов» // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/143125/> (дата обращения: 05.07.2023).

Рисунок 1. Отраслевое распределение планируемых объемов инвестиций в соответствии со СПИК 2.0, заключенными в 2021 г. – I половине 2023 г., млрд руб.¹⁴

В СПИК 2.0 фиксируется общий объем инвестиционных обязательств частной стороны договора (без учета налога на добавленную стоимость). График инвестирования средств по годам закрепляется в виде приложения к контракту. Таким образом, если всего в рамках инструмента СПИК 2.0 заявлено 736,7 млрд руб. инвестиций до 2042 г., то за 2020–2022 гг.¹⁵ инвесторы были обязаны вложить порядка 150 млрд руб. Отчеты о фактическом исполнении инвесторами обязательств в открытом доступе не размещаются, поэтому нельзя установить реальный вклад использования инструмента в привлечение инвестиций в технологическую промышленность по годам.

Согласно условиям заключенных контрактов по модели СПИК 2.0, общий объем произведенной промышленной продукции составит 7740,5 млрд руб. Величина данного обязательства инвестора рассчитывается исходя из полного срока реализации контракта. Следовательно, указанный результат будет достигнут общим итогом к моменту завершения последних СПИК 2.0 из заключенных к настоящему времени, а именно к 31 декабря 2042 г.

Из 27 заключенных СПИК 2.0 только 6 контрактов предусматривают разработку и внедрение технологии. Предмет остальных является освоение серийного производства промышленной продукции по технологиям, которые либо были разработаны ранее самим инвестором, либо он имеет право на их использование. Таким образом, можем предположить, что в настоящее время инструмент применяется для реализации имеющихся заделов и не является достаточно мощным стимулом для проведения новых НИОКР и разработки технологий, которыми российские компании не располагают.

Инвестиционные проекты в рамках заключенных СПИК 2.0

По заключенным СПИК 2.0 раскрывается существенно больше значимых данных, чем по СПИК 1.0, что связано в том числе и с проведением конкурсного отбора. В настоящее время в открытом доступе размещены финансовые модели проектов, которые реализуются в рамках подписанных специнвестконтрактов. В частности, публикуется график инвестирования средств в проект и график начала производства промышленной продукции по СПИК.

¹⁴ Составлено автором на основе: Реестр СПИК (публичный) // ГИСП [Электронный ресурс]. URL: <https://gisp.gov.ru/spic2/pub/spic/search/> (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁵ В графике инвестирования (расходования) средств некоторых СПИК 2.0 включены инвестиционные обязательства за период 2020 г., хотя первый контракт по данной модели был заключен в июне 2021 г.

Обращают на себя внимание некоторые нетипичные характеристики инвестиционных проектов, реализуемых в рамках подписанных СПИК 2.0:

- 1) включение в общий объем инвестиционных обязательств по контракту вложений в проект, которые уже были осуществлены в предыдущие периоды (примеры таких специвестконтрактов приведены в Таблице 2);
- 2) совпадение года заключения контракта и года начала серийного производства промышленной продукции на основе внедряемой технологии (примеры таких специвестконтрактов приведены в Таблице 3).

Таблица 2. СПИК 2.0, предусматривающие включение в общий объем инвестиционных обязательств по контракту вложений, осуществленных до его заключения¹⁶

Номер СПИК	Дата заключения СПИК	Инвестиции в проект		
		Общий объем инвестиций, закрепленных в СПИК, тыс. руб.	Объем инвестиций, осуществленных в предыдущие периоды, тыс. руб.	Доля осуществленных ранее инвестиций в общем объеме, %
1/2022-МСХ	03.06.2022	847 969,9	2020 г. — 93 078,0 2021 г. — 665 323,3	89,4
60	17.06.2022	6 227 244,0	2020 г. — 212 508,0 2021 г. — 2 985 484,0	51,4
65	11.11.2022	2 881 442,8	2021 г. — 72 127,7	2,5
66	14.11.2022	18 285 569,0	2021 г. — 10 559 362,0	57,7
67	14.12.2022	87 438 903,0	2021 г. — 288 892,0	0,3
71	05.04.2023	9 194 884,2	2020 г. — 242 524,5 2021 г. — 2 780 620,6 2022 г. — 2 445 965,5	59,5
73	16.06.2023	7 789 451,0	2021 г. — 796 431,0 2022 г. — 1 406 962,0	28,3

Таблица 3. СПИК 2.0, предусматривающие начало освоения серийного производства промышленной продукции на базе современной технологии в год заключения контракта или ранее¹⁷

Номер СПИК	Дата заключения СПИК	Дата окончания срока действия СПИК	Дата начала производства промышленной продукции
51	04.10.2021	31.12.2031	2021, 2022, 2027
56	20.12.2021	31.12.2030	2021
58	29.12.2021	31.12.2030	2021
59	21.03.2022	31.12.2032	2022
1/2022-МСХ	03.06.2022	31.12.2036	2022
61	25.08.2022	31.12.2026	2022
63	03.10.2022	31.12.2031	2022
64	03.10.2022	31.12.2031	2022
65	11.11.2022	31.12.2031	2022, 2024
66	14.11.2022	31.12.2036	2022, 2023

¹⁶ Составлено автором на основе: Реестр СПИК (публичный) // ГИСП [Электронный ресурс]. URL: <https://gisp.gov.ru/spic2/pub/spic/search/> (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁷ Составлено автором на основе: Реестр СПИК (публичный) // ГИСП [Электронный ресурс]. URL: <https://gisp.gov.ru/spic2/pub/spic/search/> (дата обращения: 01.07.2023). Примечание: в рамках одного контракта инвестором могут приниматься обязательства по освоению более чем одной современной технологии и (или) серийному производству более чем одной номенклатурной позиции; в таком случае даты начала производства продукции разных номенклатурных позиций могут приходиться на разные годы.

70	30.03.2023	31.12.2036	2022
71	05.04.2023	31.12.2035	2023
73	16.06.2023	31.12.2028	2023

Включение капитальных вложений предыдущих периодов в общую сумму инвестиционных обязательств по контрактам привело к искажению итоговой суммы привлеченных средств в рамках СПИК 2.0, а именно завышению реального показателя на 22,5 млрд рублей, что составляет 3,1 %.

В качестве примера приведем контракт под номером 70: СПИК 2.0 по внедрению технологии производства плитных панелей из цельной древесины был подписан между ООО «СОКОЛ СИЭЛТИ», Российской Федерацией, Вологодской областью и Сокольским муниципальным округом 30 марта 2023 г. на срок до 31 декабря 2036 г. При этом планируемая дата начала производства промышленной продукции по контракту — 2022 г. График инвестирования средств включает только прошедшие периоды: 2020 г. (объем вложенных средств — 1 006,1 млн руб.) и 2021 г. (191,1 млн руб.). Исходя из данных, размещенных в открытом доступе, можем предположить, что контракт был заключен на уже осуществленный инвестиционный проект. Целесообразность таких действий со стороны публичного партнера в рамках исследуемой договорной конструкции вызывает сомнения.

Некоторые контракты привлекают внимание тем, что срок начала выпуска продукции предшествует началу осуществления инвестиционных вложений (например, СПИК 2.0 под номерами 54, 55, 56). Так, ООО «ГРУНДФОС ИСТРА» (СПИК № 56 от 20 декабря 2021 г., действует по 31 декабря 2030 г.) приняла на себя обязательства по началу серийного производства промышленной продукции — насосов (насосных агрегатов), установок повышения давления — в 2021 г., при том что инвестиции в размере 4,4 млрд руб. компания обязуется осуществить в 2023 г. согласно графику инвестирования средств.

Указанные факты дают основания полагать, что инвесторы могут представлять на конкурс проекты, реализация которых уже идет, а в некоторых случаях даже подходит к своему завершению: основные капитальные вложения уже осуществлены, наступает срок начала запуска производства промышленной продукции¹⁸. В данных случаях заключение контракта с публично-правовыми образованиями не является фактором принятия инвестиционного решения, а представляется неким поощрением для инвестора за реализацию технологического проекта. Другими словами, можно предположить, что указанные инвестиционные проекты были бы реализованы и вне режима специнвестконтракта, что не умаляет выгод инвестора от последнего. Контракты заключаются на большой срок, в течение которого для организации как минимум будет действовать стабилизация условий ведения экономической деятельности, а возможно, и предоставляться налоговые и (или) иные преференции (в зависимости от условий конкретного СПИК). В текущей политико-экономической обстановке меры стимулирования, предоставленные в связи с подписанием специнвестконтракта, являются значительным подспорьем для хозяйствующих субъектов и в определенной степени гарантируют успешное завершение ранее начатых технологических проектов, их расширение и масштабирование.

Отдельно следует остановиться на проектах по внедрению современных технологий, осуществляемых самым крупным инвестором по СПИК 2.0 — ПАО «Уралкалий». Компания подписала два СПИК 2.0 с объемом инвестиционных обязательств в размере 56,2 млрд руб. и 227,2 млрд руб. (самый крупный СПИК 2.0). Сообщается, что ПАО «Уралкалий» ранее расторгло

¹⁸ Отдельные инвестиционные проекты, в силу технологических особенностей, могут быть запущены в сжатые сроки.

два специнвестконтракта по модели СПИК 1.0 и заключило новые контракты де-факто на те же проекты, но по более привлекательной модели СПИК 2.0¹⁹. Увеличив объем инвестиционных вложений с 36,8 млрд руб. до 56,2 млрд руб. по первому проекту и с 117,8 млрд руб. до 227,2 млрд руб. по второму, а также расширив принимаемые на себя обязательства по производству и реализации продукции, компания получила стабилизацию условий ведения экономической деятельности и другие преференции уже не до 2028 г., а до 2041 г. и до 2042 г. соответственно.

Ситуация с заменой одного преференциального инвестиционного режима на другой прямо не противоречит существующему нормативно-правовому регулированию (расторжение специального инвестиционного контракта возможно по инициативе любой из сторон), однако свидетельствует о недостатках практики изъятий из общего порядка осуществления экономической деятельности с целью стимулирования хозяйствующих субъектов. Исходя из предпосылки, что публичная сторона перманентно совершенствует существующие специальные правовые режимы и предлагает новые, следует нормативно ограничить право инвестора изменять в ходе реализации инвестиционного проекта применяемый по отношению к нему специальный режим.

Влияние инструмента СПИК 2.0 на достижение целей государственной политики

Как инструмент стимулирования инвестиционной активности СПИК 2.0 за 2,5 года использования обеспечил привлечение в российскую промышленность 736,7 млрд руб. в течение следующих 20 лет. Одновременно с ним в настоящее время действует еще ряд специальных режимов, направленных на стимулирование инвестиций в реальный сектор экономики, в том числе соглашения о защите и поощрении капиталовложений, СПИК 1.0, корпоративные программы повышения конкурентоспособности.

Достижение желаемого результата в виде роста нормы накопления путем использования этих и других инструментов имеет свою цену в виде налоговых расходов [Леднева 2020]. Так, держатели СПИК 2.0 могут получать льготы по следующим видам налогов: налогу на прибыль организаций (федеральная и региональная части), налогу на имущество организаций, земельному налогу и транспортному налогу. Вместе с тем в случае осуществления инвестиционного проекта и запуска производства бюджетная система получит доход в виде налога на добавленную стоимость, а также налога на доходы физических лиц, а внебюджетные фонды пополнятся страховыми взносами. Отчасти этим объясняется внесение в текст специального инвестиционного контракта обязательств по объему произведенной и реализованной промышленной продукции в денежном выражении и обязательств по созданию в ходе реализации проекта определенного количества рабочих мест. Объем продукции, произведенной в течение срока действия СПИК 2.0, является одним из критериев определения победителей конкурсных отборов. Минимальный объем налогов, сборов и страховых взносов, которые будут уплачены инвестором во время действия специнвестконтракта, также указывается в договоре в рамках обязательств, принимаемых на себя инвестором.

Выпадающие доходы бюджетов бюджетной системы, возникающие при использовании специальных режимов стимулирования инвестиций, традиционно обосновываются созданием базы для роста налоговых поступлений в будущем. Однако в условиях дефицита бюджета предоставление мер поддержки фискального характера должно подкрепляться реализацией

¹⁹ «Уралкалий» вместо расторгнутых СПИК 1.0 заключает новые инвестконтракты // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2023/04/05/969613-uralkalii-vmesto-rastorgnutih-spik> (дата обращения: 08.07.2023).

стратегических планов развития государства. Кроме того, в отдельных случаях применение налоговых льгот может формировать сверхдоходность: в связи с тем, что экономическая эффективность проектов не учитывается при принятии решения о заключении контракта и предоставлении преференций, поддержка может быть предоставлена и (сверх)прибыльным проектам. Такие случаи были зафиксированы при анализе использования инструмента специальных инвестиционных контрактов за 2020–2021 гг. (СПИК 1.0 и СПИК 2.0 оценивались совместно)²⁰.

СПИК 2.0, помимо инструмента стимулирования инвестиций, является инструментом технологического развития промышленного комплекса: поддержке подлежит инвестирование средств в разработку и промышленное освоение определенных технологий. Каждый СПИК 2.0 предусматривает внедрение или разработку и внедрение одной технологии, хотя есть и исключения: по четырем контрактам инвесторы обязуются внедрить по две технологии, по одному — три. Речь идет об имеющихся у стороны контракта технологиях (интеллектуальных правах на их использование), случаев принятия обязательств по разработке нескольких технологий в рамках одного СПИК 2.0 не зафиксировано. В то же время некоторые действующие контракты предусматривают освоение одной и той же современной технологии. Например, технологию изготовления конического подшипника кассетного типа будут внедрять в рамках двух контрактов, технологию производства экологически чистых транспортных средств на базе тяговых двигателей — также в рамках двух, технологию использования сжиженного природного газа или сжиженного и компримированного природного газа в качестве моторного топлива — разрабатывать и внедрять в рамках трех контрактов.

С учетом вызовов современной ситуации, связанных с ограничением доступа на рынки технологий, потенциал инструмента представляется критически недоиспользованным. Перечень видов технологий, признаваемых современными технологиями в целях заключения специальных инвестиционных контрактов, был утвержден Правительством Российской Федерации в 2020 г. и на тот момент уже включал 630 позиций. После этого он четырежды расширялся²¹ и в настоящее время содержит 769 видов технологий. 27 контрактов, заключенных по модели СПИК 2.0, предполагают освоение 26 технологий, что несопоставимо с потребностями государства.

Объектом особого внимания регулятора должно стать содержательное наполнение перечня технологий, признаваемых современными в целях заключения специальных инвестиционных контрактов. Практика внесения в перечень технологии по инициативе инвестора, а затем заключение зачастую с ним же СПИК 2.0 на внедрение или разработку и внедрение этой технологии не всегда отвечает стратегическим интересам государства. Не все современные технологии имеют равное значение для решения задач импортозамещения, обеспечения технологического суверенитета и развития экономики. Разработка не каждой технологии сегодня создает предпосылки формирования заделов на будущее. В настоящее время в условиях ресурсного дефицита публичной стороны договора хозяйствующие субъекты в рамках СПИК 2.0 могут получить набор преференций и налоговых льгот вне зависимости от значимости внедряемой ими технологии для государства. Некоторые авторы предлагают отказаться

²⁰ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов (утв. Минфином России) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429950/ (дата обращения: 05.07.2023).

²¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2020 г. № 3143-р, которым утвержден перечень видов технологий, признаваемых современными технологиями в целях заключения специальных инвестиционных контрактов, действует в редакции распоряжений Правительства Российской Федерации от 02 декабря 2021 г. № 3420-р, от 15 февраля 2022 г. № 249-р, от 15 июня 2022 г. № 1569-р, от 09 декабря 2022 г. № 3847-р.

от практики сбора современных технологий от субъектов хозяйственной деятельности в сфере промышленности в пользу самостоятельного их определения органами власти с привлечением экспертных организаций исходя из стратегических интересов государства [Рагулина, Братарчук 2021].

Отдельно нужно остановиться и на законодательно установленной возможности расторгать заключенные специнвестконтракты. Так, по инициативе инвестора из 47 контрактов по модели СПИК 1.0 по состоянию на июнь 2023 г. были расторгнуты семь. Следовательно, необходимо учитывать риск неисполнения частной стороной договора своих обязательств по освоению той или иной технологии и расторжения контракта в одностороннем порядке.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что потенциал инструмента СПИК 2.0 для решения задач технологического развития российской экономики используется не в полной мере. Текущая интенсивность проведения конкурсных отборов и заключения контрактов на освоение современных технологий не позволяет данному инструменту оказать существенное влияние на научно-технологическое развитие и рост инвестиций.

Так как количество технологий, которые осваиваются в соответствии с действующими СПИК 2.0, не соответствует потребностям развития экономики, уполномоченным министерствам предлагается интенсифицировать работу по инициированию конкурсных отборов, их проведению и заключению контрактов с победителями.

Исследование выявило необходимость дальнейшего совершенствования инструмента СПИК 2.0 с целью повышения его эффективности, включая: 1) нераспространение его действия на уже осуществленные инвестиции и выполненные НИОКР; 2) исключение его использования для получения преференций по инвестиционным проектам, предполагающим внесение средств в расширение производства (после начала серийного выпуска продукции); 3) недопущение заключения СПИК 2.0 при неисполнении СПИК 1.0 и других способов манипулирования использованием инструмента с целью максимизации объема государственной поддержки; 4) дифференциацию значимости той и или иной технологии для целей государственного развития и увязки объема стимулирования со степенью значимости; 5) исключение возможности получения сверхприбыли в результате использования специального правового режима СПИК 2.0.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется изучение вопросов соотношения и конкуренции различных правовых режимов, а также отдельных мер стимулирования инвестиций. Не меньший интерес представляет поиск методов снижения рисков публичной стороны, связанных с неисполнением встречных обязательств по специальным инвестиционным контрактам.

Список литературы:

Акопян О.А. Трансформация регуляторной модели специального инвестиционного контракта (СПИК) // Финансовое право. 2020. № 6. С. 28–33.

Белоусов А.Л. Правовые аспекты становления и развития специальных инвестиционных контрактов в Российской Федерации // Legal Bulletin. 2022. Т. 7. № 4. С. 9–16.

Евстафьева Ю.В. Реформирование инструмента специального инвестиционного контракта // Экономические стратегии. 2020. № 1(167). С. 64–71.

Исаев А.Г. О субсидиях, предоставляемых из федерального бюджета юридическим лицам, заключившим специальный инвестиционный контракт // Право и государство: теория и практика. 2021. № 12(204). С. 53–55. DOI: [10.47643/1815-1337_2021_12_53](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_12_53)

Исаев А.Г. Реформа механизма специальных инвестиционных контрактов в Российской Федерации: сравнение налоговых льгот до и после // Право и государство: теория и практика. 2021. № 1(193). С. 70–74. DOI: [10.47643/1815-1337_2021_1_70](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_1_70)

Кванина В.В. СПИК как инструмент импортозамещения в Российской Федерации в условиях обновленного санкционного режима // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 2. С. 52–59. DOI: [10.14529/law220209](https://doi.org/10.14529/law220209)

Леднева Ю.В. Учет фискальных интересов государства при оптимизации налогового режима для привлечения инвестиций // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 144–157. DOI: [10.12737/jrl.2020.087](https://doi.org/10.12737/jrl.2020.087)

Рагулина Ю.В., Братарчук Т.В. Инструменты государственной поддержки промышленности как основа развития промышленного производства // Экономика устойчивого развития. 2021. № 4(48). С. 152–156.

Соколов А.Б. Специальный инвестиционный контракт как инструмент поддержки технологической модернизации экономики России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 3. С. 182–194. DOI: [10.52180/2073-6487_2022_3_182_194](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_3_182_194)

References:

Akopyan O.A. (2020) The Transformation of the Regulatory Model of a Special Investment Contract (SPIC). *Finansovoe pravo*. No. 6. P. 28–33.

Belousov A.L. (2022) Legal Aspects of Formation and Development of Special Investment Contracts in the Russian Federation. *Legal Bulletin*. Vol. 7. Is. 4. P. 9–16.

Isaev A.G. (2021) About Subsidies Provided from the Federal Budget to Legal Entities, Who Have Signed a Special Investment Contract. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. No. 12(204). P. 53–55. DOI: [10.47643/1815-1337_2021_12_53](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_12_53)

Isaev A.G. (2021) Reform of the Mechanism of Special Investment Contracts in the Russian Federation: Comparing Tax Benefits Before and After. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. No. 1(193). P. 70–74. DOI: [10.47643/1815-1337_2021_1_70](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_1_70)

Kvanina V.V. (2022) SPIC as an Instrument of Import Substitution in the Russian Federation under the Conditions of the Updated Sanctions Regime. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. Vol. 22. Is. 2. P. 52–59. DOI: [10.14529/law220209](https://doi.org/10.14529/law220209)

Ledneva Yu.V. (2020) Fiscal Interests of the State in Optimizing the Tax Regime for Attracting Investment. *Zhurnal rossiyskogo prava*. No. 7. P. 144–157. DOI: [10.14529/law220209](https://doi.org/10.14529/law220209)

Ragulina Yu.V., Bratarchuk T.V. (2021) State Support Instruments for Industry as Basis for the Development of Industrial Production. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya*. No. 4(48). P. 152–156.

Sokolov A.B. (2022) Special Investment Contract as a Tool to Support Technological Modernization of the Russian Economy. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. No. 3. P. 182–194. DOI: [10.52180/2073-6487_2022_3_182_194](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_3_182_194)

Yevstafyeva Yu.V. (2020) Special Investment Contract Instrument Reforming. *Ekonomicheskie strategii*. No. 1(167). P. 64–71.

Дата поступления/Received: 15.07.2023

Государственная политика импортоперережения в нефтегазовом комплексе России

Трофимов Сергей Евгеньевич

Кандидат экономических наук, профессор Академии военных наук; эксперт Совета по развитию цифровой экономики Совета Федерации ФС РФ, Москва, РФ.

E-mail: tennist91@mail.ru

ORCID ID: [0000-0002-7298-3486](https://orcid.org/0000-0002-7298-3486)

Аннотация

В статье научно обоснована практическая значимость проведения государственной политики, направленной на импортоперережение в нефтегазовом комплексе России, сделан акцент на совершенствовании недропользования арктического и континентального шельфа России. Совершенствование государственного регулирования Арктического региона выступает ключевой задачей реформы государственного управления отечественной экономики. Исследованы вопросы макроэкономического регулирования внутристрановых объектов планетарной значимости в контексте эволюции становления и развития механизма государственного регулирования нефтегазового комплекса. Объект исследования рассматривается с позиций системно-функционального подхода. В работе анализируются вопросы цифровой трансформации нефтегазовых предприятий, корректировки используемого методологического инструментария в условиях геополитических изменений и осуществляемого энергетического перехода. Выделены фундаментальные положения совершенствования методологии государственного регулирования нефтегазового комплекса, обеспечивающие устойчивое развитие российской экономики. Разработанная концепция импортоперережения в нефтегазовом комплексе является одним из стратегических приоритетов развития российской экономики, затрагивает вопросы недропользования арктического и континентального шельфа, формирования Сибирского и Дальневосточного нефтегазовых центров. Особое внимание уделяется расширению кооперационных связей, формированию регуляторной среды, развитию технологической и институциональной платформ. Практическая реализация направлений разработанной концепции связана с разделением на сценарии мировой экономической и энергетической конъюнктуры, гибкостью в управлении ресурсно-сырьевой базой. В условиях усиления санкционного давления нарастает потребность в качественном изменении проводимой нефтегазовой политики с упором на комплексное технологическое развитие промышленных производств. Ее адаптация к изменениям внешнеэкономической конъюнктуры обеспечивает устойчивость экономической системы, позволяет выйти на прорывные темпы роста.

Ключевые слова

Нефтегазовый комплекс, государственное регулирование, методология, импортоперережение, экономически устойчивое развитие, арктический шельф, континентальный шельф, недропользование, национальная безопасность, энергетическая безопасность, энергетический переход.

State Policy of Import Advance in the Russian Oil and Gas Complex

Sergey E. Trofimov

PhD, Professor of the Academy of Military Sciences; expert, Council for Development of Digital Economy, Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

E-mail: tennist91@mail.ru

ORCID ID: [0000-0002-7298-3486](https://orcid.org/0000-0002-7298-3486)

Abstract

The article scientifically substantiates the practical significance of the state policy aimed at import advance in the Russian oil and gas industry, need for improving the subsurface use of the Arctic and continental shelf of Russia is shown. Improving the state regulation of the Arctic region is a key task of reforming the public administration of the Russian economy. The issues of macroeconomic regulation of intra-country objects of planetary significance in the context of the evolution of formation and development of state regulation mechanism for the oil and gas complex are investigated. The object of the research is considered from the system-functional approach standpoint. The issues of digital transformation of oil and gas enterprises, adjustments to the used methodological tools in the context of geopolitical changes and the ongoing energy transition are analyzed. The fundamental provisions of improving the methodology of state regulation of the oil and gas complex, ensuring the sustainable development of the Russian economy are highlighted. The developed concept of import advance of the oil and gas complex is one of the strategic priorities for the development of the Russian economy, affects the issues of subsurface use of the Arctic and continental shelf, the formation of the Siberian and Far Eastern oil and gas centers. Special emphasis is placed on the expansion of cooperative relations, the formation of a regulatory environment, the development of technological and institutional platforms. The practical implementation of its directions is connected with the division into scenarios of the global economic and energy situation, flexibility in managing the resource and raw material base. In the context of increased sanctions pressure, the need for a qualitative change in the ongoing oil and gas policy with an emphasis on the integrated technological development of industrial production is growing. Its adaptation to changes in the foreign economic situation ensures the stability of the economic system, allows us to achieve breakthrough growth rates.

Keywords

Oil and gas complex, state regulation, methodology, import advance, economically sustainable development, Arctic shelf, continental shelf, subsurface use, national security, energy sustainability, energy transition.

Введение

В рамках концепции импортоопережения нефтегазового производства России арктический и континентальный шельф рассматривается как особый, стратегически значимый объект государственного управления. Разработка множества арктических проектов отложена на неопределенный период, составляющий десятилетия; месторождения на лицензионных участках, поставленных на баланс предприятий, находятся в законсервированном состоянии. Арктический регион является объектом планетарного значения, на который распространяются как нормы международного права, которые нельзя подчинить требованиям одной страны, так и особенности правовых режимов национальных экономик [Конторович 2015; Лаверов и др. 2011; Лексин, Порфирьев 2021]. Совершенствование государственного регулирования (ГР) недропользования арктического и континентального шельфа невозможно без проведения реформы государственного управления, комплексного изучения рисков освоения углеводородных запасов, инженерно-геологического районирования. Баланс решения задач государственной безопасности, отстаивания национальных интересов связан с усилением роли ГР, обеспечением суверенитета, независимостью в принятии экономических и геополитических решений [Мастепанов 2017].

Потребность национальной экономики в совершенствовании ГР связана с необходимостью оперативного реагирования на возникающие вызовы, появлением задач и открытием новых возможностей в условиях неопределенности, обострением конкурентной борьбы между странами под влиянием глобализационных процессов, происходящих геополитических трансформаций [Новак 2022]. Фактически теория макроэкономического регулирования внутристрановых объектов планетарной значимости выступила новым направлением исследований в рамках данных изменений. Следует выделить обострение противоречий в отношении роли, которая отводится российскому сектору Арктики в современной экономике: сложившийся механизм ГР одновременно является фактором комплексного социально-экономического и технологического развития общественных отношений и возрастания различных рисков. Эволюция его становления и развития с определенной долей условности включает предплановый и плановый период освоения Арктического региона, направленного на разрешение социально-экономических вопросов и обеспечение национальной безопасности. ГР Арктического региона осуществляется с учетом выявления и разрешения внутренних вопросов, особенностей управленческих подходов и регулирующей практики объектов общемирового значения в различных странах. Это позволяет выделить недоработки российских органов ГР в использовании положительных результатов мирового опыта.

Государственная реформа регулирования Арктического региона выступила базовой задачей обновления системы государственного управления российской экономики, выявила необходимость разрешения вопросов сочетания норм и требований национального законодательства и международного права. Это характеризует выбор направлений совершенствования механизма ГР внутристранового объекта мирового значения, возврата к стратегическому планированию и прогнозированию в его управлении [Макаров 2018]. Изменения затрагивают структуру соотношения государственной и частной собственности при освоении северных районов, функции государства и предприятий, участвующих в разработке месторождений. Структурные сдвиги, обусловленные осуществлением глобального энергетического перехода и прогнозами климатических изменений, также присутствуют в привлечении иностранного капитала для разработки арктических проектов, во внешнеэкономических отношениях с Китаем и другими странами Восточной Азии [Новак 2021; Мастепанов 2020]. В совокупности это потребовало усиления адаптации механизма

ГР нефтегазового комплекса (НГК) к вызовам и возможностям, появившимся в результате комплексного освоения месторождений континентального шельфа, социально-экономического развития приарктических регионов [Трофимов 2023а].

Импортоопережение нефтегазового производства — стратегический приоритет развития российской экономики

Разработка концепции импортоопережения нефтегазового производства предусматривает определенный алгоритм проведения реформы ГР, затрагивающей вопросы недропользования шельфа, его направлений с разделением на сценарии мировой экономической и энергетической конъюнктуры, этапы, целевые ориентиры, задачи, средства, технологии и ресурсы для их разрешения, получение различных типов эффектов. Освоение арктического и континентального шельфа сопряжено со строительством береговых баз обеспечения, созданием логистической инфраструктуры, обеспечением сохранности данных в цифровой форме и иных возможностей технологий Четвертой промышленной революции и Шестого технологического уклада [Глазьев 2018а], предоставлением государственных преференций, обеспечивающих ускорение введения нефтегазовых месторождений в промышленную эксплуатацию.

Следует отметить, что добываемое углеводородное сырье и продукция его глубокой переработки должны иметь высокий потребительский спрос. Это требует разработки концептуально новых и адаптации уже используемых методов и подходов ГР, анализа последствий их внедрения для национальной экономики. В частности, для газовых месторождений характерна высокая концентрация запасов, формирующая комфортные условия их вовлечения в промышленную разработку. Гибкость управления ресурсно-сырьевой базой обеспечивает результативность функционирования и высокую норму прибыли нефтегазовых компаний, увеличение зависимости зарубежных потребителей углеводородов от российских поставок. При этом США, Саудовская Аравия, Норвегия и другие крупнейшие производители проводят независимую энергетическую политику, расширяют новые отрасли экономики и промышленного производства за счет нефтяных сверхдоходов.

В настоящее время механизм ГР не в полной мере задействует предоставленные экономические возможности, обеспечивающие развитие национального НГК, требует устранения внутренних деструктивных факторов, повышения устойчивости к внешнеэкономическим и геополитическим изменениям. Результативность осуществляемого воздействия должна быть характерна для всех сегментов нефтегазового производства, включая транспортировку и сбыт углеводородов. Комплексное внедрение цифровых технологий позволяет не только уточнить объем запасов минерально-сырьевой базы (МСБ), но и достоверно прогнозировать инвестиционные потоки, доход от реализации продукции на основе контрактных и рыночных цен. Энергоемкость российской экономики напрямую связана не только с ее энергоэффективностью, но и в определенной степени с сокращением выбросов парниковых газов.

В современных условиях механизм ГР НГК должен отличаться рациональностью, учитывать влияние различных факторов на объем производства, в том числе минимальную цену предложения, развитие энергетических технологий, стратегические приоритеты ГР, возможности предприятий при освоении перспективных провинций, в частности месторождений Сибири и Дальнего Востока. Дальнейшее совершенствование ГР связано с комплексным учетом долгосрочных рисков на внутреннем и мировых энергетических рынках, трансформацией экономической системы, правовым обеспечением вопросов энергетической безопасности,

решением гражданских и военных задач за счет прозрачности и эффективности управления средствами Фонда национального благосостояния (ФНБ), их высокой ликвидности. Экономическая система в определенной степени является самоуправляемой, закладывает фактор неопределенности, субъективности представлений о регулировании и управлении в используемых методологических подходах. Дж. Уэст отмечает значимость «понимания принципов и фундаментальной системной динамики социально-экономического взаимодействия» [Уэст 2018, 458]. «...Наука может двигаться вперед без непротиворечивых моделей, объединенных теорий или каких-либо механистических объяснений. ...При наличии массы данных подход к научным исследованиям — гипотеза, модель, проверка — оказывается устаревшим» [Там же, 491–492].

Разработка принципиально новой экономической политики государства в отношении развития нефтегазовой отрасли опирается на ее связность, целостность, самодостаточность; в частности, это относится к стабилизации внутренних цен на энергоносители. Повышение доли добавленной стоимости осуществимо в результате расширения производств глубокой переработки углеводородов, развития нефтегазохимии, укрепления отдельных форм и инструментов ГР, в первую очередь экспортных пошлин, используемых в качестве демпфера между волатильными внешнеэкономическими и относительно стабильными внутренними ценами [Глазьев 2018b]. Фундаментальная значимость различных направлений и отраслей экономики находит подтверждение в истории становления мировой нефтегазовой промышленности: первоначально проведение буровых работ в Саудовской Аравии было направлено на поиск источников чистой питьевой воды для обеспечения местного населения. Фактически крупнейшая нефтегазоносная провинция планеты была открыта по случайности вследствие выполнения государством социальных обязательств, направленных на удовлетворение базовых человеческих потребностей.

Следует выделить ряд значимых аспектов концепции импортоопережения нефтегазового производства России. Переход на новый технологический уклад связан с законодательным обеспечением цифровых изменений, корректировкой показателей стратегических и программно-целевых нормативных правовых актов (НПА). Так, в условиях ужесточения санкционной политики поставки добытых в Арктическом регионе углеводородов в европейские страны остаются одним из факторов устойчивого развития национального НГК. Реализация его экономического потенциала предусматривает различные государственные меры, включающие грантовую поддержку, государственно-частное партнерство (ГЧП), разработку Федеральных адресных инвестиционных программ (ФАИП), расширение кооперационных связей с приарктическими субъектами федерации.

Формирование регуляторной среды в сфере цифровых технологий предполагает создание единой экосистемы цифровой экономики, информационного пространства, пользование общими данными. Перевод данных в цифровую форму выступает ключевым фактором производственных процессов на современном этапе индустриализации. В частности, в Стратегии развития информационного общества РФ на 2017–2030 гг. отмечены значимость нормативного регулирования, кадрового и образовательного потенциала, формирования исследовательских компетенций и технических заделов, совершенствования информационной и коммуникационной инфраструктуры, обеспечивающей комплексное цифровое развитие регионов, информационную защиту и безопасность¹. Развитая технологическая платформа, на которой выстроена цифровая

¹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 01.06.2023).

среда, раскрывает экономический потенциал новых рынков и отраслей производства. Технологические инициативы по развитию информационного общества предусматривают стимулирование разработок и внедрения прорывных цифровых решений с учетом мировой практики, управление цифровыми платформами, формирование стандартов оценки центров хранения и обработки данных, дорожных карт и планов мероприятий по цифровизации топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и системы государственного управления, предоставлению государственных и муниципальных услуг.

Энергия является движущей силой, основой индустриальной экономики. Задачи регулирования сводятся к результативности производимых операций, простоте и скорости принятия государственных решений, переработке информации в НПА, определению полномочий и долгосрочных приоритетов органов власти. Наличие двусторонних связей государства и нефтегазовых предприятий в структуре механизма ГР подразумевает их самостоятельную настройку с целью обеспечения стабильности, соотнесения с возникающими изменениями. В этой связи важны конкретизация используемого понятийно-категориального аппарата, разделение систем по объекту регулирующего воздействия, его устойчивого функционирования или уточнения в соответствии с обозначенными планами по достижению целевых ориентиров и комплексным учетом факторов изменения конъюнктуры. Качество регулирующего воздействия определяется направленностью на некоторый результат, может быть выражено в законодательном обеспечении экономических изменений и потребительских предпочтений. Внутренние разнонаправленные силы характеризуют устойчивость функционирования системы и одновременных внутренних преобразований. Это проявляется в различных направлениях развития, выступающих следствием сценариев экономических отношений государства, производителей и потребителей.

Совершенствование ГР НГК предусматривает разрешение экономических вопросов субъектов федерации с методологических позиций, разграничение объекта и предмета воздействия. Организация данных процессов применительно к регионам затрагивает комплексный и деятельностный подходы, учитывает технологические изменения, перевод информации и финансовых расчетов в цифровую форму, задействование возможностей искусственного интеллекта. Разработанная методология ГР НГК распространяется на геологоразведку, добычу и транспортировку углеводородов с шельфовых месторождений, способствует нивелированию ошибок и последствий ранее принятых регулирующих мер, в частности неэффективности антимонопольных органов, координирующих цены на бензин на внутреннем рынке.

На государственном уровне особое внимание уделяется региональной специфике: разработке месторождений, расширению нефтегазотранспортных магистралей, развитию ТЭК Восточной Сибири и Дальнего Востока. Экспортные поставки, в том числе сжиженного природного газа (СПГ), обладающего большей гибкостью по сравнению с трубопроводным газом, осуществляются на рынки стран Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона [Мастепанов 2020]. При этом зарубежные корпорации не заинтересованы в выходе из российских энергетических проектов в условиях ужесточения санкционной политики. Освоение крупных залежей сопряжено с кластерным развитием нефтегазовых и химических производств, позволяющим достигнуть существенной экономии при реализации крупномасштабных проектов, повышения устойчивости организационной структуры предприятий, совершенствования методики ценообразования на внутреннем газовом рынке.

Компании могут выводить активы по переработке и нефтегазохимии в отдельное публичное предприятие. Это содействует повышению совокупной капитализации, сокращению налоговой нагрузки, улучшению относительных экономических показателей в расчете на единицу добываемых углеводородов; государство также способно предпринимать регулирующие меры в данном направлении. Для обозначенных целей предприятия реинвестируют часть прибыли во внеоборотные и оборотные активы [Stiglitz 2019].

Наращивание энергопотребления в странах Европы и Азии свидетельствует о планомерном изменении структуры мирового топливно-энергетического баланса. Рассматриваются различные сценарии экспортных поставок в зависимости от экономических и геополитических факторов, условий исполнения действующих контрактов, гибкости в принятии управленческих решений после их возможного разрыва одной из сторон, реализации глобальных энергетических проектов. Экологический фактор затрагивает вопросы производства всех видов нефтегазовой продукции, рационального применения и сжигания попутного нефтяного газа. В рамках освоения трудноизвлекаемых запасов (ТРИЗ) учитывается опыт регулирования и разработки нетрадиционных запасов в Канаде и Венесуэле, их промышленного использования.

Переход от ресурсно-сырьевого к инновационному развитию российской экономики возможен благодаря методологически выверенной стратегии, эффективному антициклическому регулированию, воздействию на инвестиционную политику. В рамках ТЭК он заключается в увеличении бюджетных и частных ассигнований на фундаментальную науку, строительстве производств гелия, расширении сервисных услуг и технологий, создании относительно равных возможностей предприятий в части воздействия на органы власти и государственные институты, задействовании административного ресурса. Предусматривается формирование нескольких вариантов распределения дополнительных нефтегазовых доходов государственного бюджета.

Разработанная методология ГР НГК характеризуется принадлежностью и адаптацией к специфике и условиям российской экономики, содействует ее устойчивости. Ужесточение санкций позволило скорректировать проводимую энергетическую политику, в том числе в отношении развития Арктического региона, способствовало изменению долгосрочных приоритетов. В определенной степени санкции, выступающие инструментом недобросовестной конкуренции со стороны западных стран, предоставили дополнительные возможности развития, уменьшили экологические риски в результате отказа от отдельных совместных капиталоемких проектов с зарубежными корпорациями, уточнили инвестиционные решения с относительно невысокой нормой прибыли, а также организационную структуру предприятий. Адаптация энергетической политики и изменение геополитических условий связаны с необходимостью эффективного целеполагания, комплексного внедрения новейших достижений научно-технического прогресса во все стадии управленческих и производственных процессов. Это обеспечивает существенное сокращение удельных затрат, в частности, за счет повышения продуктивной отдачи пластов; например, новое поколение технологий позволяет разбуривать скважины без применения гидравлического разрыва пласта [Дмитриевский и др. 2014].

Ужесточение конкуренции между предприятиями на внутреннем энергетическом рынке, в том числе в рамках сегмента нефтегазосервиса, требует трансформации их организационной структуры, опережения среднеотраслевых и мировых темпов экономического роста, высокой производительности труда, капиталоемкости проектов и материалоотдачи. Комплекс реализуемых государственных мер затрагивает все сегменты НГК, включает вопросы технического регулирования, доработки существующих регламентов, качественного улучшения профессиональных компетенций управленческого состава, снижения себестоимости

производимой продукции, совершенствования инфраструктуры в отдаленных районах Сибири и Дальнего Востока, повышения социальной привлекательности регионов. Так, рассматриваются аспекты проектного управления запасами, корректировки налоговых режимов и механизма полигонов для разработки ТриЗ, эффективности использования многокомпонентного состава природного газа, включая удовлетворение растущего мирового спроса на гелий, его обратной закачки в скважины. Добычу нефтегазовых ресурсов можно рассматривать в качестве производной от глобального энергетического спроса: так, темпы роста ВВП и промышленного производства Китая в значительной мере коррелируют с темпами роста мирового энергопотребления. Это рассматривается в контексте удовлетворения потребностей конечных звеньев в энергетической цепочке.

Реформирование российского газового рынка, включая сегмент СПГ, направлено в том числе на удешевление отечественных технологий по сравнению с иностранными, а также добычу природного газа без потерь энергии. Его основным вектором выступила реализация Восточной газовой программы, становление Красноярского, Иркутского и Якутского центров добычи, освоение месторождений и газификация Дальнего Востока, включая Камчатскую и Сахалинскую области. Практическая реализация инфраструктурных решений, ускорение строительства нефтегазовых объектов позволяют вовлечь в промышленный оборот данных центров разработку небольших месторождений, используемых в качестве резерва, связать в единую энергетическую цепочку о. Сахалин, Хабаровск и Владивосток, в рамках которой осуществляется расширение внешнеэкономических отношений с Китаем и другими странами Восточной Азии, в том числе в части поставок СПГ. Увеличение его экспорта также характерно для европейского направления. Вообще, основной прирост валютной выручки, обеспечивающей устойчивое развитие российских энергетических компаний, связан именно с газовой отраслью. Следует учитывать противодействие США в вопросах расширения экспортной трубопроводной системы, что предполагает корректировку действующего законодательства [Litvinenko 2020].

Диверсификация структуры мировой энергетики связана с потребностью в бесперебойном энергообеспечении, возможностью импортеров диктовать условия поставщикам с целью снижения стоимости топливно-энергетических ресурсов (ТЭР), их оптимального сочетания и сбережения на различных уровнях использования, в том числе в сегменте добычи, при расширении высокотехнологичных направлений. Именно потребители осуществляют финансовое обеспечение энергетических компаний. Децентрализация и диджитализация производств характерны при разработке арктических углеводородных запасов. Так, управляемые искусственным интеллектом беспилотные дирижабли способны осуществить технологический прорыв в экономическом освоении шельфовых северных акваторий.

Значительная доля российских углеводородов добывается при использовании преференциальных налоговых режимов. Это свидетельствует о низкой результативности действующей системы налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ), целесообразности совершенствования налогообложения в НГК, подразумевает не только введение налога на дополнительный доход (НДД) для обеспечения устойчивости нефтегазовых предприятий, но и экспортных пошлин, применяемых в качестве демпфера. Адаптация предприятий к изменениям налоговой системы подразумевает неизменность налоговых режимов на протяжении нескольких лет, что способствует эффективной разработке перспективных нефтегазоносных провинций, месторождений Арктического региона, запасов битуминозной нефти. Данные изменения могут затрагивать обложение экономических показателей предприятий, а не объем добычи углеводородов. Это позволяет предотвратить выпадающие доходы при разработке ТриЗ,

стимулирует предприятия к внедрению технологических решений, в частности управления на основе данных и цифровых двойников, улучшению целевых показателей, повышению качества добываемого углеводородного сырья.

Практическая реализация методологии импортоперезарядки нефтегазового производства России

Баланс интересов России, ОПЕК и других добывающих стран на мировом энергетическом рынке в условиях геополитических трансформаций связан с расширением взаимодействий с предприятиями ИТ-сектора. Они занимаются разработками программного обеспечения, которое возможно интегрировать в рамках управления энергетическими процессами, продукцией в секторе Интернета вещей, связывающей десятки миллиардов устройств в мире, позволяют поддерживать определенный уровень затрат на цифровизацию производственных и управленческих процессов, извлекать максимальные преимущества из имеющихся в распоряжении ресурсов.

Методологический инструментарий применяется с учетом разницы социально-экономических условий регионов, оперативного реагирования на изменение ситуации. Передовые зарубежные практики не во всех случаях подходят к местной специфике: учитываются потребности регионов и муниципалитетов, условия их входа в различные федеральные программы. Диверсификация ТЭР потребителями также обусловлена взаимодействиями с предприятиями ИТ-сектора, увеличением затрат на цифровизацию производств, использованием информационных ресурсов при создании технологической архитектуры нефтегазовых проектов. Фактически, технологии позволяют преодолеть множество административных барьеров.

Следует учитывать, что инерция покоя в экономической системе выше инерции движения; отчасти это характеризует значимость локализации отраслевых производств, наращивания инвестиций в НИОКР, в том числе для достижения углеродной нейтральности. Государственные институты должны представлять собой стержень проводимой энергетической политики, решения транспортно-логистических вопросов, технологизации управления нефтегазовыми активами как значимого аспекта оптимизации издержек, укрепления инновационной экосистемы, обеспечивающей экономико-технологический прорыв; это требует уточнения взаимодействий органов власти и нефтегазового бизнеса. Таким образом, прозрачность системы государственного управления, принимаемых регулирующих решений, обеспечение выхода предприятий на экспортные рынки, конкурентоспособность производств, создание и внедрение инноваций, разрешение вопросов реализации поставок позволяют укрепить лидирующие позиции по показателям эффективности ТЭК, масштабировать энергосистемы для интенсификации производств, роста загрузки мощностей. При этом российские предприятия также могут выступать потребителями отечественных разработок.

В ряде зарубежных нефтегазовых провинций отсутствуют перспективы увеличения добычи, вследствие чего предприятия активными темпами наращивают разработку нетрадиционных и трудноизвлекаемых запасов. Следствием существовавшей в СССР практики длительной приостановки проведения геолого-разведочных работ (ГРП) в результате открытия крупных залежей и их последующей консервации явилось отсутствие инициатив по разработке новых провинций и более мелких месторождений. Это выступило одной из причин дальнейшего падения добычи, дефицита технологических инноваций, привело к сырьевой зависимости экономики, экстенсивному увеличению экспорта с месторождений с минимальными затратами

на единицу добываемого сырья. Данная тенденция отчасти характерна для настоящего времени: нефтегазовые компании выборочно подходят к разработке запасов, наиболее экономически обоснованных участков, что выступает фактором относительно низкой эффективности недропользования по сравнению с ведущими добывающими странами [Litvinenko, Sergeev 2019].

Принимаемые меры ГР НГК учитывают фазу экономического цикла, финансово-инвестиционные показатели предприятий, капиталовложения в НИОКР и связанные направления. Заключение нефтегазовых контрактов предполагает предоставление спектра инжиниринговых услуг, возведение промышленных и инфраструктурных объектов, внедрение уникальных технологических решений во всех сегментах нефтегазового производства. В первую очередь это относится к проведению ГРР и буровых работ, проектированию разработки запасов, в том числе нетрадиционных и трудноизвлекаемых, осуществлению добычи, доведению коэффициента извлечения нефти (КИН) и иных отраслевых показателей до ведущих мировых стандартов, содействует приросту запасов МСБ, рациональному недропользованию в условиях выработанности и исчерпаемости ряда крупных месторождений, ухудшения качества запасов и обводненности пластов в разрабатываемых районах. Увеличение доли ТРИЗ способствует технологическому развитию нефтегазовой отрасли, химических производств, внедрению новых методов бурения скважин [Cherapovitsyn et al. 2018].

Технологический прорыв достигается после накопления массы факторов, в результате которых функционирование в рамках прошлой экономической модели становится невозможным. В отдельных случаях новые технологии позволяюткратно улучшить существующие показатели. Выработанность запасов должна приводить к изменению экономических условий с учетом стадий производственного цикла разработки месторождений. Это относится не только к налоговому регулированию, но и внедрению технологических и сервисных решений, совершенствованию организационных и управленческих процессов, институциональной структуры и нормативно-правовой базы комплексного освоения месторождений. Соответственно, предусматриваются меры административного воздействия на крупнейшие корпорации в случае отсутствия заинтересованности в прагматичной разработке относительно не крупных залежей, в том числе на этапе истощения. Фактически данные регулирующие меры направлены на их доосвоение без привязки к региональной специфике и использованию административного ресурса.

Ресурсное освоение месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока обусловлено в первую очередь увеличением потребления ТЭР в быстрорастущих экономиках азиатских стран. Это предполагает совершенствование процедур недропользования, однозначность трактовки НПА со стороны нефтегазовых компаний. В отдельных случаях возможны спекулятивные сделки: перепродажа лицензионных участков и производственных активов крупным компаниям по более высокой стоимости. Цифровые технологии позволяют анализировать информацию по скважинам и производственным объектам по множеству параметров. При необходимости данная информация о производственных показателях на регулярной основе направляется в органы власти для последующего получения мер государственной поддержки; аналогичное характерно для крупных стратегических проектов.

Справедливая конкуренция, создание равных условий для государственных и частных предприятий при недропользовании, лицензировании участков, доступе к перспективным месторождениям относятся к решению административных и процедурных вопросов, принятию мер экономического стимулирования по внедрению современных технологий. Государству предоставляется информация об объеме разведанных запасов, состоянии разработки месторождений. Различие используемых технологий, в зависимости от стадии освоения,

предусматривает расширение отраслевых взаимодействий, форм организации предприятий, повышение профессиональной квалификации специалистов, предполагает привлечение сервисных и консалтинговых компаний, их компетенций в разработке запасов, оценке рентабельности осуществляемых проектов и маневренности при изменении экономических условий. Разработка запасов может быть эффективна на различных стадиях цикла месторождений при рациональном государственном подходе к налогообложению и недропользованию. Это содействует разработке уникальных научно-технологических решений, повышению результативности функционирования предприятий, позволяет улучшить качественные показатели производства, социально-экономические условия и инвестиционный климат.

Отсутствие внутренних противоречий в нормативно-правовой базе НГК, различных регламентирующих положениях, внесение изменений в процедурные вопросы, принятие государственных мер, направленных на внутреннее экономическое развитие, позволяют проводить методологически выверенную, точечную энергетическую политику, осуществлять настройку регулирующего механизма. Государственный подход к совершенствованию недропользования предполагает принятие планомерных обоснованных решений, позволяющих предприятиям адаптироваться к изменению конъюнктуры, модернизировать производственные объекты, внедрить технологии по повышению отдачи пластов, улучшить экономические показатели в рамках различных стадий реализации энергетических проектов; особая роль отводится развитию технологий в сервисном сегменте.

Экономическое стимулирование продуктивной разработки углеводородных запасов основано на своевременной корректировке нормативных и регулирующих положений, отражает взаимодействия и баланс интересов государства, недропользователей и операторов проектов, предполагает снятие и устранение правовых барьеров. Рациональное недропользование связано с прагматичным освоением лицензионных участков, в том числе из нераспределенного фонда. Отсутствие излишних бюрократических процедур, дублирования в проектной документации, в частности по оценке запасов, содействует совершенствованию институциональной платформы НГК, в определенной степени позволяет уменьшить финансово-инвестиционные риски, воздействовать на технологический сектор производства, внутренние экономические процессы. Сбалансированное развитие МСБ осуществимо при соблюдении интересов участников энергетических отношений, удовлетворении потребностей внутреннего рынка в высокотехнологичной продукции, фундаментальных разработках, квалифицированных специалистах. Это характерно для всех отраслей промышленного производства, раскручивает спираль положительного роста [Mankiw et al. 1992; Meadows et al. 1972], позволяет получить значительные конкурентные преимущества для национальной экономики от реализации крупномасштабных проектов. Накопленный мировой опыт возможно использовать, в частности, при разработке методологии анализа и оценки технико-экономических показателей безопасности долгосрочных экспортных контрактов энергоносителей.

В стратегической перспективе НГК продолжит обеспечивать устойчивое развитие национальной экономики, баланс различных отраслей производства и сегментов энергетики. Практическая реализация разработанных теоретико-методологических положений направлена на интенсификацию производств, увеличение добавленной стоимости производимой продукции. Территориальное распределение предприятий по переработке углеводородов приводит к существенным различиям в энергообеспечении субъектов федерации, стоимости транспортировки и конечной цены для потребителей. Это характерно как для внутреннего рынка, так и при внешнеэкономических поставках в отношении удаленности от экспортных

портов и терминалов. Модернизация перерабатывающих предприятий включает задействование современных производственных мощностей, отвечающих наивысшим экологическим требованиям, снижение их энергоемкости, высокую надежность оборудования, обеспечивающего комплексное использование многокомпонентного состава углеводородов.

Изменение мирового порядка в значительной степени затронуло центры принятия решений на различных уровнях: крупнейшие корпорации стран-экспортеров и новых индустриальных регионов, основные потребители, транзитеры, межгосударственные объединения и глобальные институты регулирования НГК. Комплексный подход к решению нефтегазовых вопросов в российской экономике предполагает уточнение роли государства при осуществлении регулирующего воздействия. Это проявляется при контроле за Единой системой газоснабжения, в понимании целостной ситуации с ее разделением на составные аспекты, исходных причин возникновения данных вопросов, в предоставлении всем участникам энергетического рынка доступа к инфраструктурным, технологическим и нефтегазосервисным решениям, связности предприятий различных секторов ТЭК, выборочном применении накопленного опыта ГР, практической реализации инструментария воздействия, основанного на системно-функциональном подходе.

В основу созданных институциональной и инфраструктурной платформ закладывается трехуровневая система методологии, основанная на методологических принципах, общенаучных подходах и конкретно-научных методах, обеспечивающая механизмы реализации государственной нефтегазовой политики. Схемная организация регулирующих действий позволяет проработать направления функционирования, показать цели и результаты деятельности участникам экономических отношений, сформулировать методологические рекомендации для региональных и местных органов власти. Они обеспечивают внутреннюю систему контроля, практическую реализацию принимаемых решений, утвержденных стратегических и программно-целевых документов.

Формирование технологических компетенций российских нефтегазовых предприятий позволяет обходить административные и институциональные барьеры, обеспечить импортоопережение производств, поставлять конкурентоспособную продукцию на экспорт. Комплексное использование форм и инструментов энергетической политики включает субсидирование и докапитализацию предприятий, задействование возможностей государственных институтов. Следование разработанной методологии ГР НГК в совокупности с внедрением цифровых технологий в систему государственного управления позволяет ускорить процесс принятия регулирующих, совершенствования нормативно-правовых и финансово-экономических решений за счет организационной функции государства. Выбранный методологический инструментарий включает локализацию нефтегазовых производств.

Применение системно-функционального подхода может предполагать изменение объекта регулирующего воздействия, направлений его деятельности и системы в целом. Меры ГР направлены на преодоление разобщенности нефтегазовых предприятий, постановку целей, единых с государством стратегических ориентиров. Общность цели и совместное воздействие позволяют разделить риски, консолидировать экономические и административные возможности, нарастить промышленно-производственный потенциал, интеграционные взаимодействия с внешнеэкономическими рынками. Разработка и внедрение НИОКР обеспечивают не только технологическое развитие отечественных предприятий, но и высокую конкурентоспособность технологий в условиях цифровой трансформации. Неэкономические методы ведения государственной промышленной политики со стороны западных стран в некоторой степени

утратили актуальность при прозрачности данных и открытости мировой системы. Поэтому важен именно собственный путь развития промышленного производства, а не соответствие мировым технологическим стандартам.

Концентрация воздействия и ресурсов государства и нефтегазового бизнеса на наиболее перспективных направлениях позволяет преодолеть технологические разночтения в условиях санкционной политики, перейти на новый уровень экономического и цифрового развития. Опережающие темпы промышленного производства, изменение структуры его сегментов и корректировка используемого методологического инструментария способствуют как повышению конкурентных преимуществ выпускаемой продукции, так и в целом преодолению последствий разрыва мирохозяйственных связей. Устойчивость нефтегазовых производств связана с их финансово-экономическим состоянием, инвестиционными перспективами, стимулированием НИОКР, повышением энергоэффективности, разделением рисков с государством, компенсированием возможных убытков, нивелированием потенциальных потрясений в нестабильных условиях. Крупнейшие корпорации имеют возможность выбора перспективных объектов НГК, набора наилучших профессиональных компетенций. ГЧП сочетается с передовой управленческой практикой, наличием механизмов и ресурсов для ее реализации, соответствием законодательства технологическим изменениям, разработкой и принятием государственных мер по устойчивому развитию предприятий.

Совершенствование технологий связано с реализацией проектов, формированием производственно-сбытовых цепочек на качественно новом уровне развития благодаря комплексному применению возможностей Шестого технологического уклада. Взаимодействие участников нефтегазовых центров или кластеров относится не только к процессу производства, но и совместному формированию уникального технологического и управленческого опыта. Полный производственный цикл в НГК связан с внедрением инноваций, расширением ассортимента производимой продукции, соответствующей потребительскому спросу. Опережающее технологическое развитие предполагает задействование используемых для данных целей ресурсов в разрешении оперативных ситуаций при изменении конъюнктуры, создание комплексных промышленных разработок, обеспечивающих становление крупнейших энергетических проектов. Они могут быть реализованы как в ускоренном режиме, так и планомерно вводиться в эксплуатацию вследствие технологического обновления производств, задействования мер государственного стимулирования, в частности в рамках НИОКР, гарантий реализации проектов, субсидирования производств за счет средств государственного бюджета и распределения ресурсов ФНБ на устойчивое развитие предприятий. Технологические и производственные решения обычно учитываются в рамках инвестиционных контрактов, направлены на преодоление внутренних и внешнеэкономических рисков [Трофимов 2022].

Выводы и рекомендации

Тенденции и циклы мировой экономики и энергетики оказывают воздействие на экономические отношения российских и зарубежных нефтегазовых компаний, различные формы ГР, в частности на таможенно-тарифное и техническое регулирование; могут предъявляться также требования к финансово-экономическим показателям предприятий. Преодоление последствий обвала промышленного производства 1990-х гг., значительного отставания и фактически пропуска технологического уклада потребовало реформирования структуры органов государственной власти, перераспределения организационных полномочий, использования сильных сторон и функционального наполнения различных ведомств,

задействования и оптимизации технологического, ресурсного и кадрового потенциала, в части которого учитывается аналогичная стоимость рабочей силы в зарубежных проектах. Совершенствование нормативно-правовой базы, обеспечивающей устойчивое развитие НГК, заключается в увязке различных стратегических и программно-целевых разработок, направлено на комплексное внедрение инноваций в перспективные проекты, содействие развитию связанных отраслей, создание новых производственных цепочек. Технические требования предъявляются к предприятиям металлургической промышленности, экологичности производств.

Подобные интеграционные процессы способствуют увеличению доли отечественной продукции в структуре мирового промышленного производства, глобального нефтегазового сектора, позволяют экспортировать капитал, технологии, сервисные услуги. Капиталовложения в НГК основаны на понимании долгосрочных перспектив развития энергетических рынков, технологических процессов, достаточности ресурсно-сырьевой базы. НГК выступает высокотехнологичной, капиталоемкой отраслью экономики: технологический прорыв возникает вследствие наступления критической массы предшествующих ему событий, устраняет действовавшие и возникающие барьеры, изменяет систему ГР, взаимодействия между государственными ведомствами и предприятиями. Это возможно в результате согласованности их позиций по принимаемым регулирующим решениям, осуществляемым преобразованиям, а также в отношении используемых механизмов воздействия с долгосрочными ориентирами, направлено на совершенствование технического регулирования, разработанных регламентов и стандартов. Формирование нефтегазовых центров в Сибири и на Дальнем Востоке включает комплексное развитие и внедрение НИОКР. ГР НГК содержит организационную составляющую, методологическое наполнение проводимых преобразований, осуществляет координацию участников экономических отношений, их информационное сопровождение, принятие законодательных решений по технологической модернизации предприятий.

Нормативно-правовая база НГК должна учитывать сущность, причины возникающих процессов, быть нацелена на конечный результат. Накопленный опыт ГР позволяет в короткие сроки осуществить импортоопережение нефтегазового производства, увязать воедино разрозненные факторы, направленные на выполнение поставленных задач. Его систематизация привела к разработке теоретико-методологических положений, невозможных на более ранних этапах развития. Комплексное изучение и понимание факторов воздействия привели к выводу о длительности осуществляемых преобразований, необходимости принятия стратегических решений в прогнозном горизонте многих десятилетий, обеспечивающих устойчивое развитие национальной экономики. Выделение общей цели государства и нефтегазового бизнеса позволяет осуществлять совместное воздействие в рамках заданного направления, принимать методологически выверенные, своевременные регулирующие меры, расширить экономические отношения с крупнейшими участниками мирового энергетического рынка, уменьшить и устранить возникающие риски. Целенаправленная, точечная настройка форм и инструментов воздействия содействует комплексному социально-экономическому развитию регионов, расширению инфраструктуры за счет управления промышленными процессами, задействованию имеющихся в распоряжении ресурсов и технологий.

Отстаивание национальных интересов в нефтегазовой отрасли находит выражение в целенаправленных практических действиях, выстраивании долгосрочных экономических отношений с крупнейшими производителями и потребителями углеводородов, разработке стратегий и планомерной реализации заложенных в них ориентиров. Оценка регулирующего

воздействия оказывается обоснованной после определенного времени. Следует отделять основные цели от второстепенных, последовательно реализовывать разработанный методологический инструментарий, применять выверенные формы и инструменты ГР сообразно ситуации. Государственная энергетическая политика заключается в выстраивании по определенному вектору развития деятельности субъектов нефтегазовой деятельности, сведении к единому основанию разрозненных позиций, созданию и выбору наиболее подходящего инструментария, приложимого к конкретной точке воздействия. Понимание мировых энергетических процессов позволяет оказывать ориентированное на результат регулирующее воздействие, дисциплинировать деятельность профильных ведомств при решении отраслевых вопросов.

Выработка долгосрочных экономических приоритетов НГК способствует внутреннему развитию системы, формированию положительной спирали, включающей связанные отрасли и производства. Осуществление планомерных преобразований по их достижению учитывает нерациональность действий нефтегазовых предприятий, отсутствие экономических мотивов функционировать в соответствии с государственными задачами. Это может быть обусловлено непоследовательностью проводимой энергетической политики, разночтениями между содержанием принимаемых НПА, их практической реализацией и получаемыми результатами. Жесткое административное воздействие не всегда приносит должный экономический эффект. Несовершенство правоприменительной практики, обусловленное внутренней экономической спецификой, несет задачу повсеместного выполнения разработанных решений. Выявление подобных «слабых мест» направлено на устойчивость национальной экономической системы, осуществление контроля за практическим выполнением ключевых решений, разработку механизмов реализации разработанных теоретико-методологических положений, способных осуществить прорывные темпы развития отечественной промышленности, концепцию импортозамещения нефтегазового производства России в новых технологических условиях [Трофимов 2023b].

Список литературы:

- Глазьев С.Ю. Информационно-цифровая революция // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018а. № 1(23). С. 70–83.
- Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018b.
- Дмитриевский А.Н., Мастепанов А.М., Бушуев В.В. Ресурсно-инновационная стратегия развития экономики России // Вестник РАН. 2014. Т. 84. № 10. С. 867–873. DOI: [10.7868/S0869587314100077](https://doi.org/10.7868/S0869587314100077)
- Конторович А.Э. Нефть и газ Российской Арктики: история освоения в XX веке, ресурсы, стратегия на XXI век // Наука из первых рук. 2015. Т. 61. № 1. С. 46–65.
- Лаверов Н.П., Дмитриевский А.Н., Богоявленский В.И. Фундаментальные аспекты освоения нефтегазовых ресурсов арктического шельфа России // Арктика. Экология и экономика. 2011. № 1(1). С. 26–37.
- Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Государственная арктическая политика России // Федерализм. 2021. № 1. С. 15–43. DOI: [10.21686/2073-1051-2021-1-15-43](https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-1-15-43)
- Макаров А.А. Достижения и проблемы стратегического планирования развития энергетики России // Энергетическая политика. 2018. № 3. С. 26–34.
- Мастепанов А.М. Проблемы обеспечения энергетической безопасности в новых геополитических условиях // Энергетическая политика. 2017. № 1. С. 20–37.

- Мастепанов А.М. Перспективы нефтегазового комплекса на Востоке России // Энергетическая политика. 2020. № 10. С. 62–73. DOI: [10.46920/2409-5516_2020_10152_62](https://doi.org/10.46920/2409-5516_2020_10152_62)
- Новак А.В. Будущее российской нефти в эпоху энергоперехода // Энергетическая политика. 2021. № 12. С. 4–13. DOI: [10.46920/2409-5516_2021_12166_4](https://doi.org/10.46920/2409-5516_2021_12166_4)
- Новак А.В. Российский и мировой ТЭК: вызовы и перспективы // Энергетическая политика. 2022. № 4. С. 6–15. DOI: [10.46920/2409-5516_2022_4170_7](https://doi.org/10.46920/2409-5516_2022_4170_7)
- Трофимов С.Е. Методологические основы государственного регулирования нефтегазового комплекса России. М.: ИНФРА-М, 2022.
- Трофимов С.Е. Методологические положения разработки нефтегазовых запасов арктического и континентального шельфа в контексте обеспечения национальной и энергетической безопасности государства // Российский экономический журнал. 2023а. № 1. С. 42–59. DOI: [10.52210/0130-9757_2023_1_42](https://doi.org/10.52210/0130-9757_2023_1_42)
- Трофимов С.Е. Практические вопросы реализации государственной нефтегазовой политики. М.: ИНФРА-М, 2023б.
- Уэст Дж. Масштаб. Универсальные законы роста, инноваций, устойчивости и темпов жизни организмов, городов, экономических систем и компаний. М.: Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус, 2018.
- Cherepovitsyn A., Metkin D., Gladilin A. An Algorithm of Management Decision-Making Regarding the Feasibility of Investing in Geological Studies of Forecasted Hydrocarbon Resources // Resources. 2018. Vol. 7. Is. 3. DOI: [10.3390/resources7030047](https://doi.org/10.3390/resources7030047)
- Litvinenko V.S., Sergeev I.B. Innovations as a Factor in the Development of the Natural Resources Sector // Studies on Russian Economic Development. 2019. Vol. 30. Is. 6. P. 637–645. DOI: [10.1134/S107570071906011X](https://doi.org/10.1134/S107570071906011X)
- Litvinenko V.S. The Role of Hydrocarbons in the Global Energy Agenda: The Focus on Liquefied Natural Gas // Resources. 2020. Vol. 9. Is. 5. DOI: [10.3390/resources9050059](https://doi.org/10.3390/resources9050059)
- Mankiw G.N., Romer D., Weil D.N. A Contribution to the Empirics of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1992. Vol. 107. Is. 2. P. 407–437. DOI: [10.2307/2118477](https://doi.org/10.2307/2118477)
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. The Limits to Growth. New York: Universe Books, 1972.
- Stiglitz J.E. People, Power, and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent. New York: W.W. Norton & Company, 2019.

References:

- Cherepovitsyn A., Metkin D., Gladilin A. (2018) An Algorithm of Management Decision-Making Regarding the Feasibility of Investing in Geological Studies of Forecasted Hydrocarbon Resources. *Resources*. Vol. 7. Is. 3. DOI: [10.3390/resources7030047](https://doi.org/10.3390/resources7030047)
- Dmitrievskii A.N., Mastepanov A.M., Bushuev V.V. (2014) Resource-Innovative Strategy of Russia's Economic Development. *Vestnik RAN*. Vol. 84. No. 10. P. 867–873. DOI: [10.7868/S0869587314100077](https://doi.org/10.7868/S0869587314100077)
- Glazyev S.Yu. (2018a) Informatsionno-tsifrovaya revolyutsiya [Information and digital revolution]. *Evrasiyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. No. 1(23). P. 70–83.
- Glazyev S.Yu. (2018b) *Ryvok v budushchee. Rossiya v novykh tekhnologicheskoy i mirokhozaystvennom ukhladakh* [Spurt into the future. Russia in new technological and world economic paradigms]. Moscow: Knizhnyy mir.

- Kontorovich A.E. (2015) Neft' i gaz Rossiyskoy Arktiki: istoriya osvoyeniya v XX veke, resursy, strategiya na XXI vek [Oil and gas of the Russian Arctic: History of development in XX century, resources, strategy for the XXI century]. *Nauka iz pervykh ruk*. Vol. 61. No. 1. P. 46–65.
- Laverov N.P., Dmitrievskii A.A., Bogoyavlensky V.I. (2011) Fundamental Aspects of the Development of Oil and Gas Resources of the Arctic Shelf of Russia. *Arktika. Ekologiya i ekonomika*. No. 1(1). P. 26–37.
- Leksin V.N., Porfiriev B.N. (2021) State Arctic Policy of Russia. *Federalizm*. No.1. P.15–43. DOI: [10.21686/2073-1051-2021-1-15-43](https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-1-15-43)
- Litvinenko V.S. Sergeev I.B. (2019) Innovations as a Factor in the Development of the Natural Resources Sector. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 30. Is. 6. P. 637–645. DOI: [10.1134/S107570071906011X](https://doi.org/10.1134/S107570071906011X)
- Litvinenko V.S. (2020) The Role of Hydrocarbons in the Global Energy Agenda: The Focus on Liquefied Natural Gas. *Resources*. Vol. 9. Is. 5. DOI: [10.3390/resources9050059](https://doi.org/10.3390/resources9050059)
- Makarov A.A. (2018) Advancements and Challenges in Strategic Planning of Russian Energy Development. *Energeticheskaya politika*. No. 3. P. 26–34.
- Mankiw G.N., Romer D., Weil D.N. (1992) A Contribution to the Empirics of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 107. Is. 2. P. 407–437. DOI: [10.2307/2118477](https://doi.org/10.2307/2118477)
- Mastepanov A.M. (2017) Problems of Energy Security Assurance under New Geopolitical Conditions. *Energeticheskaya politika*. No. 1. P. 20–37.
- Mastepanov A.M. (2020) Prospects for the Oil and Gas Complex in the East of Russia. *Energeticheskaya politika*. No. 10. P. 62–73. DOI: [10.46920/2409-5516_2020_10152_62](https://doi.org/10.46920/2409-5516_2020_10152_62)
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. (1972) *The Limits to Growth*. New York: Universe Books.
- Novak A.V. (2021) The Future of Russian Oil in the Era of Energy Transition. *Energeticheskaya politika*. No. 12. P. 4–13. DOI: [10.46920/2409-5516_2021_12166_4](https://doi.org/10.46920/2409-5516_2021_12166_4)
- Novak A.V. (2022) Russian and Global Fuel and Energy Complex: Challenges and Prospects. *Energeticheskaya politika*. No. 4. P. 6–15. DOI: [10.46920/2409-5516_2022_4170_7](https://doi.org/10.46920/2409-5516_2022_4170_7)
- Stiglitz J.E. (2019) *People, Power, and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent*. New York: W.W. Norton & Company.
- Trofimov S.E. (2022) *Metodologicheskiye osnovy gosudarstvennogo regulirovaniya neftegazovogo kompleksa Rossii* [Methodological foundations of the state regulation of the oil and gas complex of Russia]. Moscow: INFRA-M.
- Trofimov S.E. (2023a) Methodological Provisions for the Development of Oil and Gas Reserves of the Arctic and Continental Shelf in the Context of Ensuring the National and Energy Sustainability of the Country. *Rossiyskiy ekonomicheskij zhurnal*. No. 1. P. 42–59. DOI: [10.52210/0130-9757_2023_1_42](https://doi.org/10.52210/0130-9757_2023_1_42)
- Trofimov S.E. (2023b) *Prakticheskiye voprosy realizatsii gosudarstvennoy neftegazovoy politiki* [Practical issues of state oil and gas policy implementation]. Moscow: INFRA-M.
- West J. (2018) *Scale. Universal Laws of Growth, Innovation, Tiredness and Pace of Life of Organisms, Cities, Economic Systems and Companies*. Moscow: Azbuka Biznes, Azbuka-Attikus.

Дата поступления/Received: 29.05.2023

Проблемы управления: теория и практика
Administrative issues: theory and practice

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-99-78-90

Постсоветская историография государственной деятельности в сфере развития
сельского хозяйства в Российской империи в XIX в.

Постикэ Надежда Борисовна

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: Baski0783@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [5067-2240](https://elibrary.ru/5067-2240)

Аннотация

В статье анализируются работы современных отечественных исследователей становления российской сельскохозяйственной школы. На основе историко-системного метода с применением конкретно-исторического подхода определена специфика историографии на современном этапе; выявлены два основных направления научной мысли. Низшая сельскохозяйственная школа как инструмент экономического преобразования русской деревни представлена в исследованиях ученых южно-русских, черноземных регионов (М.Д. Книга, А.В. Третьяков). Вопросы распространения сельскохозяйственного просвещения рассмотрены с позиций исследования женского образования (Л.А. Бессмертная) и внешкольных форм преподавания. Комплексно исследовала этапы формирования опытного дела Е.Ю. Елина. Как систему образовательных учреждений российскую сельскохозяйственную школу рассматривали ученые в рамках региональных исследований (Ю.В. Чудновец) и на общероссийском уровне (В.П. Васильев, Н.А. Пичужкин). Вторым крупным направлением исследований является деятельность общественных сельскохозяйственных организаций и определение роли общественной инициативы в вопросах формирования системы сельскохозяйственного просвещения. Крупнейшими исследованиями деятельности Московского общества сельского хозяйства стали работы С.А. Козлова и А.А. Куренышева, направленные в том числе на выявление вклада общества в дело формирования российской агрономической научной школы. Предприняты попытки проанализировать роль общественной инициативы в вопросе выработки стратегии развития сельскохозяйственного образования. Н.В. Панина анализировала роль съездов деятелей по развитию профессионального образования. В.Н. Плаксин в рамках комплексного исследования становления аграрного образования в черноземном регионе исследовал значение института земской агрономии в деле повышения агрокультуры региона.

Ключевые слова

История России XIX в., сельскохозяйственное образование, агропропаганда, государственная политика, историография.

Post-Soviet Historiography of State Activity in the Field of Agricultural Development in
the Russian Empire in the 19th Century

Nadezhda B. Postike

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Baski0783@gmail.com

Abstract

The article analyzes the works of modern domestic researches of the Russian agricultural school formation. The specifics of historiography at the present stays are determined on the basis of the historical system method with the use of a concrete historical approach. Two main direction of scientific thought have been identified. The lower agricultural school as a tool for the transformation of the Russian village is presented in the studies of scientists of the southern Russian chernozem regions (M.D. Kniga, A.V. Tretiakov). In addition, the issues of the dissemination of agricultural education are considered from the standpoint of the study of women's education (L.A. Bessmertnaya) and extracurricular forms of teaching. Extracurricular forms of dissemination of agricultural knowledge include research on the formation of experimental farming. Comprehensive investigation of the stages of the formation of the case was conducted by E.U. Elina. As a system of education institutions the Russian agricultural school was considered by scientists within the framework of regional studies (Y.V. Chudnocets) and at the all-Russian level (P.V. Vasiliev, N.A. Pichuzhkin). The second major area of research is the activity of public agricultural organizations and the definitions of the role of public initiative in the formation of the agricultural education system. The largest studies of the activities of the Moscow Society of agriculture were the works by S.A. Kozlov and A.A. Kurenyshev aimed, among other things, at identifying the contribution of the Society to the formation of the Russian agronomic scientific school. In addition, scientists have made attempts to analyze the role of public initiative in the issue of developing a strategy for the development of agricultural education. N.V. Panina analyzed the role of congresses of figures on the development of vocational education. V.N. Plaxin, as a part of comprehensive study of the agricultural education formation in the Chernozem region, investigated the importance of the Institute of Zemstvo agronomy in improving the agriculture of the region.

Keywords

History of Russia in the 19th century, agricultural education, agricultural propaganda, public policy, historiography.

Введение

Сельское хозяйство на протяжении длительного периода истории Российского государства являлось основной формой хозяйствования, занимавшей большую часть его населения. С конца XVIII в., на фоне Промышленной революции происходила серьезная трансформация аграрной сферы. Российская империя оказалась участником процесса формирования мирового аграрного рынка. Это повлекло за собой необходимость государственного регулирования процессов сельскохозяйственного производства. Однако, находясь в сфере частных хозяйственных интересов, оно напрямую не могло быть объектом государственного управления. Формирование институтов управления сельским хозяйством происходило в течение всего XIX в. и включало в себя выработку механизмов развития аграрного производства. Ключевым инструментом развития сельскохозяйственной отрасли стала разработка системы сельскохозяйственного просвещения, способной обеспечить всестороннее повышение агрикультуры страны.

В современных условиях успешное развитие аграрного производства имеет стратегическое значение для нашего государства. Важно отметить, что вопреки распространенным мифам сельское хозяйство не только практически полностью обеспечивает продовольственную безопасность России, но также позволяет экспортировать значительные объемы сельскохозяйственной продукции [Кабаненко, Угримова 2019]. Стабильно развиваясь последнюю четверть века, сельскохозяйственная отрасль, однако, испытывает кадровый голод, вызванный низкой популярностью сельскохозяйственного образования, и отличается неразвитостью частных фермерских хозяйств [Юрченко и др. 2013]. Формирование благоприятных социально-экономических условий для развития агропромышленной инициативы необходимо включает в себя реформирование системы сельскохозяйственного образования и преследует цель популяризации агрономической деятельности среди молодежи. С учетом этого особое значение приобретает изучение накопленного опыта организации сельскохозяйственного образования в нашей стране в важнейший исторический период перехода от аграрной экономики к аграрно-индустриальной.

С конца XX в. проблема организации и популяризации сельскохозяйственного образования стала востребованной среди ученых, разрабатывающих вопросы аграрной истории России. Появилось большое количество региональных исследований различных аспектов развития российской агрономической школы, рассматриваются вопросы определения роли общественных организаций в деле развития сельского хозяйства. Исследователи предпринимают попытки определить долю государственного участия в процессах реформирования сельскохозяйственного производства [Третьяков 2017; Плаксин 2018].

Целью настоящего исследования является анализ современной отечественной историографии государственной деятельности в сфере развития сельского хозяйства в Российской империи в XIX в. Эволюция правительственных подходов к проблеме повышения агрикультуры рассмотрена в контексте истории сельскохозяйственного ведомства. Исследование опирается на историко-системный метод, который позволяет провести структурно-функциональный анализ различных элементов системы сельскохозяйственного образования на имеющемся современном историографическом материале. Конкретно-исторический подход при рассмотрении объектов историографии позволяет выявить специфику современного этапа ее развития. Приверженность принципу историзма в презентации объектов историографии дает возможность выявить динамические изменения в направлении правительственных инициатив по улучшению сельскохозяйственного производства и

определить их как системный процесс. Проблемно-хронологический метод используется для анализа научных работ и выделения основных направлений историографии. Оценка роли правительственных инициатив по развитию сельского хозяйства в период его трансформации в самостоятельную отрасль экономики в современной историографии может быть полезной, учитывая отсутствие на сегодняшний день обобщающих исследований по заявленной теме.

Первые правительственные инициативы по подготовке управляющих сельским хозяйством

Целенаправленную деятельность правительства по улучшению сельскохозяйственного производства можно отсчитывать с начала регулярного попечительства над государственным имуществом Российской империи. Этот процесс берет свое начало с утверждения императором Павлом I в 1797 г. особой Экспедиции государственного хозяйства¹. Деятельность нового учреждения сводилась к управлению хозяйственными делами в утвержденных административных единицах — волостях. Одновременно с Экспедицией под г. Павловском в Санкт-Петербургской губернии была открыта первая сельскохозяйственная школа. Прогрессивный для своего времени проект имел целью модернизацию сельскохозяйственного производства. В указе об учреждении школы предусматривалось два направления деятельности: подготовка преподавателей по сельскому хозяйству и обучение крестьян. В современной историографии процесс учреждения и деятельности первой правительственной аграрной школы рассмотрен достаточно подробно в монографии В.П. Васильева и Н.А. Пичужкина [Васильев, Пичужкин 2017]. Авторы придают большое значение деятельности российского агронома А.А. Самборского и делают вывод о том, что основание школы стало возможным только благодаря подвижнической деятельности основателя школы и благосклонности правящего монарха. По мнению исследователей, проект опережал свое время и не удовлетворял интересам земледельческой элиты. Последовавшая вскоре смена правителя решила судьбу школы, которая была закрыта по решению Министерства финансов как нерентабельный проект.

Формирование торгового земледелия в начале XIX в. обозначило необходимость систематической подготовки профессиональных кадров в сфере агрономии. История становления высшего аграрного образования иллюстрирует уровень развития общественных потребностей и направление государственной политики в области сельского хозяйства, обозначает взаимосвязь правительственных и общественных инициатив в этом процессе [Рыжкова и др. 2020]. Высокая потребность в квалифицированных чиновниках обусловила открытие первого специализированного учебного заведения. Так, в 1803 г. в Санкт-Петербурге был открыт Лесной и межевой институт. Исследователи отмечают, что основной задачей сельскохозяйственных институтов Российской империи было удовлетворение казенных потребностей в чиновном составе. Задачи по популяризации же улучшенных способов земледелия среди помещиков и распространение сельскохозяйственного образования среди крестьян на протяжении первой трети XIX в. оказались в сфере деятельности общественных организаций. Поддержка общественных инициатив, направленных на агрономическое и техническое образование представителей недворянских сословий, являлась одной из основных форм государственного участия в процессе формирования среднего и низшего звена системы сельскохозяйственного образования.

¹ Очерк пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. С. 50 // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/436075> (дата обращения: 10.05.2023).

Общественные организации в деле развития сельскохозяйственной школы

Большое число современных научных исследований посвящено анализу деятельности общественных организаций и определению их роли в процессе распространения сельскохозяйственных знаний. Среди наиболее значимых работ в этом направлении можно выделить исследования А.А. Куренышева и С.А. Козлова, посвященные деятельности крупнейшей сельскохозяйственной общественной организации императорской России — Московскому обществу сельского хозяйства (МОСХ).

Глубокое исследование деятельности российских сельскохозяйственных обществ предпринял в своей монументальной монографии профессор института Российской истории РАН С.А. Козлов. Детально исследуя деятельность МОСХ, автор дает негативную оценку роли правительственных инициатив в вопросе рационализации сельскохозяйственного производства и повышения производительности отрасли [Козлов 2020]. В этом вопросе С.А. Козлов вступает в полемику с выводами О.Ю. Елиной, которая в своих исследованиях подчеркивает, что первые сельскохозяйственные общества Российской империи появились благодаря инициативе просвещенных помещиков-дворян при поддержке и непосредственном участии государя [Елина 2008, 215]. В пользу этого утверждения могут свидетельствовать следующие факты. Крупнейшее всероссийское общество сельского хозяйства МОСХ было основано после личного одобрения проекта общества императором Александром I. После утверждения Устава в 1819 г. обществом было получено от правительства «единовременное пособие» в размере 10000 руб. [Козлов 2020, 45] ассигнациями и предоставлена в аренду земля для размещения хутора. Важным также является факт, что деятельность первых сельскохозяйственных обществ, среди которых, кроме МОСХ, были Эстляндское общество сельского хозяйства и Курляндское общество сельского хозяйства, финансировалась государством [Там же, 47]. В то же время, как отмечает автор, финансовая и организационная помощь обществам была не достаточной для развертывания широкой просветительской деятельности [Там же, 53]. Ведущая роль государства в формировании в Российской империи общественных институтов подчеркивается и в трудах зарубежных исследователей [Там же, 14].

В доказательство «мелочности и бессистемности» попечительства российского императора о хозяйственно-просветительской деятельности сельскохозяйственных обществ С.А. Козлов приводит эпизод, произошедший в 1824 г., когда император «обратил пристальное внимание на рисунок деревенской избы, приложенный к напечатанному в журнале² проекту помещика Ф. Мосолова “о превращении крестьянских хижин в каменные избы”. Этот эскиз вызвал резкое недовольство императора, что было доведено до сведения вначале А.А. Аракчеева, а затем В.Д. Голицына³. С.А. Козлов пришел к заключению, что «подобными “ценными указаниями” и ограничилась “забота” Александра I о деятельности МОСХ» [Там же, 53].

Реформа государственной деревни и правительственные сельскохозяйственные школы

Вторая треть XIX в. отмечена реформаторской деятельностью министра государственных имуществ П.Д. Киселева. В результатах реформы государственной деревни наиболее полно проявилась патерналистская идеология, свойственная всему периоду царствования императора Николая I. В современной историографии указанный период оценивается учеными различно. В целом адекватно политика попечительства сельскохозяйственной отрасли представлена

² Земледельческий журнал, издаваемый МОСХ.

³ Президент МОСХ.

в исследованиях ученых южно-русского региона. Так, в работах В.Н. Плаксина детально представлена последовательность правительственных инициатив в вопросе выработки специального сельскохозяйственного законодательства, регламентирующего основные направления деятельности главного сельскохозяйственного ведомства государства в XIX в. [Плаксин 2020]. В.Н. Плаксин дает высокую оценку деятельности правительственных структур в налаживании агрономической помощи населению. В статье, посвященной обзору государственных мероприятий, направленных на оказание агрономической помощи российскому крестьянству, автор убедительно демонстрирует возможности консолидированной работы между общественными и правительственными организациями для достижения единой цели [Плаксин 2018]. В том же положительном ключе представляется правительственная деятельность в работах М.В. Пыльциной. Автор делает вывод о проведении целенаправленной работы российским правительством по выработке законодательных основ, обеспечивающих поступательное развитие сельскохозяйственного производства на протяжении всего XIX в. Особое внимание в работах М.В. Пыльциной обращено на исследование взаимоотношений общественных и правительственных организаций по вопросам регулирования сельскохозяйственной деятельности [Пыльцина 2017].

Противоположную характеристику сельскохозяйственной политике в царствование Николая I дает С.А. Козлов: «...Хотя власти оказывали регулярную финансовую помощь деятельности МОСХ, а само общество именовалось “Императорским”, организационная поддержка на государственном уровне отсутствовала; более того – налицо было стремление властей ограничить действия МОСХ чисто хозяйственными аспектами...» [Козлов 2021, 128–142]. В то же время С.А. Козлов отмечает важность совместной работы общественных и государственных деятелей по приданию общероссийской значимости вопросам развития отечественной аграрной науки и практики и распространению народного просвещения. Автор не может игнорировать определенный интерес, проявляемый императором к вопросам сельского хозяйства. Так, он упоминает факт, что «на протяжении всего царствования Николай I регулярно знакомился с ежегодными отчетами МОСХ, а также охотно читал “Земледельческий журнал”, признавая его полезным изданием» [Козлов 2020, 115]. Однако интерес государя представлен скорее негативно. В этом его поддерживает В.А. Норхина, которая полагает, что декларативный характер государственной помощи «ограничивался “изъявлением высочайшего благоволения” и присуждением наград наиболее отличившимся отечественным рационализаторам» [Там же, 115].

В крупной работе О.Ю. Елиной, посвященной обобщению достижений сельскохозяйственных опытных учреждений в России, деятельности государственных структур в дореформенный период дается следующая характеристика: «Нельзя сказать, что в области “усовершенствования и распространения сельского хозяйства” министерство ничего не делало, но если оценивать результаты, окажется, что почти вся энергия уходила на бесконечные заседания, публикации пышных томов и участие в дворцовых интригах» [Елина 2008, 29]. Безусловно полезным автор признает выход в печать первого государственного специализированного издания — «Земледельческой газеты». Однако решение о начале такого рода деятельности, по мнению автора, явилось следствием прямой заинтересованности в этом действующего тогда министра финансов Е.Ф. Канкрин [Там же, 30]. Значительного успеха в первые пореформенные десятилетия Министерство смогло добиться только в вопросе распространения сельскохозяйственного образования [Там же, 32]. Этот период ознаменован значительным

событием для всей русской агрономической школы — учреждением Земледельческой и лесной академии в Петровско-Разумовском под Москвой. Впоследствии Петровская академия стала центром развития агрономической науки в Российской империи.

Выработка законодательных основ сельскохозяйственной школы в пореформенный период

В 70-х гг. XIX в. начинается процесс формирования нормативно-правовой базы для создания сельскохозяйственных учебных заведений. А.В. Третьяков первым комплексно подошел к разработке этой обширной темы. Специалист по начальному сельскохозяйственному образованию очень высоко оценивает роль правительства в формировании низшей сельскохозяйственной школы в России. Анализируя формирующуюся законодательную базу сельскохозяйственного образования в пореформенный период, ученый подчеркивает, «что при всей регламентации деятельности законодатель стимулировал инициативу местных предпринимателей и общественных деятелей» [Третьяков 1998, 21] по этому вопросу. Автор называет наличие жесткой правительственной регламентации на стадии становления системы сельскохозяйственного образования как необходимую меру для подготовки и обучения мелких административных служащих, земледельцев и земских деятелей. Приоритет государственного контроля над деятельностью новообразованных структур, участвующих в распространении сельскохозяйственного образования, А.В. Третьяков объясняет стремлением правительственных структур включить «плановый элемент» в развитие сети сельскохозяйственных и ремесленных образовательных учреждений [Там же, 22]. Законодательно прописанная возможность смешанного финансирования сельскохозяйственных учебных заведений, по мнению автора, подчеркивала «общенародный и общегосударственный характер процесса развития сельскохозяйственного образования» [Там же, 24].

Аграрная политика государства, имеющая целью развитие отрасли, в первую очередь направляется на повышение культуры сельскохозяйственного производства. Потребность реформирования устаревших способов хозяйствования всех форм земельной собственности, от крупного дворянского поместья до мелкого крестьянского хозяйства, вызвала необходимость создания системы сельскохозяйственного образования. Период формирования российской аграрной школы совпал с периодом преобразования сельского хозяйства из частной хозяйственной деятельности в самостоятельный сектор государственной экономики. Поиск управленческих моделей нашел свое выражение в создании специального Министерства земледелия и государственных имуществ, преобразованного из Министерства государственных имуществ. В деятельности нового Министерства наиболее полно выразилась политика государства в отношении вопросов развития сельского хозяйства. В этот период на волне мощного технологического подъема, захватившего все сферы производства, решающим становится широкое распространение агрономических знаний. Вопрос стоял не только в подготовке квалифицированных управляющих крупными имениями и формировании профессионально грамотного кадрового резерва государственных чиновников, но в необходимости полного перехода от традиционных способов к новому типу землепользования, основанному на последних научных достижениях в области естественных и экономических наук. Эту задачу должен был решить учрежденный институт агрономов.

Агрономическая деятельность в Российской империи берет свое начало с правительственной инициативы, выразившейся в учреждении соответствующей должности в штате Департамента земледелия. Деятельность службы правительственных агрономов

заклучалась в сборе и систематизации знаний о сельскохозяйственных угодьях империи и имела информационно-аналитический характер. Кроме того, подвергся реорганизации научно-совещательный орган Министерства — Ученый комитет. Объединивший видных ученых агрономов и общественных деятелей комитет был преобразован в комплекс научно-исследовательских учреждений, охватывающих все актуальные направления сельскохозяйственной науки своего времени. Как показал в своем исследовании Н.П. Гончаров, преобразованный Департамент земледелия представлял собой строгую систему специализированных институтов, преемницей которой стала советская Академия сельскохозяйственных наук [Гончаров 2012]. Убедительно показав преемственность институтов Академии сельскохозяйственных наук и Министерства земледелия, Н.П. Гончаров отмечает практически полное отсутствие научных работ в этой области.

Большого внимания со стороны исследователей заслужил феномен общественной агрономии. В.Н. Плаксин в своей статье так определил это явление: «В 90-х гг. XIX в. научное понимание общественной агрономии в самом сжатом виде определялось как агрономическое содействие общественных учреждений мелкому сельскохозяйственному производителю» [Плаксин 2004]. Появление общественной агрономии стало результатом объединения общественных и правительственных инициатив на пути широкого распространения сельскохозяйственных знаний и способов производства. В своих исследованиях В.Н. Плаксин делает вывод, что общественная агрономия стала следующим шагом на пути эволюционного развития института земских агрономов при непосредственном правительственном участии: «Земская участковая агрономия продолжала активно развиваться как “вглубь”, так и “вширь” еще и потому, что она пользовалась значительной поддержкой департамента земледелия, которое выделяло необходимые средства как на проводимые мероприятия агрономической помощи крестьянам, так и на содержание земских специалистов» [Плаксин 2019, 67].

В последнее двадцатилетие XIX в. поддержанная правительством общественная активность нашла выражение в проведении съездов промышленных и сельскохозяйственных деятелей. Роль съездов в деле развития профессионального образования рассматривает в своей статье Н.В. Панина [Панина 2014]. Автор считает главным результатом работы съездов — преодоление производственной неграмотности. Значение деятельности правительственных учреждений в этом процессе, по ее мнению, состояло в поощрении развития горизонтальных связей между различными элементами общества для консолидации усилий, направленных на единую цель экономического и производственного развития государства.

Появление системы сельскохозяйственного образования в Российской империи стало результатом эволюции социально-экономических, политических и культурных представлений российского общества на рубеже XIX–XX вв. Осознание необходимости широкого распространения специальных научных знаний привело к формированию новой политической линии Министерства. Как отмечает О.Ю. Елина, это стало возможным после того, как выросла и включилась в работу волна профессионалов-аграрников, выпускников высших российских сельскохозяйственных школ — Петровской академии в Москве, Лесного института в Петербурге и Института сельского хозяйства в Новой Александрии. «Выпускники этих школ заняли ключевые посты, вплоть до министерства... Это свидетельствует о растущем доверии власти к сельскохозяйственной науке и, главное, к людям науки» [Елина 2008, 40–41].

Положительно отзываясь о государственной аграрной политике исследователь истории низшей сельскохозяйственной школы в России А.В. Третьяков. Интенсификация аграрного сектора, по мнению автора, явилась результатом успешной аграрной политики

«в конце XIX – начале XX веков, став эффективным катализатором экономического, технологического, юридического и социально-психологического процессов, начавших осуществляться в сельской местности. Они фактически совершили агротехническую революцию в российском селе» [Третьяков 1997, 48]. Речь идет о деятельности института земских агрономов, государственной помощи в развитии сельской кооперации, распространении сети средних и низших сельскохозяйственных образовательных учебных заведений, деятельности Крестьянского банка, реформировании общинного землепользования.

Комплексное исследование процессов становления системы аграрного просвещения в Российской империи предпринято в работах М.Д. Книги. В ряде статей ученым последовательно изучены: этапы формирования аграрного просвещения [Фурсов, Книга 2017], проблемы рационализации крупных помещичьих хозяйств [Книга 2019], проанализирован опыт деятельности высших агрономических учреждений империи [Книга 2016а], отдельно рассмотрены проблемы организации опытного дела [Книга 2009], изучены формы внешкольного распространения агрономических знаний [Книга 2016b]. В целом политику государства в вопросах повышения агрикультуры М.Д. Книга оценивает как несистемную, отличающуюся чрезмерной регламентацией и, как следствие, ограничивающую развитие частной инициативы. Из выводов ученого можно заключить, что активные правительственные действия носили прецедентный характер и являлись ответом на крупные бедствия, такие как голод 1832–1833 гг. и 1891–1892 гг. Однако автор признает необходимым участие правительства в таких масштабных проектах, как «опытное дело» и формирование системы образовательных сельскохозяйственных учреждений. По мнению М.Д. Книги, система сельскохозяйственного образования обязательно включает в себя три элемента своего основания: внешкольное, профессиональное образование и высшую школу агрономии [Книга 2015].

Наиболее продуктивными действия правительства по реформированию способов сельскохозяйственного производства стали после преобразования Министерства государственных имуществ в Министерство земледелия и государственных имуществ и назначения на руководящие посты ведомства ученых-агрономов А.С. Ермолова, П.А. Костычева и И.А. Стебута. Согласно уставу нового Министерства, его деятельность теперь была направлена в первую очередь на улучшение способов сельскохозяйственного производства. Между тем энергичные действия нового правительственного учреждения в первое десятилетие своего существования М.Д. Книга характеризует как «не всегда последовательные» и не оказавшие существенного влияния на развитие аграрного сектора [Там же, 313].

Некоторые ученые отмечают недостаточный интерес правительства к вопросам улучшения сельскохозяйственного производства и поднятия общей культуры агропользования и пишут о «поразительно низком уровне капиталовложений в аграрную сферу» [Есиков, Есикова 2008, 36]. Только аграрные реформы начала XX в., пересмотревшие устоявшиеся консервативные способы землевладения, и предусмотренные в рамках столыпинских преобразований структурные изменения сельского хозяйства способны были дать ощутимые качественные изменения в производительности отрасли. С этим согласна М.Д. Книга, связывающая улучшение сельскохозяйственного производства и в целом кардинальные изменения экономического состояния российского села с аграрными реформами П.А. Столыпина [Книга 2020].

Проблемы становления сельскохозяйственного образования в Российской империи XIX в. рассматриваются молодыми учеными в рамках как региональной политики⁴, так и по направлениям специализации⁵. В.П. Васильев и Н.А. Пичужкин предприняли попытку обобщить все имеющиеся сведения в своей монографии, где авторы, как следует из введения к работе, рассматривали сельскохозяйственное образование «как процесс» [Васильев, Пичужкин 2020, 5], представили полный перечень агрономических учебных заведений императорской России. Большое внимание в исследовании уделено персоналиям, непосредственным организаторам и исполнителям образовательного процесса, благодаря чему авторы передают атмосферу ушедшей эпохи. В то же время отсутствует анализ правительственных актов, направленных на формирование системы сельскохозяйственного образования. При рассмотрении списка источников можно заметить, что исследователи не обращаются к архивам, а используют только опубликованные, в том числе научно-популярные и периодические, издания [Там же, 441–451]. История создания и дальнейшие судьбы отдельных учебных заведений в монографии распределены по отдельным параграфам, подобный способ изложения не дает представление о наличии целостной системы сельскохозяйственного образования. Вывод об участии государства в процессе формирования учебных заведений можно сделать на основании ссылок о получаемых учебными заведениями правительственных пособиях. Несмотря на это, работа имеет большое просветительское значение как полезное научно-популярное издание.

Заключение

Подводя итог обзору имеющейся историографии, можно сделать следующие выводы. Проблематика формирования системы сельскохозяйственного образования находится на стыке аграрной, педагогической и управленческой наук, этим можно обосновать разнообразие подходов к исследованию настоящей темы. Наиболее обширно разработаны вопросы становления сельскохозяйственной школы в контексте аграрной истории. Интерес исследователей был последовательно направлен на выявление этапов формирования низшего, женского сельскохозяйственного образования, ремесленного образования, исследованы способы внешкольного распространения сельскохозяйственных знаний. В рамках заявленных исследований проанализированы учебные программы и методики преподавания в сельскохозяйственных учебных заведениях. Ряд работ посвящен процессу становления сельскохозяйственной школы на региональном уровне. В целом положительно оценивая роль правительственных инициатив по созданию сельскохозяйственных учебных заведений, ученые этого направления не проводили анализ правительственных мероприятий по формированию системы аграрного просвещения, включающей в себя все ступени и формы сельскохозяйственного образования. Вторым крупным направлением научной мысли было определение роли общественной инициативы в процессе распространения сельскохозяйственного образования. Ученые этого «крыла» относили успехи в повышении агрикультуры в стране на счет деятельности сельскохозяйственных обществ, а правительственные инициативы расценивали как сдерживающие здоровую общественную активность.

⁴ Книга М.Д. Становление и развитие системы сельскохозяйственного просвещения в губерниях Европейской России: 90-е годы XIX в. – 1917 г.: Автореферат дисс... д.и.н. Воронеж, 2018.; Чудновец Ю.В. Становление и развитие системы сельскохозяйственного образования в Таврической губернии в XIX – нач. XX в.: Автореферат дисс... к.и.н. Курск, 2020.

⁵ Бессмертная Л.А. Становление и развитие низшего женского сельскохозяйственного образования в России в конце XIX – начале XX веков: Автореферат дисс... к.и.н. Курск, 2015; Галкин И.А. Становление и развитие ремесленного сельскохозяйственного образования в России в конце XIX – начале XX веков.: дисс... к.и.н. Курск, 1999.

Список литературы:

- Васильев В.П., Пичужкин Н.А. Становление и развитие системы аграрного образования в России (XIX – начало XX века). Москва: ООО «УМЦ «Триада», 2017.
- Гончаров Н.П. Государственная организация аграрной науки в России (К 175-летию РАСХН) // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 3. С. 10–33.
- Елина Е.Ю. От царских садов досоветских полей: история сельскохозяйственных опытных учреждений XVIII – 20-е годы XX вв.: в 2 т. М.: Ин-т истории естествознания и техники РАН, 2008.
- Есиков С.А., Есикова М.М. Сельскохозяйственное просвещение и аграрная культура России в конце XIX – начале XX веков (1880–1917 гг.). СПб: Нестор, 2008.
- Кабаненко М.Н., Угримова С.Н. Потенциал обеспечения продовольственной безопасности России // Фундаментальные исследования. 2019. № 5. С. 40–44.
- Книга М.Д. Государство и сельскохозяйственные опытные учреждения России (конец XIX – начало XX вв.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2009. № 7(62). С. 158–163.
- Книга М.Д. Первые шаги Министерства земледелия и государственных имуществ в сфере сельскохозяйственного просвещения в Российской империи в 90-х годах XIX века // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2015. № 4(47). С. 308–313.
- Книга М.Д. Исторический опыт деятельности первых сельскохозяйственных институтов Российской империи (XIX в.) // Вестник Брянского государственного университета. 2016а. № 3(29). С. 32–37.
- Книга М.Д. Формы организации внешкольного сельскохозяйственного образования в Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016b. № 12–2(74). С. 85–87.
- Книга М.Д. Сельскохозяйственное просвещение и изменения в Воронежской деревне в период проведения столыпинской реформы // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020. № 1. С. 109–115.
- Козлов С.А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.): в 3 томах. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2020. Т. 1.
- Панина Н.В. Роль съездов русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в подготовке квалифицированных кадров // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 16–22.
- Плаксин В.Н. Роль и значение общественной инициативы в истории сельского хозяйства России конца XIX – начала XX вв. // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2004. № 1(1). С. 49–51.
- Плаксин В.Н. Государственные инициативы в области агрономической помощи российскому крестьянству (90-е гг. XIX – начало XX вв.) // Теория и практика инновационных технологий в АПК: Материалы научной и учебно-методической конференции научно-педагогических работников и аспирантов ВГАУ. Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2018. С. 33–37.
- Плаксин В.Н. Земская участковая агрономия в истории отечественного сельского хозяйства начала XX века // Наука, образование и инновации в современном мире (ноябрь-2019): Материалы Национальной научной конференции Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I. Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2019. Часть II. С. 63–68.

Плаксин В.Н. Российское гражданское законодательство первой половины XIX в. как свидетельство завершения оформления государственной аграрной политики // Теория и практика инновационных технологий в АПК: Материалы национальной научно-практической конференции (Воронеж, 10–27 марта 2020 года). Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2020. С. 3–7.

Пыльцина М.В. Сельскохозяйственные учреждения в странах Западной Европы в XIX в.: диалог государства и общества // Сельское хозяйство. 2017. № 4. С. 77–82. DOI: [10.7256/2453-8809.2017.4.26703](https://doi.org/10.7256/2453-8809.2017.4.26703)

Рыжкова Е.В., Фадеева О.М., Широкоград И.И. Становление и развитие высшего аграрного образования в России (XIX – начало XX вв.) // Международный сельскохозяйственный журнал. 2020. № 5(377). С. 66–68. DOI: [10.24411/2587-6740-2020-15096](https://doi.org/10.24411/2587-6740-2020-15096)

Третьяков А.В. Низшая сельскохозяйственная школа пореформенной России: факторы развития. Курск: изд. Курского педагогического университета, 1997.

Третьяков А.В. Низшая школа сельского хозяйства России в конце XIX – начале XX веков. Курск: изд. Курского педагогического университета, 1998.

Третьяков А.В. Образовательное сельскохозяйственное законодательство пореформенной России — результат реформ 60–70-х годов XIX в. // Берегиня. 777. Сова. 2017. № 4(35). С. 18–26.

Фурсов В.Н., Книга М.Д. Сельскохозяйственное просвещение в Российской империи: этапы становления // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 1(274). С. 115–117.

Юрченко Н.А., Константинов А.А., Овчинников В.И., Рубанов В.В. Кадровый голод в АПК // Профессиональное образование и рынок труда. 2013. № 4. С. 22–26.

References:

Vasil'ev V.P., Pichuzhkin N.A. (2017) *Stanovlenie i razvitie sistemy agrarnogo obrazovaniya v Rossii (XIX – nachalo XX veka)* [Formation and development of agricultural education in Russia (19 – early 20 century)]. Moscow: OOO “UMTs “Triada”.

Goncharov N.P. (2012) State Agrarian Science in Russia (On the 175th Anniversary of the Russian Academy of Agricultural Science). *Istoriko-biologicheskiiye issledovaniya*. Vol. 4. No. 3. P. 10–33.

Elina E.U. (2008) *Ot tsarskikh sadov dosovetskikh poley: istoriya sel'skokhozyaystvennykh opytnykh uchrezhdeniy XVIII – 20-e gody XX vv.: v 2 t.* [From the royal gardens of the Pre-Soviet fields: The history of agricultural experimental instructions of the 18th – 20s of the 20th centuries^ in 2 vol.]. Moscow: Rossiyskaya akademiya nauk.

Esikov S.A. Esikova M.M. (2008) *Sel'skokhozyaystvennoye prosveshcheniye i agrarnaya kul'tura Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov (1880–1917 gg.)*. [Agricultural education and agrarian culture of Russia in the late 19 – early 20 centuries (1880–1917)]. Saint Petersburg: Nestor.

Fursov V.N., Книга M.D. (2017) Agricultural Education in Russian Empire: Formation Stage. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1(274). P. 115–117.

Kabanenko M.N., Ugrimova S.N. (2019) The Potential of Ensuring Food Security of Russia. *Fundamental'nyye issledovaniya*. No. 5. P. 40–44.

Книга М.Д. (2009) Gosudarstvo i sel'skokhozyaystvennyye opytnyye uchrezhdeniya Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.) [State and agricultural experimental institutions of Russia (late 19 – early 20 centuries)]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*. No. 7(62). P. 158–163.

Kniga M.D. (2015) The Initiatory Steps of the Ministry of Agriculture and State Property in the Sphere of Agricultural Education in the Russian Empire in the Ninetieth of the XIX Century. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. No. 4(47). P. 308–313.

Kniga M.D. (2016a) The Historical Experience of the First Agricultural Institutions of the Russian Empire (XIX century). *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3(29). P. 32–37.

Kniga M.D. (2016b) Forms of Extracurricular Agricultural Education Organization in the Russian Empire. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. No. 12–2(74). P. 85–87.

Kniga M.D. (2020) Agricultural Education and Changes in the Voronezh Rural Regions during the Stolypin Reform. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. No. 1. P. 109–115.

Kozlov S.A. (2020) “Sluzheniye interesam vsej strany”: *Moskovskoye obshchestvo sel'skogo khozyaystva (1820–1930 gg.): v 3 tomakh* [“Serving the interest of the whole country”: Moscow society of agricultural (1820–1930): in 3 vol.]. M.; SPb: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. Vol. 1.

Panina N.V. (2014) Congresses of Russian Leaders in Technical and Vocation Education and Their Role in Skilled Personnel Training. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki*. No. 5. P. 16–22.

Plaksin V.N. (2004) Rol' i znacheniyе obshchestvennoy initsiativy v istorii sel'skogo khozyaystva Rossii kontsa XIX – nachala XX vv. [Importance of public initiatives in the history of Russian agricultural in the late 19 – early 20 centuries]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. No. 1(1). P. 49–51.

Plaksin V.N. (2018) State Initiatives in the Field of Agronomic Assistance to the Russian Peasantry (90–ies of the XIXth – beginning of the XXth centuries). *Teoriya i praktika innovatsionnykh tekhnologiy v APK: Materialy nauchnoy i uchebno-metodicheskoy konferentsii nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov i aspirantov VGU. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet im. Imperatora Petra I*. P. 33–37.

Plaksin V.N. (2019) Zemskaya uchastkovaya agronomiya v istorii otechestvennogo sel'skogo khozyaystva nachala XX veka [Zemstvo district agronomy in the history of domestic agriculture in the early 20 century]. *Nauka, obrazovaniye i innovatsii v sovremennom mire (noi-2019): Materialy Natsional'noy nauchnoy konferentsii Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta imeni imperatora Petra I*. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet im. Imperatora Petra I. Part II. P. 63–68.

Plaksin V.N. (2020) Russian Civil Legislation of the First Half of the XIX Century as Evidence of the Completion of the Registration of the State Agricultural Policy. *Teoriya i praktika innovatsionnykh tekhnologiy v APK: Materialy natsional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet im. Imperatora Petra I. P. 3–7.

Pyltcina M.V. (2017) Agricultural Institutions in the Countries of Western Europe in the XIX Century: Dialogue between the State and Society. *Sel'skoye khozyaystvo*. No. 4. P. 77–82. DOI: [10.7256/2453-8809.2017.4.26703](https://doi.org/10.7256/2453-8809.2017.4.26703)

Ryzhkova E.V., Fadeeva O.M., Shirokorad I.I. (2020) Formation and Development of Higher Agricultural Education in Russia (XIX – early XX centuries). *Mezhdunarodnyy sel'skokhozyaystvennyy zhurnal*. No. 5(377). P. 66–68. DOI: [10.24411/2587-6740-2020-15096](https://doi.org/10.24411/2587-6740-2020-15096)

Tretyakov A.V. (1997) *Nizshaya sel'skokhozyaystvennaya shkola poreformennoy Rossii: faktory razvitiya* [The lower agricultural school of post reform Russia: Factors of development]. Kursk: Izd. Kurskogo pedagogicheskogo universiteta.

Tretyakov A.V. (1998) *Nizshaya shkola sel'skogo khozyaystva Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov* [The lower school of agricultural in Russia in the late 19 – early 20 centuries] Kursk: Izd. Kurskogo pedagogicheskogo universiteta.

Tretyakov A.V. (2017) Educational Agricultural Legislation of Post-Reform Russia — the Result of Reforms 60–70-ies of the XIX century. *Bereginya*. 777. *Sova*. No.4(35). P. 18–26.

Yurchenko N.A., Konstantinov A.A., Ovchinnikov V.I., Rubanov V.V. (2013) Kadrovyy golod v APK [Staff shortage in the agro-industrial complex]. *Professional'noye obrazovaniye i rynek truda*. No. 4. P. 22–26.

Дата поступления/Received: 10.05.2023

Реформа в структуре командного состава итальянских вооруженных сил в середине 1950-х гг. (проект Раффаэле Кадорны)

Скворцов Евгений Алексеевич

Аспирант, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: e-skvortsov@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [6575-6311](#)

ORCID ID: [0009-0006-3964-7989](#)

Аннотация

В статье показывается, что реформа, проведенная в структуре офицерского корпуса итальянских вооруженных сил в середине 1950-х гг., стала ответом на целый ряд связанных между собой организационных, кадровых и социально-экономических проблем, с которыми итальянским вооруженным силам пришлось столкнуться в первое послевоенное десятилетие. Отдельное внимание уделяется внешнеполитическому фактору, ставшему катализатором проводимой реформы, в частности новым задачам, которые встали перед итальянской армией в рассматриваемый период в связи с начинавшимся блоковым противостоянием в Европе и вступлением страны в Организацию Североатлантического договора (НАТО). В качестве важного аспекта, связанного с основной проблематикой, в статье рассматривается деятельность генерала и сенатора Раффаэле Кадорны, одного из наиболее известных итальянских военачальников, который после ухода в отставку работал в составе IV Сенатской Комиссии по обороне и стал составителем основных положений законопроектов № 56 («Положение об офицерах сухопутных войск, флота и военно-воздушных сил») и № 298 («О продвижении по службе офицеров сухопутных войск, флота и военно-воздушных сил»), которые легли в основу исследуемой реформы. С целью максимально объективно и беспристрастно показать личный вклад генерала как идейного вдохновителя нововведений в их практическую реализацию в статье на основании официальных парламентских документов анализируются обстоятельства вступления данных законопроектов в силу, в том числе основные поправки, внесенные в предложенный Кадорной первоначальный вариант. При этом внимание уделяется как позиции самого Кадорны, так и его коллег, участвовавших в парламентских обсуждениях указанных законопроектов.

Ключевые слова

Итальянская Республика, вооруженные силы Италии, холодная война, Раффаэле Кадорна (1889–1973), Комиссия по обороне Сената Итальянской Республики, Италия в НАТО.

Reform in the Structure of Command Staff of the Italian Armed Forces in the Mid-1950s (Raffaele Cadorna's Project)

Evgeny A. Skvortsov

Postgraduate student, Historical Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: e-skvortsov@mail.ru

ORCID ID: [0009-0006-3964-7989](#)

Abstract

The article shows that the reform, carried out in the structure of the officer corps of the Italian Armed Forces in the mid-1950s, was a response to a number of interconnected organizational, personnel and socio-economic problems that the Italian Armed Forces had to face in the first post-war decade. Special attention is paid to the foreign policy factor, which became the catalyst for the reform, in particular, to the new objectives faced by the Italian army during the period under review in connection with the beginning of confrontation between two blocs in Europe and the country's entry into the North Atlantic Treaty Organization (NATO). As an important aspect related to the main issue the author also analyzes the activities of general and senator Raffaele Cadorna Jr., one of the most famous Italian military leaders, who after retiring worked as a member of the IV Commission of the Italian Senate (Defence) and became the compiler of the main provisions of the bills № 56 ("Regulations on officer service in the Army, Navy and Air Force") and № 298 ("Promotion of officers in the Army, Navy and Air Force"), which formed the basis for the reform studied in the article. In order to be as objective and impartial as possible showing the personal contribution of the general to the practical implementation of the proposed innovations, the author, based on official parliamentary documentation, analyzes the circumstances of the entry into force of these bills, paying particular attention to the main amendments made by other senators to the initial project of the reform proposed by Cadorna.

Keywords

Italian Republic, Italian Armed Forces, Cold War, Raffaele Cadorna Jr., IV Commission of the Italian Senate (Defence), Italy's NATO membership.

Введение

Первые годы существования молодой Итальянской Республики, провозглашенной 18 июня 1946 г.¹, были связаны, с одной стороны, с преодолением катастрофических последствий поражения во Второй мировой войне, а с другой — с ликвидацией остатков фашистского режима,

¹ Республиканская форма правления установилась в Италии по результатам конституционного референдума, проведенного 2 июня 1946 г.

упразднением монархии и рождением нового демократического государства. В этой связи актуальным представляется изучение трансформационных процессов с учетом послевоенных внутри- и внешнеполитических, социальных, экономических и технологических тенденций, которые происходили в структуре различных государственных институтов, в том числе и в итальянских вооруженных силах.

Основная цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать содержание реформы, проведенной в структуре офицерского корпуса итальянских вооруженных сил в середине 1950-х гг. и до настоящего времени не нашедшей должного отражения ни в отечественной, ни в зарубежной историографии, а также выявить с учетом внутри- и внешнеполитического контекстов, чем была обусловлена необходимость ее проведения.

В качестве источниковедческой базы исследования автором были использованы официальные парламентские документы (тексты законопроектов и стенограммы обсуждений), опубликованные в сборнике «Atti parlamentari»², доступные в оцифрованном виде на [сайте](#) Верхней палаты итальянского парламента.

Автор в ходе работы над статьей придерживался общепризнанной научной методологии, основывая свое исследование на таких принципах, как объективизм (непредвзятое отношение к источникам и отраженным в них событиям и явлениям), историзм (учет причинно-следственной взаимосвязи изучаемых событий и процессов, понимание частных фактов как отражение более общих закономерностей, исследование явлений в их постоянном развитии и видоизменении) и системность (рассмотрение исторических событий, ситуаций и процессов в качестве функционально связанных между собой явлений).

Кадровые проблемы в структуре командного состава итальянских вооруженных сил в конце 1940 – начале 1950-х гг.

Статья 52 новой итальянской Конституции, вступившей в силу 1 января 1948 г., гласила, что организация вооруженных сил государства должна была «соответствовать демократическому духу Республики»³. В первую очередь необходимо было очистить ряды армии от военных преступников и всех тех, кто запятнал себя сотрудничеством с фашистами и немецкими оккупантами. Сразу после окончания войны в структуре вооруженных сил была создана специальная Комиссия по чистке, которая действовала параллельно с аналогичной «гражданской» комиссией, осуществлявшей с июня 1945 г. удаление фашистских элементов из системы государственно-административного аппарата. Одним из результатов работы «военной» Комиссии по чистке стало принятие в 1946–1948 гг. законов о сокращении вооруженных сил, в соответствии с которыми все военнослужащие были разделены на 4 категории в зависимости от наличия заслуг, наград или, наоборот, дисциплинарных взысканий и выговоров⁴. Первыми в очереди на увольнение в запас оказались лица, которые ранее получили наказания за то, что служили в период гитлеровской оккупации Италии (1943–1945 гг.) в составе Национальной республиканской армии неофашистской Итальянской социальной республики⁵ или просто принесли присягу

² В основном были использованы документы, относящиеся к периоду II легислатуры (1953–1958 гг.): Atti parlamentari. Senato della Repubblica. Resoconti delle discussioni. Indice generale. Anni 1953–1958. Roma, 1958.

³ Конституция Итальянской Республики (от 22 декабря 1947 года) // Конституции зарубежных государств. М.: БЕК, 1999. С. 271.

⁴ Riliquidazione dell'assegno mensile spettante agli ufficiali e sottufficiali dell'Esercito, della Marina e della Aeronautica cessati dal servizio per riduzione dei quadri (№ 1647) // Atti parlamentari. Senato della Repubblica. I legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni. 1953. P. 345–346.

⁵ Итальянская Социальная республика (Республика Сало) — марионеточное государственное образование, созданное в сентябре 1943 г. на оккупированных Германией территориях Северной и Центральной Италии после освобождения немецким спецназом из-под ареста итальянского диктатора Б. Муссолини, который возглавил вновь созданное фашистское правительство.

на верность марионеточному режиму дуче и при этом не приняли впоследствии участия в национально-освободительном движении антифашистского Сопротивления⁶. Безусловно, данные законы не имели отношения к тем, кто был виновен в совершении военных преступлений или служил в подразделениях фашистских военизированных организаций («Черных бригадах»), отличавшихся особой жестокостью. Такие лица получали гораздо более суровые наказания.

Сокращение численности итальянской армии, проводимое в формате «чистки», в условиях послевоенного экономического кризиса было необходимо и для уменьшения нагрузки на военный бюджет страны, а также в преддверии ограничительных мер, которые союзники по антигитлеровской коалиции готовили для потерпевшей поражение в войне Италии. В связи с этим в 1946 г., еще до подписания мирного договора, в войсках даже велась государственная пропаганда, призывавшая офицеров увольняться с действительной службы по собственному желанию⁷. В результате многие квалифицированные кадры покинули ряды армии, что не могло не отразиться на качестве подготовки личного состава итальянских вооруженных сил в целом.

10 февраля 1947 г. в Париже был заключен мирный договор между Италией и странами-победителями, в соответствии с которым на итальянскую армию накладывались тяжелые ограничения. Общая численность строевого, нестроевого состава и штабного персонала сухопутных войск сокращалась до 185 000 человек. При этом они должны были быть вооружены и дислоцированы таким образом, чтобы отвечать лишь «задачам внутреннего характера, местной обороны итальянских границ и противовоздушной обороны»⁸. Италии разрешалось также иметь в распоряжении 65 000 человек в составе корпуса карабинеров, 25 000 человек в составе военно-морского флота и 25 000 человек в составе военно-воздушных сил.

Данные ограничения просуществовали недолго. В конце 1940-х гг. они были смягчены в результате начавшегося активного сотрудничества Италии и США в военной сфере [Nutti 2003, 222]. После вступления Италии в НАТО 4 апреля 1949 г. американским руководством при согласии остальных держав Западного блока была дана санкция на ремилитаризацию страны, являвшейся к тому моменту важнейшим форпостом США в Средиземноморье [Хормач 2005, 288]. К концу 1951 г. все ограничения численности итальянской армии были окончательно отменены [Nutti 1993, 202].

Тем не менее процесс ремилитаризация Италии, начавшийся в конце 1940 – начале 1950-х гг., не решил, а усугубил кадровые проблемы в рядах вооруженных сил страны. В условиях набиравшей обороты холодной войны, когда Италии была необходима эффективная и боеспособная армия, способная выполнять задачи, которые перед ней ставило членство в Североатлантическом альянсе, остро встала проблема недобора младшего офицерского состава (особенно в наиболее многочисленных сухопутных войсках и в том числе в корпусе карабинеров⁹). Количество поступавших в Военную академию Модены¹⁰ во второй половине 1940 – первой половине 1950-х гг. стабильно держалось на невысоком уровне: ежегодно заполнялось только

⁶ Norme sul trattamento economico degli ufficiali generali e superiori dell'Esercito, della Marina e dell'Aeronautica collocati nella riserva o nell'ausiliaria ai sensi del regio decreto legislativo 14 maggio 1946, n. 384, nonché degli ufficiali inferiori della Marina collocati in ausiliaria o dispensati dal servizio ai sensi del regio decreto legislativo 31 maggio 1946, n. 490 (№ 615) // Atti parlamentari. Senato della Repubblica. I legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni. 1953. P. 100–101.

⁷ Stato degli ufficiali dell'Esercito, della Marina e dell'Aeronautica (№ 56) // Atti parlamentari. Senato della Repubblica. I legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni. 1958. P. 126.

⁸ Мирный договор с Италией // Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations. 1950. Vol. 49. P. 235.

⁹ Карабинеры на тот момент являлись составной частью сухопутных войск и были выделены в отдельный вид итальянских вооруженных сил только в 2000 г.

¹⁰ Военная академия Модены с 1947 г. (после объединения с Туринской военной академией) и по настоящее время является единственным высшим военно-учебным заведением Италии университетского типа, осуществляющим базовую подготовку офицеров действительной службы для сухопутных войск и корпуса карабинеров.

2/3 от имеющихся мест (принималось около 400 человек). Младших офицеров в корпусе карабинеров к середине 1950-х гг. насчитывалось всего 306 человек, в то время как штатный состав предусматривал 581 человека¹¹. Справляться с нехваткой кадров позволяли время от времени проводившиеся дополнительные наборы (со снижением требований к уровню образования и повышением предельного возраста абитуриентов). Однако подобные меры не являлись полноценным решением кадровых проблем и носили по большей части паллиативный характер. При этом они отражались негативным образом на качестве подготовки личного состава.

Дефицит в пополнении офицерского корпуса в послевоенный период был обусловлен сразу несколькими факторами. Во-первых, сильно упал престиж военной профессии. Курс Муссолини на создание армии, насчитывающей «8 млн штыков» [Бивор 2014, 86], привел к тому, что среди кадровых военных, пополнявших ряды итальянских вооруженных сил в годы правления дуче, оказывалось огромное количество совершенно некомпетентных командиров-карьеристов, которые не обладали должной квалификацией и были неспособны к эффективным действиям в боевых условиях¹². Следствием этого стали, с одной стороны, катастрофические поражения итальянских войск на фронтах Второй мировой войны, которые привели к заключению сепаратного перемирия (по сути, капитуляции Италии) с союзниками в сентябре 1943 г., а с другой — неспособность большей части командного состава итальянской армии организовать эффективную оборону от последовавшей оккупации гитлеровской Германией. На офицерском корпусе лежала значительная доля ответственности за хаос, царивший в итальянских вооруженных силах в дни немецкого вторжения в Италию, и за предательство, совершенное многими командирами по отношению к собственным солдатам, которых они бросили на произвол судьбы, бежав на юг страны под защиту высадившихся там англо-американских войск [Peli 2015, 14–15]. Крайне важным фактором падения престижа кадровой военной службы являлось также участие многих офицеров королевской армии в военных действиях на стороне немецких оккупантов в составе вооруженных сил марионеточной Республики Салó в 1943–1945 гг., в частности в операциях гитлеровских войск против итальянских патриотов-антифашистов, сражавшихся за национальное освобождение. По словам известного итальянского военачальника маршала Дж. Мессе, после войны офицер даже не мог публично показаться на улице в форме, чтобы на него при этом не посмотрели с презрением¹³.

Во-вторых, в условиях не до конца восстановившейся экономики итальянское государство в конце 1940 – начале 1950-х гг. не могло в полной мере обеспечить кадровых военнослужащих (в первую очередь унтер-офицеров и младших офицеров, которых было больше всего среди командного состава) достойными зарплатами, социальными выплатами и ведомственным жильем.

В-третьих, многих итальянцев отталкивало от поступления в военно-учебные заведения отсутствие перспектив карьерного роста. Существовавшая на тот момент система продвижения по службе не могла обеспечить офицерам стабильную карьеру. Большинство представителей командного состава сухопутных войск годами не могли дожидаться повышения и по достижении предельного возраста увольнялись из рядов вооруженных сил в запас в звании не выше

¹¹ Proroga della facoltà di cui all'articolo 7 della legge 24 dicembre 1951, n. 1638, relativo al reclutamento di subalterni in servizio permanente effettivo dell'Esercito (№ 1424) // Atti parlamentari. Senato della Repubblica. I legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni. 1958. P. 947.

¹² К началу Второй мировой войны численность итальянских вооруженных сил составляла не более 1,7 млн человек, у некоторых из которых даже не было винтовки, к которой можно было бы примкнуть штык. Из 73 дивизий полностью оснащены были только девятнадцать, при этом количество полков в дивизиях было уменьшено с трех до двух.

¹³ Avanzamento degli ufficiali dell'Esercito, della Marina e dell'Aeronautica (№ 298) // Atti parlamentari. Senato della Repubblica. II legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni. 1958. P. 609.

капитана или в лучшем случае майора¹⁴. При этом в запасе они могли рассчитывать лишь на скромную ежемесячную «резервную» выплату в 40 тыс. лир и, как правило, испытывали серьезные проблемы с трудоустройством. Если служба в рядах ВМФ и ВВС, по крайней мере, давала офицерам возможность овладеть определенными техническими знаниями, навыками и специальностями, которые могли впоследствии обеспечить их работой вне вооруженных сил (например, в гражданском флоте/ авиации), то бывшие офицеры сухопутных войск после увольнения в запас зачастую «влачили жалкое существование»¹⁵, не имея стабильного заработка и возможности прокормить семью.

Военно-политическая деятельность Раффаэле Кадорны (1889–1973)

По-настоящему изменить ситуацию в офицерском корпусе могла только полноценная реформа. Ее разработкой в середине 1950-х гг. занялся генерал Раффаэле Кадорна, действовавший в составе IV Комиссии Сената Итальянской Республики (по обороне). На тот момент он являлся одним из наиболее известных и опытных итальянских военачальников. Как и его отец, итальянский маршал Луиджи Кадорна, возглавлявший Генеральный штаб Королевской армии Италии в годы Первой мировой войны, Раффаэле Кадорна сумел сделать блестящую военную карьеру, отличившись в Итало-турецкой (1911–1912 гг.), Первой мировой и Второй мировой войнах. Кульминацией военной карьеры генерала стала его деятельность в составе высшего руководства итальянского движения Соппротивления. Приняв с самого начала Движения (с 8 сентября 1943 г.) активное участие в вооруженной антифашистской борьбе, к концу 1944 г. он стал главнокомандующим партизанских сил в Северной Италии, объединенных в Корпус добровольцев свободы. Вместе со своими заместителями Л. Лонго и Ф. Парри¹⁶ генерал Кадорна сыграл ключевую роль в подготовке и осуществлении национального восстания, в результате которого в конце апреля 1945 г. страна была окончательно освобождена от фашистского режима и немецкой оккупации. С мая 1945 г. по февраль 1947 г. он возглавлял главный штаб итальянских сухопутных войск. Уйдя в отставку с военной службы, Кадорна начал политическую карьеру и был избран в Сенат Итальянской Республики. На протяжении I, II, III легислатур (1948–1963) в качестве представителя независимой фракции он участвовал в работе IV Сенатской Комиссии по обороне, в 1961–1963 гг. был председателем данной Комиссии. Стоит отметить, что, несмотря на важные посты, занимаемые генералом в различных органах военного и политического руководства, его деятельность до сих пор остается малоизученной¹⁷.

Будучи сенатором, Раффаэле Кадорна стал автором и составителем основных положений законопроектов № 56 («Положение об офицерах сухопутных войск, флота и военно-воздушных сил») и № 298 («О продвижении по службе офицеров сухопутных войск, флота и военно-воздушных сил»), которые после обсуждения в обеих палатах итальянского парламента и вступления в силу явились долгожданными законодательными актами, которые впервые в республиканской Италии определяли правовой статус офицеров итальянских вооруженных сил (находящихся как на действительной службе, так и в запасе); регламентировали различные аспекты несения воинской службы офицерским составом в сухопутной армии (в том числе в корпусе карабинеров),

¹⁴ Ibid. P. 403.

¹⁵ Norme sull'ammissione all'Accademia militare e varianti al testo unico delle disposizioni sul reclutamento degli ufficiali dell'Esercito (№ 1012) // Atti parlamentari. Senato della Repubblica. I legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni. 1953. P. 185.

¹⁶ Л. Лонго (Итальянская коммунистическая партия) и Ф. Парри (Партия действия) являлись представителями партий, чьи отряды занимали соответственно 1-е и 2-е места по численности среди всех партизанских соединений.

¹⁷ Как в отечественной, так и в зарубежной историографии отсутствуют специальные исследования, посвященные данной проблематике. Некоторая информация о личности Кадорны и его деятельности содержится в работах итальянского военного историка М. Бриньоли: [Brignoli 1976; Brignoli 1981]. Однако данные работы ограничены в источниковедческом плане и представляют собой в большей степени биографические очерки, нежели полноценное историческое исследование.

на флоте и в военно-воздушных силах; определяли внутреннюю структуру и численность офицерского корпуса; устанавливали возрастные пределы для различных категорий военнослужащих; прописывали порядок пополнения рядов офицерского корпуса и присвоения званий; устанавливали требования к набираемому личному составу, порядок наложения взысканий и выдачи поощрений, а также нормы денежных окладов для различных категорий военнослужащих (офицеров действительной службы, запаса, военных пенсионеров и др.).

«Положение об офицерах сухопутных войск, флота и военно-воздушных сил».

Наиболее важными новшествами, введенными «Положением об офицерах сухопутных войск, флота и военно-воздушных сил», вступившим в силу 10 апреля 1954 г. под № 113, стали новый порядок увольнения офицеров с действительной службы, а также создание в структуре вооруженных сил особой «вспомогательной» категории военнослужащих — *ufficiali dell'ausiliaria*. Ранее, до принятия вышеуказанного закона, офицер, который увольнялся из рядов армии по собственному желанию, по возрасту или в результате непрохождения конкурсного отбора на повышение в звании, становился *ufficiale di riserva* и переходил в запас, где находился, получая очень скромные «резервные» выплаты вплоть до достижения предельного возраста (то есть до окончательного выхода в отставку — *congedo assoluto*). При этом если на момент увольнения он не имел 20 лет выслуги, то после отставки он не мог получать пенсию¹⁸. Согласно новому «Положению...», офицеры, не прошедшие конкурсный отбор, увольнялись с действительной службы не сразу, а могли оставаться в течение 4 лет на тех должностях, которые соответствовали их званию и профессиональной подготовке, и получать соответствующее жалование¹⁹.

Кроме того, согласно новым правилам, офицеры, увольняемые в запас (на основании любой из вышеобозначенных причин), при условии физической пригодности, по собственному желанию могли быть зачислены в категорию «вспомогательных офицеров», в которой они оставались на протяжении 8 лет (для офицеров ВМФ, ВВС, а также инженерных войск этот срок составлял 4 года)²⁰. Нахождение в данной категории в гораздо большей степени соответствовало интересам офицера, чем простое пребывание в запасе. Во-первых, «вспомогательные офицеры» получали ежемесячные выплаты, которые были значительно выше «резервных». Если в запасе офицер каждый месяц получал от 40 тыс. лир в звании капитана до 180 тыс. лир в звании корпусного генерала, то во «вспомогательной» категории, помимо этой суммы, ему выплачивали также специальную надбавку: от 20 тыс. лир до 90 тыс. лир в зависимости от звания²¹. Во-вторых, нахождение в данной категории рассматривалось как действительная служба при расчете срока выслуги, необходимого для назначения пенсии. Важным в этой связи было то, что, согласно «Положению...», «вспомогательными офицерами» могли стать в том числе и лица, уволенные в запас в течение последних 8 лет на момент вступления данного закона в силу²². Это позволило большинству офицеров, ушедших с действительной службы в первые послевоенные годы, когда происходило массовое сокращение вооруженных сил, стать «вспомогательными офицерами» и в результате получить годы выслуги, необходимые для начисления пенсии.

¹⁸ Для офицеров ВМФ и ВВС необходимый для назначения пенсии срок выслуги рассчитывался несколько иначе, в зависимости от времени, проведенного на боевом дежурстве, или количества вылетов, однако и для них он не мог быть менее 15 лет.

¹⁹ *Stato degli ufficiali dell'Esercito, della Marina e dell'Aeronautica (№ 56) // Atti parlamentari. Senato della Repubblica. I legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni. 1958. P. 163-164.*

²⁰ *Ibid.* P. 37.

²¹ Для сравнения: ежемесячная зарплата простого итальянского рабочего в середине 1950-х гг. составляла около 40 тыс. лир.

²² *Stato degli ufficiali dell'Esercito, della Marina e dell'Aeronautica (№ 56) // Atti parlamentari. Senato della Repubblica. I legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni. 1958. P. 182.*

С другой стороны, новая система отвечала интересам не только военных, но и государства, которое могло использовать «вспомогательных офицеров» для выполнения функций, не предусмотренных для действительной службы, а также в случае надобности могло вернуть их в строй и тем самым решить проблему дефицита кадров. Стоит отметить, что если офицер отзывался из «вспомогательной» категории на действительную службу более чем на год, то и размер будущей пенсии для него рассчитывался уже по более высокой ставке²³.

Закон «О продвижении по службе офицеров сухопутных войск, флота и военно-воздушных сил». Меры, введенные «Положением...», подготовили почву для принятия нового закона «О продвижении по службе офицеров сухопутных войск, флота и военно-воздушных сил», вступившего в силу 12 ноября 1955 г. под № 1137, составителем основных положений которого также являлся генерал Кадорна. Подобного рода законы принимались в итальянском государстве неоднократно и в предшествующие десятилетия (в 1853 г.²⁴, 1896 г., 1913 г., 1926 г., 1934 г., 1940 г.). Основной их целью было установить оптимальный порядок продвижения по службе (присвоения новых званий) для офицеров вооруженных сил, отвечающий в первую очередь интересам армии и государства.

Согласно закону 1926 г., офицер, несший службу в армии, мог ее оставить только по естественным причинам (достижение возрастного предела, физическая непригодность, смерть и т.д.)²⁵. Пока возраст и состояние здоровья позволяли, он, прослужив определенное количество лет в одном звании, получал следующее. Для перехода между некоторыми званиями вводились дополнительные испытания, например экзамен при повышении капитана до майора или испытательный срок при переходе от подполковника к полковнику, однако офицеры, не сумевшие пройти данные испытания, продолжали оставаться в своих званиях на прежних должностях. Таким образом, офицерский корпус на протяжении 1920 – начала 1930-х гг. все более разрастался, что первое время не создавало заметного дисбаланса в его структуре, так как численность солдат и количество воинских подразделений в те годы также увеличивались в соответствии с курсом Муссолини на наращивание военной мощи Италии.

Однако уже в начале 1930-х гг. существовавшая на тот момент система продвижения по службе начала давать сбои: штаты по различным категориям должностей не могли больше увеличиваться в объемах, а количество офицеров, покидавших службу по естественным причинам, было гораздо меньше тех, кто ждал очереди на повышение²⁶. Продвижение по службе для многих офицеров оказалось «заблокированным», в отдельных подразделениях численность командного состава стала слишком большой. Сам Кадорна вспоминал, что в эскадронной группе²⁷ 9-го уланского кавалерийского полка *Lancieri di Firenze*²⁸, которой он командовал в 1934–1937 гг., было 8 старших офицеров²⁹, в то время как штатная численность предусматривала всего 3. При этом уровень их квалификации и авторитет в войсках был так низок, что даже часовые при встрече с ними зачастую выполняли воинское приветствие с явным пренебрежением³⁰.

²³ Ibid. P. 47.

²⁴ До провозглашения Итальянского королевства 17 марта 1861 г. подобного рода законы принимались и в Сардинском королевстве.

²⁵ Avanzamento degli ufficiali dell'Esercito, della Marina e dell'Aeronautica (№ 298) // Atti parlamentari. Senato della Repubblica. II legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni. 1958. P. 377.

²⁶ Ibid.

²⁷ В итальянской кавалерии в 1930-е гг. каждый полк, как правило, делился на 2 эскадронные группы, каждая из которых состояла из 2 эскадронов, к которым добавлялся пятый (пулеметный) эскадрон.

²⁸ В этом кавалерийском полку Кадорна служил на различных командных должностях в 1909–1914 гг., в 1915 г. и в 1934–1937 гг. В составе данного подразделения он принимал участие в Итало-турецкой и Первой мировой войнах.

²⁹ Avanzamento degli ufficiali dell'Esercito, della Marina e dell'Aeronautica (№ 298) // Atti parlamentari. Senato della Repubblica. II legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni. 1958. P. 377.

³⁰ Ibid. P. 604–605.

Для решения данных проблем был принят закон «О продвижении по службе» 1934 г. (закон Байстроки³¹), который вводил ранжирование и конкурсный отбор при повышении в звании: лица, не прошедшие его, переводились в запас³² (так называемая система «обязательных отпусков» — *vacanze obbligatorie*). Это позволило достаточно быстро нормализовать ситуацию и «разгрузить» офицерский корпус. Однако данный закон вызвал большое недовольство среди профессиональных военных, многие из которых вынуждены были увольняться в запас в младших офицерских званиях и тем самым лишались возможности сделать полноценную карьеру. В результате уже в 1940 г. он был заменен новым, который предусматривал продвижение по выслуге лет до звания подполковника и далее — по конкурсному отбору³³, а также вводил предел, не позволявший офицерам оставаться в одном и том же звании на действительной службе дольше определенного времени.

Данный закон 1940 г. оставался в силе вплоть до середины 1950-х гг. Однако в послевоенное время в условиях постоянных колебаний численности офицерского корпуса, вызванных вышеупомянутыми событиями второй половины 1940 – начала 1950-х гг., он уже не мог нормально функционировать. Из-за отсутствия системы «обязательных отпусков» в званиях ниже подполковника равномерный процесс продвижения по службе практически прекратился. В частности, слишком большое количество офицеров в звании майора, ожидавших повышения до подполковника, препятствовало равномерному продвижению нижестоящих капитанов, большинство из которых уходило в запас по достижении предельного срока нахождения в звании, так и не дождавшись повышения (при этом, как правило, не имея 20 лет выслуги, необходимых для назначения пенсии). В рядах же лейтенантского состава наблюдался уже упомянутый недобор, вызванный в том числе тем, что действовавшие правила присвоения новых званий не могли обеспечить профессиональным военным стабильную карьеру.

Принимая во внимание данные проблемы, генерал Кадорна в 1954 г. разработал проект нового закона «О продвижении по службе...». В целях обеспечения равномерного продвижения офицеров по карьерной лестнице, как и прежде, предполагалось использовать систему «обязательных отпусков», основанную на ранжировании и конкурсном отборе кадров, однако, в отличие от законов 1934 г. и 1940 г., не ранее перехода от звания капитана к званию майора. До этого этапа офицеры должны были получать повышение по выслуге лет. При переходе от капитанского к майорскому званию применялся конкурсный отбор, который, за исключением продвижения от майора к подполковнику, осуществлявшегося по выслуге лет, действовал вплоть до производства в высшее звание корпусного генерала³⁴. Аналогичные правила распространялись также на соответствующие звания в составе ВМФ и ВВС³⁵.

Кадорна исходил из того, что вся структура офицерского состава армии условно должна была представлять собой подобие пирамиды, на каждой ступени которой находились люди, имевшие схожие по характеру решаемых задач должностные обязанности, обладавшие соответствующим опытом и профессиональной компетентностью³⁶. Базовой частью

³¹ Назван по фамилии автора — Федерико Байстроки (1871–1947), итальянского генерала, заместителя военного министра в 1933–1936 гг., начальника главного штаба сухопутных войск в 1934–1936 гг.

³² *Avanzamento degli ufficiali dell'Esercito, della Marina e dell'Aeronautica* (№ 298) // *Atti parlamentari. Senato della Repubblica. II legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni*. 1958. P. 377.

³³ *Ibid.*

³⁴ *Avanzamento degli ufficiali dell'Esercito, della Marina e dell'Aeronautica* (№ 298-B) // *Atti parlamentari. Senato della Repubblica. II legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni*. 1958. P. 833–836.

³⁵ Единственным отличием было то, что в ВМФ переход от звания коммодора к званию контр-адмирала (соответствующий переход от бригадного генерала к дивизионному в сухопутных войсках и от генерала авиабригады к генералу авиадивизии в ВВС) осуществлялся по выслуге лет без применения конкурсного отбора. В остальном система продвижения по службе была одинакова для всех видов вооруженных сил.

³⁶ *Avanzamento degli ufficiali dell'Esercito, della Marina e dell'Aeronautica* (№ 298) // *Atti parlamentari. Senato della Repubblica. II legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni*. 1958. P. 424.

(первой ступенью) данной пирамиды были младшие офицеры в званиях не старше капитана (так называемые командиры ротного звена), находившиеся в постоянном непосредственном контакте с унтер-офицерами и солдатами и отвечавшие за выполнение нижними чинами оперативных задач, поставленных вышестоящим начальством. На второй ступени находились офицеры в званиях майора и подполковника, которые осуществляли командование на уровне батальонов (наименьшего из основных тактических подразделений). Далее, начиная с полковника и вплоть до корпусного генерала, каждому званию соответствовала отдельная ступень пирамиды, и граница между этими понятиями, по сути, стиралась. Следуя данной иерархии, Кадорна считал, что в рамках одной ступени движение между званиями следовало осуществлять по выслуге лет, а при переходе между званиями, располагавшимися на разных ступенях, что фактически являлось переходом на качественно новый уровень с точки зрения возлагаемой на офицера ответственности, требуемого уровня квалификации и выполняемых им задач, — по конкурсному отбору.

По замыслу Кадорны, отбор должен был осуществляться на основании ранжирования, которое заключалось в выставлении специальными комиссиями баллов, суммировавшихся со стажем, на основании чего высчитывался рейтинг. Ежегодно в рамках каждого рода войск в отдельности в конкурсе от каждого звания должно было участвовать фиксированное количество человек, из которых повышение получала только определенная часть. Так, согласно предложенному Кадорной законопроекту, ежегодно к повышению должны были быть представлены 228 капитанов-пехотинцев, однако только 118 из них становились майорами. Остальные, в соответствии с принятым незадолго до этого вышеупомянутым «Положением об офицерах сухопутных войск, флота и военно-воздушных сил», спустя 4 года (в течение которых они еще могли оставаться на действительной службе) увольнялись из состава действующей армии и переводились во «вспомогательную» категорию³⁷.

Комиссии по продвижению по службе (Commissioni di avanzamento) формировались отдельными составами для сухопутной армии, ВМФ и ВВС и делились на обычные (для присвоения званий до подполковника) и высшие (от полковника до дивизионного генерала и соответствующих чинов в ВМФ и ВВС)³⁸. В обычные комиссии входили командующие подразделениями (в званиях от полковника до корпусного генерала / от капитана 1-го ранга до вице-адмирала / от полковника до генерала авиаэскадры), представители армейских / военно-морских / авиационных служб, а также начальник главного управления персоналом³⁹. В состав высших комиссий дополнительно включались командующие армейскими корпусами, а также высокопоставленные чины из армейской администрации: главы штабов и военных округов, начальники армейских, военно-морских и авиационных служб (если решался вопрос о присвоении званий офицерам, относящимся к этим службам) и др.

Участники голосования должны были выставлять баллы, принимая во внимание в первую очередь интеллектуальные способности представленного к повышению, уровень его профессиональной подготовки и морально-нравственный облик. Кроме того, Кадорна считал, что каждый командир, независимо от звания и статуса, должен был «обладать физическим мастерством, применения которого требуют особенности современных боевые действий»⁴⁰. В качестве аргумента на обсуждении законопроекта в IV Комиссии Сената он напомнил коллегам

³⁷ Ibid. P. 620.

³⁸ Повышение дивизионных генералов до корпусных генералов (высшее звание в армейской иерархии) и соответствующих званий в ВМФ и ВВС осуществлялось решением Совета министров.

³⁹ Avanzamento degli ufficiali dell'Esercito, della Marina e dell'Aeronautica (№ 298) // Atti parlamentari. Senato della Repubblica. II legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni. 1958. P. 616–618.

⁴⁰ Ibid. P. 453.

о том, что он сам летом 1944 г., будучи уже 55-летним генералом, вынужден был совершить прыжок с парашютом, чтобы оказаться за линией фронта и присоединиться к партизанам Северной Италии. Однако физическая пригодность, по мнению автора законопроекта, должна была оцениваться еще до заседания комиссии по продвижению⁴¹. Офицера, имевшего недостаточную физическую подготовку или какие-либо ограничения здоровья, вообще не следовало представлять к повышению — его необходимо было сразу переводить в запас или отправлять в отставку.

Авторитетный и компетентный состав комиссий по продвижению и учет их членами результатов прослушанных курсов, пройденных испытаний и сданных экзаменов, а также разнообразных заслуг, поощрений и наказаний, вносимых на протяжении службы в личные дневники офицеров, должны были способствовать выставлению максимально объективной и обоснованной оценки. В представлении автора законопроекта, данные органы выполняли по большей части техническую функцию, вынося решение на основании четких данных, 2/3 из которых, как считал Кадорна, «никак не зависели от арбитража комиссии»⁴².

Социально-экономический аспект реформы

Система «обязательных отпусков», которую Кадорна предложил применять на более раннем этапе службы, с одной стороны, гарантировала повышение в звании фиксированному количеству человек ежегодно, но с другой — приводила к тому, что офицеры, не прошедшие конкурсный отбор, теряли возможность продолжать военную карьеру и, следовательно, лишались стабильного заработка. Принимая во внимание данную проблему, которая могла стать отталкивающим фактором для молодых людей при выборе военной профессии, генерал предложил ряд мер, направленных на улучшение финансового положения тех, кто вынужденно покидал ряды действующей армии. Одним из аспектов решения данной проблемы стало принятие уже упомянутого нами закона № 113 от 10 апреля 1954 г., который позволял офицерам, выбывавшим с действительной службы, некоторое время оставаться в строю, а после зачисляться в категорию «вспомогательных офицеров» и таким образом продолжать получать жалование и годы выслуги, необходимые для начисления пенсии впоследствии.

Другой важной мерой стало четырехкратное увеличение ежемесячных выплат военнослужащим, уволенным в запас⁴³, то есть тем, кто окончательно уходил со строевой службы, но еще не достиг пенсионного возраста и мог быть вызван в ряды действующей армии только в случае мобилизации. Стоит отметить, что данная мера, предложенная Кадорной в рамках проекта нового закона «О продвижении по службе...», поначалу вызвала непонимание, отторжение и сильную критику со стороны представителей правительства, которые обвиняли сторонников ее принятия в том, что они «губят и грабят казну»⁴⁴. Особенно сильно против увеличения выплат выступал Председатель Совета министров (с августа 1953 г. по январь 1954 г.) Дж. Пелла, представитель правого крыла правящей Христианско-демократической партии (ХДП), занимавший в течение нескольких лет до этого пост министра казначейства (1948–1951 гг., 1952–1953 гг.), сторонник либерально-монетаристского курса развития экономики и минимизации государственных расходов. Однако после его ухода в отставку с поста главы правительства

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid. P. 454.

⁴³ Ibid. P. 174.

⁴⁴ Ibid. P. 404.

новый министр казначейства С. Гава (1953–1956 гг.), представитель левого крыла ХДП, одобрил четырехкратное увеличение «резервных» окладов, и проблему финансовой поддержки уволенных в запас офицеров удалось решить⁴⁵.

Таковы были основные положения реформы, разработанные Раффаэле Кадорной и представленные к обсуждению на заседании IV Комиссии Сената Итальянской Республики по обороне. Как считал сам генерал, благодаря данным мерам решалась также остро стоявшая в конце 1940 – начале 1950-х гг. проблема качества подготовки командного состава вооруженных сил. За счет применения конкурсного отбора и балльно-рейтинговой системы уже на достаточно раннем этапе продвижение должны были получать наиболее способные и квалифицированные лица. Таким образом, во главе армейской иерархии оказывались лучшие из лучших представителей офицерского корпуса (с точки зрения как профессиональных, так и личностных качеств). Данные принципы, в представлении Кадорны, должны были окончательно избавить вооруженные силы от остатков наследия фашистской эпохи, а также обеспечить должное уважение к вышестоящим чинам со стороны солдат, унтер-офицеров, младших офицеров и гражданских людей⁴⁶. Это, в свою очередь, в более широком смысле, вело к восстановлению пошатнувшегося после окончания Второй мировой войны престижа итальянских вооруженных сил в целом.

Критика проекта Раффаэле Кадорны и основные поправки

Тем не менее, несмотря на очевидные для Кадорны достоинства предложенных мер, некоторые из них были восприняты крайне неоднозначно как его коллегами-парламентариями, так и обществом в целом, особенно профессиональными военными. Основное недовольство было вызвано тем, что, согласно законопроекту «О продвижении по службе...» (№ 298), ежегодно огромное количество офицеров на достаточно раннем этапе должно было выбывать из рядов армии, фактически лишаясь работы и профессии. Таким образом, государство по-прежнему не могло с высокой долей вероятности гарантировать военным служащим стабильную, долгосрочную карьеру и выход на пенсию в звании старше капитана. Как считал маршал Мессе (ХДП), активно участвовавший в обсуждениях законопроекта в составе IV Комиссии, это могло оттолкнуть многих молодых людей от поступления в военно-учебные заведения⁴⁷.

Дивизионный генерал Л. Таддеи (член Национальной монархической партии) отказался поддерживать предложенные Кадорной меры и проголосовал против принятия законопроекта, так как видел в нем «удар по равноправию и моральному фактору»⁴⁸. По его мнению, офицеры, которые не прошли отбор и оказались лишенными возможности дальнейшего карьерного роста, могли, посчитав, что они пострадали от несправедливого решения членов комиссии по продвижению, затаить злобу на тех, кто получил повышение по службе, что в перспективе могло привести к массовому падению боевого духа среди уволенных лиц⁴⁹, которые, даже находясь в запасе, продолжали играть важную роль, так как подлежали мобилизации в случае военной угрозы. Резко негативное отношение Таддеи, представлявшего в сенатской Комиссии по обороне карабинерский корпус, было вполне закономерным, так как среди офицеров-карабинеров ежегодные нормы по продвижению по службе являлись самыми низкими по сравнению со всеми прочими родами войск: повышение в звании ежегодно получала только 1/27 часть (всего 5 человек) от общего

⁴⁵ Отдельные меры были приняты также для улучшения положения унтер-офицеров, уволившихся в запас. Принятое годом ранее «Положение об унтер-офицерах сухопутных войск, флота и военно-воздушных сил» (закон № 559 от 31 июля 1954 г.) предполагало увеличение «резервных» выплат для них в 1,6 раз.

⁴⁶ Avanzamento degli ufficiali dell'Esercito, della Marina e dell'Aeronautica (№ 298) // Atti parlamentari. Senato della Repubblica. II legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni. 1958. P. 605.

⁴⁷ Ibid. P. 603.

⁴⁸ Ibid. P. 408.

⁴⁹ Ibid. P. 408–409.

количества подполковников-карабинеров (159 человек) и 1/23 часть (21 или 22 человека) из 514 человек в звании капитана (для сравнения: в пехоте это соотношение равнялось 1/16 и 1/17 для соответствующих званий)⁵⁰.

В широких офицерских кругах многие также восприняли будущий закон с подозрением, так как видели в нем опасность скрытого фаворитизма и предвзятости выносимых членами комиссий оценок — неслучайно в народе его окрестили «законом по продвижению генеральских сынков»⁵¹. Кроме того, стоит отметить, что командный состав итальянской армии был также неоднороден и с точки зрения политических взглядов. Среди офицеров, например, было немало тех, кто симпатизировал левым партиям, осуждал членство Италии в НАТО и выступал за нейтралитет страны в набиравшем обороты блоковом противостоянии [Хормач 2005, 260]. В этой связи представители парламентской оппозиции указывали на то, что новая система присвоения званий вводилась для удобства расстановки в высшей армейской иерархии «нужных людей», лояльных курсу правящей Христианско-демократической партии⁵², позволяя удалить из рядов командного состава вооруженных сил тех, кто по политическим мотивам был неудобен руководству страны. В частности, сенатор-коммунист М. Палермо, выразивший согласие с Кадорной относительно того, что продвижение по службе на основании сравнительного отбора является правильной и необходимой мерой, был тем не менее сильно обеспокоен самой процедурой оценивания. Он считал, что члены комиссий по продвижению при выставлении баллов могли руководствоваться не только такими критериями, как заслуги офицера перед Отечеством, обладание профессиональными навыками и т.д., но также и соображениями «политической благонадежности»⁵³.

Таким образом, законопроект в том виде, в котором его представил Кадорна, вызвал серьезную критику как со стороны представителей парламентской оппозиции, так и со стороны членов правящей ХДП, которые прежде, как правило, благожелательно относились к деятельности генерала, придерживавшегося умеренно-консервативных взглядов [Brignoli 1981, 145]. В ходе многочисленных парламентских обсуждений и дискуссий, которые длились с июля 1954 г. по октябрь 1955 г., в первоначальный вариант законопроекта был внесен ряд поправок, которые позволяли более 70% от общего количества офицеров гарантированно дослужиться до звания подполковника. Во-первых, существенным образом сокращалась штатная численность младшего офицерского состава. Например, в пехоте теперь насчитывалось суммарно 1791 человек в званиях младшего лейтенанта и лейтенанта от первоначального, предложенного Кадорной, количества в 2107 человек, в кавалерии — 170 вместо 200, в артиллерии — 1073 вместо 1262, в инженерных войсках — 479 вместо 563 и т.д.⁵⁴ При этом штатная численность капитанов для всех родов войск оставалась прежней. Во-вторых, увеличивались ежегодные нормы по количеству переводимых из капитанского в майорское звание (со 118 человек до 140 человек в пехоте, с 11 до 13 в кавалерии, с 63 до 76 в артиллерии, с 32 до 37 в инженерных войсках)⁵⁵. Следует учитывать тот факт, что часть младших лейтенантов и лейтенантов изначально были офицерами с «ограниченной карьерой»⁵⁶ и не могли получить звание выше капитана, что выводило их из дальнейшей конкуренции и увеличивало шансы на продвижение офицеров с «обычной карьерой». Стоит также отметить, что

⁵⁰ Ibid. P. 413.

⁵¹ Ibid. P. 412.

⁵² Подробнее о правительственном курсе ХДП в первой половине 1950-х гг. см. [Григорьева 2006, 180–187].

⁵³ Avanzamento degli ufficiali dell'Esercito, della Marina e dell'Aeronautica (№ 298) // Atti parlamentari. Senato della Repubblica. II legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni. 1958. P. 608.

⁵⁴ Avanzamento degli ufficiali dell'Esercito, della Marina e dell'Aeronautica (№ 298-B) // Atti parlamentari. Senato della Repubblica. II legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni. 1958. P. 834–836.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Офицерами «ограниченной карьеры» (carriera limitata) являлись, как правило, бывшие унтер-офицеры, которые переходили в офицерское звание, не заканчивая высших военно-учебных заведений, и потому не могли получить звание выше капитана.

присвоение звания подполковника осуществлялось по выслуге лет, что позволяло гарантировать подавляющему большинству майоров дальнейшее продвижение по службе и увольнение в запас как минимум в звании подполковника.

Уменьшение штатной численности младших офицеров, от которых во многом зависела тактическая эффективность и боеспособность армии (за счет их непосредственного взаимодействия с солдатами и унтер-офицерами), не могло не беспокоить Кадорну, имевшего за плечами 35-летний опыт службы в вооруженных силах на различных командных должностях. Он неодобрительно отнесся к данной поправке, которая, по его мнению, вредила всей выстроенной им «пирамиде», лишая ее существенной части своего основания⁵⁷. Тем не менее он проголосовал за принятие нового варианта законопроекта (с учетом вышеупомянутых изменений) и призвал остальных коллег сделать то же самое, чтобы не затягивать процесс его вступления в силу, так как от этого зависело решение основных структурно-организационных, кадровых и социально-экономических проблем вооруженных сил. По итогу голосования в обеих палатах данный законопроект был принят и вступил в силу 12 ноября 1955 г. под № 1137.

Заключение

Реформа в структуре офицерского корпуса была неразрывно связана с особенностями внешней политики Италии того времени. С конца 1940-х гг. в международных отношениях появляются первые признаки блоковой политики и одновременно начинается активное сотрудничество Италии и США в военной сфере, принявшее вскоре, по меткому выражению посла СССР в Италии М.А. Костылева, форму «военного закабаления» [Хормач 2005, 254]. Вступление страны в НАТО 4 апреля 1949 г. означало окончательное вхождение Италии в орбиту военно-стратегических интересов Соединенных Штатов.

При поддержке США были проведены перевооружение и модернизация итальянских вооруженных сил. По данным МИД СССР, только за 1951 г. в Италию была поставлена 21 партия американской военной техники. Инвестиции США в военную отрасль страны составили около 250 млрд лир⁵⁸. Личный состав итальянской армии обучался в соответствии с американскими программами военной подготовки [Там же, 284]. Вооруженные силы страны находились под постоянным контролем американских генералов.

Уже 5 января 1951 г. правительство Италии приняло решение о предоставлении в распоряжение объединенной армии Д. Эйзенхауэра 3 дивизий (в качестве первоначального вклада Италии в вооруженные силы НАТО), а также законопроект о дополнительных ассигнованиях в военный бюджет⁵⁹. Всего же к середине 1950-х гг. Италия при помощи США сумела сформировать 12 дивизий, оснащенных современной военной техникой, которые, по словам министра обороны страны Р. Паччарди, по мощности огня равнялись 60–70 дивизиям довоенного времени [Там же, 280].

Одновременно с активным развитием всесторонних связей с западными союзниками христианско-демократическое руководство страны в лице премьер-министра А. Де Гаспери, не скрывавшего своих антикоммунистических взглядов, стало укреплять линию на замораживание политических контактов с советским правительством. С конца 1940-х гг. в итальянском обществе искусственно нагнетался страх перед Советским Союзом и опасностью распространения его влияния на западные страны, который по сути был отголоском страха самого Де Гаспери и

⁵⁷ Avanzamento degli ufficiali dell'Esercito, della Marina e dell'Aeronautica (№ 298) // Atti parlamentari. Senato della Repubblica. II legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni. 1958. P. 605.

⁵⁸ Зонова Т.В. История внешней политики Италии. М.: Международные отношения, 2016. С. 189–190.

⁵⁹ К 1953 г. военные расходы Италии составляли 23% от бюджета.

поддерживавших его правых сил перед советской «пятой колонной» в лице мощной Итальянской коммунистической партии и социалистов и даже перед левыми течениями в самой ХДП, среди членов которой было немало тех, кто призывал к нейтралитету в блоковом противостоянии [Салаконе 2015, 4]⁶⁰. В докладах итальянского правительства и в официальных СМИ все чаще делался акцент на СССР как на государстве с враждебной идеологией, «продолжателе традиций внешней политики царизма», использующем социализм в качестве идеологического орудия для экспансии [Хормач 2005, 372]. Таким образом, приоритетной задачей для итальянского руководства, действовавшего в русле антикоммунистического внешнеполитического курса США, стала защита национальной территории от потенциальной военной опасности со стороны социалистического блока. Правительство Де Гаспери неоднократно заверяло командование НАТО, что Италия сможет оказать «ценные услуги в деле спасения цивилизации от коммунизма» [De Gasperi 1979, 363], и обещало в случае необходимости выставить для этих целей «надежную армию в количестве 2 млн человек» [Хормач 2005, 257].

С самого начала холодной войны руководство Североатлантического Альянса рассматривало территорию Апеннинского полуострова в качестве одного из полей будущих сражений в случае начала нового мирового конфликта. Госсекретарь США Д. Ачесон отмечал, что стратегическая роль Италии в Средиземноморье имеет особую важность⁶¹. В связи с этим еще до создания Организации Североатлантического договора шли переговоры между дипломатами Соединенных Штатов и Италии о возможности защиты ее территории союзными оккупационными войсками, дислоцированными в Австрии и в Свободной зоне Триеста [Nutti 1993, 199]. В начале 1950-х гг. военным руководством НАТО было создано несколько планов («Пилигрим» и др.) по обороне Апеннинского полуострова, в которых итальянской армии также отводилась важная стратегическая роль: она должна была защищать позиции вдоль итало-югославской границы [Ibid., 200]. В 1954 г. англо-американские войска были выведены из Триеста, который, в соответствии с Лондонским меморандумом, был разделен между Италией и Югославией. 15 мая 1955 г. была подписана Декларация о независимости Австрии, в результате чего оккупационные войска западных союзников покинули территорию этой страны в октябре того же года. К середине 1950-х гг. защита территории Италии легла по большей части на плечи ее собственных вооруженных сил (по крайней мере, на начальном этапе возможного вооруженного противостояния между государствами – членами НАТО и Организации Варшавского договора). С этого момента итальянской армии приходилось защищать еще и границу с Австрией (так называемый «альпийский редут» [Хормач 2005, 257]) на случай потенциального прорыва войск Организации Варшавского договора через территорию этой страны.

Таким образом, спектр задач, стоявших перед итальянскими вооруженными силами на протяжении конца 1940 – середины 1950-х гг., постоянно расширялся. Путь к их решению был открыт благодаря модернизации итальянской армии, важным и неотъемлемым аспектом которой стала масштабная реформа в структуре командного состава, проведенная в середине 1950-х гг. в соответствии с требованиями военно-политической, социально-экономической и международной обстановки того времени. Оценивая значимость проделанной работы, Раффаэле Кадорна, подчеркивал, что «с функциональной точки зрения впервые в истории наших вооруженных сил была реализована нормализация карьеры и сбалансированная система продвижения по службе, позволяющая армии максимально эффективно выполнять самые важные функции»⁶².

⁶⁰ См. также: Зонова Т.В. История внешней политики Италии. М.: Международные отношения, 2016. С. 178–180.

⁶¹ Зонова Т.В. История внешней политики Италии. М.: Международные отношения, 2016. С. 181.

⁶² Avanzamento degli ufficiali dell'Esercito, della Marina e dell'Aeronautica (№ 298) // Atti parlamentari. Senato della Repubblica. II legislatura. IV Commissione (Difesa). Resoconti delle discussioni. 1958. P. 604.

Список литературы:

Бивор Э. Вторая мировая война. М.: КоЛибри, 2014.

Григорьева И.В. Италия в XX веке. М.: Дрофа, 2006.

Салаконе А. Между столкновением и разрядкой: многосторонность внешней политики Италии и налаживание отношений с Восточным блоком (1947–1960) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. № 2(35). URL: <http://history.jes.su/s207987840000986-3-1>

Хормач И.А. СССР — Италия и блоковое противостояние в Европе: вторая половина 40-х – первая половина 60-х годов. В 2-х частях. М.: Институт российской истории РАН, 2005. Часть 1.

Brignoli M. Il generale Raffaele Cadorna: dalle “cariche” dei Lancieri al centenario di Porta Pia // Cadorna R. *La Riscossa*. Milano: Bietti, 1976. P. 7–90.

Brignoli M. Raffaele Cadorna. 1889–1973. Roma: Stato maggiore Esercito, Ufficio storico, 1981.

De Gasperi A. Europeismo e anticomunismo // *Scritti politici di Alcide De Gasperi*. Milano: Feltrinelli, 1979. P. 362–363.

Nuti L. Italy and the Defence of NATO's Southern Flank 1949–1955 // *Das Nordatlantische Bündnis, 1949–1956* / hrsg. von K.A. Maier, N. Wiggershaus. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1993. P. 197–212.

Nuti L. An Instrumental and Atlantic Europe: Discussions about Foreign Policy and the Future of the Nation State in Italy, 1945–1955 // *The Postwar Challenge: Cultural, Social, and Political Change in Western Europe, 1945–1958* / ed. by D. Geppert. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 211–239.

Peli S. *Storia della Resistenza in Italia*. Torino: Einaudi, 2015.

References:

Beevor E. (2014) *The Second World War*. Moscow: KoLibri.

Brignoli M. (1976) Il generale Raffaele Cadorna: dalle “cariche” dei Lancieri al centenario di Porta Pia. In: Cadorna R. *La Riscossa*. Milano: Bietti. P. 7–90.

Brignoli M. (1981) *Raffaele Cadorna. 1889–1973*. Roma: Stato maggiore Esercito, Ufficio storico.

De Gasperi A. (1979) Europeismo e anticomunismo. In: *Scritti politici di Alcide De Gasperi*. Milano: Feltrinelli. P. 362–363.

Grigor'yeva I.V. (2006) *Italiya v XX veke* [Italy in the 20th century]. Moscow: Drofa.

Khormach I.A. (2005) СССР — Италия и блоковое противостояние в Европе: вторая половина 40-х – первая половина 60-х годов [USSR — Italy and the bloc confrontation in Europe: The second half of the 1940s – the first half of the 1960s. In 2 parts]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN. Part 1.

Nuti L. (1993) Italy and the Defence of NATO's Southern Flank 1949–1955. In: Maier K.A., Wiggershaus N. (hrsg.) *Das Nordatlantische Bündnis, 1949–1956*. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag. P. 197–212.

Nuti L. (2003) An Instrumental and Atlantic Europe: Discussions about Foreign Policy and the Future of the Nation State in Italy, 1945–1955. In: Geppert D. (ed.) *The Postwar Challenge: Cultural, Social, and Political Change in Western Europe, 1945–1958*. Oxford: Oxford University Press. P. 211–239.

Peli S. (2015) *Storia della Resistenza in Italia*. Torino: Einaudi.

Salacone A. (2015) Between Clash and Detente: Italian Multilateralism and the Development of Interrelationship with the Eastern Block (1947–1960). *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. Vol. 6. No. 2(35). Available at: <http://history.jes.su/s207987840000986-3-1>

Дата поступления/Received: 14.06.2023

Региональная экономика
Regional economy

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-99-106-114

Оценка пространственного развития Волжских регионов

Леонтьева Лидия Сергеевна

Доктор экономических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация.

E-mail: lldom@mail.ru

SPIN- код РИНЦ: 6508-6503

ORCID ID: [0000-0001-8504-0148](https://orcid.org/0000-0001-8504-0148)

Проскурнова Ксения Юрьевна

Кандидат экономических наук, доцент, Ярославский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Ярославль; докторант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация.

E-mail: proskurnova@hotmail.com

SPIN-код РИНЦ: 2742-9482

ORCID ID: [0000-0002-4168-1282](https://orcid.org/0000-0002-4168-1282)

Аннотация

Наиболее распространенные подходы к оценке развития регионов включают социально-экономический, инвестиционный и ресурсный анализ. При этом меньше внимания уделяется оценке пространственной структуры и организации территорий. Исследование существующих подходов к анализу пространственного развития регионов показало, что в них делается акцент на определении уровня развития пространственной структуры (организации), а не выявлении факторов, влияющих на развитие пространства региона. Данный факт определил необходимость разработки подхода оценки пространственного развития как процесса, а не как состояния. В данной статье представлена методика оценки пространственного развития Волжских регионов в средне- и долгосрочной ретроспективе с выявлением неблагоприятных факторов. Проведенное исследование базировалось на контент-анализе научной литературы, сравнительном анализе различных подходов, посвященных пространственному развитию территорий, анализе совокупности статистических показателей группы российских регионов, характеризующих их состояние. Результатом проведенного анализа является предложенный подход к оценке пространственного развития региона как процесса, оценка пространственного развития тринадцати Волжских регионов и определение факторов, негативно отразившихся на пространственном развитии выбранных субъектов РФ.

Ключевые слова

Пространство региона, развитие, территория, Волга, динамика пространственного развития.

Assessment of Spatial Development of the Volga Regions

Lidia S. Leontieva

DSc (Economics), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: lldom@mail.ru

ORCID ID: [0000-0001-8504-0148](https://orcid.org/0000-0001-8504-0148)

Ksenia Yu. Proskurnova

PhD, Associated Professor, Yaroslavl branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Yaroslavl; DSc applicant, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: proskurnova@hotmail.com

ORCID ID: [0000-0002-4168-1282](https://orcid.org/0000-0002-4168-1282)

Abstract

The most common approaches to assessing the development of regions include socio-economic, investment and resource analysis. Less attention is paid to assessing the spatial structure and spatial organization of territories. The study of existing approaches to the analysis of the regions' spatial development has shown that they focus on determining the level of the spatial structure (organization) development, rather than identifying the factors influencing the development of the region's space. This fact determined the goal to develop an approach for assessing spatial development as a process, and not as a state. This paper presents a methodology for assessing the spatial development of the Volga regions in the medium and long term with the identification of adverse factors. The study was based on a content analysis of scientific literature, a comparative analysis of various approaches devoted to the spatial development of territories, an analysis of a set of statistical indicators of Russian regions that characterize their state. The result of the analysis is the proposed approach to assessing the spatial development of the region as a process, assessing the spatial development of thirteen Volga regions and identifying the factors that negatively affected the spatial development of the selected subjects of the Russian Federation.

Keywords

Region space, development, territory, Volga, dynamics of spatial development.

Introduction

Traditionally, socio-economic analysis of territories of various levels (municipal, regional, national) uses an assessment of trends in changes of various indicators characterizing social and economic processes in a society. The results of such an analysis form the basis for the development strategies of these territories. The analysis conclusions are reflected in regional policy documents, often without taking into account indicators characterizing related areas of activity.

Despite the fact that such scientific areas as regional economics and management, spatial economics have been developing for more than half a century, spatial economics instruments of analysis have not yet been either formed or finally formulated. An analysis of Russian and foreign researchers' papers allows us to conclude that at present there is no methodology for assessing a region (territory) spatial development as a process, not as a result.

Russian scientist A.G. Granberg formulated three groups of parameters for assessing the quality of the regional economic space: density, location, connectivity [Гранберг 2006]. These parameters formed the basis of many approaches to the analysis of the region's economic space, of the spatial structure assessment, spatial organization or spatial development. The researchers in their own way fill each Granberg's group of parameters with indicators and coefficients for a comparative analysis of regions (territories).

A.A. Mirokhina proposed indicators of spatial development to assess the economic space of the region: centralization, narrowing, discontinuity (fragmentation) and openness (contact) [Мирохина 2018]. There are indicators of infrastructure, results of business entities activities, sold goods and services results, settlements' population, etc. At the same time, the researcher assesses and classifies regions based on their spatial organization (maximally spatially organized, highly spatially organized, spatially stable, spatially unstable, spatially unorganized). The characteristics of typological groups are based on the profitability of production, the remoteness of sales markets from production, the development of transport infrastructure and the level of socio-economic development. In our opinion, such an approach is not related to the assessment of spatial development, but allows analyzing the level of spatial organization of the territory at a specific time, while the dynamics of changes is not reflected — for example, it is impossible to determine if a region of the type "spatially stable" has moved from the category "spatially unstable" (positive dynamics) or from "highly spatially organized" (negative dynamics).

A.V. Suvorova analyzes the spatial development of the territory (region, municipality) based on an assessment of indicators characterizing the object placement in the economic space of the territory [Суворова 2020]. There are four groups: saturation of space (population density, volume of output per unit area, etc.), the degree of uniformity of object distribution in space (the Gini coefficient for determining the degree of differentiation in the development of spatial elements), the polarization of space (the coefficient and index of agglomeration, the coefficient of development of the agglomeration population, the rate of the agglomeration development) and the connectivity of spatial components of space (spatial autocorrelation coefficients — how similar the values of the considered indicator located objects are). It is worth noting, like A.A. Mirokhina, Suvorova's approach allows analyzing the spatial organization (spatial structure) of the territory, not a spatial development. The selected indicators do not show what trends take place in the space of the region (municipal unit, country).

The researchers A.G. Shelomentsev, A.V. Ukhanova, E.V. Smirennikova and L.V. Voronina formed an approach to the spatial development analysis of regions using mainly indicators of socio-economic development, adding three groups: economic development (GRP per 1 km² of territory), transport development (density of public railways, density of public roads with hard surface) and population of the territory (population density) [Шеломенцев и др. 2018]. The socio-economic development of

the territory involves an assessment within the framework of the sustainable development concept and includes indicators of social, economic and environmental development. But, as with previous approaches, the researchers assess the spatial development of the region at a specific time, without taking into account the state of the territory's space in the previous period and the territory's changes.

Yu. Danilov's approach is proposed not for assessing the spatial development of a territory (region, state) but for forecasting and planning spatial development¹. At the proposed five blocks of indicators, four blocks belong to the category of socio-economic development, and only one contains a spatial component, based on a comparative analysis of territories — indicators of territorial differentiation (labor productivity, poverty level, income level, cultural components, etc.), indices of regional depression, the share of prosperous ("advanced") regions.

Some Russian and foreign researchers propose to assess the spatial development of particular type regions, or certain characteristics of both spatial development and the territories. N.T. Avramchikova and M.N. Chuvashova suggest to assess the quality of the economic space of a resource-oriented region [Аврамчикова, Чувашова 2015]. Their method includes 3 groups of indicators: agglomeration and distribution density of resources (indicators of natural resource potential, urbanization and economic density of the population, economic density of enterprises, density of communication routes, density of GRP, budget potential), backbone, connectivity and location (indicators of the development of transport and information infrastructure, the uniformity of the population distribution (variation) in the region, the uniformity of enterprises and industries distribution (variation) in the region) and the technological state of the economic sectors (indicators of the presence of industries of high technological modes, the transformation of the technological state of the economy, scientific and innovative and investment potential, indicators of innovation transfer and dissemination of innovations, indicators of strategic and legislative initiatives) [Аврамчикова 2012; Аврамчикова и др. 2020]. In our opinion, these indicators are applicable to assessing the space of not only resource-oriented regions, but also of any territories due to the lack of a narrow linkage of indicators and economic space to natural resources (their presence or absence) and taking into account the presence of various types of resources in the region.

M.M. Chernyshov's approach assesses the investment component of the spatial development effectiveness [Чернышов 2021]. The author singled out 4 spatial levels and grouped investments in various objects (indicators) depending on the type of space: geographical, economic, social, information, innovation and technological. In our opinion, the integral assessment of the territory development reflects the contribution of investments to socio-economic development, but does not allow analyzing the spatial development of the regions.

Foreign researchers assess not the spatial development of territories, but the influence of various factors on spatial planning or spatial structure. Moreover, the papers are mainly aimed at studying the spatial system of metropolises (agglomerations) or rural areas, but not regions or states as a whole. H. Dadashpoor and N. Malekzadeh analyze the driving factors that shape the spatial structure of metropolises: inner core growth constraints, disadvantages, cultural evolution and development, land use, local and regional planning system, affordable housing policy, planners and decision makers, administrative fragmentation and integration, government regulation, pressure from interest groups, proximity to natural resources, savings and de-savings on agglomeration, proximity to transport facilities and to the main city (capital), administrative restructuring [Dadashpoor, Malekzadeh 2020]. Their paper only gives the dependence

¹ Данилов Ю.А. Показатели пространственного развития, применяемые в рамках «Новой экономической географии», и возможность их использования в стратегическом планировании пространственного развития Российской Федерации // Экономический факультет МГУ [Electronic source]. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=30411&p=attachment> (accessed: 20.05.2023).

degree of the spatial structure on the actions of one or another factor, but does not assess changes in the spatial structure (positive or negative) under the influence of driving factors, both in aggregate and separately.

S. Tasnim, F. Mahbub, G. Biswas and D.M. Enamul Haque analyze changes in the environment of urban areas based on the use of several spatial indices: ISA (share of the impervious area within an urban area), VF (the percentage or fraction of vegetation or green coverage within an area), BAR (biotope area ratio — the amount of ecologically effective surface area compared to the total area) and NAUCI (normalized urban area composite index — the presence of vegetation, water bodies, and the built environment) [Tasnim et al. 2022]. The methodology makes it possible to assess only a part of the spatial characteristics of a certain territory (four large cities of Bangladesh were analyzed in this study) and trace their change over time, but does not give a complete description of the changes that have occurred in space and does not allow making a conclusion about spatial development or spatial degradation.

An analysis of the foreign researchers' papers shows the absence of the spatial development assessment of territories (rural or urban territories, regions, states), but only the use of spatial characteristics, elements or data for analysis in other areas, including within the framework of the concept of sustainable development.

In previous papers the authors researched individual characteristics (components) of the region (territory) space, or the spatial structure at a specific time. The presented approaches to assessment allow taking into account changes in the state of space or spatial structure in the past, but do not reflect the trends that occur in space (spatial structure) — development, stagnation or degradation. We suggest to use indicators in their dynamics for assessing the spatial development of a territory. The indicators we suggest partially coincide with the indicators presented above in the Russian researchers' methods.

Some researchers conduct a comparative analysis of the spatial development of regions, which, in our opinion, does not allow assessing the processes of spatial development, but only conditionally analyze the degree of development of the region's space. Such convention arises as a result of different natural and climatic conditions, the presence and diversity of the resource base, the development of territories, etc., therefore it is more expedient to assess the processes of changing the regional space and conduct a comparative analysis of exactly how the space is changing (both economic and geographical).

Spatial changes' factors of Volga regions

An analysis of the approaches to assessing the territory space (spatial structure, spatial organization, spatial development, etc.) showed that researchers apply the system suggested by A.G. Granberg to grouping the indicators — density, placement, and connectivity. We will also use such an approach to grouping indicators, but we will single out two groups — intensity and connectivity. The groups include different indicators and are presented in the Table 1.

Table 1. Groups of indicators for assessing the spatial development of the territory²

Space intensity indicators	Connectedness of space elements' indicators
population density	population
proportion of the urban population	area of region (territory)
railroad density	number of employees
paved road density	length of inland waterways
	index of physical volume of investments in fixed assets
	investment in fixed assets per capita

² Compiled by the authors.

	average growth rate of the GRP physical volume index (interval — 5 years)
	average growth rate of the GRP physical volume index per capita (interval — 5 years)
	transportation of goods by road transport organizations of all types of activities
	dispatch of goods by public rail transport

The Russian Federation subjects located on the Volga River — Tver, Yaroslavl, Kostroma, Ivanovo, Nizhny Novgorod, Ulyanovsk, Samara, Saratov, Volgograd, Astrakhan Regions and the Republics of Mari El, Tatarstan, Chuvash were chosen as objects of spatial development study. The Moscow Region as well as the Republic of Kalmykia through which the Volga River flows are not presented because of a small section of the river flowing through these regions. It makes possible not to attribute the Volga as an important element of the spatial structure that has a significant impact on the development of these two subjects' territory. Location of 13 selected regions on the Volga River characterizes the presence of the main water transport artery (including the navigable part), which was historically used not only for trade and agricultural activities, but also in the 20th century became an important resource for providing electricity to both business entities and households in the European part of the country (implementation of GOELRO plan), and later as a tourist and recreational facility. The Volga River is an important component of spatial development and a connecting element of the selected regions.

Since this study analyzes the spatial development of regions (cities, municipalities, macro-regions, countries, etc.) as a process, the selected indicators are considered in their dynamic change. The study of spatial development is based on an analysis of the growth rates of these indicators in a long-term retrospective (15 and 30 years).

To exclude inflationary processes from the assessment of spatial development, the change in the gross regional product (GRP), which reflects the economic processes in the territory, the values of the growth rates of the index of physical volume both in general and per capita were used. There is no similar indicator for investment in fixed capital in the Russian statistical database, so the calculations will be made in two versions — with these indicators (investment in fixed capital and investment in fixed capital per capita) and without them. In the case of indicators related to the transportation of goods, only two indicators are used because the most common modes of transport (transportation of goods) are road and rail transport. Despite the fact that the analyzed macro-region is united by a water artery — the Volga River, the transportation of goods by inland waterways in the Russian Federation accounts for less than 1% of the total volume of cargo turnover³. The non-proliferation of cargo transportation by air in Russia and the concentration of this type of transport only in the largest subjects of the Russian Federation (in terms of population, volume of economic and industrial activity, distance from the main railways and highways) also does not allow including this indicator in the calculation. The system of indicators does not include the volume of resources transfer through pipeline transport due to the fact that the network of oil and gas pipelines is located not only in the regions where production is carried out, but also passes through the territories located between the place of production and consumers.

Moreover, the limited statistical data on regions and municipalities necessitates the formation of an assessment model applicable to territories of different levels — municipal, regional, national — using a group of indicators that allow comparing the results of the analysis both at the same level (horizontally) and between levels (vertically).

³ Обзор отрасли грузоперевозок в России, 2020 год // Ernst and Young [Electronic source]. URL: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/ru_ru/topics/automotive-and-transportation/ey-russia-transportation-services-2020.pdf?download (accessed: 20.05.2023).

The spatial development analysis is based on the assessment of the chain growth rates of the selected indicators, while within the selected retrospective periods of 15 and 30 years, the step for assessing the growth rates of the indicators is defined as 5 years (Formula 1):

$$Rg_{chain} = \frac{y_i}{y_{i-1}} \quad (1)$$

Here Rg_{chain} is the growth rate of the indicator, y_i — the value of the indicator in i period, y_{i-1} — the value of the indicator in the period preceding i .

The spatial development assess of the territory is based on the average growth rate of each selected indicator (Formula 2):

$$\overline{R_g} = \sqrt[n-1]{\prod Rg_{chain\ i}} \quad (2)$$

Here $\overline{R_g}$ is an average growth rate of the indicator of spatial development; $Rg_{chain\ i}$ — the value of the growth rate of the spatial development indicator in the i period.

The cumulative average growth rate of all indicators of spatial development, which underlies the spatial development analysis, is calculated using Formula 3:

$$\overline{R_{g_{sd}}} = \sqrt[n-1]{\prod \overline{R_{g_i}}} \quad (3)$$

Here $\overline{R_{g_{sd}}}$ is an average growth rate of all indicators of spatial development; $\overline{R_{g_i}}$ — the value of the average growth rate of the i -indicator of spatial development.

Because of the significant devaluation of the national currency and high inflation rates in the 1990s in Russia, the average growth rate calculation of the spatial development indicators of regions was carried out in 2 ways. In the second case, indicators of the index of the physical volume of investment in fixed capital and investment in fixed capital per capita were excluded. Taking into account the fact that the calculation period covers 30 years (1990–2020), during which there were economic crises that had a negative impact on the spatial development of territories and it was an external factor that does not depend on the decision-making by regional governments, we introduce into the analysis an admissible deviation limit of 1%, which characterizes the absence of spatial changes in the considered time period.

Table 2 presents the calculation data for the average growth rate of selected indicators characterizing the spatial development of regions in 1990–2020. The highest rates of spatial development in that period are observed in the Republic of Tatarstan, the Astrakhan Region and the Republic of Mari El (average growth rate of 1.09, 1.07 and 1.05, respectively), while the Republic of Tatarstan demonstrates a positive value of the average growth rate of spatial development indicators even without taking into account the investment volume data (1.004). The worst value of spatial development indicators is in the Ivanovo Region — 1.0069 cumulative average growth rate and 0.91 average growth rate of indicators excluding invest indicators. It should be noted that a significant decrease in the transportation of goods by road and rail is the main factor that negatively affected the average growth rate of all indicators and the spatial development of the Ivanovo Region. In general, the volumes of transportation by road and rail for all the regions had a negative trend in the period 1990–2020. Only the indicator of freight dispatch by rail in the Astrakhan Region in 2020 exceeded the values of the base year of 1990, in the other regions

this indicator and the transportation of goods by road in 2020 are significantly less than in 1990, despite the development of the logistics network, recovery industry and trade.

Table 2. Average growth rate of spatial development indicators of regions in 1990–2020⁴

Regions	$\overline{Rg_{sd}}$ for 14 indicators	$\overline{Rg_{sd}}$ for 12 indicators (without the index of the physical volume of investment in fixed capital and investment in fixed capital per capita)
Tver Region	1.0188	0.941812
Yaroslavl Region	1.0453	0.96963
Kostroma Region	1.0204	0.946138
Ivanovo Region	1.0069	0.916493
Nizhny Novgorod Region	1.0496	0.957547
Mari El Republic	1.0562	0.972781
Chuvash Republic	1.0276	0.952538
Republic of Tatarstan	1.0908	1.00452
Ulyanovsk Region	1.0318	0.943576
Samara Region	1.0469	0.971433
Saratov Region	1.0335	0.94501
Volgograd Region	1.0364	0.954014
Astrakhan Region	1.0742	0.980536

If we analyze the data for the medium-term period of 2005–2020 (Table 3), the Republic of Tatarstan (1.124), the Republic of Mari El (1.109) and the Nizhny Novgorod Region (1.106) remain among the leaders in the growth of spatial development indicators. The Chuvash Republic (1.062), Kostroma Region (1.068) and Saratov Region (1.077) have the lowest growth rates for the totality of 14 indicators. It should be noted that the exclusion from the calculations of the average growth rate of the investments volume changes the leaders and those lagging behind in the spatial development of their territories. The Republic of Tatarstan continues to maintain leadership in terms of the average growth rate of 12 indicators (1.056), followed by Samara (1.027), Tver (1.024) and Astrakhan Regions (1.023). The lack of growth is observed in the Ivanovo Region (0.988), the Chuvash Republic (0.993) and the Ulyanovsk Region (0.992). A negative impact on the average growth rate for the entire group of indicators was exerted by a change in the population (decrease in number), a decrease in population density, a decrease in the number of employees and the volume of road transport.

Table 3. Average growth rate of all indicators of spatial development of regions in 2005–2020⁵

Regions	$\overline{Rg_{sd}}$ for 14 indicators	$\overline{Rg_{sd}}$ for 12 indicators (without the index of the physical volume of investment in fixed capital and investment in fixed capital per capita)
Tver Region	1.0844	1.024273
Yaroslavl Region	1.0800	1.010043
Kostroma Region	1.0680	1.019542
Ivanovo Region	1.0839	0.988166

⁴ Compiled by the authors using Официальная статистика // Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>. (accessed: 20.05.2023).

⁵ Compiled by the authors using Официальная статистика // Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>. (accessed: 20.05.2023).

Nizhny Novgorod Region	1.1065	1.009394
Mari El Republic	1.1097	1.016935
Chuvash Republic	1.0628	0.99323
Republic of Tatarstan	1.1249	1.056089
Ulyanovsk Region	1.0855	0.992949
Samara Region	1.0983	1.027556
Saratov Region	1.0772	1.000975
Volgograd Region	1.0942	1.009663
Astrakhan Region	1.0833	1.023246

Conclusion

Thus, regional authorities can use the suggested approach to identify factors that negatively affect spatial development, hinder it and prevent more complete use of the region's space for pursuing a policy of spatial development of territories. The trend of population decline is observed both at the national level and at the level of the regions represented.

If implementing state policy aimed at increasing the birth rate, it is necessary to differentiate it across the territories of regions with a significant reduction in the population. With a differentiated approach, it is suggested to use additional measures that involve the creation of attractive living conditions for the working-age population, which will not only increase the level of employment, but also increase the birth rate (policy to attract women of childbearing age to the regions). Another factor that negatively affects the assessment of the spatial development level of regions is the state of the system of goods' transportation by road and rail. The revealed trend characterizes its negative impact on the development of production and trade and on interregional exchanges. In this case, the creation of logistics centers and transport hubs, for example the redirection of cargo flows from one mode of transport to another, will contribute to an increase in freight traffic.

Список литературы:

- Аврамчикова Н.Т. Теоретические аспекты оценки качества экономического пространства // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 35. С. 2–13.
- Аврамчикова Н.Т., Рожнов И.П., Монгуш С.П., Захарова Л.Н. Концептуальная основа пространственного социально-экономического развития взаимодействующих регионов (на примере регионов Сибирского федерального округа // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 1. № 2. С. 55–67.
- Аврамчикова Н.Т., Чувашова М.Н. Инструменты оценки качества экономического пространства ресурсно ориентированного региона // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 28(403). С. 29–39.
- Гранберг А.Г. Экономическое пространство России // Экономика и управление. 2006. № 2(23). С. 11–15.
- Мирохина А.А. Мониторинг аномалий в развитии экономического пространства: предпосылки, концепция, инструментарий // Kant. 2018. № 4(29). С. 324–329.
- Суворова А.В. Особенности оценки пространственных факторов развития экономики региона // Российские регионы в фокусе перемен: Сборник докладов XIV Международной конференции (Екатеринбург, 14–16 ноября 2019 года). Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2020. С. 608–610.
- Чернышов М.М. Интегральная оценка инвестиционной составляющей эффективности пространственного развития макрорегионов Российской Федерации // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 10. С. 101–114. DOI: [10.26726/1812-7096-2021-10-101-114](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-10-101-114)
- Шеломенцев А.Г., Уханова А.В., Смиреникова Е.В., Воронина Л.В. Оценка пространственного

развития регионов Арктической зоны Российской Федерации // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2018. № 4(56). URL: <https://eee-region.ru/article/5613/>

Dadashpoor H., Malekzadeh N. Driving Factors of Formation, Development, and Change of Spatial Structure in Metropolitan Areas: A Systematic Review // Journal of Urban Management. 2020. Vol. 9. Is. 3. P. 286–297. DOI: [10.1016/j.jum.2020.06.005](https://doi.org/10.1016/j.jum.2020.06.005)

Tasnim S., Mahbub F., Biswas G., Haque D.M.E. Spatial Indices and SDG Indicator-Based Urban Environmental Change Detection of the Major Cities in Bangladesh // Journal of Urban Management. 2022. Vol. 11. Is. 4. P. 519–529. DOI: [10.1016/j.jum.2022.09.004](https://doi.org/10.1016/j.jum.2022.09.004)

References:

Avramchikova N.T. (2012) Teoreticheskiye aspekty otsenki kachestva ekonomicheskogo prostranstva [Theoretical aspects of assessing the quality of economic space]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. No. 35. P. 2–13.

Avramchikova N.T., Rozhnov I.P., Mongush S.P., Zakharova L.N. (2020) Conceptual Basis of the Spatial and Socio-economic Development of the Interacting Regions (on the Example of Regions of Siberian Federal District). *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya*. Vol. 1. No. 2. P. 55–67.

Avramchikova N.T., Chuvashova M.N. (2015) Tools for Evaluating the Quality of Economic Space of the Resource-Oriented Region. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. No. 28(403). P. 29–39.

Chernyshov M.M. (2021) Integral Assessment of the Investment Component Spatial Development Efficiency Macro-Regions of the Russian Federation. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki*. No. 10. P. 101–114. DOI: [10.26726/1812-7096-2021-10-101-114](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-10-101-114)

Dadashpoor H., Malekzadeh N. (2020) Driving Factors of Formation, Development, and Change of Spatial Structure in Metropolitan Areas: A Systematic Review. *Journal of Urban Management*. Vol. 9. Is. 3. P. 286–297. DOI: [10.1016/j.jum.2020.06.005](https://doi.org/10.1016/j.jum.2020.06.005)

Granberg A.G. (2006) Economic Space of Russia. *Ekonomika i upravleniye*. No. 2(23). P. 11–15.

Mirokhina A.A. (2018) Monitoring Anomalies in the Development of Economic Space: Background, Concept, Tools. *Kant*. No. 4(29). P. 324–329.

Shelomentsev A.G., Ukhanova A.V., Smirennikova E.V., Voronina L.V. (2018) Assessment of Spatial Development in the Regions of the Arctic Zone of the Russian Federation. *Regional'naya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal*. No. 4(56). Available at: <https://eee-region.ru/article/5613/>

Suvorova A.V. (2020) Features of the Assessment of Spatial Factors of Development of the Economy of the Region. *Rossiyskiye regiony v fokuse peremen: Sbornik dokladov XIV Mezhdunarodnoy konferentsii (Ekaterinburg, November 14–16, 2019)*. Ekaterinburg: OOO "Izdatel'stvo UMTs UPI". P. 608–610.

Tasnim S., Mahbub F., Biswas G., Haque D.M.E. (2022) Spatial Indices and SDG Indicator-Based Urban Environmental Change Detection of the Major Cities in Bangladesh. *Journal of Urban Management*. Vol. 11. Is. 4. P. 519–529. DOI: [10.1016/j.jum.2022.09.004](https://doi.org/10.1016/j.jum.2022.09.004)

Дата поступления/Received: 01.06.2023

Проблемы пространственного развития трансграничных регионов

Малашенков Борис Михайлович

Кандидат географических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: Malashenkov@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: 2946-8413

Петрянин Владислав Валерьевич

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: spark8211@yandex.ru

Аннотация

Несбалансированное развитие территории Российской Федерации и региональные диспропорции развития выводят проблематику пространственного развития трансграничных регионов на новый уровень. Невнимание к этим вопросам порождает стихийное пространственное развитие. Целью статьи является анализ современных актуальных проблем пространственного развития трансграничных регионов. Достоверность представленных результатов основывается на методах теоретического анализа научной литературы, представленной публикациями отечественных и зарубежных исследователей. Сравнительный анализ позволил определить особенности пространственного развития отдельных зарубежных трансграничных регионов. В результате уточнена сущность понятия «трансграничный регион», определены признаки и особенности, позволяющие его охарактеризовать в качестве модели социально-экономического и институционального пространства и объекта пространственного развития. Подчеркивается высокая роль устойчивых связей и отношений, как формальных, так и не формальных, образующих пространство трансграничного региона и стимулирующих его пространственное развитие. На такие взаимодействия не всегда распространяется режим регуляторов. Кроме того, для функционирования трансграничного региона особое значение имеет институциональное пространство и обеспечивающие институты сопредельных государств. Благодаря новым технологиям формы трансграничного взаимодействия претерпели эволюцию и диверсификацию. Систематизированы также методы изучения пространственного развития трансграничного региона; определены отдельные закономерности пространственного развития трансграничных регионов на основе анализа примеров. Обосновано положение о том, что развитие трансграничных регионов носит противоречивый характер. На примерах российской действительности проанализированы актуальные проблемы пространственного развития трансграничных регионов (концептуальные, теоретические, прикладные). Проведенный анализ позволил прийти к выводу о том, что ведущими принципами изучения пространственного развития являются комплексный и дифференцированный подходы. Изучаемую проблему отличает значительное число мнений о предмете исследования, что усложняет понимание закономерностей пространственного развития трансграничных регионов, подходов к их изучению. Перспективы дальнейших исследований авторы связывают с поисками катализаторов пространственного развития территорий.

Ключевые слова

Регион, пространственное развитие, диспропорции, пространственные преимущества, пространственная неравномерность, пространственная экономика.

Problems of Spatial Development of Cross-Border Regions

Boris M. Malashenkov

PhD, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Malashenkov@spa.msu.ru

Vladislav V. Petryanin

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: spark8211@yandex.ru

Abstract

The unbalanced development of the Russian Federation territory and regional development imbalances bring the problems of spatial development of cross-border regions to a new level. Inattention to these issues generates spontaneous spatial development. The aim of the article is to analyze the current topical problems of spatial development of cross-border regions. The reliability of the results is based on the methods of theoretical analysis of scientific literature presented by publications of domestic and foreign researchers. Comparative analysis allowed us to determine the features of the spatial development of individual foreign cross-border regions. As a result, the essence of "cross-border region" concept is clarified, its features are defined, allowing it to be characterized as a model of socio-economic and institutional space and an object of spatial development. The high role of stable ties and relations, both formal and non-formal, forming the space of a cross-border region and stimulating its spatial development is emphasized. Such interactions are not always covered by the regulatory regime. It is emphasized that the institutional space and supporting institutions of neighboring states are of particular importance for the functioning of a cross-border region. It was found out that due to new technologies, forms of cross-border interaction have undergone evolution and diversification. The methods of studying the spatial development of a transboundary region are systematized as well as certain patterns of spatial development of cross-border regions are determined based on the analysis of examples. The position that the development of cross-border regions is contradictory is substantiated. The actual problems of spatial development of cross-border regions (conceptual, theoretical, applied) are analyzed on the examples of Russian reality. The research allows concluding that the leading principles of studying spatial development are complex and differentiated approaches. The analysis shows that the studied problem is distinguished by

a significant number of opinions about the subject of the study, which complicates the understanding of the patterns of spatial development of cross-border regions, approaches to their study. The authors associate the prospects for further research with the search for catalysts for spatial development of territories.

Keywords

Region, spatial development, disproportions, spatial advantages, spatial unevenness, spatial economy.

Введение

Важнейшей задачей государственных региональных органов власти является сбалансированное развитие территорий. Большинство территориальных единиц регионов страны отличают структурные диспропорции и пространственная дифференциация, что усиливает конкуренцию между ними, обостряет проблемы неравномерного развития. Устойчивое функционирование регионов требует проведения политики повышения конкурентоспособности территорий, выравнивания их положения. В качестве одного из таких инструментов выступает пространственное развитие территории, ориентированное на оптимальное использование ее ресурсов и объективных преимуществ. Ведущими критериями такого развития выступают комплексность и пропорциональность. Эффективное управление пространственным развитием региона требует учета особенностей отдельных районов территории и пространственной дифференциации территории всего региона.

В прикладном аспекте, как и любая другая деятельность, пространственное развитие нуждается в соответствующем регулировании. Проведение региональной политики в данном направлении требует подбора инструментов влияния на пространственную структуру территории. В данном аспекте необходимо подчеркнуть, что стихийное пространственное развитие представляет не меньшую проблему. Появление в структуре пространства региона точек роста способствует перетягиванию и переманиванию ресурсов с других территорий. Неравномерная концентрация ресурсов на отдельных участках пространства порождает комплекс социально-экономических проблем, требующих решения со стороны органов власти.

С научной точки зрения использование инструментов пространственного развития в современных условиях должно быть ориентировано на обеспечение исследования особенностей пространственного развития и конкурентоспособности регионов, а также приоритетов и перспектив его развития. Анализ влияния пространственного фактора на региональное развитие в научной литературе недостаточно исследован и представлен небольшим количеством исследований.

Актуальность выбранной проблемы заключается в необходимости научного переосмысления особой экономической роли трансграничных регионов РФ, функционирование которых отличают сложные условия хозяйствования и потребность в специальных механизмах регулирования. Границы определяют пространственные пределы суверенитета государства, а от степени транспарентности трансграничного взаимодействия между регионами разных государств зависит уровень хозяйственных связей. Решение проблем пространственного развития регионов в современных условиях связывается с организацией трансграничных транспарентных зон, ориентированных на поиск гибких режимов трансграничных экономических отношений.

Новизна исследования заключается в анализе современных проблем пространственного развития трансграничных регионов, на которые особенное влияние оказывают санкции западных стран, проведение специальной военной операции на Украине, расширение списка недружественных стран, а также взаимодействие с дружественными странами. Вхождение

новых регионов в состав России (ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области) требует научного переосмысления в контексте проблем пространственного развития. В таких условиях выгода от пространственных преимуществ может снижаться.

Целью статьи, таким образом, является анализ современных актуальных проблем пространственного развития трансграничных регионов.

Достоверность представленных результатов основывается на методах теоретического анализа научной литературы, сравнительном анализе. Анализ работ российских исследователей позволил систематизировать теоретические и прикладные аспекты пространственного развития трансграничных регионов, а также уточнить сущность ключевых понятий, механизмы и формы пространственного развития.

Необходимо отметить значительный научный интерес к теоретическим и прикладным проблемам пространственного развития трансграничных регионов со стороны зарубежных исследователей. Данные исследования объединяет один общий признак: они проводятся в странах, где есть трансграничные регионы. Сравнение различных точек зрения позволило установить факторы, оказывающие негативное и положительное влияние на пространственное развитие трансграничных регионов, а также закономерности и неформальную сторону этих процессов.

Сущность понятия «трансграничный регион»

Анализ мнений ученых позволил установить, что понятие «регион» претерпело определенные трансформации под воздействием регионализации и интеграции. Данный феномен больше ассоциируется с динамичными процессами и сетями взаимодействий. Пространство региона охватывает разнородные территории. И, соответственно, расширяется классификация типов регионов. Одним из таких типов региона выступает трансграничный регион. Данное понятие требует теоретического осмысления.

Обращение к научной литературе позволяет констатировать, что именно в процессе формирования трансграничного региона его пространственно-административная модель искажается, теряются контуры, появляются мотивированные взаимодействия для решения общих проблем и получения взаимных выгод¹. В работах философов регион рассматривается как особенная форма восприятия пространства, культивируемая в индивидуальном и коллективном сознании [Головнёва 2015]. Представители географических наук полагают, что подобные пространственные феномены конструируют субъекты деятельности [Верлен 2001]. При таком подходе трансграничный регион принимает предписываемые очертания. Приведенные определения наводят на мысль о том, что трансграничный регион как искусственное образование само по себе не формируется и не развивается. Процесс создания трансграничного региона определяет комплекс географических и исторических закономерностей. Пространственная модель трансграничного региона, включающего территории ряда стран (не только пограничных и сконцентрированных на одной территории), нейтрализует значение фактора пространства, а граница приобретает слабо фиксированное значение, потому что такие регионы не имеют четких границ.

Трансграничные регионы, так же как и транснациональные регионы, имеют общие признаки: 1) непрерывность территории, учитывающая возможность организации транспортного сообщения (в том числе и по акватории); 2) органы управления, чьи решения формально представлены на международном уровне; 3) наличие тесных экономических связей с работающими

¹ Зарубина Л.А. Особенности трансграничного сотрудничества на Севере: социально-философские аспекты: дисс... канд. философ. наук. Архангельск, 2021.

в регионе трансграничными субъектами [Федоров, Корнеевец 2010]. Связи между территориями разных государств, административно-территориальных и муниципальных образований составляют основу для формирования трансграничных регионов.

В современных исследованиях подчеркивается, что трансграничное сотрудничество между регионами соседних стран способно улучшить их экономико-географическое положение. Активизации данного фактора способствуют ослабление барьерной функции и усиление контактной функции границы². При таком подходе потенциал географического положения приграничных регионов используется эффективно. С учетом этих условий трансграничные регионы следует определять в качестве территориальных социально-экономических систем специфического типа, максимально использующих свои внутренние особенности территории, нейтрализующих отрицательное влияние слабых и усиливающих сильные стороны регионов. При этом выгоду получают все субъекты взаимодействия. Трансграничное сотрудничество выступает формой пространственной организации международной деятельности.

Дополняют представления о сущности трансграничных регионов результаты исследований В.С. Корнеевца. По мнению исследователя, регионы данного типа формируют взаимодействия административно-территориальных и муниципальных образований, а также их хозяйствующих субъектов, негосударственных организаций и объектов социальной сферы³. В качестве форм взаимодействия исследователь рассматривает экономическую кооперацию и интеграцию, культурное и политическое сотрудничество. Усложняют понимание сущности трансграничных регионов наличие значительного числа уровней территориального сотрудничества, отличия субъектов, отсутствие иерархии между пространственными формами восприятия, взаимодействия и сотрудничества.

Новый взгляд на формирование трансграничных регионов представлен в исследовании П.А. Мицкевича. Объединение границ Польши и Евросоюза способствует формированию еврорегионов — трансграничных образований. Как считает исследователь, подобные образования позволяют преодолеть синдром периферийности, а также рационально применять местные ресурсы. Научный анализ функционирования еврорегионов Польши позволил П.А. Мицкевичу прийти к выводу о том, что трансграничные регионы могут отличаться по структуре хозяйственной деятельности, по уровню социально-экономического развития, по возможностям и барьерам для транснациональных процессов⁴.

Интересной для исследования сущности трансграничного региона является точка зрения, представленная в работе Л.А. Зарубиной. Исследователь определяет трансграничный регион как модель социального пространства⁵. А, как известно, социальные объекты формируются социальными действиями — оформлением (территориальным, символическим, институциональным), а также формированием региональной идентичности [Paasi 2011].

В конструировании трансграничного региона принимают участие акторы и медиаторы. Мотивы участия самые разные: взаимное культурное обогащение, получение общих выгод, решение общих проблем, получение дополнительных ресурсов [Neumann 1994]. В процессе формирования трансграничного региона могут принимать участие как формальные, так и неформальные акторы. В качестве последних выступают жители региона, эксперты, элиты

² Гуменюк Л.Г. Географические особенности трансграничного сотрудничества приграничных регионов России: автореферат дисс... канд. географ. наук. Калининград, 2017.

³ Корнеевец В.С. Транснациональные и трансграничные регионы как специфические формы территориальной организации общества: дисс... док. географ. наук. СПб., 2010.

⁴ Мицкевич П.А. Трансграничное сотрудничество регионов Польши в социально-экономическом развитии приграничных территорий: теория и практика: дис... док. экон. наук. СПб., 2004.

⁵ Зарубина Л.А. Особенности трансграничного сотрудничества на Севере: социально-философские аспекты: дисс... канд. философ. наук. Архангельск, 2021.

(интеллектуальные, политические). Отсюда вытекают основные способы конструирования трансграничных регионов: прямые контакты, сетевое взаимодействие, трансляция политических программных установок, а также обоснование общих проблем и способов их преодоления.

Трансграничный регион как объект пространственного развития

Феномен трансграничности напрямую связан с функциональной ролью границ и их основными характеристиками. Особенное значение имеет такая характеристика, как проницаемость границ, позволяющая рассматривать территорию как пространство для взаимодействия. Таким образом, проницаемость пространства обеспечивает трансграничность и установление социокультурных связей. При таком теоретическом подходе трансграничность следует определять как состояние пространства, в котором трансграничная территория может быть зоной конфликта, сотрудничества или образования нового государства. Состав трансграничных территорий формируют две и более приграничные территории, каждая из которых выступает звеном контактных структур [Кучинская 2011]. Эти положения распространяются и на территорию региона.

В современных исследованиях подчеркивается, что следствием глобальных процессов стала регионализация пространства. В процессе регионализации противопоставляются друг другу две ее основные особенности: мотивация к сохранению национальной идентичности и мотивация к конвергенции. Установлено, что трансграничные процессы приводят к размыванию границ [Герасименко, Лапаева 2012]. Сказанное убеждает, что трансграничные регионы — следствие длительных исторических и географических процессов. Ускорение глобализации определяет появление на карте пространства маргинальных территорий, концентрирующих в себе переходные зоны, сознание, состояния, что формирует специфическую идентификацию, проявляющуюся через отрицание. Такие трансграничные процессы отличает неопределенность и непредсказуемость. По этой причине исследования трансграничных регионов должны быть комплексными (учитывать демографию, экономику, геополитику, этнокультуру и т.п.), потому что определяют параметры их функционирования. Их комплексный учет с позиций исторических и географических тенденций позволяет прогнозировать развитие трансграничных регионов. Взаимодействие культур формирует новые культуры трансграничного региона, а пространственные связи порождают конвергенции и взаимное влияние. Ограничительная трансграничная политика способна влиять на пространство территории, что будет выражаться в дивергенции либо сепаратизме. Примеров такого взаимного влияния в трансграничном регионе достаточно. Так, например, научный сотрудник Женевского университета Е.В. Михайлова дает свою оценку динамике и тенденциям российско-китайского туризма за период 2014–2019 гг. Автор исследования подчеркивает, что девальвация российского рубля оказывает серьезное влияние как на модели потребления российских туристов, структуру туристического потока, так и на модели организации туристического бизнеса, взаимодействующего с российскими туристами. С опорой на мнение швейцарских и польских исследователей можно выделить важнейшую экономико-географическую закономерность организации трансграничного туризма: на специализацию китайского ритейла в отношении российских туристов оказывает значительное влияние уровень цен на аналогичные товары и услуги в России с учетом дифференциации доходов российских туристов [Михайлова 2021; Dołzbłasz, Raczyk 2012; Lara-Valencia et al. 2020].

Существуют различные точки зрения на границы пространства трансграничного региона. С одной стороны, выделяют административные, экономические и инфраструктурные пространства границы. С другой стороны, можно встретить точки зрения, согласно которым особенное значение имеет институциональное пространство. Некоторые ученые полагают, что трансграничный регион как институциональное пространство будет успешным, если сотрудничество двух и более приграничных территорий будет формировать институты для трансграничного сотрудничества [Зыков, Шинковский 2010]. Анализ факторов образования трансграничного региона позволил А.Б.Волынчуку [Волынчук 2009] и Я.А.Фроловой [Фролова 2009] заключить, что ведущим условием образования трансграничного региона следует считать пространственную неравномерность взаимодействующих регионообразующих факторов. Другие исследователи проблем трансграничного туризма обосновали и предложили «гравитационную» модель, объясняющую факторы, усиливающие мотивацию российских туристов к поездкам в Китай [Chow, Tsui 2019]. Решение этой локальной для науки задачи позволило исследователям прийти к выводу о существовании высокой корреляции между доходами от трансграничного российского туризма с валовым внутренним продуктом и экспортом на уровнях провинций. Эта тенденция говорит о высоком качестве государственного регулирования отрасли в Китае. На качество трансграничного взаимодействия могут оказывать влияние экономические закономерности: до 2014 г. сильный курс российского рубля позволил увеличить поток российских туристов из приграничных регионов; девальвация рубля уменьшила поток российских туристов, но увеличила поток китайских туристов в приграничные регионы России.

Ключевые элементы трансграничного региона (крупные населенные пункты, коммуникационные сети, контактные зоны, системы низового уровня) формируют структуру его пространства. Данная структура проявляется в устойчивых связях и отношениях, главной особенностью которых выступает расстояние связей [Цыренов 2012].

По мнению Г.М. Федорова и В.С. Корнеевца, ведущий критерий зрелых состоявшихся трансграничных регионов — это формальное закрепление международных договоров о сотрудничестве. В отдельных случаях в качестве таких критериев выступают ассоциации с органами управления в области сотрудничества. Авторы полагают, что в современных условиях трансграничная регионализации выступает приоритетом политики многих стран мира [Федоров, Корнеевец 2010]. Трансграничное сотрудничество рассматривается политиками как инструмент, стимулирующий пространственное развитие малоразвитых периферийных приграничных территорий стран. Основным мотивом такого пространственного развития муниципалитеты и субъекты экономической деятельности называют желание формировать региональные альянсы и получить дополнительную политическую власть. Для примера: негативную оценку качеству российско-китайского трансграничного сотрудничества дают китайские исследователи. По их мнению, к основным барьерам для трансграничной кооперации следует отнести: 1) непоследовательную политику федеральных властей в отношении региональной экономики; 2) провал программы трансграничного сотрудничества регионов Дальнего Востока с китайскими регионами [林宇璇 et al. 2022]. Мнение китайских исследователей разделяют российские ученые [Кондратенко 2018; Кузнецов, Кузнецова 2019, 70–71].

Теоретиками наработано несколько концепций пространственного развития трансграничных регионов: «регион — коридор развития», «еврорегион», биполярные и триполярные системы, треугольник роста, большие регионы, мегакоридоры, трансграничные

промышленные дистрикты, приморские трансграничные зоны, скандинавские группировки и др. Кроме того, сформировалось несколько моделей трансграничного регионализма (европейская, постсоветская, азиатская). Г.М. Федоров и В.С. Корнеевец подчеркивают, что формы трансграничного сотрудничества за относительно небольшой период времени претерпели эволюцию: появились новые формы (шопинг-туры, познавательный и рекреационный туризм, кооперация некоммерческих организаций, связи продавцов товаров и производителей и др.) [Федоров, Корнеевец 2010]. К примеру, в работе Н. Рыжовой и Ю. Корешковой предметом исследования стала оценка экономических процессов между российскими туристами и местным населением в российско-китайских трансграничных регионах. Авторы уделяют большое внимание проблеме организации неформальных экономических практик в трансграничных регионах. Они подчеркивают, что одна из целей туристических поездок россиян в Китай — организация неформальных экономических связей и неформальные рынки труда [Ryzhova, Koreshkova 2022]. Распространение цифровых технологий способствовало росту трансграничной онлайн-торговли: интерес российских туристов вызывает возможность покупки сравнительно недорогих китайских товаров без уплаты таможенных пошлин и налогов. Подобные «серые схемы» трансграничного бизнеса (контрабанда, челночная торговля, посредничество, подставные лица) сохраняются на приграничных территориях Российской Федерации, так как объемы подобных неформальных рынков недостаточно контролируются, а достоверные данные статистики отсутствуют. Новые тенденции развития туризма россиян в Китай определяет развитие онлайн-торговли. Появление Taobao и AliExpress породило услугу, связанную с приобретением товара и его доставкой на российскую границу. Кроме того, нелегальный рынок труда в Китае имеет достаточные масштабы. Подобная практика трансграничного туризма наблюдается во взаимодействии с другими странами. К примеру, в Пакистане купленные в Китае товары мелкими партиями вывозят ежедневными автобусными рейсами, избегая таможенных платежей. Ученые подчеркивают, что подобные формы туризма и трансграничной экономики выходят из-под влияния режима регуляторов.

К вопросу о методах изучения пространственного развития трансграничного региона

Особую значимость приобретает анализ существующих подходов к изучению пространственного развития регионов. Трансграничный регион как пространственная единица характеризуется специфическими особенностями. В качестве таковых следует рассматривать территориальную структуру экономики и территориальную систему расселения. Между собой они могут вступать в противоречия и определять появление социальных проблем. Концентрация промышленности, услуг, инвестиций, ресурсов в узловых точках влияет на концентрацию населения. Немаловажное значение имеет пространственная близость (либо удаленность) к ресурсам (их стоимость) и рынкам сбыта товаров и услуг. По этой причине подход к региональной политике должен быть дифференцированным: многообразие связей требует разных инструментов регулирования [Фомин 2018]. В отдельных исследованиях зонирование территорий предлагается осуществлять на основе пространственных критериев. Для реализации стратегии пространственного развития трансграничного региона важна выработка предложений, изложенных в стратегических планах развития муниципальных районов, о взаимодействии с системами других пространственных уровней на основе утвержденных схем территориального планирования региона и принимающих в этом участие муниципальных районов [Жирнель 2006].

Улучшение качественных характеристик пространственного развития трансграничного региона и его сбалансированного развития требует опоры на методологию пространственного планирования. Ключевым ее аспектом является учет интересов различных групп в области экономики, социума и экологии (местное население, хозяйствующие субъекты, региональные власти и муниципалитет). Итогом такого планирования является обоснование концепции и стратегии социально-экономического развития с горизонтом планирования на 10 лет с научно-обоснованной системой целей, механизмов реализации решений.

Не менее важное значение для пространственного развития территории трансграничного региона имеет использование программно-целевого метода. Его использование позволяет достичь задач реализации среднесрочных стратегий пространственного развития трансграничных регионов, представляющих механизм для корректировки долгосрочных стратегий региона. Для большей детализации стратегии пространственного развития используются комплексные и целевые отраслевые программы.

В диссертационном исследовании Е.В. Жирнеля приводится следующий алгоритм изучения проблем регионального пространственного развития: 1) анализ степени хозяйственного освоения территории (промышленность, сельское хозяйство, транспорт, туризм и др.); 2) анализ заселения территории (городская и сельская местность); 3) анализ закономерностей изменения структуры экономики и ее влияние на систему расселения; 4) определение центров и отраслей интенсивного экономического развития (ось роста, полюс роста); 5) использование закономерностей пространственного развития региона для обоснования стратегии социально-экономического развития региона. По мнению исследователя, использование данного алгоритма позволяет зонировать территорию региона с помощью критериев⁶.

Отдельные исследования доказывают наличие идеи β -конвергенции, при которой экономика бедных регионов растет быстрее, чем в богатых регионах. Базовым методом ее изучения выступает пространственный анализ. Такая условная конвергенция учитывает кластеризацию регионов, в том числе и по пространственному критерию, и наличие предельного значения данного критерия для всей изучаемой группы трансграничных регионов. Для этих целей применяется индекс пространственной автокорреляции Морана [Копотева 2020]. Если говорить о конвергенции экономик трансграничных регионов, то результаты оценки ученых показывают противоречивые результаты.

Анализ актуальных проблем пространственного развития трансграничных регионов

Изучение научной литературы и отечественного опыта пространственного развития территорий регионов позволило систематизировать комплекс наиболее актуальных проблем, решение которых поможет сделать эту деятельность органов государственной власти в регионах более эффективной.

Одной из центральных проблем теоретического и практического изучения пространственного развития трансграничных регионов является определение предмета исследования [Фомин 2018]. Как считает академик А.Г. Гранберг, к таковым следует относить потенциалы природы и людей, качество их жизни, точки опережающего роста, производственную и транспортную инфраструктуру [Гранберг 2006]. Однако на качество трансграничного взаимодействия в приграничных регионах влияют государственные границы и связанные с этим режимы. Приграничная политика является объектом жесткого государственного контроля.

⁶ Жирнель Е.В. Стратегическое управление пространственным развитием региона: на примере Республики Карелия: автореферат дис... канд. экон. наук. Петрозаводск, 2007.

Существующее многообразие связей в трансграничном регионе требует разных подходов к регулированию. Трансграничное сотрудничество способно развиваться до стадии координации экономического развития трансграничной территории. Однако оно может и прекратиться внезапно, нарушив все запланированное. Актуальной является идея реализации принципа субсидиарной ответственности в управлении трансграничной территорией, согласно которому для более эффективного исполнения полномочий федеральных органов исполнительной власти предлагается делегирование в трансграничные регионы отдельных полномочий.

Следующую группу проблем определяет наличие концептуального обеспечения пространственного развития трансграничных регионов. Многомерный и многоаспектный характер пространственного развития территорий определяется направленностью системы целей. Принятие «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» предоставляет как возможности, так и ограничения. Обращение к документу показывает, что в ближайших планах встраивание пограничных регионов в глобальную экономику не предусмотрено. В большей степени данный документ нацелен на уменьшение межрегиональных различий по критерию качества жизни местного населения [Шамахов, Межевич 2019]. В документе констатируется, что данная проблема является предметом внутренних региональных политик. По мнению П.А. Минакира, предлагаемые в данной Стратегии методологические подходы вступают в противоречия с представлениями о региональной пространственной экономике, так как в расчет не берутся такие предметы исследования пространственного развития трансграничных регионов, как межрегиональные связи, эффекты интеграции и специализации территорий [Минакир 2018].

Решение проблем пространственного развития трансграничных регионов в значительной степени тесно связано с земельным вопросом, сопровождающими его политическими и административными барьерами. В числе механизмов активизации пространственного развития выступают свободные экономические зоны, для которых земельный ресурс выступает в качестве ключевого. Его использование регулируется нормами более двадцати российских федеральных законов. Разрешенный вид использования земельных ресурсов и их целевое назначение определяют их принадлежность к конкретной категории, имеющей законодательное закрепление (земли, находящиеся в пределах государственной границы; земли этнических общностей; земли лесного и водного фонда; земли Министерства обороны РФ и т.д.).

Анализ практики показывает, что совершенствование подходов к использованию земельных ресурсов может оказать значительное влияние на инвестиционные процессы в свободных экономических зонах трансграничных регионов. Одним из таких трансграничных регионов является Приморский край, имеющий комплекс следующих проблем функционирования свободных экономических зон и пространственного развития:

- 1) дефицит земельных ресурсов. Территория региона располагает большим перечнем разновидностей земель разного целевого назначения и разного режима их пользования. Более половины земельного фонда Приморского края четко не разграничены. Это означает, что номенклатура участков земли для организации промышленного производства, сельского хозяйства и для другого назначения практически не сформирована. При таком подходе земли Приморского края ограничены в гражданском обороте. Данная специфика негативно сказывается на реализации инвестиционных проектов на территории свободных экономических зон Приморского края. Данное утверждение подтверждается функционированием территории свободной экономической зоны «Свободный порт Владивосток»:

инвесторы столкнулись с проблемами получения земельных участков для реализации инвестиционных проектов, так как участки относятся к землям военного лесничества (земли Министерства обороны РФ);

- 2) использование земель сельскохозяйственного назначения. Серьезную проблему представляет использование земли сельскохозяйственного назначения для массового строительства, а также организация производства на территориях опережающего развития. К тому же перевод земли в другую категорию представляет практическую сложность без составленного генплана. Данная проблема особенно затрагивает интересы инвесторов, проявляющих интерес к строительству ферм. Длительность данной административной процедуры обычно приводит к задержке запуска проектов, а также к проблемам выпадающих доходов;
- 3) деятельность крупных инвесторов в сфере землепользования. Формирование крупными инвесторами большого земельного фонда не лучшим образом сказывается на муниципальных экономических процессах: происходит вытеснение любых видов экономической деятельности из территорий муниципальных районов. К примеру, приход такого инвестора, как «Русагро», в Приморский край на территорию опережающего развития «Михайловский» привел к тому, что было выкуплено 80000 гектаров земли сельскохозяйственного назначения. Особенно пострадал бюджет Михайловского муниципального района, доходы которого сократились в 5 раз. В дальнейшем на территории района происходило вытеснение других производителей и дальнейшее поглощение компаний и предприятий.

Существуют и другие актуальные проблемы пространственного развития трансграничных регионов. Слабый учет особенностей развития трансграничного региона угрожает перспективам региональных процессов сотрудничества. Высокая степень совпадения национальных интересов сопредельных государств и сотрудничества между ними будет определять интенсивность процессов сотрудничества в масштабах трансграничного региона. В контексте научного осмысления проблем пространственного развития значительный интерес представляет анализ проблем трансграничного сотрудничества в Каспийском регионе.

Прикаспийские территории, принадлежащие России, Ирану, Казахстану, Туркменистану, формируют особую трансграничную структуру. Проблематика формирования транскаспийского региона находит отражение в ряде документов, принятых за период 1828–2014 гг. Внешняя политика и национальные интересы стран «каспийской пятерки» имеют региональное и национальное значение. Усиление и углубление связей между этими государствами будут определять формирование пространственных точек роста на территории транскаспийского региона⁷. Отдельные страны прикаспийской территории находятся в орбите национальных интересов (транзит углеводородов и товаров, рынок энергоресурсов) внешних по отношению к региону государств (США, Великобритания, Турция и Китай и связанные с ними транснациональные компании). Мотивационная интеграция растет [Косов, Литвишко 2015]. По мнению казахских исследователей, к примеру, США используют и поддерживают экономически и политически Азербайджан для ограничения любой пространственной активности Ирана в транскаспийском регионе [Алиядин, Курмангали 2017]. Исследователи констатируют, что ведущими направлениями трансграничного сотрудничества в Прикаспийском трансграничном регионе выступают следующие проекты: раздел дна и акватории каспийского моря; проблемы недропользования; нефтяная промышленность и связанная с ней инфраструктура;

⁷ Швецов И.В. Формирование территориальных «точек роста» как фактор развития региона: автореферат дис... канд. эконом. наук. М., 2005.

диверсификация экономических связей; борьба с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков; борьба за влияние в регионе и недопущение роста влияния в данном трансграничном регионе внешних игроков в ходе организации трансграничного сотрудничества (США, Китай, Великобритания и Турция и др.)⁸. Среди региональных игроков, не имеющих выходов к Каспийскому морю, но проявляющих интерес к этому трансграничному региону, особо следует выделить не имеющих выхода к морю Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан. Растет интерес к транскаспийскому торговому маршруту и у других стран Азии: Пакистана, Бангладеша, Индии.

Кроме того, в Прикаспийском регионе в трансграничном измерении существует значительный конфликтный потенциал. Вызванный приграничными, межконфессиональными, межэтническими, межнациональными разногласиями конфликтный потенциал усиливается под воздействием внешнего фактора — страны или группы стран, использующих любые средства для десуверенизации. В таких условиях развитие трансграничного сотрудничества усложняется. Неприсутствие вооруженных сил третьих стран на территории трансграничного региона прикаспийских государств является базовым принципом стабильного и устойчивого развития. Военная спецоперация на Украине влияет на логистику в Прикаспийском регионе, но формирует дополнительный конструктивный потенциал для развития транспортно-логистической архитектуры на территории Каспия «Север — Юг» и организации логистических хабов.

Важным звеном такого трансграничного взаимодействия выступает транспортная система Республики Дагестан, Астраханской области и Республики Калмыкия как регионов для отправки и доставки грузов, куда в 2022 г. планировались первые инвестиции⁹. Приходится констатировать, без инвестиций нынешний конкурентный и инфраструктурный потенциал этих регионов оценивается как низкий [Дорофеева 2019]. Изменить ситуацию сможет рост трансграничного грузооборота через российские международные транспортные коридоры: будет развиваться инфраструктура, появятся рабочие места, а также будет импульс для развития отраслей экономики [Тулохонов и др. 2021]. Следует полагать, данный инструмент будет важным политико-экономическим инструментом объединения трансграничного пространства.

Усложняет ситуацию в данном регионе граница, проходящая по акватории Каспийского моря. До сих пор официально не поделены зоны юрисдикции прикаспийских стран, на которых они смогут осуществлять свои экономические права. Нарботанный международным морским правом «принцип серединной линии» для определения границ в акватории трансграничных регионов прикаспийских стран (Иран, Туркменистан) не все принимают во внимание. Реализацию этого принципа также усложняет климатический фактор: ежегодно уровень воды в Каспийском море изменяется. Тем самым политико-правовой и климатический фактор усложняет пространственное развитие трансграничных регионов прикаспийских стран.

Выводы

Проблема пространственного развития трансграничных регионов отличается комплексностью и разнообразием представлений о предмете исследования. Направленное на выравнивание диспропорций социально-экономического развития пространственное развитие должно быть процессом, регулируемым со стороны государств (учет, типологизация территорий, передача отдельных полномочий, ослабление барьерной функции и усиление контактной функции границ). Такой подход позволит преобладать маркетинговым факторам

⁸ Литвишко О.М. Трансграничное сотрудничество как механизм обеспечения национальных интересов современной России в Каспийском регионе: автореферат дис... канд. полит. наук. Пятигорск, 2015.

⁹ «Большая пятёрка» Каспия. Как Россия и Иран делают транспортный путь «Север — Юг» реальностью независимого от Запада мира // Регионы России. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gosrf.ru/bolshaya-pyatyorka-kaspiya-kak-rossiya-i-iran-delayut-transportnyj-put-sever-yug-realnostyu-nezavisimogo-ot-zapada-mira/> (дата обращения: 24.06.2023).

(привлекательность для инвесторов) над географическими факторами (особенности местности). Среди критериев для типологизации трансграничных регионов следует выделить структуру хозяйственной деятельности, уровень социально-экономического развития, а также возможности и барьеры для организации трансграничных процессов.

Обращение к научной литературе позволяет рассматривать сущность пространственного развития региона в контексте применения комплекса методов исследования исторических, философских, географических, политических, экономических, социологических наук. Трансграничный регион следует понимать как модель пространственного развития территориальных социально-экономических систем, реализуемую на основе сложных сетевых взаимодействий, прямых контактов формальных и неформальных субъектов, акторов и институтов. Основными признаками трансграничного региона выступают органы управления, тесные экономические связи (конвергенция и влияние) субъектов, непрерывность территории. Формируют трансграничный регион устойчивые связи и отношения, формы которых, в зависимости от географии, сильно эволюционировали. Организация трансграничной кооперации между территориями приграничных регионов рассматривается как механизм развития слабо развитых территорий.

Основу для исследования пространственного развития составляет комплексный подход, необходимый для изучения политики, демографии, экономики и культуры. Улучшение качественных характеристик пространственного сбалансированного развития трансграничного региона требует опоры на пространственное планирование. Программно-целевой метод позволяет обосновать стратегии пространственного развития. В отдельных исследованиях можно встретить четкие алгоритмы проведения структурно-функционального анализа проблем пространственного развития региона. Определение точек роста изучается с помощью инструментов пространственного анализа (автокорреляция Морана).

Реализация на практике принципа транспарентности дает возможность интенсивно эксплуатировать контактную функцию границы. Транспарентность пространства трансграничного региона, так же как и в других зонах (например, в свободной экономической зоне), направлена на организацию более гибких режимов налаживания трансграничных взаимодействий, позволяющих эффективно сочетать принципы государственного суверенитета с трансграничной экономической кооперацией.

Анализ теоретических и прикладных проблем пространственного развития территорий трансграничных регионов Российской Федерации позволяет выделить ряд актуальных проблем по этому направлению: 1) сложность представлений о предмете исследования; 2) ограничения пространственного развития трансграничных регионов, определяемые концептуальным и методологическим обеспечением, которые не учитывают разнообразие предметов исследования в области пространственного развития; 3) существующая практика землепользования в трансграничных регионах (свободные экономические зоны); 4) недостаточный учет особенностей пространственного развития трансграничных регионов: показательным является пример транскаспийского региона, систему которого формируют, с одной стороны, трансграничные регионы России, с другой — Казахстана, Туркменистана, Азербайджана и Ирана.

Теоретический анализ научной литературы показывает, что ниша катализаторов пространственного развития трансграничных регионов и их связи с ресурсной обеспеченностью регионов исследованы недостаточно. По этой причине перспективы дальнейших исследований авторы связывают с определением катализаторов пространственного развития для трансграничных регионов.

Список литературы:

- Алиядин Ж., Курмангали А.К. Проблема транскаспийского региона: позиция Ирана // Вестник КазНПУ. 2017. № 3–4. С. 262–267.
- Верлен Б. (пер. с английского Светлана Баньковская) Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001. № 2. С. 26–47.
- Волынчук А.Б. Трансграничный регион: теоретические основы геополитического исследования // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С. 49–55.
- Герасименко Т.И., Лапаева М.Г. Формирование трансграничных регионов как пространственно временной результат трансграничного взаимодействия // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 2. С. 298–302.
- Головнёва Е.В. Регион как социальный конструкт // Социум и власть. 2015. № 6. С. 58–63.
- Гранберг А.Г. Экономическое пространство России // Экономика и управление. 2006. № 2. С. 11–15.
- Дорофеева Л.В. Перспективы развития торговых отношений в Каспийском регионе для Российской Федерации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 4. С. 47–51.
- Жирнель Е.В. Планирование пространственной организации региона в системе территориального стратегического управления (на примере Республики Карелия) // Российский экономический интернет-журнал. 2006. № 4. URL: <https://www.e-rej.ru/Articles/2006/Zhirnel.pdf>
- Зыков А.А., Шинковский М.Ю. Трансграничность с точки зрения политической науки // Трансграничный регион. Понятие, сущность, форма / под ред. П.Я. Бакланова, М.Ю. Шинковского. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 29–44.
- Кондратенко Г.В. Приграничный туризм: перспективы и вызовы российско-китайского сотрудничества // Известия Восточного института. 2018. № 40(4). С. 94–112. DOI: [10.24866/2542-1611/2018-4/94-112](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/94-112)
- Копотева А.В. Анализ β -конвергенции региональных среднедушевых потребительских расходов в Российской Федерации // Теоретическая экономика. 2020. № 9. С. 51–60.
- Косов Г.В., Литвишко О.М. Каспийский регион в системе международных регионов // Вестник Волгоградского государственного университета. Международные отношения. 2015. Т. 20. № 6. С. 111–117. DOI: [10.15688/jvolsu4.2015.6.14](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.6.14)
- Кузнецов А.В., Кузнецова О.В. Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 4. С. 58–75. DOI: [10.5922/2079-8555-2019-4-4](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-4-4)
- Кучинская Т.Н. Трансграничный регион как форма социокультурного пространства: в поисках когнитивной модели исследования // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5045>
- Минакир П.А. «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 8–20. DOI: [10.14530/se.2018.4.008-020](https://doi.org/10.14530/se.2018.4.008-020)
- Михайлова Е.В. Приграничный туризм на российско-китайской границе 2014–2019 // Известия РАН. Серия географическая. 2021. Т. 85. № 3. С. 341–354. DOI: [10.31857/S2587556621030109](https://doi.org/10.31857/S2587556621030109)
- Тулохонов А.К., Михеева А.С., Батомункуев В.С., Болданов Т.А. Международные транспортные коридоры в пространственном развитии страны // Трансграничные территории Востока России: факторы, возможности и барьеры развития: материалы международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 6–8 сентября 2021 г.). Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2021. С. 18–29.

Федоров Г.М., Корнеевец В.С. О сущности и соотношении понятий «регион», «международный», «транснациональный» и «трансграничный» регион // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 3. С. 8–15.

Фомин М.В. Пространственное развитие и трансграничное сотрудничество // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. Т. 1. Ч. 2. С. 337–341.

Фролова Я.А. Анализ трансграничного взаимодействия российского Дальнего Востока и Северо-восточного Китая в годы Гражданской войны и интервенции (1918–1922 гг.) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2009. № 1. С. 64–73.

Цыренов О.Ч. Регионализация и регионализм: понятие и классификация // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 9. С. 35–39.

Шамахов В.А., Межевич Н.М. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: экономические возможности и управленческие ограничения. Статья первая // Управленческое консультирование. 2019. № 4. С. 19–27. DOI: [10.22394/1726-1139-2019-4-19-27](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-4-19-27)

Chow C.K.W., Tsui W.H.K. Cross-Border Tourism: Case Study of Inbound Russian Visitor Arrivals to China // International Journal of Tourism Research. 2019. Vol. 21. Is. 5. P. 693–711. DOI: [10.1002/jtr.2297](https://doi.org/10.1002/jtr.2297)

Dołzbłasz S., Raczyk A. Transborder Openness of Companies in a Divided City: Zgorzelec/Görlitz Case Study // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2012. Vol. 103. Is. 3. P. 347–361.

Lara-Valencia F., Dołzbłasz S. Border-City Pairs in Europe and North America: Spatial Dimensions of Integration and Separation // Twin-Cities: Urban Communities, Borders and Relationships over Time / ed. by J. Gerrard, E. Mikhaylova. London: Routledge, 2020. P. 176–190.

Neumann I.B. A Region-Building Approach to Northern Europe // Review of International Studies. 1994. Vol. 20. Is. 1. P. 53–74.

Paasi A. The Region, Identity, and Power // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2011. Vol. 14. P. 9–16. DOI: [10.1016/j.sbspro.2011.03.011](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.03.011)

Ryzhova N., Koreshkova Iu. WeChat as Migration Infrastructure. The Case of Chinese-Russian Precarious Labour Markets // WeChat and the Chinese Diaspora / ed. by W. Sun, H. Yu. London: Routledge, 2022. P. 38–56.

林宇璇, 周育良, 王超然. 加强文化交流以促进满洲里口岸外贸转型升级的路径研究 // 对外经贸. 2018. № 3. DOI: [ojn51r6xjr/1960137](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.03.011) [Линь Юйсюань, Чжоу Юлиан. Ван Чаоран. Исследование путей укрепления культурных обменов для содействия преобразованию и модернизации внешней торговли в порту Маньчжурия // Внешняя торговля и экономическое сотрудничество. 2018. № 3. DOI: [ojn51r6xjr/1960137](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.03.011)].

References:

Aliyadin Zh., Kurmangali A.K. (2017) Problema transkaspiskogo regiona: pozitsiya Irana [The problem of the Trans-Caspian region: Iran's position]. *Vestnik KazNPU*. No. 3–4. P. 262–267.

Chow C.K.W., Tsui W.H.K. (2019) Cross-Border Tourism: Case Study of Inbound Russian Visitor Arrivals to China. *International Journal of Tourism Research*. Vol. 21. Is. 5. P. 693–711. DOI: [10.1002/jtr.2297](https://doi.org/10.1002/jtr.2297)

Dorofeeva L.V. (2019) Prospects of Development of Trade Relations in the Caspian Region for the Russian Federation. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. No. 4. P. 47–51.

Dołzbłasz S., Raczyk A. (2012) Transborder Openness of Companies in a Divided City: Zgorzelec/Görlitz Case Study. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. Vol. 103. Is. 3. P. 347–361.

- Fedorov G.M., Korneevets V.S. (2010) On Essence and Correlation of “Region” and “International”, “Transnational” and “Transboundary” Region Concepts. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. No. 3. P. 8–15.
- Fomin M.V. (2018) Prostranstvennoe razvitiye i transgranichnoye sotrudnichestvo [Spatial development and cross-border cooperation]. *Bol'shaya Yevraziya: razvitiye, bezopasnost', sotrudnichestvo*. Moscow: Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennyim naukam RAN. Vol. 1. Part 2. P. 337–341.
- Frolova Ya.A. (2009) Analiz transgranichnogo vzaimodeystviya rossiyskogo Dal'nego Vostoka i Severo-vostochnogo Kitaya v gody Grazhdanskoj vojny i interventsii (1918–1922 gg.) [Analysis of cross-border interaction between the Russian Far East and Northeast China during the Civil War and Intervention (1918–1922)]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. No. 1. P. 64–73.
- Gerasimenko T.I., Lapaeva M.G. (2012) Formation Trans-Border Regions in the Context of Historical-Geographical Features of the Interaction. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2. P. 298–302.
- Golovneva E.V. (2015) A Region as a Social Construct. *Sotsium i vlast'*. No. 6. P. 58–63.
- Granberg A.G. (2006) Economic Space of Russia. *Ekonomika i upravleniye*. No. 2. P. 11–15.
- Kondratenko G.V. (2018) Cross-Border Tourism: Prospects and Challenges of Russian-Chinese Cooperation. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. No. 4. P. 94–112. DOI: [10.24866/2542-1611/2018-4/94-112](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/94-112)
- Kopoteva A.V. (2020) The Analysis of Average Regional Consumers' Expenses β -Convergence in Russian Federation. *Teoreticheskaya ekonomika*. No. 9. P. 51–60.
- Kosov G.V., Litvishko O.M. (2015) Caspian Region in the System of International Regions. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Mezhdunarodn-yye otnosheniya*. No. 6. P. 111–117. DOI: [10.15688/jvolsu4.2015.6.14](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.6.14)
- Kuchinskaya T.N. (2011) Transgranichnyy region kak forma sotsiokul'turnogo prostranstva: v poiskakh kognitivnoy modeli issledovaniya [Cross-border region as a form of socio-cultural space: In search of cognitive model of study]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. No. 6. Available: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5045>
- Kuznetsov A.V., Kuznetsova O.V. (2019) The Changing Role of Border Regions in the Regional Policies of the EU and Russia. *Baltiyskiy region*. Vol. 11. No. 4. P. 58–75. DOI: [10.5922/2079-8555-2019-4-4](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-4-4)
- Lara-Valencia F., Dołzbłasz S. (2020) Border-City Pairs in Europe and North America: Spatial Dimensions of Integration and Separation. In: Gerrard J., Mikhaylova E. (eds.) *Twin-Cities: Urban Communities, Borders and Relationships over Time*. London: Routledge. P. 176–190.
- Mikhailova E.V. (2021) Cross-Border Tourism on the Russian-Chinese Border 2014–2019: Customization of the Service Sectors of Border Cities for Chinese Tourists. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. Vol. 85. No. 3. P. 341–354. DOI: [10.31857/S2587556621030109](https://doi.org/10.31857/S2587556621030109)
- Minakir P.A. (2018) Spatial Development Strategy: A View from the Concepts of Spatial Organization in the Economy. *Prostranstvennaya ekonomika*. No. 4. P. 8–20. DOI: [10.14530/se.2018.4.008-020](https://doi.org/10.14530/se.2018.4.008-020)
- Neumann I.B. (1994) A Region-Building Approach to Northern Europe. *Review of International Studies*. Vol. 20. Is. 1. P. 53–74.
- Paasi A. (2011) The Region, Identity, and Power. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Vol. 14. P. 9–16. DOI: [10.1016/j.sbspro.2011.03.011](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.03.011)
- Ryzhova N., Koreshkova Iu. (2022) WeChat as Migration Infrastructure. The Case of Chinese-Russian Precarious Labour Markets. In: Sun W., Yu H. (eds.) *WeChat and the Chinese Diaspora*. London: Routledge. P. 38–56.

Shamakhov V.A., Mezhevich N.M. (2019) The Strategy of Spatial Development of the Russian Federation until 2025: Economic Opportunities and Administrative Restrictions. First Article. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. No. 4. P. 19–27. DOI: [10.22394/1726-1139-2019-4-19-27](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-4-19-27)

Tsyrenov O.Ch. (2012) Regionalization and Regionalism: Definition and Classification. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 9. P. 35–39.

Tulokhonov A.K., Mikheeva A.S., Batomunkuev V.S., Boldanov T.A. (2021) International Transport Corridors in the Spatial Development of the Country. *Transgranichnyye territorii Vostoka Rossii: faktory, vozmozhnosti i bar'yery razvitiya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ulan-Ude, 6–8 September 2021)*. Ulan-Ude: Buryatskiy gosudarstvennyy universitet imeni Dorzhi Banzarova. P. 18–29.

Verlen B. (Transl. by: Svetlana Ban'kovskaya) (2001) Society, Action and Space. *Alternative Social Geography. Sociologicheskoe obozrenie*. No. 2. P. 26–47.

Volinchuk A.B. (2009) The Trans-Boundary Region: Theoretical Background of Geopolitical Research. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. No. 4. P. 49–55.

Zhirnel' E.V. (2006) Planirovaniye prostranstvennoy organizatsii regiona v sisteme territorial'nogo strategicheskogo upravleniya (na primere Respubliki Kareliya) [Planning of the spatial organization of the region in the system of territorial strategic management (on the example of the Republic of Karelia)]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy internet-zhurnal*. No. 4. Available at: <https://www.e-rej.ru/Articles/2006/Zhirnel.pdf>

Zykov A.A., Shinkovskiy M.Yu. (2010) Transgranichnost' s tochki zreniya politicheskoy nauki [Trans-boundary from political science point of view]. In: Baklanov P.Ya., Shinkovskiy M.Yu. *Transgranichnyy region. Ponyatiye, sushchnost', forma*. Vladivostok: Dal'nauka. P. 29–44.

林宇璇, 周育良, 王超然 (2018) 加强文化交流以促进满洲里口岸外贸转型升级的路径研究. *对外经贸*. No. 3. DOI: [ojn51r6xjr/1960137](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-3-19-27) [Lin Yuxuan, Zhou Yuliang, Wang Chaoran. (2018). Research on the path to strengthen cultural exchanges to promote the transformation and upgrading of foreign trade at Manzhouli Port. *Foreign trade and economic cooperation*. No. 3. DOI: [ojn51r6xjr/1960137](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-3-19-27)].

Дата поступления/Received: 19.03.2023

Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации: мониторинг и контроль реализации

Шпакова Раиса Николаевна

Кандидат географических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет) (МГИМО), Москва, РФ.

E-mail: production2003@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [1931-4127](#)

ORCID ID: [0000-0002-9916-0113](#)

Городецкий Дмитрий Игоревич

Доктор экономических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) (МГИМО), Москва, РФ.

E-mail: gorod1949@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [6704-0340](#)

ORCID ID: [0000-0002-3052-1371](#)

Аннотация

Предметом рассмотрения настоящей статьи являются проблемы организации мониторинга и контроля реализации региональных стратегий социально-экономического развития в Российской Федерации. Фактическое состояние организации мониторинга и контроля определялось по материалам 83 региональных стратегий. Установлено, что слабое нормативное и методическое регулирование снижает потенциал контрольных мероприятий при совершенствовании процессов стратегического управления. Начать реорганизацию системы мониторинга и контроля реализации стратегий предложено с уточнения понятий мониторинга и контроля с последующим разделением и конкретизацией их задач. В основу дифференциации положено представление о мониторинге как о сборе, систематизации необходимой для контроля информации и ее наиболее простой первичной обработке, а о контроле как о глубоком анализе полученной информации с конечной целью повышения эффективности функционирования системы стратегического планирования. Обосновывается предложение передать функции мониторинга и контроля реализации стратегий контрольно-счетным органам субъектов Российской Федерации по следующим основаниям: независимый по отношению к исполнительным органам власти статус контрольно-счетных органов является фактором, обеспечивающим повышение уровня объективности контроля; контрольно-счетные органы наделены широким набором контрольных полномочий, причем не только в бюджетно-финансовой сфере, но и в ряде иных разделов государственного управления, что подразумевает достаточный уровень компетентности в рассматриваемой сфере; Счетная палата Российской Федерации имеет опыт аудита национальных проектов. При этом содержание и результаты соответствующих экспертно-аналитических мероприятий полностью соответствуют задачам мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования, поставленным в законодательстве. С учетом этого Счетная палата Российской Федерации может осуществлять методическое руководство при осуществлении мониторинга и контроля стратегий региональными контрольно-счетными органами.

Ключевые слова

Стратегия социально-экономического развития, региональная стратегия, мониторинг реализации стратегии, контроль реализации стратегии, контрольно-счетные органы.

Socio-Economic Development Strategies of the Russian Federation Regions: Implementation Monitoring and Control

Raisa N. Shpakova

DSc (Geographical sciences), Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: production2003@mail.ru

ORCID ID: [0000-0002-9916-0113](#)

Dmitriy I. Gorodetskiy

DSc (Economics), Professor, MGIMO University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: gorod1949@mail.ru

ORCID ID: [0000-0002-3052-1371](#)

Abstract

The subject of this article is the problems of organization of implementation monitoring and control of regional strategies of socio-economic development in the Russian Federation. The actual state of the monitoring and control organization was determined based on the materials of 83 regional strategies. It is established that weak regulatory and methodological regulation reduces the potential of control measures in improving strategic management processes. It is proposed to begin the reorganization of the monitoring and control system for the implementation of strategies by clarifying the concepts of monitoring and control, followed by separation and specification of their tasks. The differentiation is based on the idea of monitoring as the collection, systematization of information necessary for control and its simplest primary processing, and control as a deep analysis of the information received with the ultimate goal of improving the efficiency of the strategic planning system. The proposal is substantiated to transfer the functions of monitoring and controlling the implementation of strategies to the control and accounting bodies of the subjects of the Russian Federation, and at the federal level to the Accounts Chamber of the Russian Federation on the following grounds: the independent status of the control and accounting bodies in relation to the executive authorities is a factor that ensures an increase in the level of objectivity of control; control and accounting bodies are endowed with a wide range

of control powers, not only in the budgetary and financial sphere, but also in a number of other sections of public administration, which implies a sufficient level of competence in this area; The Accounts Chamber of the Russian Federation has experience in auditing national projects. At the same time, the content and results of the relevant expert-analytical activities fully correspond to the tasks of monitoring and controlling the implementation of strategic planning documents set out in the legislation. With this in mind, the Accounts Chamber of the Russian Federation can provide methodological guidance in the monitoring and control of strategies by regional control and accounting bodies.

Keywords

Socio-economic development strategy, regional strategy, strategy implementation monitoring, strategy implementation control, control and accounting state bodies.

Введение

Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон)¹ определил, что одной из задач стратегического планирования является организация мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования. С момента принятия данного Федерального закона в научных публикациях отмечалось недостаточное нормативное и методическое регулирование процессов мониторинга и контроля.

В частности, высказывалось мнение о том, что применение большого числа разноуровневых показателей существенно затрудняет мониторинг и контроль [Сургуладзе 2016]. Кроме того, признавалось, что чрезмерное количество показателей, отсутствие единого методического подхода их определения усложняют контроль за реализацией документов стратегического планирования и нарушают принцип прозрачности стратегического планирования [Plotnikov et al. 2015]. Отмечалось также широкое применение показателей с недостаточным уровнем формализации, что затрудняло измеримость результатов запланированных мероприятий, отслеживание эффективности документов стратегического планирования и сравнение их между собой [Кузнецов, Побываев 2020, 59].

Политический характер государственных стратегических планов автоматически выводит их в область принятия государственных решений на основе консенсуса и сотрудничества с гражданским обществом [Bryson et al. 2010], а признание мнений и позиций заинтересованных сторон считается одной из главных целей стратегического планирования [Berry 2007]. Данный принцип находит свое выражение в действующем законодательстве только применительно к процессу обсуждения проектов документов стратегического планирования. В то же время результаты их реализации являются «внутренним делом» только органов исполнительной власти. Обсуждение результатов не предусмотрено. Отсутствие общественного, вневедомственного контроля хода и результатов реализации документов стратегического планирования признается в качестве серьезного недостатка системы стратегического планирования [Добкин 2021, 173–174].

Кроме того, отмечается отсутствие оперативной актуализации документов стратегического планирования [Смирнова 2020]. Данная проблема является прямым следствием не вполне отработанных механизмов мониторинга и контроля. Этой же причиной обуславливается недостаточная гибкость документов стратегического планирования, то есть отсутствие обновления стратегии как в плане корректировки направления движения, так и в плане смены механизмов управления в условиях растущей неопределенности внешней среды [Klimenko, Kalgin 2018].

Принятые в развитие Федерального закона нормативные акты методического характера практически не затрагивали указанных проблем и мало способствовали решению поставленных перед мониторингом и контролем задач.

¹ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 24.04.2023).

В научных публикациях имели место предложения по решению некоторых из указанных выше проблем. В частности, рассматривалась методика по оценке результативности документов стратегического планирования на примере анализа достижений национальных целей развития Российской Федерации [Липина и др. 2019].

Среди попыток разработки подходов к реформированию системы мониторинга и контроля можно отметить разработку методологических подходов к организации мониторинга стратегии применительно к стратегиям социально-экономического развития макрорегионов [Безлепкин, Булдакова 2017].

Согласно Основным направлениям деятельности Правительства Российской Федерации², среди мер, которые должны быть предприняты в развитие системы стратегического управления, значится формирование порядка мониторинга достижения целей и задач проектов на основе существенного упрощения регламентных процедур, документооборота и отчетности.

Таким образом, как в научных исследованиях, так и в нормативных документах признается наличие проблем в практике мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования и необходимость совершенствования регулятивных и методических подходов к их осуществлению. В связи с этим тема настоящей статьи представляется достаточно актуальной, а попытка выработки указанных подходов по отношению к отдельным проблемам является целью, поставленной авторами в этой статье. В частности, авторы сосредоточились на уточнении законодательных формулировок мониторинга и контроля и, как следствие, круга задач, которые должны решаться в рамках этих этапов стратегического планирования. Кроме того, сделана попытка обосновать передачу контрольных полномочий региональным контрольно-счетным органам.

Материалы и методы

К настоящему времени процесс обновления региональных стратегий, активизировавшийся начиная с 2018 года, почти завершен. Из рассмотренных 83 стратегий субъектов Российской Федерации большинство приняты (или скорректированы, актуализированы) в последние 6 лет: в период 2018–2020 гг. — 24 стратегии, в период 2021–2023 гг. — 51 стратегия, остальные 17 стратегий приняты ранее 2018 года.

Горизонт планирования в стратегиях различен: в 7 стратегиях его предел приходится на 2025–2026 гг., в 47 стратегиях — на 2030–2032 гг., в 28 стратегиях — на 2035–2040 гг., в 1 стратегии предельный срок планирования не определен, но ключевые показатели рассчитаны до 2030–2031 гг. (Стратегия Калининградской области³).

В соответствии с целями настоящей статьи анализу подвергались разделы стратегий, посвященные мониторингу и контролю. При наличии в стратегиях ссылок на региональные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы организации стратегического планирования, включая и организацию мониторинга и контроля, анализу подлежали и данные документы.

Предметом анализа явились также официальные методические рекомендации по мониторингу и контролю.

² Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/554168464> (дата обращения: 21.03.2023).

³ Стратегия социально-экономического развития Калининградской области на долгосрочную перспективу // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/469728648> (дата обращения: 21.03.2023).

Методом сравнительного анализа определялось соответствие сформулированных положений об организации мониторинга и контроля требованиям Федерального закона, методическим рекомендациям федеральных органов власти.

При решении концептуальных задач применялись методы формально-логического анализа, такие как методы конструирования понятий (в частности, при формулировании определений мониторинга и контроля реализации стратегий, предлагаемых для применения в действующем законодательстве), анализа и обобщения (при рассмотрении организации процессов мониторинга и контроля в массиве действующих региональных стратегий субъектов Российской Федерации). При анализе нормативных правовых актов применялся формально-юридический метод, позволивший переформатировать содержание задач мониторинга и контроля, обосновать наличие достаточных компетенций контрольно-счетных органов.

Организация мониторинга и контроля реализации региональных стратегий

В дальнейшем изложении для экономии объема под словосочетанием «мониторинг и контроль» понимается мониторинг и контроль реализации стратегических документов вообще или реализации региональных стратегий в частности.

Положения о порядке мониторинга и контроля, чаще всего выделенные в специальный раздел стратегии, содержатся в 59 стратегиях из 83 рассмотренных. В 15 стратегиях имеются ссылки на региональные нормативные акты, регулирующие процедуры мониторинга и контроля стратегий.

В 9 стратегиях предусмотрены меры по совершенствованию процедур мониторинга и контроля. В частности, речь идет о таких направлениях, как расширение перечня задач (по сравнению с перечнем задач, указанных в Федеральном законе), ставящихся перед мониторингом и контролем (Владимирская область), совершенствование системы информационно-статистического обеспечения (Воронежская область, Ханты-Мансийский автономный округ), требование о транслировании показателей выполнения стратегических задач в региональных государственных программах, разработка критериев эффективности реализации стратегии (Смоленская область, Ямало-Ненецкий автономный округ), использование при оценке реализации стратегии «комплексного экономического анализа с применением экономико-статистических методов и методик» (Калининградская область).

Указанные меры обозначены в самом общем виде, порядок их реализации в стратегиях никак не закреплён, и фактов, свидетельствующих о каком-либо движении в данных направлениях, обнаружить не удалось. Тем не менее можно сделать вывод о пусть нечасто проявляемой и, видимо, пока не реализованной, но имеющей место неудовлетворенности разработчиков стратегий действующей системой мониторинга и контроля.

В подавляющем большинстве регионов процесс мониторинга и контроля выстроен следующим образом. Ответственные исполнители мероприятий плана реализации стратегии подводят итоги реализации плана и государственных программ субъекта Российской Федерации, каждый по своему отраслевому направлению, затем департамент (министерство) экономического развития обобщает и анализирует полученные отчеты. В ряде стратегий данный этап мониторинга обозначается как контроль реализации стратегии⁴. Результаты такого аналитического обобщения ложатся в основу годового отчета об итогах деятельности высшего исполнительного органа власти и доклада об эффективности государственных программ. Как правило, с отчетом выступает глава

⁴ См.: Стратегия социально-экономического развития Республики Марий Эл на период до 2030 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446647066> (дата обращения: 16.02.2023).

региона или глава правительства. Такой порядок в целом соответствует порядку, установленному Федеральным законом. При этом в полном объеме задачи, поставленные в Федеральном законе перед указанными документами, не решаются. В частности, отчет о результатах деятельности содержит обзор достижений региона в социально-экономическом развитии. Не размещают в отчетах аналитические материалы о недоработках в деле достижения тех или иных показателей, о качестве разработки документов стратегического планирования как таковых. В отчетных докладах не фигурируют предложения по повышению эффективности системы стратегического планирования. Как следствие, определенные в законодательстве цели мониторинга не достигаются.

В исследованных нами стратегиях социально-экономического развития в подавляющем большинстве случаев органом, ответственным за контроль и мониторинг стратегии, определен департамент (министерство) экономического развития, в 1 случае — департамент по делам предпринимательства, торговли и сферы услуг (Владимирская область), в 4 стратегиях (Кировская, Свердловская, Тамбовская области, Хабаровский и Красноярский края) — правительство или администрация региона.

В стратегиях некоторых регионов продекларирован выход в перспективе за рамки стандартного подхода. Так, в Стратегии Республики Татарстан предусмотрено введение в структуру Министерства экономики специального подразделения, ответственного за мониторинг, корректировку и обновление Стратегии, — Бюро анализа реализации Стратегии (БАРС)⁵.

В Стратегии Республики Северная Осетия — Алания⁶ предполагается создание системы вневедомственного мониторинга достижения целевых показателей и ситуационного анализа. В Стратегии Приморского края⁷ при проведении мониторинга предусмотрено расширение полномочий Общественной палаты.

В ряде стратегий развитие мониторинга и контроля реализации связывается с созданием коллегиального контрольного органа, включающего представителей исполнительной и законодательной властей (Стратегия Томской области⁸), а также наряду с ними представителей гражданского общества, предпринимательского сообщества (Стратегия Красноярского края⁹), глав муниципальных образований, общественности (Стратегия Воронежской области¹⁰).

Конкретные нормативные правовые акты, реализующие на практике указанные выше проекты реформирования системы мониторинга и контроля реализации стратегий, не были приняты, но важно отметить, что в ряде случаев разработчики стратегий отмечали неэффективный характер действующей системы контроля.

⁵ О внесении изменений в Закон Республики Татарстан «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553231724?marker> (дата обращения: 14.02.2023).

⁶ Стратегия социально-экономического развития Республики Северная Осетия — Алания до 2030 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561543525> (дата обращения: 14.02.2023).

⁷ Стратегия социально-экономического развития Приморского края до 2030 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550322279> (дата обращения: 15.02.2023).

⁸ Стратегия социально-экономического развития Томской области до 2030 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/467920053> (дата обращения: 03.04.2023).

⁹ Стратегия социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550243058> (дата обращения: 04.04.2023).

¹⁰ Стратегия социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550300779> (дата обращения: 02.04.2023).

Наиболее интересные в контексте настоящего исследования и в то же время законодательно оформленные решения приняты в Смоленской области¹¹ и Республике Бурятия¹². В обоих регионах узаконено участие в мониторинге и контроле региональных контрольно-счетных органов. Однако каких-либо материалов о функционировании данного механизма обнаружено не было.

Трансформация задач мониторинга и контроля

Определение мониторинга и контроля, данное в п. 8) ст. 3 Федерального закона, включает в себя комплексную оценку хода и итогов реализации документов стратегического планирования и оценку взаимодействия участников стратегического планирования, причем взаимодействия не вообще в ходе реализации, а в части соблюдения принципов стратегического планирования и в части реализации ими полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Полагаем, что законодатель, указав в ст. 7 Федерального закона перечень принципов стратегического планирования, утвердил положение, в котором все функционирование системы стратегического планирования и вся деятельность участников должны им подчиняться. В связи с этим излишне делать упор на следование данным принципам в одном из направлений деятельности. Оценка реализации полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности вряд ли может быть принята в качестве составляющей мониторинга и контроля, так как эта деятельность явно выходит за рамки стратегического планирования, а следовательно, и за пределы предмета регулирования Федерального закона: этим предметом охватываются отношения только в сфере стратегического планирования, а не управления социально-экономическим развитием в целом.

Наконец, если исходить из комплексного характера оценки заявленного в определении мониторинга и контроля, то и оценка эффективности взаимодействия участников, и оценка степени реализации ими своих полномочий должны охватываться понятием «комплексности» как одни из основных составляющих оценки любой организованной коллективной деятельности. Поэтому целесообразнее было бы сократить определение до следующего вида: мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования — деятельность по комплексной оценке хода и итогов реализации документов стратегического планирования.

Как общее определение мониторинга и контроля такая формулировка вполне допустима, но проблема применимости одного определения по отношению к двум понятиям остается, и в науке отмечается ошибочность такого подхода [Добкин 2021, 171]. Эта проблема не только формально-юридическая. Она влечет за собой отсутствие оснований для построения эффективной системы мониторинга и контроля, что мы покажем ниже.

Дифференцировать содержание мониторинга и контроля реализации стратегических документов можно было бы исходя из целей и задач этих направлений деятельности участников стратегического планирования, представленных в ст. 40 Федерального закона. Однако цели мониторинга сформулированы, а цели контроля нет. Целями мониторинга объявляются:

- повышение эффективности функционирования системы стратегического планирования, которое осуществляется на основе комплексной оценки основных показателей, содержащихся в документах стратегического планирования;

¹¹ См. п. 2, ст. 4.1 Закона Смоленской области от 28 июня 2018 года № 82-з «О регулировании отдельных вопросов в сфере стратегического планирования в Смоленской области» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550141535> (дата обращения: 11.04.2023).

¹² См. п. 5 ст. 5 Закона Республики Бурятия от 4 марта 2016 года № 1639-V «О стратегическом планировании» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/432943609> (дата обращения: 13.03.2023).

- повышение эффективности деятельности участников стратегического планирования по достижению в установленные сроки запланированных показателей социально-экономического развития.

Первая цель основана на предположении о том, что комплексная оценка показателей позволяет выявлять резервы роста эффективности функционирования системы стратегического планирования. Относительно второй цели следует отметить, что если исходить из понятия стратегического планирования, данного в п. 1) ст. 3 Федерального закона, то следует сделать вывод о том, что все составляющие этой деятельности направлены на решение задач устойчивого развития Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований. Повышение эффективности функционирования системы стратегического планирования влечет за собой позитивное изменение параметров социально-экономического развития, которое, в свою очередь, будет выражаться в изменении соответствующих показателей. Таким образом, в цели мониторинга необоснованно включена цель функционирования фактически всей системы стратегического планирования.

Задачи мониторинга и контроля определены отдельно для каждой категории (п. 2 ст. 40 и п. 1 ст. 41 Федерального закона соответственно), но при этом содержание комплекса задач в одном и другом случае принципиально не различается, и, соответственно, вопрос о разграничении их функций сохраняется.

В «Методических указаниях по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации»¹³ никаких положений о мониторинге и контроле не содержится, за исключением рекомендации включать в план по реализации стратегии предложения по созданию системы мониторинга и контроля. В «Правилах осуществления мониторинга и контроля реализации стратегий социально-экономического развития макрорегионов» (иной уровень регулирования, но могут быть рассмотрены в качестве примера) понятия мониторинга и контроля используются в основном совместно и только в заключительной части контроль выделяется в самостоятельную деятельность, особенность которой состоит в том, что в ее рамках производится оценка эффективности стратегии, и оценка эта производится самым простейшим способом — по доле показателей, достигших прогнозного значения, в общем массиве показателей¹⁴.

Сложившаяся ситуация не способствует организации эффективного мониторинга и контроля стратегий социально-экономического развития регионов. В подавляющем большинстве случаев задачи и порядок мониторинга и контроля просто транслируются из Федерального закона в региональные стратегии (или в законодательные акты субъектов Российской Федерации, посвященные организации процессов стратегического планирования) без какого-либо уточнения и детализации.

Между тем, если обратиться к теории управления, можно установить принципиальные различия мониторинга и контроля, которые могли бы быть учтены в нормативном регулировании и, самое главное, в практической деятельности органов, осуществляющих мониторинг и контроль.

¹³ Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 23 марта 2017 года № 132 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456054578> (дата обращения: 13.03.2023).

¹⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 23 января 2016 года № 30 «Об утверждении Правил осуществления мониторинга и контроля реализации стратегий социально-экономического развития макрорегионов» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420331289> (дата обращения: 13.03.2023).

Например, мониторинг определяется как «систематическое отслеживание, изучение состояния социальных явлений и процессов, сопоставление результатов постоянных наблюдений для получения обоснованных представлений об их действительном положении и тенденциях развития»¹⁵. Понятие мониторинга теперь появилось и в действующем российском законодательстве — в п. 1 ст. 96 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹⁶. Очистив это определение от специфических подробностей, связанных с особенностями предмета регулирования указанного федерального закона, получим определение мониторинга как режима дистанционного контроля, заключающегося в целенаправленном систематическом получении и анализе информации об объектах контроля. Сходство законодательной формулировки и приведенной формулировки, предлагаемой наукой, очевидно. Полагаем, что принципиальное единообразие в терминологии в общем массиве законодательства не будет излишним, и данный подход может быть принят за основу для определения мониторинга и в Федеральном законе о стратегическом планировании.

Таким образом, предполагается, что мониторинг — это прежде всего деятельность по систематическому получению необходимой для оценки информации, а сама оценка в таком случае может быть отнесена к содержанию контроля. Окончательно понятие мониторинга документов стратегического планирования можно сформулировать следующим образом: под мониторингом в целях настоящего Федерального закона понимаются действия по целенаправленному систематическому сбору и анализу информации о социально-экономическом развитии Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, необходимых для контроля реализации документов стратегического планирования.

Целенаправленность в данном случае подразумевает, что объем и вид собираемой информации должны быть подчинены целям и задачам контроля, а систематичность предполагает упорядоченность процессов сбора, обработки и представления информации по видам и срокам.

К задачам контроля как функции управления в ряде публикаций также относят широкий спектр действий, прежде всего аналитического характера: «оценка эффективности использования имеющихся ресурсов и управленческих решений; упреждение ошибок и просчетов в процессе принятия и реализации управленческих решений; выявление резервов и новых возможностей объекта управления; повышение дисциплины и ответственности исполнения управленческих решений»¹⁷.

Тогда с учетом приведенных положений и частично действующей законодательной формулировки контроль можно определить как деятельность уполномоченных участников стратегического планирования, направленная на комплексную оценку качества документов стратегического планирования и эффективности реализации решений, принятых в процессе стратегического планирования.

Предложенный подход к определению понятий позволил следующим образом дифференцировать задачи мониторинга и контроля, не отклоняясь принципиально от общего состава задач, поставленных перед мониторингом и контролем в Федеральном законе (Таблица 1).

¹⁵ Абчук В.А., Борисов А.Ф., Воронцов А.В. Методы исследований в менеджменте. СПб.: Росток, 2012. С. 462.

¹⁶ Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 13.03.2023).

¹⁷ Воронков А.Н., Колосова Т.В. Словарь по менеджменту. Н. Новгород: ННГАСУ, 2013. С. 56.

Таблица 1. Задачи мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования¹⁸

Задачи мониторинга	Задачи контроля
1) сбор, систематизация и обобщение информации о социально-экономическом развитии Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и об обеспечении национальной безопасности Российской Федерации в объеме и порядке, необходимых для контроля реализации документов стратегического планирования;	1) оценка результативности и эффективности реализации решений, принятых в процессе стратегического планирования;
2) оценка степени достижения запланированных целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;	2) оценка уровня социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и состояния национальной безопасности Российской Федерации, проведение анализа, выявление возможных рисков и угроз и своевременное принятие мер по их предотвращению;
3) оценка соответствия плановых и фактических сроков реализации документов стратегического планирования.	3) оценка влияния внутренних и внешних условий на плановый и фактический уровни достижения целей социально-экономического развития Российской Федерации;
	4) оценка качества документов стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования;
	5) разработка предложений по повышению эффективности функционирования системы стратегического планирования.

Таким образом, мониторинг заключается в сборе, систематизации необходимой информации и ее наиболее простой первичной обработке, а контроль — в более глубоком анализе полученной информации в соответствии с указанным комплексом задач и конечной целью совершенствования процесса государственного стратегического управления. Принципиальным отличием является то, что результатом мониторинга является чисто информационный продукт, а результатом контроля может быть управленческое решение (корректировка документа стратегического планирования в плане изменения отдельных целевых показателей, изменение механизмов их достижения, изменение методики разработки документа).

Предложенное разделение задач мониторинга и контроля позволит более эффективно организовать деятельность в рамках рассматриваемых этапов стратегического планирования. Общим практическим ориентиром подготовки и представления результатов мониторинга может послужить формат, принятый и реализуемый Счетной палатой Республики Бурятия в рамках мониторинга реализации национальных проектов¹⁹, а ориентиром подготовки и представления результатов контроля — итоги анализа реализации национальных проектов Счетной палатой Российской Федерации²⁰.

Переход к концепции внешнего мониторинга и контроля

Как упоминалось выше, в стратегическом планировании реализуется подход, согласно которому мониторинг и контроль осуществляет фактически сам разработчик документа. А.Г.Добкин считает, что «такую ситуацию нельзя признать удовлетворительной, так как существенно снижается «управленческий потенциал механизмов контроля»» [Добкин 2021, 172]. Результаты специально проведенного аналитического мероприятия Счетной палатой Российской Федерации выявили следующие недочеты контрольных механизмов в отчетах федеральных органов исполнительной власти: отсутствие сведений о не достигнутых по тем или иным причинам показателях или целях, о выявленных за отчетный период проблемах в стратегических планах или стратегическом управлении в целом. Резюме Счетной палаты было неутешительным:

¹⁸ Составлено авторами.

¹⁹ См. Мониторинг реализации национальных проектов // Счетная палата Республики Бурятия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sp03.ru/deyatelnost/monitoring-realizatsii-natsionalnykh-proektov/2022-god/> (дата обращения: 13.03.2023).

²⁰ Счетная палата публикует промежуточные результаты анализа реализации нацпроектов (по состоянию на ноябрь 2019 г.) // Счетная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/news/realizatsiya-natsproektov-pervye-rezultaty?highlight-search-result=%> (дата обращения: 13.03.2023).

отсутствие в отчетах федеральных органов исполнительной власти объективной оценки их деятельности. Отсутствие объективной оценки, безусловно, снижает возможности выработки эффективных управленческих решений²¹. Аналогичных исследований по всему массиву итоговых докладов региональных органов исполнительной власти не проводилось, но в силу единства подходов можно с высокой долей вероятности предположить наличие подобных проблем и в системе регионального стратегического планирования.

Считаем, что решением мог бы стать переход к внешнему (по отношению к разработчикам) мониторингу и контролю. Наиболее приемлемым вариантом является привлечение контрольно-счетных органов: Счетной палаты Российской Федерации на федеральном уровне и контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации на региональном уровне. Указанный подход может быть обоснован тем, что контрольно-счетные органы, являясь участниками стратегического планирования, формируются законодательными (представительными) органами власти и подотчетны этим органам. Таким образом, они являются независимыми по отношению к органам исполнительной власти.

Методическим центром в системе организации мониторинга и контроля реализации региональных стратегий может быть Счетная палата Российской Федерации (далее — Счетная палата), поскольку она имеет определенные полномочия по участию в разработке документов стратегического планирования в части рекомендаций по формированию системы целевых показателей²². Формами контрольной и экспертно-аналитической деятельности Счетной палаты определяются: финансовый аудит (контроль), аудит соответствия, аудит эффективности и иные виды аудита. Под соответствием в данном случае понимается соответствие предмета аудита нормативным правовым актам и иным документам. Во втором случае аудит направлен на выяснение эффективности использования ресурсов. Как можно заметить, содержание и цели экспертно-аналитической деятельности в этой части близки к содержанию задач мониторинга и контроля.

В настоящее время из числа документов стратегического планирования в предмет аудита включены государственные программы. Кроме того, Счетная палата уже осуществляла аудит исполнения национальных проектов, имеющих характер документов стратегического планирования. При этом экспертный анализ был направлен именно на ход реализации национальных проектов как документов стратегического планирования. Предмет данного экспертно-аналитического мероприятия составили: деятельность участников проектов в рамках их реализации; документы национальных проектов; документы, отражающие выделение и расходование средств, направленных на реализацию национальных проектов. Цели мероприятия охватывали получение оценок нормативно-методической базы, хода реализации, возможных рисков и полученных результатов²³.

Таким образом, структура и содержание экспертно-аналитического мероприятия Счетной палаты в данном случае фактически соответствуют целям и задачам, которые ставятся Федеральным законом перед мониторингом и контролем. Кроме того, мониторинг хода

²¹ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Стратегический аудит формирования и достижения показателей деятельности федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации в 2017–2018 годах и истекшем периоде 2019 года» // Счетная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/885/8852a97cd45346ecce99d20b1d265d0f.pdf> (дата обращения: 19.04.2023).

²² См. подп. 10 п. 1 ст. 14 Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации» от 5 апреля 2013 года № 41-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144621/ (дата обращения: 19.04.2023).

²³ См.: Отчет о промежуточных результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг хода реализации мероприятий национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» // Счетная палата Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/89e/89ed0cf9644289ee6bddd8ff8da78186.pdf> (дата обращения: 21.03.2023).

реализации национальных проектов уже сейчас включен в программу работы контрольно-счетных органов ряда субъектов Российской Федерации и успешно осуществляется²⁴.

Контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации в настоящее время обладают широким набором контрольных полномочий как финансового, так и нефинансового характера²⁵. В частности, им может быть поручена оценка эффективности формирования государственной собственности и управления ею (включая контроль порядка формирования и управления государственной собственностью). Кроме того, и что более важно в контексте настоящего исследования, к полномочиям региональных контрольно-счетных органов отнесена оценка реализуемости, рисков и результатов достижения целей социально-экономического развития, предусмотренных документами стратегического планирования субъекта Российской Федерации.

Полагаем, что с учетом указанных положений контрольно-счетные органы обладают достаточным уровнем компетентности, чтобы осуществлять контрольные и аналитические процедуры для решения всего комплекса задач мониторинга и контроля хода реализации документов стратегического планирования.

Контрольно-счетные органы при осуществлении внешнего контроля руководствуются, наряду с комплексом нормативных правовых актов федерального и регионального уровней, еще и стандартами внешнего государственного контроля, которые разрабатываются в соответствии с требованиями, утверждаемыми Счетной палатой. Данный механизм выработки стандартов вполне применим и для организации методического обеспечения процессов мониторинга и контроля в рамках методического руководства экспертно-аналитической деятельности региональных контрольно-счетных органов со стороны Счетной палаты.

Изложенное позволяет сделать вывод о возможности и целесообразности привлечения контрольно-счетных органов к мониторингу и контролю реализации стратегий социально-экономического развития. При этом проведенный анализ указывает на высокую вероятность повышения эффективности мониторинга и контроля при реализации предложенного варианта реформирования данного раздела стратегического планирования.

Заключение

Слабое нормативное регулирование и методическое обеспечение мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования снижают потенциал данных контрольных мероприятий при совершенствовании процессов стратегического управления. Результаты мониторинга и контроля региональных документов стратегического планирования концентрируются в отчетном докладе главы региона, лишь в незначительной степени решая задачи, поставленные законом перед этими этапами стратегического управления.

Одним из направлений реорганизации системы мониторинга и контроля реализации стратегических документов является уточнение понятий мониторинга и контроля с последующим разделением и конкретизацией их задач. Предложены следующие формулировки: под мониторингом в целях настоящего Федерального закона понимаются действия по целенаправленному систематическому сбору и анализу информации о социально-экономическом развитии Российской Федерации, субъектов Российской Федерации

²⁴ См.: Мониторинг реализации национальных проектов // Счетная палата Республики Бурятия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sp03.ru/deyatelnost/monitoring-realizatsii-natsionalnykh-proektov/2022-god/> (дата обращения: 23.03.2023); Мониторинг, анализ и контроль национальных проектов // Счетная палата Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. URL: <https://schetnaja-palata.sakha.gov.ru/deyatelnost/monitoring-natsionalnykh-proektov> (дата обращения: 23.03.2023) и др.

²⁵ См.: Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110266/ (дата обращения: 13.03.2023).

и муниципальных образований, необходимых для контроля реализации документов стратегического планирования; контроль — деятельность уполномоченных участников стратегического планирования, направленная на комплексную оценку качества документов стратегического планирования и эффективности реализации решений, принятых в процессе стратегического планирования.

В соответствии с указанным разделением понятий дифференцированы и задачи мониторинга и контроля. Характеризуя данное разделение, можно кратко отметить, что мониторинг заключается в сборе, систематизации необходимой информации и ее наиболее простой первичной обработке, а контроль — в глубоком анализе полученной информации с конечной целью повышения эффективности функционирования системы стратегического планирования.

Для повышения эффективности функционирования системы стратегического планирования предложено также передать функции мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования контрольно-счетным органам субъектов Российской Федерации на региональном уровне и Счетной палате Российской Федерации на федеральном уровне. Основные доводы в пользу такого рода реформ следующие:

- 1) контрольно-счетные органы являются независимыми от исполнительной власти органами, что должно повысить объективность контроля;
- 2) контрольно-счетные органы, согласно действующему законодательству, наделены широким набором контрольных полномочий, причем не только в бюджетно-финансовой сфере, но и в ряде иных разделов государственного управления, что подразумевает достаточный уровень компетентности для осуществления мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования;
- 3) Счетная палата Российской Федерации уже накопила опыт аудита реализации масштабных государственных стратегических инициатив — национальных проектов. При этом содержание и результаты экспертно-аналитических мероприятий полностью соответствуют задачам мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования, поставленным в законодательстве. Кроме того, в ряде регионов мониторинг реализации национальных проектов, имеющих характер документов стратегического планирования, уже успешно осуществляется контрольно-счетными органами.

Список литературы:

Безлепкин М.Н., Булдакова И.В. Методологические подходы к организации мониторинга реализации стратегии макрорегиона // Региональная экономика. Юг России. 2017. № 1(15). С. 106–115. DOI: [10.15688/re.volsu.2017.1.11](https://doi.org/10.15688/re.volsu.2017.1.11)

Добкин А.Г. О контроле и ответственности в сфере стратегического планирования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6(82). С. 170–176. DOI: [10.17803/2311-5998.2021.82.6.170-176](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.82.6.170-176)

Кузнецов Н.В., Побываев С.А. Мониторинг разработки и реализации документов стратегического планирования: ключевые аспекты // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 5(82). С. 56–61.

Липина С.А., Беляевская-Плотник Л.А., Бочарова Л.К., Сорокина Н.Ю. Оценка результативности документов стратегического планирования в целях обеспечения экономической безопасности // Вестник экспертного совета. 2019. № 1(16). С. 20–27.

Смирнова О.О. Контуры трансформации стратегического планирования в России: от документов к стратегическому управлению // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. Т. 11. № 2. С. 148–161. DOI: [10.18184/2079-4665.2020.11.2.148-161](https://doi.org/10.18184/2079-4665.2020.11.2.148-161)

Сургуладзе В.Ш. Проблемы мониторинга и организации контроля реализации документов стратегического планирования в Российской Федерации // Власть. 2016. Т. 24. № 8. С. 29–38.

Berry F.S. Strategic Planning as a Tool for Managing Organizational Change // International Journal of Public Administration. 2007. Vol. 30. Is. 3. P. 331–346. DOI: [10.1080/01900690601117812](https://doi.org/10.1080/01900690601117812)

Bryson J.M., Berry F.S., Yang K.F. The State of Public Strategic Management Research: A Selective Literature Review and Set of Future Directions // American Review of Public Administration. 2010. Vol. 40. Is. 5. P. 495–521. DOI: [10.1177/0275074010370361](https://doi.org/10.1177/0275074010370361)

Klimenko A., Kalgin A. Strategic Planning in the Russian Federal Government: Implementation, Costs, and Conditions of Effectiveness // Higher School of Economics Research Paper. 2018. WP BRP 17/PSP/2018. DOI: [10.2139/ssrn.3158988](https://doi.org/10.2139/ssrn.3158988)

Plotnikov V., Fedotova G., Popkova E., Kastyurina A. Harmonization of Strategic Planning Indicators of Territories' Socioeconomic Growth // Regional and Sectoral Economic Studies. 2015. Vol. 15. Is. 2. P. 105–114.

References:

Berry F.S. (2007) Strategic Planning as a Tool for Managing Organizational Change. *International Journal of Public Administration*. Vol. 30. Is. 3. P. 331–346. DOI: [10.1080/01900690601117812](https://doi.org/10.1080/01900690601117812)

Bezlepkin M. N., Buldakova I. V. (2017) Methodological Approaches to the Organization of Monitoring of Realization of Strategy of the Macroregion. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii*. No. 1(15). P. 106–115. DOI: [10.15688/re.volsu.2017.1.11](https://doi.org/10.15688/re.volsu.2017.1.11)

Bryson J.M., Berry F.S., Yang K.F. (2010) The State of Public Strategic Management Research: A Selective Literature Review and Set of Future Directions. *American Review of Public Administration*. Vol. 40. Is. 5. P. 495–521. DOI: [10.1177/0275074010370361](https://doi.org/10.1177/0275074010370361)

Dobkin A.G. (2021) On Control and Responsibility in Strategic Planning. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. No. 6(82). P. 173–174. DOI: [10.17803/2311-5998.2021.82.6.170-176](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.82.6.170-176)

Klimenko A., Kalgin A. (2018) Strategic Planning in the Russian Federal Government: Implementation, Costs, and Conditions of Effectiveness. *Higher School of Economics Research Paper*. WP BRP 17/PSP/2018. DOI: [10.2139/ssrn.3158988](https://doi.org/10.2139/ssrn.3158988)

Kuznetsov N.V., Pobuyayev S.A. (2020) Monitoring the Development and Implementation of Strategic Planning Documents: Key Aspects. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. No. 5(82). P. 56–61.

Lipina S.A., Belyaevskaya-Plotnik L. A., Bocharova L. K., Sorokina N. Yu. (2019) Evaluation of the Effectiveness of Strategic Planning Documents for the Economic Security. *Vestnik ekspertnogo soveta*. No. 1(16). P. 20–27.

Plotnikov V., Fedotova G., Popkova E., Kastyurina A. (2015) Harmonization of Strategic Planning Indicators of Territories' Socioeconomic Growth. *Regional and Sectoral Economic Studies*. Vol. 15. Is. 2. P. 105–114.

Smirnova O.O. (2020) Outlines of Strategic Planning Transformation in Russia: from Documents to Strategic Management. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye)*. Vol. 11. No. 2. P. 148–161. DOI: [10.18184/2079-4665.2020.11.2.148-161](https://doi.org/10.18184/2079-4665.2020.11.2.148-161)

Surguladze V.Sh. (2016) Monitoring and Control Problems of Realization of the State Strategic Planning Documents of the Russian Federation. *Vlast'*. Vol. 24. No. 8. P. 29–38.

Дата поступления/Received: 27.06.2023

Государственное и муниципальное управление
Public and municipal administration

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-99-144-160

Новая структура и функции государственного сектора России перед лицом
глобальных вызовов

Кононкова Наталья Петровна

Доктор экономических наук, доцент, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: npkononkova@econ.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [7032-5210](#)

ORCID ID: [0000-0002-6415-0863](#)

Михайленко Диана Александровна¹

Кандидат экономических наук, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: mikhailenkoda@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [3032-5362](#)

ORCID ID: [0000-0003-0681-3849](#)

Аннотация

Перед лицом глобальных вызовов внимание к проблематике государственного сектора, вопросам его структуры и функций возрастает. Для успешной реализации стоящих перед ним задач необходимы качественные преобразования внутри госсектора, повышающие его гибкость и эффективность в рыночной экономике. Целью данной статьи является исследование динамики и современной структуры государственного сектора России, а также выявление направлений качественных преобразований и новых функций госсектора в период глобальной турбулентности. В работе представлен анализ обширных статистических данных за период с 2017 по 2023 гг., подтверждающих наличие как количественных, так и качественных изменений государственного сектора РФ. В ходе исследования выявлено, что за последние шесть лет госсектор в России сократился примерно на 47% по количеству коммерческих предприятий. При этом оптимизация структуры государственного сектора происходит за счет упразднения или продажи небольших предприятий, а также преобразования устаревших и неэффективных унитарных предприятий в современные рыночные формы акционерных обществ. Было также доказано, что государство сохраняет контроль над крупнейшими стратегическими активами и концентрирует властно-хозяйственные полномочия в рамках вертикально интегрируемых структур в целях обеспечения национальной и экономической безопасности. Сверхновые реалии привели к расширению функций государственного сектора, который, помимо своих основных обязанностей, приобрел дополнительные, такие как финансирование инноваций для импортозамещения; создание положительной практики перехода на российские решения в бизнесе; временное управление иностранными активами; развитие экономики совместного потребления, обеспечение технологического трансфера между отраслями; кооперация с флагманами российского бизнеса; сдерживание оттока ключевых кадров. Качественные преобразования государственного сектора, включая улучшение показателей финансово-экономической деятельности госкомпаний, избавление от неэффективных форм государственного предпринимательства, применение инновационных инструментов и бизнес-процессов, развитие новых механизмов государственно-частного партнерства, свидетельствуют о положительных сдвигах в направлении реализации стоящих перед ним задач.

Ключевые слова

Государственный сектор, государственная собственность, государственные компании, приватизация, импортозамещение.

New Structure and Functions of State Sector in Russia in Face of Global Challenges

Natalia P. Kononkova

DSc (Economics), Associate Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: npkononkova@econ.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-6415-0863](#)

Diana A. Mikhailenko²

PhD, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: mikhailenkoda@gmail.com

ORCID ID: [0000-0003-0681-3849](#)

Abstract

In the face of global challenges, attention to the problems of the public sector, its structure and functions is increasing. For the successful implementation of the tasks facing it, qualitative transformations within the public sector are necessary, increasing its flexibility and efficiency in a market economy. The aim of this article is to study the dynamics and modern structure of the Russian public sector, as well as to identify the directions of qualitative transformations and new functions of the public sector in the period of global turbulence. The paper presents an analysis of extensive statistical data for the period from 2017 to 2023, confirming the presence of both quantitative and qualitative changes in the public sector of the Russian Federation. The study revealed that over the past six years, the public sector in Russia has decreased by about 47% in terms of the number of

¹ Корреспондирующий автор.

² Corresponding author.

commercial enterprises. At the same time, the optimization of the structure of the public sector occurs due to the abolition or sale of small enterprises, as well as the transformation of outdated and inefficient unitary enterprises into modern market forms of joint-stock companies. It was also proved that the state retains control over the largest strategic assets and concentrates economic power within vertically integrated structures in order to ensure national and economic security. The supernova realities have led to the expansion of the functions of the public sector, which, in addition to its main responsibilities, has acquired additional ones, such as financing innovations for import substitution; benchmarking in switching to Russian solutions in business; temporary management of foreign assets; development of the sharing economy, provision of technological transfer between industries; cooperation with the flagships of Russian business; restraining of key personnel relocation. Qualitative transformations of the public sector, including improving the indicators of financial and economic activity of state-owned companies, getting rid of inefficient forms of state entrepreneurship, the use of innovative tools and business processes, the development of new mechanisms of public-private partnership, indicate positive changes in the direction of the implementation of the tasks facing it.

Keywords

Public sector, state property, state-owned companies, privatization, import substitution.

Введение

Внимание к проблематике государственного сектора современной экономики России обусловлено изменением его структуры в связи с необходимостью выполнения государством качественно новых функций в условиях новых вызовов и высокой турбулентности.

В мировой практике государственная собственность является важнейшим инструментом регулирования, который используется для поддержания стабильности во время кризиса и нейтрализации угроз национальным интересам страны. Это подтверждается и в новом тысячелетии, в частности, данными статистики по национализации, пик которой пришелся на кризис 2008 г.³, мерами правительств в период пандемии COVID-19⁴, наконец, реализованными планами многих западных стран по национализации российских частных и государственных активов⁵ и ответными действиями РФ⁶ в связи с резко возросшей сегодня геополитической напряженностью в мире.

При этом пандемия коронавируса, охватившая весь мир в 2020 г., и новое санкционное давление со стороны Запада в 2022 г., нарушившее экономические связи в мировой и национальных экономиках, заставили научное сообщество провести переоценку сложившихся подходов к приватизации и по-новому взглянуть на назначение и функции государственного сектора. На практике в очередной раз подтвердилось, что далеко не во всех случаях частная собственность оказывается эффективнее государственной, а краткосрочные выгоды от продажи государственного имущества нередко идут вразрез с долгосрочными целями устойчивого развития экономики и общества. В ряде зарубежных исследований отмечается, что фактор приватизации оказал негативное влияние на пропускную способность больниц, что привело к увеличению показателей смертности в Испании, Италии и США⁷. В то же время в странах с системами здравоохранения, в меньшей степени охваченными приватизационными процессами, таких как Германия, Южная Корея, Япония, показатели смертности были гораздо ниже. В сферах естественных монополий (в частности, водоснабжения), также затронутых кризисом COVID-19, государственные предприятия оперативнее реагировали на возникающие вызовы, обеспечивая необходимую поддержку социально незащищенным слоям населения

³ The PB Report 2013–2014. A Publication of the Privatization Barometer // Free Media [Электронный ресурс]. URL: https://feem-media.s3.eu-central-1.amazonaws.com/wp-content/uploads/20151716304PB_Annual_Report_R2013-2014.pdf (дата обращения: 15.05.2023).

⁴ Поддержка бизнеса в условиях финансовых потрясений во избежание банкротства во время кризиса COVID-19 // Росконгресс [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/materials/podderzhka-biznesa-v-usloviyakh-finansovykh-potryaseniy-vo-izbezhanie-bankrotstva-vo-vremya-krizisa-/> (дата обращения: 07.05.2023).

⁵ Первая национализация российского имущества в Европе состоялась // Фонд стратегической культуры: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/12/04/pervaya-nacionalizatsia-rossijskogo-imuschestva-v-evrope-sostojalas.html> (дата обращения: 03.05.2023).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2023 № 302 «О временном управлении некоторым имуществом» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445530/7b0840d1154c86261c1fc7864c05ef59bd5f1191/ (дата обращения: 03.06.2023).

⁷ Privatization and the pandemic // Developing Economics Journal [Электронный ресурс]. URL: <https://developingeconomics.org/2020/06/21/privatization-and-the-pandemic/> (дата обращения: 03.05.2023).

(бесплатные услуги, моратории на отключение водоснабжения, удаленная техническая поддержка домохозяйств, экстренная помощь аварийных бригад, санитарное просвещение населения и др.)⁸.

Заметим, что до сих пор споры экономистов о частном и государственном в экономике не утихают и в этой дискуссии по-прежнему превалирует политический аспект. Казалось бы, к началу XXI в. ученые пришли к некоторому консенсусу. Начиная с конца 1980-х гг. авторитетные зарубежные исследователи, такие как Дж. Стиглиц, М. Волф, Д. Коллен, М. Деватрипонт, П. Праэт, Р. Буайе, В. Танзи и др.⁹, привели в своих работах весомые аргументы относительно возможности достижения определенного баланса государственного и частного секторов, разделив ответственность между ним. Однако в современном научном и политическом дискурсе все еще присутствуют попытки противостоять мировой практике дополняющего развития рынка и государства и критиковать государственную собственность как менее эффективную в сравнении с частной.

История развития государственного сектора в России особая: он формировался не эволюционным путем, а в процессе преобразования административно-командной экономики в рыночную. Поэтому логика его развития не в полной мере соответствует правилам, обозначенным неоклассической теорией. Реформа государственного сектора в России проводится уже много лет с циклическими колебаниями курса экономической политики в сторону то усиления государственных структур, то, наоборот, разгосударствления и сокращения доли государства. Нередко принимались решения о приватизации в кризис, несмотря на заниженную стоимость государственных активов; призывы к проведению «большой» приватизации под предлогом пополнения доходов госбюджета звучат до сих пор¹⁰. Вместе с тем текущая политическая и экономическая повестка требует повышенного внимания к объектам собственности государства, представляющим стратегические интересы РФ. А эффективная реализация стоящих сегодня перед государственным сектором задач во многом зависит не от количественных, а качественных преобразований его структуры.

Отдельно следует подчеркнуть, что в период глобальных вызовов закономерным представляется укрепление государственного влияния в ключевых отраслях народного хозяйства [Дементьев 2016; Кононкова, Михайленко 2017; Козлова, Братченко 2018], что на современном этапе развития российской экономики находит свое отражение в консолидации государственных активов и формировании вертикально интегрированных структур (ВИС). При этом государственные компании по-новому участвуют в решении возникающих задач, учитывая сегодняшние реалии и требования современного технологического уклада [Кононкова, Михайленко 2023]. Во многом государственные предприятия должны быть более передовыми и прогрессивными, чем частные компании, для того, чтобы первыми создавать инновационные технологии, обеспечивать цифровую трансформацию национальной экономики и независимость в условиях любого санкционного давления.

Целью данной работы является исследование динамики и современной структуры государственного сектора России, а также выявление направлений качественных преобразований и новых функций госсектора в период глобальной турбулентности.

⁸ COVID-19 has decimated water systems globally, but privatization is not the answer // The Conversation [Электронный ресурс]. URL: <https://theconversation.com/covid-19-has-decimated-water-systems-globally-but-privatization-is-not-the-answer-155689> (дата обращения: 03.06.2023).

⁹ См. обзор работ в: Государство в рыночной экономике: новые подходы // Экономические и социальные проблемы России. 2001. № 4. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=32961004>

¹⁰ Глава ВТБ предложил новый этап приватизации // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/04/2023/64342b119a7947585f36387e?ysclid=lkvj2zi7j71116322> (дата обращения: 03.06.2023).

Гибкость и неоднородность структуры государственного сектора

Несмотря на отсутствие единого подхода к определению структуры и состава госсектора, большинство исследователей сходятся во мнении, что она переменна и может расширяться или сужаться в зависимости от экономической конъюнктуры и задач государственного регулирования [Цифровая трансформация экономики 2019]¹¹. Опираясь на методологический подход, согласно которому экономику можно представить в виде совокупности трех секторов — государственного, муниципального и частного [Клейнер и др. 2004] — логично представить следующий их состав: государственный сектор — это все юридические лица, управление которыми осуществляет государство через федеральные и региональные органы власти; муниципальный — юридические лица, находящиеся в подчинении органов местного самоуправления; частный сектор — юридические лица, не входящие в состав государственного и муниципального секторов, а также физические лица, ведущие хозяйственную деятельность без образования юридического лица. При таком подходе за пределами государственного сектора остаются органы государственной власти, осуществляющие функции по выработке государственной политики, контролю, надзору и управлению государственным имуществом, которые, на наш взгляд, правильнее относить к сектору государственного управления.

Государственный сектор российской экономики отличается не только сложной структурой, но и высокой степенью неоднородности участников, что объясняется разнообразием функций. Он представляет собой совокупность хозяйствующих субъектов разных организационно-правовых форм (ОПФ), осуществляющих свою деятельность на базе государственной собственности, отличающихся степенью вовлеченности в рыночные отношения. Среди них следует выделить следующие организации:

- государственные унитарные предприятия (ГУП), основанные на праве хозяйственного ведения или оперативного управления (казенные предприятия);
- акционерные общества (АО) с пакетом акций, полностью или частично принадлежащим государству;
- дочерние или иные аффилированные предприятия, чьи головные компании являются государственными;
- предприятия, входящие в холдинг, головная компания которого принадлежит государству;
- государственные корпорации в виде НКО;
- государственные учреждения (казенные, бюджетные, автономные);
- фонды в виде НКО, ассоциации (союзы).

Первые четыре категории организаций относятся к коммерческим, то есть преследуют извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности¹², последние три — к некоммерческим, созданным в иных целях (социальных, культурных, образовательных, научных, управленческих и др.) и осуществляющих приносящую доход деятельность лишь потому, что это служит достижению целей, ради которых они созданы¹³. Общее количество хозяйствующих субъектов, функционирующих на базе государственной собственности, распределенных по ОПФ, приведено в Таблице 1.

¹¹ См. также: Горланов Г. Государственное регулирование отношений собственности // Государственное регулирование рыночной экономики / под ред. В.И. Кушлина. М.: РАГС, 2006. С. 109–131.

¹² Гражданский Кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 03.06.2023).

¹³ Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 03.06.2023).

Таблица 1. Общее количество хозяйствующих субъектов, относящихся к государственной собственности, по состоянию на 1 января каждого года, ед.¹⁴

ОПФ ¹⁵	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Коммерческие корпоративные организации ¹⁶	3572	3267	3072	2877	2721	2636	2520
в том числе: публичные АО	1777	1327	1076	817	676	551	454
непубличные АО	1071	1232	1294	1397	1404	1450	1413
Коммерческие унитарные организации	3719	3053	2608	2225	1917	1610	1353
в том числе: унитарные предприятия на праве оперативного управления	154	153	144	141	135	121	117
Некоммерческие корпоративные организации	599	555	514	493	474	456	434
Некоммерческие унитарные организации	56568	54851	53394	52207	51076	48939	47927

Из таблицы видно, что с 2017 г. количество государственных организаций, как коммерческих, так и некоммерческих, планомерно снижается с каждым годом. За последние шесть лет число первых сократилось на 47%, а число вторых — лишь на 15%. Такой разброс значений обусловлен приоритетами государства в приватизации в первую очередь конкурентных сфер, функционирующих на базе рыночных принципов¹⁷.

Максимальное сокращение количества хозяйствующих субъектов (на 64% с 2017 г.) наблюдается в части коммерческих унитарных организаций. Правительство планирует в ближайшие несколько лет полностью отказаться от данной организационно-правовой формы, частично ликвидировав унитарные предприятия, частично преобразовав их в акционерные общества или (в случае невозможности эффективного функционирования в форме АО) бюджетные учреждения. Считается, что унитарные предприятия, являясь пережитком административно-командной экономики, ослабляют конкуренцию и сдерживают развитие нормальных рыночных процессов. При переходе в корпоративную форму у данных организаций появляется прозрачная система корпоративного управления с развитыми механизмами принятия решений и органами управления. Кроме того, имущество в этом случае переходит на баланс акционерного общества, которое, в отличие от ГУП, может самостоятельно распоряжаться им, в том числе отчуждать непрофильные активы для пополнения своих доходов. Можно предположить, что унитарные предприятия чаще всего, в силу специфики своей деятельности, а также сложности и затратности процедуры образования публичного общества,

¹⁴ Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/emiss> (дата обращения: 04.06.2023).

¹⁵ В таблице приведены не все ОПФ, а только самые распространенные, поэтому сумма чисел не равна общему числу государственных предприятий.

¹⁶ Росстат с 2014 г. использует новый подход к классификации юридических лиц, в соответствии с которым все организации (как коммерческие, так и некоммерческие) делятся на две группы: корпоративные, то есть такие юр. лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган, и унитарные, то есть такие юр. лица, учредители которых не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства (см. ГК РФ, часть 1, ст. 65.1).

¹⁷ Тонкая реорганизация: кабмин поручил избавиться от ФГУПов до конца 2021-го // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1087935/dmitrii-grinkevich/tonkaia-reorganizatcia-kabmin-poruchil-izbavitsia-ot-fgupov-do-kontca-2021-go> (дата обращения: 10.06.2023).

преобразуются в непубличные компании, что как раз объясняет рост числа данных организаций вплоть до текущего года. Динамика изменения количества акционерных обществ, находящихся в государственной собственности, представлена на Рисунке 1.

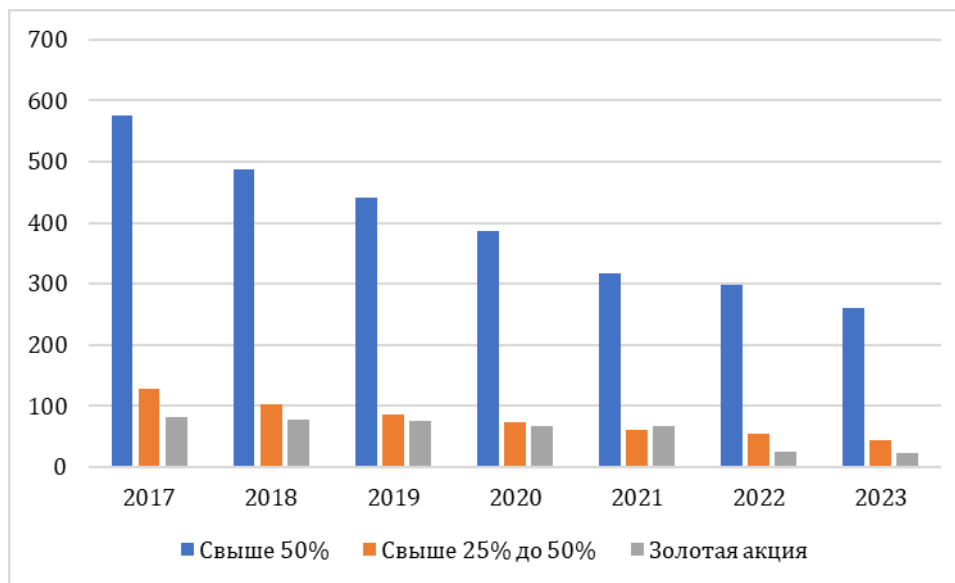

Рисунок 1. Динамика количества АО, акции которых находятся в федеральной собственности, по размеру доли, с 2017 по 2023 гг. (по состоянию на 1 января каждого года)¹⁸

Структурный анализ динамики количества акционерных обществ, находящихся в государственной собственности, показывает, что наибольший удельный вес имеют организации с пакетом акций у государства свыше 50%, за ними следуют общества с блокирующими пакетами (от 25% до 50% акций) и, наконец, в меньшинстве представлены акционерные общества, в отношении которых государство реализует специальное право — «золотую акцию». Количество предприятий всех трех категорий снижается, однако в части права «золотой акции» такое снижение более заметно — на 72% с 2017 г., что свидетельствует о низкой приоритетности данной формы участия государства в капитале компаний. Следует отметить, что мнения представителей власти и бизнеса относительно применения «золотой акции» сильно разнятся. Так, данный механизм критиковался главой Российского союза промышленников и предпринимателей А. Шохиним, который еще в 2016 г. предлагал исключить само понятие «золотая акция» из российского законодательства¹⁹. В 2021 г. дискуссии о «золотой акции» возобновились, на этот раз правительство предложило расширить применение этого механизма при сокращении доли государственного участия в крупных компаниях²⁰. Показатели статистики все же свидетельствуют о том, что «золотая акция» рассматривается как временная мера, применяемая государством для того, чтобы «присматривать» за приватизированными стратегическими предприятиями и впоследствии полностью выходить из их капитала.

Примечательно, что за последние несколько лет не произошло практически ни одной крупной сделки по реализации государственных активов, что объясняет относительно низкие поступления от приватизации [Радыгин и др. 2018]. Так, в 2017–2020 гг. ежегодные поступления

¹⁸ Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/emiss> (дата обращения: 04.06.2023).

¹⁹ Государство может отказаться от «золотых акций» // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/03/02/632165-gosudarstvo-mozhet-otkazatsya-zolotih-aktsii?ysclid=14g12mcsxd407022613> (дата обращения: 10.06.2023).

²⁰ Правительство предложило расширить применение «золотых акций» // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/07/2021/60ed70069a79475265b8b39c?ysclid=14g17chswg427541088> (дата обращения: 10.06.2023).

от продажи акций госкомпаний составляли 12–14 млрд руб., а в 2021 году они снизились до 5,3 млрд руб. После громкой продажи 19,5% акций ПАО «НК «Роснефть»» в 2016 г., принесшей государственному бюджету более 700 млрд руб., и 10,9% акций компании ПАО «АЛРОСА» в том же году можно отметить лишь продажу 17,2% акций ПАО «Совкомфлот» в 2020 г., а также дополнительную эмиссию акций ПАО «Аэрофлот», позволившую сократить долю государственного участия в капитале общества. Вероятно, это объясняется неблагоприятной рыночной конъюнктурой, а также возросшими потребностями в обеспечении экономической безопасности государства, в силу чего оно не спешит расставаться с крупнейшими активами и, несмотря на сокращение общего количества хозяйствующих субъектов в государственной собственности, продолжает сохранять свое присутствие в стратегических отраслях российской экономики. Более того, есть все основания полагать, что в настоящее время происходит укрупнение находящихся под контролем государства хозяйственных структур под эгидой холдингов. Часть ФГУП и АО, которые включены в план приватизации, подлежит передаче ВИС и после завершения их формирования сохраняет принадлежность к государственному сектору экономики. Эти тенденции не являются новыми для российской экономики: так, еще в начале 2000-х гг. ученые говорили о формировании в важнейших отраслях (ВПК, энергетическая, атомная отрасли и др.) «центров силы» посредством консолидации государственных активов [Радыгин 2004], что было связано с целым рядом факторов: потребностью в технологической интеграции, повышении международной конкурентоспособности и др.

Таким образом, на основе исследования показателей статистики за период с 2017 по 2023 гг. можно констатировать, что государственный сектор в России за это время сократился примерно на 47% по количеству коммерческих предприятий и на 15% по числу некоммерческих, наиболее низкие темпы приватизации наблюдались в 2022–2023 гг. (не более 3–4% в год). Наиболее существенное снижение количества хозяйствующих субъектов произошло в части ГУП, которые в основном были преобразованы в более рыночные ОПФ (публичные или непубличные акционерные общества). При этом оптимизация структуры государственного сектора все это время происходила за счет упразднения или продажи небольших предприятий. Что касается крупнейших государственных активов, то они остаются под управлением органов власти в качестве гаранта национальной безопасности, а успешная реализация государством планов по формированию в ключевых отраслях российской экономики вертикально интегрированных структур, головными организациями которых выступают публичные корпорации, свидетельствует о консолидации и усилении властно-хозяйственных полномочий внутри государственного сектора, что обусловлено современными вызовами.

Современное состояние государственного сектора: показатели эффективности и ключевые проблемы

Современное состояние государственного сектора нельзя рассматривать без привязки к ключевым показателям финансово-хозяйственной деятельности госкомпаний, а также результатам реализованного Прогнозного плана приватизации. Исследование, проведенное Счетной палатой РФ, подтверждает, что на государственный сектор по-прежнему приходится значительная доля экономики страны²¹. Запланированные мероприятия по отчуждению

²¹ Бюллетень Счетной палаты РФ. Управление федеральным имуществом. С. 3 // Счетная палата РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/26f/0qt0zk5512n7t2ve1h3jhf42shxa7aoc.pdf?ysclid=l4ekjne1fv150071287> (дата обращения: 10.06.2023).

государственных активов²² были исполнены в части АО на 25%, а в части ФГУП — лишь на 22%. Кроме того, в отчете Счетной палаты отмечается, что в результате ряда осуществленных сделок объекты собственности переходили не к частным лицам, а к другим государственным предприятиям, что в итоге не приводило к реальному сокращению доли государственного участия в экономике, а вело к укрупнению государственных хозяйственных организаций, о чем было сказано выше.

Сделанные Счетной палатой заключения подтверждаются данными официальной статистики. Так, поступления в федеральный бюджет от продажи государственных активов за период с 2017 по 2022 гг. снизились на 45% и составили 7,8 млрд руб. в 2022 г. (Рисунок 2). При этом доходы госкомпаний (в виде прибыли, приходящейся на доли в уставных капиталах хозяйственных товариществ и обществ, или дивидендов по акциям) за аналогичный период выросли почти в два раза, достигнув 753 млрд руб. в 2022 г. (Рисунок 3), что на фоне общего снижения темпов роста ВВП может свидетельствовать о повышении эффективности управления государственной собственностью.

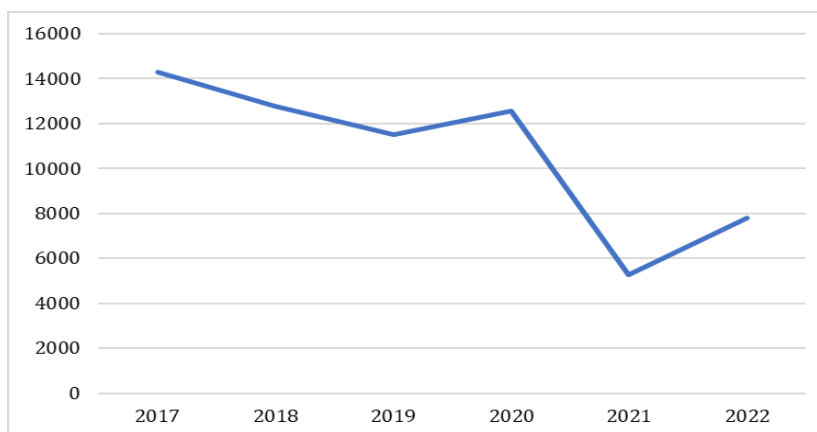

Рисунок 2. Поступления в федеральный бюджет от продажи акций и иных форм участия в капитале, находящихся в федеральной собственности, с 2017 по 2022 гг., млн руб.²³

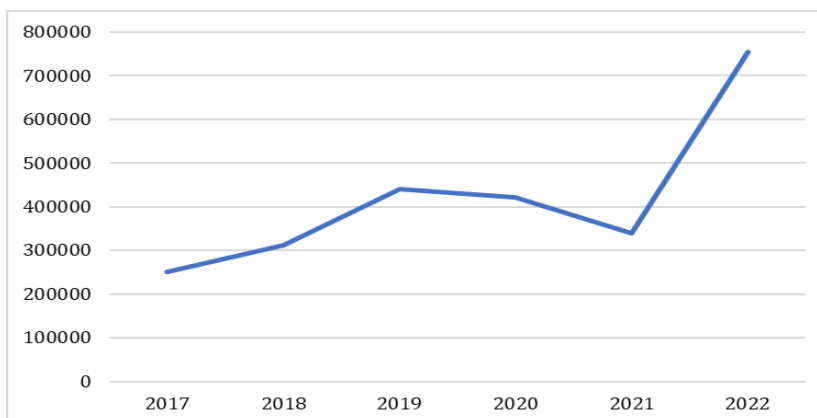

Рисунок 3. Доходы в виде прибыли, приходящейся на доли в уставных (складочных) капиталах хозяйственных товариществ и обществ, или дивидендов по акциям, принадлежащим РФ, с 2017 по 2022 гг., млн руб.²⁴

²² Прогнозный план (программа) приватизации федерального имущества и основные направления приватизации федерального имущества на 2017–2019 годы // Федеральное агентство по управлению государственным имуществом [Электронный ресурс]. URL: <https://rosim.gov.ru/documents/419470?ysclid=l4fx1pxh3a292172557> (дата обращения: 10.06.2023).

²³ Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/emiss> (дата обращения: 04.06.2023).

²⁴ Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/emiss> (дата обращения: 04.06.2023).

Отдельного рассмотрения заслуживают некоторые показатели хозяйственной деятельности госкомпаний в кризисный 2020 г. Ожидаемо в период пандемии наблюдалось падение ключевых финансовых показателей предприятий госсектора (Таблица 2), особенно сильно кризис сказался на чистой прибыли. Однако если рассматривать динамику данных показателей в среднесрочной перспективе, то выясняется, что общий тренд положительный, а временное ухудшение финансового состояния госкомпаний на фоне общего падения ВВП страны, скорее всего, не свидетельствует о его неэффективности.

Таблица 2. Ключевые показатели финансово-хозяйственной деятельности предприятий государственного сектора за 2020 г.²⁵

Название показателя	Значение, млн руб. (% к прошлому году)
Дивиденды, подлежащие перечислению в федеральный бюджет (в части АО)	302 631 (-7%)
Выручка (нетто) от продажи товаров и услуг госкомпаниями ²⁶	14 217 925 (-26%)
Чистая прибыль госкомпаний ²⁷	-297 325 (-113%)
Чистые активы госкомпаний	25 105 190 (-18%)

Так, снижение дивидендных выплат госкомпаний в 2020 г. на 7% по сравнению с предыдущим годом было обусловлено как пандемией, так и падением мировых цен на энергоресурсы, однако в сравнении с 2018 г. дивиденды, перечисленные в федеральный бюджет, выросли на 56%. Далее проведенные нами расчеты показали, что с 2017 по 2019 гг. выручка госсектора росла как в абсолютном, так и в относительном выражении (как доля в ВВП страны), достигнув в 2019 г. 19,3 трлн руб. (17,7% ВВП). В 2020 г. выручка госкомпаний сократилась, составив примерно 14 трлн руб. (13,3% ВВП). Что касается чистой прибыли предприятий госсектора, то в докризисный 2019 г. она составляла 2,3 трлн руб., а в период пандемии 2020 г. упала до отрицательной отметки в -297 млрд руб. По данным официальной статистики, наиболее убыточными сферами в 2020 г. оказались торговля газом и воздушные перевозки, что объясняется высокими издержками и закрытием государственных границ в период пандемии.

Стоит обратить внимание на показатель чистых активов предприятий государственного сектора: за период с 2015 по 2020 гг. они увеличились почти в 5 раз (Рисунок 4), что объясняется мероприятиями по реорганизации государственного сектора, которые привели к укрупнению имущественных комплексов коммерческих государственных структур. Снижение значений показателя в кризисном 2020 г., вероятно, связано с ростом долговых обязательств госкомпаний.

²⁵ Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/emiss> (дата обращения: 09.06.2023).

²⁶ Показатель выручки от продажи товаров и услуг госкомпаниями рассчитывается для ФГУП и АО, акции которых находятся в федеральной собственности, за вычетом НДС, акцизов и иных обязательных платежей.

²⁷ Показатели чистой прибыли и чистых активов рассчитываются за отчетный период (год) по ФГУП и АО, акции которых находятся в федеральной собственности.

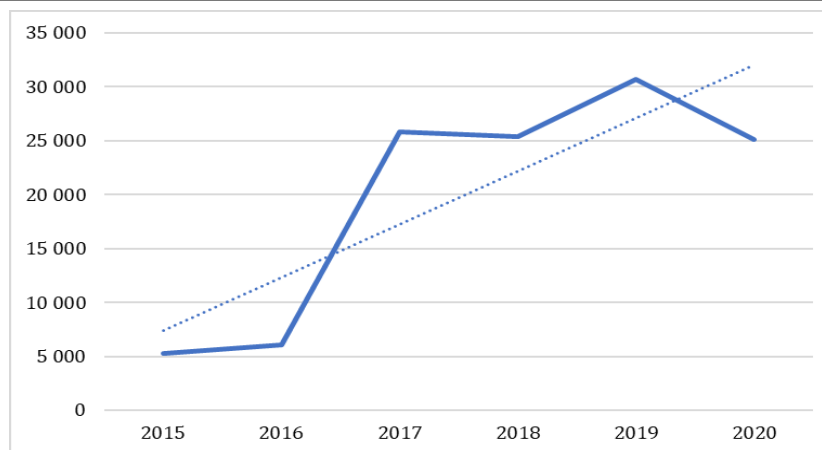

Рисунок 4. Динамика стоимости чистых активов (млн руб.) госкомпаний с 2015 по 2020 гг.²⁸

В ходе анализа последних результатов приватизации Счетной палатой РФ были обозначены ключевые проблемы, связанные с процессом отчуждения государственной собственности, многие из которых уже стали хроническими для российской экономики за последние тридцать лет, среди них можно выделить следующие:

- проблема обеспечения баланса краткосрочных (пополнение федерального бюджета) и долгосрочных (социальная стабильность, экономическая безопасность) государственных интересов при выборе объектов для продажи;
- отсутствие надлежащей предпродажной подготовки объектов государственной собственности, позволяющей повысить их инвестиционную привлекательность;
- проблема справедливой рыночной оценки отчуждаемых активов²⁹;
- формальный подход к составлению Прогнозных планов приватизации, которые перестали выполнять роль основного инструмента отчуждения государственных активов и на практике не выполняются³⁰;
- проведение сделок по продаже объектов государственной собственности, отсутствующих в Плане приватизации, или включение в него предприятий из числа стратегических;
- недостаточное информационное освещение процесса приватизации;
- неэффективная работа агентов по продаже государственного имущества.

В контексте обозначенных выше проблем аудиторы Счетной палаты выражают озабоченность низкими темпами приватизации и сохранением значительного присутствия государства в экономике. Правительство тем временем провозглашает курс на разгосударствление экономики, определяя цель повышения темпов экономического развития посредством сведения к минимуму участия государства в деятельности коммерческих компаний на конкурентных рынках³¹. При этом темпы сокращения количества организаций с государственным участием обозначены на уровне 10% в год (по нашим подсчетам, реальные темпы приватизации коммерческих организаций за период с 2017 по 2023 гг. не превышают

²⁸ Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/emiss> (дата обращения: 09.06.2023).

²⁹ В 2018 г. по 10 состоявшимся продажам цена приватизации пакетов акций оказалась ниже балансовой стоимости пакетов акций.

³⁰ За период с 2017 по 2019 гг. в План приватизации вносились изменения 58 раз!

³¹ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года // Правительство РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ne0vGNjUk9SQjlGNNsXlX2d2CpCho9qS.pdf> (дата обращения: 10.06.2023).

в среднем 6% в год), что, вероятно, не представляет угрозы для стратегических отраслей российской экономики. Что по-настоящему вызывает беспокойство, так это выявленные случаи продажи государственных активов вне Плана приватизации в обход нормативного регулирования, а также намерения приватизировать стратегические предприятия, вовсе запрещенные к продаже³². Наши опасения неслучайны, ведь зачастую целью покупателя государственных активов является не само предприятие как хозяйствующий субъект, а его имущественный комплекс, используемый в дальнейшем как основа для ведения рентабельного бизнеса, например жилищного строительства. В таком случае речь идет не о переходе государственной собственности частным владельцам с целью повышения ее эффективности и роста конкуренции, а фактически о ликвидации государственного сектора, и таких ситуаций следует избегать.

Низкое качество работы по формированию перечня объектов, подлежащих приватизации, создает реальную угрозу повторения ошибок прошлого, начиная от недополучения бюджетных средств в результате продажи государственных активов, заканчивая такими серьезными последствиями, как стагнация производства и подрыв экономической безопасности страны.

Не последнее значение в деле повышения эффективности управления государственной собственностью имеет применение ключевых индикаторов финансово-хозяйственной деятельности предприятий государственного сектора, в том числе в целях премиривания/депремиривания их руководящего состава. В методических рекомендациях по применению ключевых показателей эффективности деятельности хозяйственных обществ и унитарных предприятий, утвержденных Правительством РФ³³, содержится перечень таких показателей, среди которых наиболее значимыми являются: совокупная акционерная доходность, рентабельность продаж, коэффициент рентабельности инвестированного/собственного капитала, динамика размера прибыли, динамика удельной выручки, доля непрофильных активов и др. Формирование устойчивой взаимосвязи между результатами деятельности госкомпаний и вознаграждением топ-менеджмента позволяет решить классическую проблему недостаточной мотивации частных лиц при управлении государственным имуществом.

Характеризуя в целом современное состояние госсектора в России, можно отметить, что, несмотря на озвученные правительством планы по минимизации участия государства на конкурентных рынках, на государственный сектор по-прежнему приходится значительная доля экономики страны, а темпы его сокращения весьма умеренные. В условиях новых глобальных вызовов сохранение влияния государства в ключевых отраслях народного хозяйства представляется более чем оправданным. Вместе с тем низкое качество работы по разграничению объектов государственной собственности, имеющих стратегическое значение, и объектов, подлежащих приватизации, снижает эффективность реорганизации госсектора и может навредить оперативному решению стоящих перед ним задач. Охвативший весь мир в 2020 г. коронакризис, безусловно, отразился также на состоянии госкомпаний и привел к ухудшению основных финансовых показателей их деятельности. Однако положительная динамика данных показателей в среднесрочной перспективе, а также значительное увеличение прибыли,

³² В качестве примера можно привести ФГУП «Атомфлот» (г. Мурманск), состоящее в перечне стратегических организаций ядерного оружейного комплекса РФ, входящее с 2008 г. в состав госкорпорации «Росатом».

³³ Методические рекомендации по применению ключевых показателей эффективности деятельности хозяйственных обществ, в уставных капиталах которых доля участия РФ или субъекта РФ превышает 50 процентов, и показателей деятельности государственных унитарных предприятий в целях определения размера вознаграждения их руководящего состава // Правительство ТРФ [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/GFN0AE2WD9n99XrCPN2FvA4Zo6STQSVj.pdf> (дата обращения: 10.06.2023).

приходящейся на долю государства в уставных капиталах обществ, и дивидендов по акциям в 2022 г. свидетельствуют о правильно выбранном курсе на консолидацию активов государственного сектора российской экономики.

Функции государственного сектора в новых реалиях

Исследование динамики и структуры госсектора в новых реалиях позволяет говорить об усилении государственного влияния, что объясняется расширением его функций в экономике. В условиях глобальной турбулентности, беспрецедентных санкций со стороны западных стран и других вызовов современности, требующих мобилизации сил государства, размеры государственной собственности должны соответствовать выполнению основных и дополнительных обязанностей в экономике.

Напомним, что к базовым функциям госсектора, которые остаются актуальными по сей день, исследователи относят: производство общественных благ, поддержание целостности национальной экономики, защиту суверенных интересов, развитие стратегически важных отраслей, создание «точек роста» [Цифровая трансформация экономики 2019]. К дополнительной ответственности государственного сектора России, обусловленной сегодняшними вызовами, следует отнести следующие функции: финансирование инноваций для импортозамещения; создание положительной практики перехода на российские решения в бизнесе; временное управление иностранными активами; развитие экономики совместного потребления, обеспечение технологического трансфера между отраслями; кооперацию с флагманами российского бизнеса, выступающими центрами компетенций; сдерживание оттока ключевых кадров.

Для ускоренного развития прорывных технологий, позволяющих запустить в стране производство высокотехнологичной продукции, замещающей импортную, требуется существенное финансирование, которое невозможно обеспечить без помощи госсектора как крупнейшего заказчика. Общие затраты госкорпораций на реализацию научно-исследовательских проектов в рамках программ инновационного развития (ПИР) составляют порядка 1,5 трлн руб.³⁴ В перечень компаний с госучастием, реализующих ПИР, входят 57 государственных корпораций, АО и ФГУП, включая «Росатом», «Ростех», «РЖД», «ИНТЕР РАО», «АЛРОСА», «Ростелеком», «Аэрофлот» и др.

Важно не только создать технологии, но и обеспечить платежеспособный спрос на готовый продукт. В частности, если рассматривать российскую ИТ-отрасль, то здесь проблемой остается небольшой объем производства отечественных компаний по сравнению с мировыми лидерами, из-за чего им трудно конкурировать по цене, а также низкая осведомленность потребителей о наличии российских аналогов при том, что отечественные решения существуют во всех категориях программного обеспечения (ПО)³⁵. Компании с государственным участием должны первыми апробировать российский продукт, замещающий импортный, выступая ориентиром для частного бизнеса. Политический контекст подводит к необходимости применения достаточно жестких регулирующих мер со стороны государства: в качестве примера можно привести запрет госкомпаниям использовать с 2025 г. иностранное ПО на объектах критической инфраструктуры, а закупать его не разрешается уже с марта 2022 г., что делает безальтернативным переход на отечественные ИТ-решения. Одновременно с этим иностранные поставщики массово уходят с рынка, ускоряя процесс импортозамещения. Многие государственные

³⁴ Программы инновационного развития // Министерство экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d01/razvitie_sistemy_gosudarstvennoy_podderzhki_innovatsiy_v_subektah_programmy_innovacionnogo_razvitiya/?ysclid=lkzso4glh8882424168 (дата обращения: 10.06.2023).

³⁵ Цифровая трансформация и суверенные интересы // Росконгресс [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/sessions/spief-tsfrovaya-transformatsiya-i-suverennye-interesy/translation/#> (дата обращения: 01.06.2023).

предприятия уже имеют весьма успешный опыт экстренного перехода на российские ИТ-решения. Так, авиакомпания «Победа», являющаяся дочерней организацией ПАО «Аэрофлот», в конце мая 2022 г. была вынуждена за несколько дней осуществить миграцию на новую отечественную платформу для бронирования билетов в связи с отключением доступа к прежней зарубежной системе. Вместе с тем большей части новых продуктов требуется доработка и доведение до тех стандартов качества, которые необходимы компаниям.

Новой функцией государственного сектора, обусловленной текущей геополитической повесткой, является и временное управление активами иностранных инвесторов. В соответствии с Указом Президента РФ от 25 апреля 2023 г.³⁶, данная мера вводится как ответ на действия недружественных стран для нивелирования угрозы экономической безопасности РФ точно в отношении ряда предприятий, имеющих важное значение для экономики страны. В настоящее время в список включены иностранные компании из энергетической сферы (Uniper, Fortum), а также из сферы товаров массового потребления (Danone, Carlsberg), однако данный перечень может пополняться по решению президента. Внешнее управление не лишает права собственности, но полностью отстраняет владельца от принятия корпоративных решений, таких как продажа бизнеса, его реорганизация и др. По сути, российские компании, пострадавшие от действий недружественных государств, берут под контроль активы (движимое и недвижимое имущество, пакеты акций, доли в уставных капиталах, имущественные права) и временно решают их судьбу, основываясь на приоритетах развития национальной экономики.

В цифровую эпоху у государственного сектора появляется еще одна новая функция, связанная с развитием экономики совместного потребления (ЭСП) [Gorog 2018; Benoit et al. 2022] в РФ. Внешние вызовы создают серьезные риски для участников ЭСП, обусловленные уходом с рынка иностранных поставщиков услуг, блокировкой электронных приложений, невозможностью проведения транзакций и др., снизить которые могут государственные компании, выступая создателями цифровых платформ и приложений в разных сферах ЭСП. Кроме того, компании госсектора могут стать активными участниками только зарождающегося в нашей стране B2B-сегмента шеринга [Paik et al. 2019], создавая спрос и предложение на рынке краткосрочной аренды средств производства. Ряд подобных сервисов уже запущен на базе государственной информационной системы промышленности (ГИСП) Минпромторга. Данная платформа была создана еще в 2015 г., за это время она увеличивала активную аудиторию и количество полезных сервисов и к настоящему моменту превратилась в развитую цифровую среду для эффективного взаимодействия бизнеса и государства. В 2022 г. в связи со значительным повышением спроса на отечественную промышленную продукцию Минпромторг России запустил новый онлайн-сервис — биржу импортозамещения, содержащую широкую базу надежных поставщиков и много автоматизированных функций и дополнительных полезных сервисов для пользователей, что в совокупности делает ее готовой экосистемой цифровых продуктов, уменьшающей затраты бизнеса. Создавая цифровые платформы, сервисы, онлайн-каталоги продукции и др., госсектор выступает драйвером развития B2B-шеринга в стране и цифровой экономики в целом [Кононкова, Михайленко 2023].

Вместе с тем описанные сервисы требуют дальнейшего развития для эффективной реализации технологического трансфера между отраслями российской экономики. Развитие практики совместного использования промышленного оборудования в условиях санкций и ограниченной доступности высококачественных средств производства является обязательным

³⁶ Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2023 № 302 «О временном управлении некоторым имуществом» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445530/7b0840d1154c86261c1fc7864c05ef59bd5f1191/ (дата обращения: 03.06.2023).

условием для реализации данной функции госсектора. Включение компаний с государственным участием в процесс обмена средствами производства способно расширить предложение дефицитных ресурсов и ускорить реализацию планов импортозамещения в стране.

Консолидация с ключевыми частными игроками для создания уникального национального продукта — еще одна новая зона ответственности государственного сектора. В условиях турбулентности важно даже конкурирующим между собой субъектам национального рынка объединяться ради достижения общей цели — технологической независимости, обмениваться опытом, учитывать российскую и международную практику производства и внедрения инновационных решений. Правительство делает упор на флагманов российского бизнеса, способных выступить центрами компетенций по разным направлениям импортозамещения. В частности, создаются индустриальные центры компетенций для промышленных предприятий и центры компетенций для развития общепользовательских продуктов. Планируется на регулярной основе проведение отраслевых консультаций, встреч представителей профильных министерств, госкомпаний и частного бизнеса. По сути, это новая форма государственно-частного партнерства.

В условиях массового ухода иностранных фирм с российского рынка государственные компании должны взять на себя важную миссию по сдерживанию оттока ключевых кадров, предлагая квалифицированным специалистам интересные проекты внутри страны, необходимые для их реализации ресурсы, конкурентоспособные заработные платы и иные стимулы. Специалисты с опытом работы в транснациональных корпорациях обладают ценными компетенциями, крайне необходимыми для российских компаний, реализующих стратегии цифровой трансформации и импортозамещения. По наблюдениям представителей отраслей, уезжают из страны примерно от 20 до 50% работников иностранных компаний, причем как рядовых офисных сотрудников, так и топ-менеджеров³⁷. Предприятия с государственным участием, в силу масштабов бизнеса, могут предоставить больше интересных задач и свободы для творчества и самореализации, что особенно важно для представителей ИТ-отрасли, развивающейся сегодня в России сверхбыстрыми темпами. В качестве примера можно привести последние действия госкомпаний (в частности, банковского сектора) по отделению от основного бизнеса ИТ-подразделений и преобразованию их в самостоятельные (дочерние) предприятия с последующим расширением штата и набором новых сотрудников.

Таким образом, сверхновые реалии диктуют необходимость расширения функций государственного сектора, который, помимо своих основных обязанностей, приобретает описанные выше дополнительные. Для успешной реализации новых функций требуется не столько количественная оптимизация госсектора (хотя упразднение отживших ОПФ в виде ГУП, безусловно, сохраняет свою актуальность), сколько качественные изменения, заключающиеся в повышении эффективности управления государственной собственностью, применении инновационных инструментов и бизнес-процессов, развитии новых механизмов государственно-частного партнерства. Проведенное нами исследование свидетельствует об определенных положительных изменениях в данном направлении.

Выводы

Общие закономерности развития государственного сектора характеризуются цикличностью, отражая увеличение его масштабов во время кризисов и сокращение в фазе экономического роста. Анализ опыта функционирования государственных компаний в период пандемии COVID-19, а также нового санкционного давления западных стран, угрожающего

³⁷ Цифровая трансформация и суверенные интересы // Росконгресс [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/sessions/spief-tsirovaya-transformatsiya-i-suverennye-interesy/translation/#> (дата обращения: 01.06.2023).

экономической безопасности России, подтвердил необходимость государственной собственности как надежного инструмента государственного регулирования. При этом условием преодоления глобальных вызовов является гибкость государственного сектора, основанная преимущественно не на количественных, а на качественных изменениях.

В России продолжается реформа госсектора, проходящая под эгидой минимизации участия государства в деятельности коммерческих компаний на конкурентных рынках. На практике это выражается в преобразовании унитарных предприятий в акционерные общества и объединении их в вертикально интегрированные структуры, управляемые государственными корпорациями. Численное сокращение государственных компаний происходит за счет продажи или упразднения небольших организаций, в основном коммерческой направленности, и не несет угрозы стратегическим интересам страны. Переход к более эффективным рыночным организационно-правовым формам и положительная динамика ключевых показателей финансово-хозяйственной деятельности коммерческих предприятий госсектора в среднесрочной перспективе свидетельствуют о наличии качественных улучшений в структуре государственного сектора. Консолидация активов и усиление властно-хозяйственных полномочий внутри госсектора отвечает потребностям обеспечения национальной и экономической безопасности, обусловленным современными глобальными вызовами. Вместе с тем есть ряд объективных проблем, требующих решения, в том числе низкое качество работы по инвентаризации государственного имущества, формальный подход к составлению планов приватизации и др.

В условиях глобальной турбулентности и внешних угроз национальным интересам России государственный сектор приобретает дополнительные обязательства по финансированию прорывных технологий; апробации отечественных инноваций на практике; временному управлению иностранными активами; развитию шеринг-платформ, обеспечению технологического трансфера между отраслями; созданию партнерств с флагманами российского бизнеса; сдерживанию оттока ключевых кадров и привлечению новых специалистов. Наличие выявленных качественных преобразований, в том числе улучшение показателей финансово-хозяйственной деятельности госкомпаний, активное использование инновационных инструментов и бизнес-процессов, развитие новых механизмов государственно-частного партнерства и др., свидетельствует о положительных сдвигах в направлении реализации новых функций государственного сектора российской экономики.

Список литературы:

Дементьев В.Е. Государственные корпорации и структурные сдвиги в экономике // Управление. 2016. № 3. С. 12–18. DOI: [10.12737/21291](https://doi.org/10.12737/21291)

Клейнер Г., Петросян Д., Беченов А. Еще раз о роли государства и государственного сектора в экономике // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 25–41. DOI: [10.32609/0042-8736-2004-4-25-41](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-4-25-41)

Козлова С.В., Братченко С.А. Совершенствование системы управления государственной собственностью: уроки прошлого и направления развития // Российский экономический журнал. 2018. № 4. С. 56–68.

Кононкова Н.П., Михайленко Д.А. «Антикризисная» приватизация в контексте общемировых закономерностей развития государственной собственности // Российский экономический журнал. 2017. № 6. С. 39–53.

Кононкова Н.П., Михайленко Д.А. Государственная собственность как фактор минимизации рисков и неопределенности в экономике совместного потребления // Международная ежегодная научная конференция Ломоносовские чтения-2022. Секция экономических наук. «Наука и искусство экономической политики в кризисных условиях» Сборник лучших докладов. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. 2023. С. 174–179.

Радыгин А. Россия в 2000–2004 годах: на пути к государственному капитализму? // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 42–65. DOI: [10.32609/0042-8736-2004-4-42-65](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-4-42-65)

Радыгин А.Д., Энтов Р.М., Абрамов А.Е., Аксенов И.В., Мальгинов Г.Н., Чернова М.И. «Большая неохотная приватизация»: противоречивые подходы в условиях санкций // Вопросы экономики. 2018. № 8. С. 5–38. DOI: [10.32609/0042-8736-2018-8-5-38](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-8-5-38)

Цифровая трансформация экономики: государство, бизнес, общество: коллективная монография / под ред. Н.П. Кононковой. М.: ТЕИС, 2019.

Benoit S., Wang Y., Teng L., Hampson D., Li X. Innovation in the Sharing Economy: A Framework and Future Research Agenda // Journal of Business Research. 2022. Vol. 149. P. 207–216. DOI: [10.1016/j.jbusres.2022.05.020](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.05.020)

Gorog G. The Definitions of Sharing Economy: A Systematic Literature Review // Management. 2018. Vol. 13. Is. 2. P. 175–189. DOI: [10.26493/1854-4231.13.175-189](https://doi.org/10.26493/1854-4231.13.175-189)

Paik Y., Kang S., Seamans R. Entrepreneurship, Innovation and Political Competition: How the Public Sector Helps the Sharing Economy Create Value // Strategic Management Journal. 2019. Vol. 40. Is. 4. P. 503–532. DOI: [10.1002/smj.2937](https://doi.org/10.1002/smj.2937)

References:

Benoit OS., Wang Y., Teng L., Hampson D., Li X. (2022) Innovation in the Sharing Economy: A Framework and Future Research Agenda. *Journal of Business Research*. Vol. 149. P. 207–216. DOI: [10.1016/j.jbusres.2022.05.020](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.05.020)

Dyemyentyev V. (2016) State Corporations and Structural Changes in the Economy. *Upravlenie*. No. 3. P. 12–18. DOI: [10.12737/21291](https://doi.org/10.12737/21291)

Gorog G. (2018) The Definitions of Sharing Economy: A Systematic Literature Review. *Management*. Vol. 13. Is. 2. P. 175–189. DOI: [10.26493/1854-4231.13.175-189](https://doi.org/10.26493/1854-4231.13.175-189)

Kleiner G., Petrosyan D, Bechenov A. (2004) One More Time on the Role of the State and the State Sector in the Economy. *Voprosy Ekonomiki*. No. 4. P. 25–41. DOI: [10.32609/0042-8736-2004-4-25-41](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-4-25-41)

Kononkova N.P., Mikhailenko D.A. (2017) Anti-Crisis Privatization in the Context of Global Regularities of State Property Development. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal*. No. 6. P. 39–53.

Kononkova N.P., Mikhailenko D.A. (2023) Gosudarstvennaya sobstvennost' kak faktor minimizatsii riskov i neopredelennosti v ekonomike sovместного potrebleniya [State property as a factor of minimizing risks and uncertainty in the sharing economy]. *Mezhdunarodnaya ezhegodnaya nauchnaya konferentsiya Lomonosovskie chteniya-2022. Sektsiya ekonomicheskikh nauk. "Nauka i iskusstvo ekonomicheskoy politiki v krizisnykh usloviyakh" Sbornik luchshikh dokladov*. Moscow: Ekonomicheskii fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova. P. 174–179.

Kozlova S.V., Bratchenko S.A. (2018) Formation of Current Architecture of Relations in System of Public Administration of State Property: Lessons from History and Vectors of Development. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal*. No. 4. P. 56–68.

Kononkova N.P. (ed.) (2019) *Tsifrovaya transformatsiya ekonomiki: gosudarstvo, biznes, obshchestvo* [Digital transformation of the economy: State, business, society]. Moscow: TEIS.

Paik Y., Kang S., Seamans R. (2019) Entrepreneurship, Innovation and Political Competition: How the Public Sector Helps the Sharing Economy Create Value. *Strategic Management Journal*. Vol. 40. Is. 4. P. 503–532. DOI: [10.1002/smj.2937](https://doi.org/10.1002/smj.2937)

Radygin A. (2004) Russia in 2000–2004: Heading towards State Capitalism? *Voprosy Ekonomiki*. No. 4. P. 42–65. DOI: [10.32609/0042-8736-2004-4-42-65](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-4-42-65)

Radygin A.D., Entov R.M., Abramov A.E., Aksenov I.V., Malginov G.N., Chernova M.I. (2018) Large-Scale Reluctant Privatization: Contradictions and Challenges under Sanctions. *Voprosy Ekonomiki*. No. 8. P. 5–38. DOI: [10.32609/0042-8736-2018-8-5-38](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-8-5-38)

Дата поступления/Received: 13.06.2023

Устойчивое развитие сельских территорий: проблемы и направления государственного регулирования

Шимук Ольга Владимировна

Соискатель, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: shimukolga@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [1051-2811](#)

ORCID ID: [0000-0001-8122-584X](#)

Аннотация

В условиях санкционных ограничений начиная с 2014 г. экономика России столкнулась с рядом вызовов, прежде всего с обеспечением экономической безопасности. При этом и предыдущий, и современный этапы показали, что открываются новые возможности для отечественных производителей, это касается и сельских территорий. Но далеко не всегда регионы используют данный шанс, некоторые демонстрируют переменный рост и определенную стагнацию, что обостряет проблему неравномерности их развития. В этой связи в статье предпринята попытка оценить современное состояние сельских территорий на примере Ярославской области. Основываясь на применении системного и компаративистского подходов, методах анализа и синтеза, обработки статистических данных, автор выявляет усиливающуюся дифференциацию, связанную с рядом проблем, главными из которых являются социальное опустынивание, неконкурентный уровень оплаты труда, деградационные процессы в сфере производства, неразвитость несельскохозяйственной сферы и др. В результате наблюдается нарушение устойчивого состояния территорий, это оказывает неблагоприятное воздействие на экономику региона в целом. Проведенный анализ позволил выявить направления государственного регулирования и поддержки районов. К приоритетам автор относит координацию таких вопросов, как занятость и доходы населения, стабилизация демографической ситуации, развитие инфраструктуры. В контексте перехода к модели устойчивого развития особое внимание обращается на применение комплексного подхода к управлению, основанному на использовании не только новых мер и инструментов, но и предполагающему создание особых условий, а также внедрение системы контроля, что усилит ряд социально-экономических эффектов.

Ключевые слова

Региональная экономика, социально-экономическое неравенство, сельские территории, устойчивое развитие, государственное регулирование.

Sustainable Development of Rural Areas: Problems and Directions of State Regulation

Olga V. Shimuk

PhD applicant, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: shimukolga@gmail.com

ORCID ID: [0000-0001-8122-584X](#)

Abstract

In the context of sanctions restrictions since 2014 the Russian economy has faced a number of challenges, primarily with ensuring economic security. At the same time, the previous and the current phases have shown that new possibilities are opening up for national producers. The rural areas have also received additional opportunities for development. However, in actual practice regions don't use this chance, several of them demonstrate variable growth and economic stagnation, enhancing the problem of uneven development. The aim of the research is to evaluate current socio-economic situation in rural areas on the example of the Yaroslavl Region. Based on system and comparative approaches, methods of analysis and synthesis, processing of statistical data, the author reveals increasing differentiation in rural areas, associated with such important problems as social desertisation, non-competitive salary level, degradation processes in the production, underdevelopment of the non-agricultural sector, etc. As the result, the stable state of the territories is disturbed. It has negative effect on the region's economy. Research analysis made it possible to identify the areas of state regulation and support of the regions. According to the author opinion it's important to coordinate such priority directions as employment and household income, stabilization of the demography, infrastructure development. In the case of the transition to sustainable development special attention is paid to the application of the integrated approach, using new measures and tools. In addition it's necessary to create special conditions and to enhance control system. As the result, social and economic effects will strengthen.

Keywords

Regional economy, socio-economic differentiation, rural areas, sustainable development, state regulation.

Введение

Вопросы устойчивого развития сельских территорий становятся все более актуальными в текущих экономических условиях. Санкционные ограничения, с которыми столкнулась экономика России, и последовавшие за ними кризисы показали, что в новых реалиях открываются возможности для стимулирования отечественного производства, в том числе расширяются перспективные направления для сельских территорий.

Со стороны органов исполнительной власти в период с 2010 по 2020 гг. усилился интерес к регулированию вопросов развития сельской местности. В эти годы был принят ряд стратегически значимых программ: Концепция и Стратегия устойчивого развития сельских территорий¹, в 2019 г. была утверждена Госпрограмма «Комплексное развитие сельских территорий»² и др.

Благодаря реализации данных документов удалось решить одну из наиболее стратегически важных для нашей страны задач — обеспечить продовольственную безопасность. Однако, несмотря на усиленное государственное регулирование, ряд социально значимых проблем не только продолжает сохраняться, но и усиливается. Так, в сельской местности остро стоят вопросы социально-экономического неравенства, отсутствия диверсификации экономики, в ряде территорий стремительно ухудшается демографическая ситуация, что ставит их под угрозу исчезновения [Петриков 2021].

На проблемы, препятствующие устойчивости, обращают внимание некоторые отечественные экономисты, в центре внимания которых находятся вопросы, связанные с продолжающимся усилением дифференциации внутри региона и межрегиональной дифференциации сельских территорий [Нефедова 2019]; нарастающим дисбалансом между темпами развития агропромышленного производства и темпами социального развития [Ушачев и др. 2021]. В настоящее время эти проблемы усугубляются монополизацией производства в узкой группе хозяйств.

При этом недостаточное внимание исследователей уделяется рассмотрению перехода сельских территорий к устойчивому развитию на уровне отдельно взятого субъекта и входящих в его состав муниципальных образований. Анализ того, как регионы используют свои возможности, почему принимаемые меры недействительны и что должно делать государство в данном направлении, придает еще большую актуальность данной работе.

В связи со слабой степенью разработанности отдельных аспектов обозначенных выше вопросов целью настоящего исследования является выявление проблем развития сельских территорий и определение возможных направлений государственного регулирования с учетом новых экономических условий и открывающихся возможностей. Все большую актуальность приобретают задачи по переоценке роли органов исполнительной власти в регулировании политики, проводимой в сельской местности, определении приоритетных направлений финансовой поддержки и разработке новых мер и инструментов координации и контроля.

Развитие сельских территорий в контексте устойчивого развития

Как показывает исследовательский опыт, вопросы развития сельской местности непосредственно взаимосвязаны с другой не менее актуальной темой — с устойчивым развитием. В данном исследовании авторы опираются на определение, согласно которому под устойчивым развитием сельских территорий понимается стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объема производства сельскохозяйственной и рыбной продукции,

¹ Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.11.2010 г. № 2136-р // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902250089> (дата обращения: 01.06.2023); Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.02.2015 № 151-р // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420251273> (дата обращения: 01.06.2023).

² Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий». Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 31.05.2019 № 696 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/554801411> (дата обращения: 01.06.2023).

повышение эффективности сельского хозяйства и рыбохозяйственного комплекса, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, а также рациональное использование земель³. В связи с тем, что данное понятие является многоаспектным, мы предлагаем сосредоточить внимание на социальной и экономической составляющих.

Дополнительным аргументом в пользу нашего выбора является принятие в 2015 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН Целей устойчивого развития (далее — ЦУР), для выполнения которых к направлениям, требующим приоритетного регулирования, относятся: борьба с безработицей, рост доходов населения, обеспечение продовольственной безопасности, сокращение неравенства, в частности в предоставлении равного доступа к общественным благам⁴.

В контексте рассмотрения вопросов развития территорий отметим, что ситуация по регионам в России разная. Так, муниципальные районы объекта исследования — Ярославской области — по-прежнему неоднородны в социально-экономическом развитии как в целом, так и по отдельным сферам и направлениям хозяйственной деятельности [Голубева и др. 2014]. И эта неоднородность усиливается.

Частью методологии авторов является использование системного подхода, в рамках которого объект исследования представляет собой систему, то есть совокупность элементов, находящихся во взаимодействии, что способствует формированию различных видов взаимосвязей и в результате обеспечивает целостность всей структуры. Опираясь на идеи отечественных исследователей [Воронова и др. 2016], мы предлагаем рассматривать территории региона как систему, элементами которой являются входящие в ее состав муниципальные образования.

Кроме того, система должна обладать следующими важными свойствами: самовоспроизводством, сбалансированностью, гибкостью, прогрессом в развитии и др. Только в этом случае она способна развиваться и быстро приспосабливаться к изменяющимся внешним условиям, в том числе и к экономическим шокам.

Для проведения анализа важно определить признаки, позволяющие своевременно проводить мониторинг развития регионов. В Таблице 1 представлена сравнительная характеристика признаков устойчивого и неустойчивого развития сельских территорий.

Таблица 1. Признаки, характеризующие устойчивое и неустойчивое развитие сельских территорий⁵

Устойчивое развитие сельских территорий	Неустойчивое развитие сельских территорий
Воспроизводство населения	Стремительное сокращение численности населения
Сокращение неравенства	Рост неравенства
Доступ к общественным благам	Отсутствие доступа к общественным благам
Экономическая самостоятельность территории, в том числе продовольственная независимость	Экономическая зависимость территории от средств бюджетной поддержки, продовольственная зависимость от других территорий
Рост благосостояния и качества жизни населения	Снижение качества жизни и обнищание населения
Расширенная структура производства по формам и видам хозяйственной деятельности	Концентрация производства в крупных товарных хозяйствах

³ Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.11.2010 г. № 2136-р // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902250089> (дата обращения: 01.06.2023).

⁴ Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development // UN [Электронный ресурс]. URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (дата обращения: 01.06.2023).

⁵ Составлено автором.

Обозначенные признаки соотносятся преимущественно с экономической и социальной сферами и основными ЦУР. Их выделение позволяет выявлять степень неравенства в регионах и проводить классификацию социально-экономического развития применительно к сельской местности.

Для того, чтобы охарактеризовать территории Ярославской области по обозначенным выше признакам, нами использован компаративистский подход, в основе которого лежит сопоставление и сравнение различных объектов — в данном случае муниципальных районов. Кроме того, применение обозначенного метода в совокупности с анализом статистических данных помогло выявить общие и отличительные особенности в развитии территорий субъекта, в том числе сельских, а также определить возможные причины, вызывающие дисбаланс в системе региона.

С целью реализации выбранных методов исследования и сравнения территорий Ярославской области по обозначенным выше признакам нами проведен анализ следующих показателей социальной и экономической составляющих устойчивости⁶: численность населения; доля сельского населения от общей численности населения муниципального района; плотность населения; коэффициент естественного прироста; расстояние от районного центра до областного центра (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Показатели социально-демографического развития муниципальных районов Ярославской области в 2021 г.⁷

Муниципальный район	Численность населения, чел.	Доля сельского населения от общей численности населения муниципального района, %	Плотность населения, чел./1 км ²	Коэффициент естественного прироста, ‰	Расстояние от районного центра до областного центра, км
Большесельский	8967	100,00	6,72	-18,1	58
Борисоглебский	11830	54,38	6,77	-13,1	77
Брейтовский	5686	100,00	2,64	-16	222
Гаврилов-Ямский	24585	33,53	21,95	-11	46
Даниловский	23751	39,30	10,74	-14	69
Любимский	10266	51,09	5,2	-16,3	123
Мышкинский	9205	40,54	8,28	-16,7	126
Некоузский	13229	100,00	6,76	-21,1	162
Некрасовский	18629	52,03	13,66	-16,1	44
Первомайский	9779	52,86	4,39	-13,1	98
Пошехонский	12425	54,62	2,83	-20,8	151
Ростовский	61721	25,89	29,6	-13,2	58
Рыбинский	25274	100,00	8,04	-19	82
Тутаевский	55169	18,17	38,02	-10,2	38
Угличский	44218	28,87	17,22	-13,7	110
Ярославский	67675	96,13	35,18	-5,7	—

⁶ Экологический аспект устойчивости авторами не рассматривался.

⁷ Составлено автором по данным: Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований. База данных «Показатели муниципальных образований» // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ярославской области [Электронный ресурс]. URL: https://76.rosstat.gov.ru/main_indicators (дата обращения: 01.06.2023).

Ярославская область состоит из 16 муниципальных районов, отличающихся по численности населения и имеющих свои локальные проблемы. Проведенный анализ свидетельствует о наличии в субъекте ряда негативных тенденций, оказывающих дестабилизирующее воздействие на экономику региона и его муниципальных образований, что еще и препятствует достижению ЦУР.

Во-первых, среди особо неблагоприятных тенденций демографического характера следует отметить, что в регионе за последние десять лет, то есть в период с 2012 по 2021 гг., наблюдается усиливающаяся отрицательная динамика коэффициента естественного прироста населения. В среднем за данный период показатель демонстрировал максимальный отрицательный рост в Некоузском, Брейтовском, Пошехонском, Рыбинском муниципальных районах. Его значения составили 12,75‰, 11,67‰, 11,67‰, 10,33‰ соответственно.

Самая тяжелая ситуация сложилась в Некоузском, Пошехонском и Рыбинском районах. В 2021 г. этот показатель достиг значения 21,1‰, 20,8‰ и 19‰ соответственно. При этом следует подчеркнуть, что в удаленных территориях численность населения сокращается стремительнее. Одной из причин является недостаточная обеспеченность объектами социальной инфраструктуры (фельдшерско-акушерскими пунктами, больницами), а также низкая транспортная доступность отдаленных районов.

Проблема с коэффициентом естественного прироста усугубляется и стареющей структурой населения. Данный факт актуализирует проблему социального опустынивания, характерную для большого количества субъектов нашей страны. Так, по мнению А.В. Петрикова, многие сельские территории России находятся на грани исчезновения [Петриков 2021].

Во-вторых, к числу неблагоприятных тенденций демографического характера в Ярославской области относится сильная пространственная поляризация районов по численности проживающего населения, в том числе сельского. Это выражается в неравномерной заселенности территорий. Наименьшая плотность населения наблюдается в отдаленных муниципальных районах, наибольшая — в тех, что расположены ближе к областному центру (г. Ярославлю).

Так, минимальная плотность населения характерна для Брейтовского района — 2,64 чел./1км², при этом доля сельского населения составляет 100% от общей численности. К наименее заселенным также относятся Пошехонский, Первомайский и Любимский районы, значение показателя составляет 2,83 чел./1км², 4,39 чел./1км², 5,2 чел./1км² соответственно. К районам с наиболее высокой плотностью населения относятся: Ярославский, Тутаевский, Ростовский, Гаврилов-Ямский, то есть пригородного типа. В них преимущественно проживает городское население, за исключением Ярославского района.

Заметим, что заселенность района существенно зависит от фактора местоположения. На это обращают внимание отдельные исследователи, специализирующиеся на изучении вопросов пространственного развития сельских территорий. Так, по мнению Т.Г. Нефедовой, муниципальные районы, которые непосредственно примыкают к региональным центрам, привлекательны для сельского населения [Нефедова 2019]. Периферийные районы, в нашем случае Брейтовский, Пошехонский, Первомайский и Любимский, стремительно теряют население.

Таким образом, обе неблагоприятные тенденции демографического характера свидетельствуют о нарушении важного признака устойчивого развития сельских территорий — воспроизводства населения. Обостряются проблемы социального опустынивания и усиления контрастности в пространственном развитии. Впоследствии это может привести к исчезновению ряда сельских территорий, особенно удаленных.

В контексте принятых ЦУР важно также обратить внимание на проблемы распределения доходов и занятости населения. Имеющиеся данные представлены в Таблице 3.

Анализируя социально-экономическую ситуацию в муниципальных районах области, мы обратили внимание на следующие показатели: среднемесячный уровень заработной платы работников организаций по обследуемым видам экономической деятельности; среднемесячная заработная плата работников организаций в отрасли сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (далее — в отрасли сельское хозяйство и смежных отраслях)⁸; доля заработной платы в отрасли сельское хозяйство и смежных отраслях по отношению к среднемесячному по всем видам экономической деятельности; доля населения, занятого в отрасли сельское хозяйство и смежных отраслях.

Таблица 3. Показатели социально-экономического развития муниципальных районов Ярославской области в 2021 г.⁹

Муниципальный район	Среднемесячный уровень заработной платы работников организаций*, всего по обследуемым видам экономической деятельности, рубль	Среднемесячная заработная плата работников организаций в отрасли сельское хозяйство и смежных отраслях*, рубль	Доля заработной платы в отрасли сельское хозяйство и смежных отраслях по отношению к среднемесячному по всем видам экономической деятельности, %	Доля населения, занятого в отрасли сельское хозяйство и смежных отраслях, %
Большесельский	33530,2	32116,7	96	3,08
Борисоглебский	32282,6	33468	104	6,83
Брейтовский	31553,9	23119,5	73	2,21
Гаврилов-Ямский	38707,1	26375,7	68	0,59
Даниловский	35205,2	32153,4	91	2,87
Любимский	31636,1	34968	111	14,83
Мышкинский	41536,5	15595,8	38	Н.д.
Некоузский	35144,6	18474	53	1,46
Некрасовский	33611,2	29482,6	88	6,66
Первомайский	31155,8	20456,6	66	1,87
Пошехонский	30081,6	24257,7	81	2,66
Ростовский	36614,3	33171,3	91	3,36
Рыбинский	39627,5	45856,8	116	36,71
Тутаевский	35710	27103,6	76	2,49
Угличский	36457	29498	81	6,43
Ярославский	48864	38201,1	78	10,51

Проведенный анализ показал, что в сфере доходов также имеются неблагоприятные тенденции.

Во-первых, для региона характерно неравномерное распределение доходов населения в целом, в том числе и проживающего в сельской местности. В 2021 г. среднемесячный уровень заработной платы работников организаций был наименьшим в Пошехонском (30081,6 руб.), Первомайском (31155,8 руб.), Любимском (31636,1 руб.), Брейтовском (31553,9 руб.)

⁸ Лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство.

⁹ Составлено автором по данным: Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований. База данных «Показатели муниципальных образований» // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ярославской области [Электронный ресурс]. URL: https://76.rosstat.gov.ru/main_indicators (дата обращения: 01.06.2023). Примечание: * — без субъектов малого предпринимательства.

муниципальных районах области. Максимальное значение показателя в Ярославском муниципальном районе — 48864 руб. Заметим, что разница между максимальным и минимальным значением показателя существенна и составляет 1,6 раз.

Существенно различается уровень заработной платы в исследуемом сельском хозяйстве и смежных отраслях. Так, в 2021 г. среднемесячная заработная плата работников организаций в рассматриваемых отраслях была минимальной в Мышкинском муниципальном районе и составила 15595,8 руб., в Некоузском — 18474 руб., в Первомайском — 20456,6 руб., в Брейтовском — 23119,5 руб. Самым высоким значением заработной платы отличаются Рыбинский и Ярославский муниципальные районы — 45856,8 руб. и 38201 руб. соответственно.

Еще больше усиливает остроту проблемы доходов населения тот факт, что среднемесячная заработная плата работников сельскохозяйственной сферы в удаленных районах, например в Мышкинском, лишь в 1,45 раза превышала величину прожиточного минимума в области в 2021 г. (10742 руб.). Очевидно, что такой низкий уровень заработной платы не является конкурентным, не стимулирует жителей работать в отрасли, а также подрывает основы продовольственной безопасности региона.

Мысль о неравномерном распределении доходов и неконкурентной оплате труда в сельскохозяйственной сфере, особенно в удаленных районах области, подтверждает анализ отношения заработной платы в сельском хозяйстве и смежных отраслях к среднемесячному уровню аналогичного показателя по всем видам экономической деятельности. Так, в Мышкинском, Некоузском, Первомайском и Брейтовском районах это отношение было минимальным и составило 38%, 53%, 66%, 73% соответственно.

Напротив, на отдельных территориях население, трудящееся в сельскохозяйственной сфере, имеет возможность получать конкурентную заработную плату. В целом ее уровень был выше, чем в других отраслях экономики, на 16% — в Рыбинском, на 11% — в Любимском, на 4% — в Борисоглебском районах.

Дополнительным аргументом, подкрепляющим идею о наличии прямой взаимосвязи между конкурентной заработной платой в отрасли и желанием населения работать в данной сфере, является анализ доли населения, занятого в сельском хозяйстве и смежных отраслях.

Так, можно заметить, что доля населения, занятого в сельском хозяйстве и смежных отраслях, минимальна в районах с наименьшим уровнем заработной платы: Некоузском — 1,46%, Первомайском — 1,87%, Брейтовском — 2,21%. Обратная ситуация наблюдается в районах с наиболее высоким уровнем заработной платы в рассматриваемых отраслях — Рыбинском, Любимском, Ярославском. Доли занятого населения составили 36,71% (2087 человек), 14,83% (274 человека), 10,51% (1556 человек) соответственно.

В целом проведенный анализ в отношении доходов населения позволил сделать ряд важных выводов. Наличие таких проблем, как неравномерный уровень заработной платы в муниципальных районах области и неконкурентная оплата труда в сельском хозяйстве и смежных отраслях, оказывают неблагоприятное воздействие на экономику региона и его территорий. Нарушаются важные признаки устойчивого развития сельских территорий: воспроизводство населения, сокращение неравенства, экономическая самостоятельность, рост благосостояния и качества жизни.

Таким образом, без должного внимания со стороны государства к решению вопросов распределения доходов и занятости сельского населения, а также проблем демографического характера неблагоприятные тенденции в социальной и экономической сферах продолжат

усиливаться. Это является дополнительным аргументом в пользу пересмотра политики государства в регулировании вопроса устойчивого развития сельских территорий и разработки нового подхода к управлению.

Роль государства при переходе на устойчивый путь развития

30-летний опыт развития сельских территорий и наш анализ показывают, что не все российские регионы могут успешно развиваться в рыночной среде без поддержки государства. Это связано с пространственностью российской экономики, нарушением хозяйственных связей, неразвитостью институтов, особыми рисками в сельском хозяйстве. Переход к устойчивому развитию территорий требует значительных инвестиций [Кленова и др. 2020], с увеличением объемов поддержки связана и реализация разработанных Правительством программ и концепций.

При этом мы предлагаем не ограничивать роль государства лишь финансовой функцией. Важно разработать комплексный подход, предусматривающий создание дополнительных условий и стимулов для доступа к общественно значимым услугам и усиление системы контроля на местах, то есть на уровне сельских территорий муниципальных образований. Необходима разработка эффективных мер, учитывающих локальные особенности и проблемы развития.

Применение обозначенного подхода требует раскрытия сущности механизма государственного регулирования. В Таблице 4 представлены его основные элементы, которые предлагается использовать для перехода к устойчивому развитию сельских территорий: направления, меры, инструменты.

**Таблица 4. Основные элементы механизма государственного регулирования
(в контексте развития сельских территорий)¹⁰**

Направления	Меры	Инструменты
Развитие рынка труда и конкурентных отношений; улучшение и обновление социально-инженерной инфраструктуры и др.; регулирование доходов сельского населения; стабилизация демографической ситуации на селе; поддержка отраслей сельского хозяйства и др.	Правовые: разработка федеральных законов, подзаконных актов, кодексов и др.	ФЗ от 29.12.2006 N 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»; ФЗ от 07.07.2003 г. N 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве»; ФЗ от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и др.
	Экономические: бюджетно-налоговая политика; денежно-кредитная политика; региональная политика; инновационная политика; социальная политика; кадровая политика; политика по поддержке малых форм хозяйствования; политика, направленная на диверсификацию сельской экономики и др.	Особые налоговые режимы; грантовая поддержка сельскохозяйственных товаропроизводителей; льготные кредиты для малого и среднего бизнеса; государственные инвестиции и субсидии; государственные закупки сельскохозяйственной продукции; сельская ипотека; предоставление субсидий на реализацию мероприятий по благоустройству сельских территорий; социальные выплаты на улучшение жилищных условий и др.
	Программные: разработка госпрограмм и долгосрочных стратегий развития; локальные стратегии развития и др.	Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»; Стратегия устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года; Доктрина продовольственной безопасности РФ; государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» и др.

Разработка конкретных мер и инструментов связана с определением приоритетных направлений. Основываясь на анализе имеющихся проблем в развитии территорий региона и его муниципальных образований, автор предлагает особое внимание уделять следующим вопросам в порядке приоритетности:

¹⁰ Составлено автором.

- 1) занятости и развитию конкурентных отношений на рынке труда, в том числе развитию малых форм хозяйствования;
- 2) регулированию доходов сельского населения;
- 3) стабилизации демографической ситуации на селе;
- 4) развитию и улучшению социальной, транспортной, инженерной инфраструктуры, а также производству общественных благ.

Первоочередного внимания требует проблема занятости в сельской местности. Проведенный анализ позволяет предположить, что принимаемые ранее государством меры неэффективны в связи с тем, что занятость в сельской местности имеет свою специфику. Часть населения работает в сфере сельского хозяйства, но также оно может быть вовлечено в экономику посредством создания рабочих мест в несельскохозяйственных отраслях [Ambrosio-Albalá, Bastiaensen 2010].

Изучение зарубежного опыта показало, что в развитых странах «аграрный тренд» постепенно вытесняется новыми подходами, основанными на диверсификации [Rodríguez-Pose, Hardy 2015]. Последнюю предлагается рассматривать как одну из мер государственного регулирования сельских территорий. Еще большую актуальность диверсификация приобретает в связи с текущей экономической ситуацией. В результате нарушения множества логистических цепочек отечественные производители должны заместить выпавших поставщиков. В сельской местности необходимо развивать деятельность, связанную с хранением и транспортировкой продукции. Это требует создания специальных складских помещений, строительных центров и других объектов инфраструктуры.

Регулировать проблемы занятости сельского населения государство должно и посредством развития предпринимательской деятельности. В данном случае предлагаемой мерой для регионов является разработка политики по поддержке малых форм хозяйствования (далее — МФХ) в сельской местности: крестьянских (фермерских) хозяйств (далее — К(Ф)Х), кооперативов, индивидуальных предпринимателей (далее — ИП).

Осложняет решение данного вопроса и снижает эффективность обозначенной меры рост концентрации крупных специализированных производств, что также ограничивает возможности для развития МФХ. Анализ статистических данных показал, что в Ярославской области в 2021 г. в сельском хозяйстве 71,8% продукции был произведен сельскохозяйственными организациями (далее — СХО), 26% — хозяйствами населения (далее — ХН) и лишь 2,2% — К(Ф)Х¹¹. В этой связи органам исполнительной власти требуется усилить контроль за деятельностью крупных СХО, в том числе вертикально-интегрированных структур — агрохолдингов.

Тем не менее в новых экономических реалиях государство проявляет особенный интерес к развитию МФХ, о чем свидетельствует увеличение объемов финансирования данного направления и активное внедрение в Ярославской области новых инструментов поддержки — грантов на развитие семейной фермы, грантов «Агротуризм» и «Агростартап». В 2022 г. получателями гранта «Агростартап» стали десять представителей АПК региона, а общая сумма грантов составила 26 млн руб.¹² Выделенные средства были направлены преимущественно на развитие производства сельскохозяйственной продукции.

¹¹ Ярославская область в цифрах. Краткий статистический сборник // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ярославской области [Электронный ресурс]. URL: https://yar.gks.ru/storage/mediabank/Yaroslavskaya_oblast_v%20cifrah_2022_g.pdf (дата обращения: 30.03.2023). С. 57.

¹² Начинаящий фермер из Ярославской области Елена Венедиктова начала реализацию лука // Информационный портал АПК Ярославской области [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--76-6kc4bua.xn--p1ai/?p=5327> (дата обращения 30.03.2023).

Недостаточным, по нашему мнению, является финансирование проектов, относящихся к несельскохозяйственной сфере, что актуализирует необходимость разработки специализированных видов грантов, поддерживающих производство не только в отраслях растениеводства и животноводства [Никулина и др. 2021]. Учет локальной специфики и пространственного разнообразия районов позволит выделить новые направления для поддержки в сельской местности: например, развитие традиционных народных промыслов и ремесел, разнообразные виды туризма.

В завершение рассмотрения вопроса регулирования занятости сельского населения заметим, что новые вызовы, с которыми столкнулась экономика России в 2020 г., повлекли за собой ряд изменений. Одним из них является изменение характера трудовых отношений, которые все чаще носят дистанционный формат и не требуют очного присутствия на рабочем месте. Расширение доступа к сети Интернет и повсеместное использование цифровых технологий актуализируют активное внедрение новой меры — развитие дистанционного рынка труда в сельской местности¹³.

В совокупности обозначенные выше меры и инструменты регулирования вопросов занятости сельского населения будут иметь экономический эффект, но для решения проблемы недостаточно ограничиться лишь их внедрением и усилением финансирования. Применение комплексного подхода предполагает еще и создание особых условий, что в данном случае обеспечивается расширением доступа к оказанию образовательных и информационно-консультационных услуг. Отсутствие у большей части сельского населения предпринимательской культуры, навыков бизнес-планирования, финансовой и цифровой грамотности требует проведения для грантополучателей специальных программ по обучению или переквалификации.

Вторым приоритетным вопросом, требующим государственного вмешательства, является регулирование доходов сельского населения. Как показал проведенный анализ, уровень заработной платы в сельском хозяйстве и смежных отраслях — один из самых низких по региону. Одной из возможных причин, обуславливающих неэффективность принимаемых ранее мер в отношении обозначенной проблемы, является слабый интерес со стороны органов власти к анализу структуры доходов сельского населения и нехватка мер по ее диверсификации.

В этой связи требуется комплексно проводить меры, направленные как на формирование конкурентного уровня оплаты труда в сельском хозяйстве, так и на расширение источников доходов. Государственное регулирование в данном случае требует и пересмотра отдельных инструментов. Так, заработная плата в сельском хозяйстве и смежных отраслях может стать более конкурентной посредством внедрения системы дополнительного стимулирования работников соответствующих организаций, расположенных преимущественно на отдаленных территориях. Выплаты предлагается осуществлять в виде периодических надбавок или с помощью внедрения системы премирования за определенные виды работ.

Важно уделить внимание и регулированию доходов нетрудоспособного населения, доля которого в сельской местности высока. Необходимо пересмотреть подход к установлению размера пенсий. Несмотря на тяжелый характер сельскохозяйственного труда, у работников данной сферы вплоть до 2019 г. отсутствовала система надбавок за длительный трудовой стаж. В настоящий момент размер надбавки составляет 25% от страховой пенсии, при этом стаж работы в отрасли должен составлять не менее 30 лет. Мы полагаем, что продолжительность стажа в данном случае может быть снижена, а размер выплаты, наоборот, увеличен.

¹³ Smart Villages Concept, Issues and Prospects for EU Rural Areas // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/689349/EPRS_BRI\(2021\)689349_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/689349/EPRS_BRI(2021)689349_EN.pdf) (дата обращения 30.03.2023).

Наряду с поддержкой пенсионеров требуется оказывать дополнительную финансовую помощь многодетным семьям, низкодоходным группам населения, особенно находящимся за чертой бедности. Выплаты могут осуществляться в форме частичного покрытия расходов на оплату жилья и жилищно-коммунальных услуг, затрат на медицинское обслуживание населения и образование.

Не стоит забывать и про упоминаемую ранее меру — диверсификацию доходов сельского населения, предполагающую расширение возможных источников денежных поступлений за счет увеличения доходов от предпринимательской деятельности, от сдачи в аренду объектов собственности (жилья, техники, оборудования), доходов от использования финансовых инструментов и др.

Отметим, в вопросах регулирования доходов особо важную роль играет система контроля за реализацией предлагаемых мер. Кроме того, в условиях смешанной экономики государство должно предлагать меры для финансовой поддержки, но не брать на себя полностью функцию финансового обеспечения, так как это снижает у населения мотивацию к труду и заинтересованность в диверсификации источников денежных поступлений.

Третье приоритетное направление — стабилизация демографической ситуации. Усиление неблагоприятных тенденций в данной сфере в районах Ярославской области вновь приводит к выводу об отсутствии действенных мер. По нашему мнению, к причинам, обуславливающим их низкую эффективность, относятся следующие. Во-первых, недостаточно проработана политика по привлечению молодых специалистов в сельскую местность. Несмотря на имеющийся опыт реализации таких государственных программ, как «Сельский учитель», «Земский доктор», они пока не дают должного эффекта, в большинстве случаев молодежь не остается жить в селе на постоянной основе. Одна из основных причин — отсутствие условий для комфортного проживания. В этой связи вновь целесообразно использовать комплексный подход к управлению.

Необходимо внедрять экономические меры по дополнительному стимулированию специалистов, приезжающих в сельскую местность, в виде дополнительных материальных выплат, а также посредством расширения доступа к развитой инфраструктурной среде и общественным благам. Могут быть использованы и программные меры — локальные концепции развития. Так, изучение зарубежного опыта показало возрастающую актуальность концепции «Умная деревня», основанной на комплексном подходе к решению вопросов развития сельских территорий.

При этом недостаточно ограничиться лишь разработкой новых мер и инструментов, требуется проводить контроль за улучшением текущей ситуации, что предполагает внедрение системы мониторинга на местах. Интерес органов власти должен заключаться в том, чтобы приезжающие молодые специалисты оставались проживать в сельской местности на постоянной основе. В случае недостижения предполагаемых результатов проводимая политика неэффективна.

Во-вторых, по мнению автора, неблагоприятная демографическая ситуация в Ярославской области наблюдается в связи со слабой заинтересованностью государства в вопросе обеспечения здорового образа жизни сельского населения.

Необходимо усовершенствовать набор программных и экономических мер, например, разработав стратегии, направленные на популяризацию здорового образа жизни у жителей сел. Вместе с тем требуется расширить доступ населения к получению таких экономических благ, как качественное продовольствие и медицинские услуги. Этому способствует интенсификация экономической меры — диверсификация доходов и применение соответствующих инструментов, раскрытых ранее.

Все вышеперечисленное подтверждает взаимосвязанность обозначенных направлений регулирования и комплексный характер решения проблем. В том числе и для четвертого приоритетного направления — развитие и улучшение инфраструктуры и производство общественных благ в сельской местности — мы предлагаем использовать уже рассмотренные программные меры.

С целью создания для жителей сел соответствующих условий для нормального проживания и обеспечения доступа к получению услуг в сфере здравоохранения, образования и других жизненно важных отраслях предлагается реализовывать в сельской местности концепцию «Умная деревня», предусматривающую цифровой характер предоставления общественных благ¹⁴.

Кроме того, необходимо вовлекать местное население в процесс управления территорией, так как низкая активность сельских жителей может стать одной из причин недостаточной эффективности даже усовершенствованной политики регулирования развития. В контексте решения данного вопроса интересным представляется такой инструмент, как проведение проектных конкурсов по развитию сельских территорий, например по строительству новых объектов инфраструктуры (многофункциональных центров, интерактивных площадок, коворкинг-пространств) или направленных на реконструкцию больниц, библиотек, музеев и др. Это предполагает выявление имеющихся проблем на местах и, как следствие, выступает дополнительным стимулом для вовлечения местных жителей в управление территорией.

Таким образом, государственное регулирование должно носить комплексный характер. Вопросы занятости, доходов населения, улучшения демографической ситуации, обеспеченности объектами инфраструктуры и наличия доступа к общественным благам непосредственно взаимосвязаны.

Без применения комплексного подхода невозможно привлечь молодых специалистов в сельскую местность и улучшить демографическую ситуацию. Кроме того, важно учитывать специфику территорий и разрабатывать локальные проекты с комплексным решением проблем социально-экономического развития сельской местности, стимулируя экономическую активность населения.

Заключение

Проведенный анализ позволил выявить ряд проблем, характерных для территорий муниципальных районов Ярославской области: стремительное сокращение численности сельского населения и растущую угрозу социального опустынивания; неконкурентный уровень оплаты труда в сельском хозяйстве и смежных отраслях; усиление контрастности пространственного и социально-экономического развития; неразвитость несельскохозяйственной сферы производства и др. Нарастание проблем препятствует развитию в сельской местности и использованию возможностей, открывающихся в связи с санкционным давлением.

В этой связи очевидна необходимость изменения политики государства в регулировании обозначенных вопросов. Проведенный анализ показал, что для устойчивого развития сельских территорий в масштабах экономики региона требуется внедрять комплексный подход к управлению. Он включает усиление финансовой поддержки по ряду направлений, которая одновременно сопровождается расширением доступа к образовательным, информационно-консультационным

¹⁴ Smart Villages Concept, Issues and Prospects for EU Rural Areas // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/689349/EPRS_BRI\(2021\)689349_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/689349/EPRS_BRI(2021)689349_EN.pdf) (дата обращения 30.03.2023).

и другим общественным услугам. Кроме того, в рамках данного подхода необходимо учитывать имеющиеся программные меры для развития территорий, а также разрабатывать новые локальные стратегии регулирования и внедрять систему контроля на местах.

Исследование проблем развития Ярославской области позволило выделить четыре приоритетных направления государственного регулирования: занятость и развитие конкурентных отношений в сфере сельскохозяйственного производства; доходы сельского населения; стабилизация демографической ситуации; улучшение инфраструктурной обеспеченности территорий и доступность общественных благ.

В сфере занятости необходимо содействовать развитию малых форм хозяйствования в сельской местности и конкуренции между товаропроизводителями на основе грантовой поддержки совместно с проведением обучающих программ для получателей выделенных денежных средств.

Для обеспечения приемлемого уровня доходов требуется поддержание конкурентной заработной платы в сельском хозяйстве и смежных отраслях посредством внедрения системы дополнительных выплат.

В целях стабилизации демографической ситуации необходимо частично пересмотреть политику по привлечению молодых специалистов в сельскую местность, усилив внимание к разработке системы контроля за ее реализацией.

Для развития инфраструктуры и производства общественных благ предлагается опираться на идеи концепции «Умная деревня» и внедрять инструменты, способствующие активному вовлечению местных жителей в процесс управления территорией.

Таким образом, применение комплексного подхода в управлении направлено на реализацию ЦУР и предполагает переход к модели устойчивого развития региона и его сельских территорий в условиях новых открывающихся возможностей. В этом состоит практическая значимость полученных результатов исследования. Кроме того, отдельные предложения, касающиеся усовершенствования и активного внедрения в процесс управления элементов механизма государственного регулирования (направлений, мер и инструментов), могут быть использованы представителями органов исполнительной власти при разработке локальных стратегий устойчивого развития сельских территорий.

Список литературы:

Воронова Л.В., Голубева А.И., Суховская А.М., Дорохова В.И., Дугин А.Н. Формирование механизма устойчивого развития сельских территорий и аграрной сферы в регионе. Ярославль: ФГБОУ ВПО «Ярославская государственная сельскохозяйственная академия», 2016.

Голубева А.И., Дорохова В.И., Дугин А.Н., Суховская А.М. Рейтинговая оценка уровня социально-экономического развития сельских территорий Ярославской области // Вестник АПК Верхневолжья. 2014. № 3(27). С. 3–8.

Кленова Т.В., Иванов А.С., Конева Д.А. Государственные меры по обеспечению устойчивого социально-экономического развития сельских территорий Волгоградской области // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18. № 1(472). С. 108–117. DOI: [10.24891/re.18.1.108](https://doi.org/10.24891/re.18.1.108)

Нефедова Т.Г. Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 36–56. DOI: [10.14530/se.2019.4.036-056](https://doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056)

Никулина Ю.Н., Серова Е.В., Янбых Р.Г. Анализ инструментов аграрной политики с точки зрения стимулирования сельской занятости // АПК: экономика, управление. 2021. № 10. С. 3–13. DOI: [10.33305/2110-3](https://doi.org/10.33305/2110-3)

Петриков А.В. Новые риски и новые возможности развития сельского хозяйства и села в пост-пандемической экономике // Обеспечение качества продукции АПК в условиях региональной и международной интеграции: Материалы XIII Международной научно-практической конференции (Минск, 15–16 октября 2020 года). Минск: Республиканское научное унитарное предприятие «Институт системных исследований в АПК Национальной академии наук Беларуси», 2021. С. 179–181. DOI: [10.47612/978-985-7149-55-1-2020-179-181](https://doi.org/10.47612/978-985-7149-55-1-2020-179-181)

Ушачев И.Г., Бондаренко Л.В., Чекалин В.С. Основные направления комплексного развития сельских территорий России // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 4. С. 316–325. DOI: [10.31857/S0869587321040113](https://doi.org/10.31857/S0869587321040113)

Ambrosio-Albalá M., Bastiaensen J. The New Territorial Paradigm of Rural Development: Theoretical Foundations From Systems and Institutional Theories // Discussion paper/2010.02. 2010. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/6518864.pdf>

Rodríguez-Pose A., Hardy D. Addressing Poverty and Inequality in the Rural Economy from a Global Perspective // Applied Geography. 2015. Vol. 61. P. 11–23. DOI: [10.1016/j.apgeog.2015.02.005](https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2015.02.005)

References:

Ambrosio-Albalá M., Bastiaensen J. (2010) The New Territorial Paradigm of Rural Development: Theoretical Foundations From Systems and Institutional Theories. *Discussion paper/2010.02*. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/6518864.pdf>

Golubeva A.I., Dorokhova V.I., Dugin A.N., Sukhovskaya A.M. (2014) The Rating Assessment of the Level of Social and Economic Development of Rural Territories of the Yaroslavl Region. *Vestnik APK Verkhnevolzh'ya*. No. 3(27). P. 3–8.

Klenova T.V., Ivanov A.S., Koneva D.A. (2020) Government Measures to Attain Sustainable Economic and Social Development of Rural Areas: Evidence from the Volgograd Oblast. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. Vol. 18. No. 1(472). P. 108–117. DOI: [10.24891/re.18.1.108](https://doi.org/10.24891/re.18.1.108)

Nefedova T.G. (2019) Development of the Post-Soviet Agricultural Sector and Rural Spatial Polarization in European Russia. *Prostranstvennaya ekonomika*. Vol. 15. No. 4. P. 36–56. DOI: [10.14530/se.2019.4.036-056](https://doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056)

Nikulina Yu.N., Serova Eu.V., Ianbykh R.G. (2021) Analysis of Agricultural Policy Instruments from the Point of View of Stimulating Rural Employment. *APK: ekonomika, upravleniye*. No. 10. P. 3–13. DOI: [10.33305/2110-3](https://doi.org/10.33305/2110-3)

Petrikov A.V. (2021) Novyye riski i novyye vozmozhnosti razvitiya sel'skogo khozyaystva i sela v post-pandemicheskoy ekonomike [New risks and new opportunities for developing agriculture and rural areas in the post-pandemic economy]. *Obespecheniyye kachestva produktsii APK v usloviyakh regional'noy i mezhdunarodnoy integratsii: Materialy XIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Minsk, 15–16 October 2020)*. Minsk: Respublikanskoye nauchnoye unitarnoye predpriyatiye "Institut sistemnykh issledovaniy v APK Natsional'noy akademii nauk Belarusi". P. 179–181. DOI: [10.47612/978-985-7149-55-1-2020-179-181](https://doi.org/10.47612/978-985-7149-55-1-2020-179-181)

Rodríguez-Pose A., Hardy D. (2015) Addressing Poverty and Inequality in the Rural Economy from a Global Perspective. *Applied Geography*. Vol. 61. P. 11–23. DOI: [10.1016/j.apgeog.2015.02.005](https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2015.02.005)

Ushachev I.G., Bondarenko L.V., Chekalin V.S. (2021) Osnovnyye napravleniya kompleksnogo razvitiya sel'skikh territoriy Rossii [Main directions of integrated development of Russian rural areas]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. Vol. 91. No. 4. P. 316–325. DOI: [10.31857/S0869587321040113](https://doi.org/10.31857/S0869587321040113)

Voronova L.V., Golubeva A.I., Sukhovskaya A.M., Dorokhova V.I., Dugin A.N. (2016) *Formirovaniye mekhanizma ustoychivogo razvitiya sel'skikh territoriy i agrarnoy sfery v regione* [Formation of sustainable development mechanism on rural areas and agricultural sector in a region]. Yaroslavl': FGBOU VPO "Yaroslavskaya gosudarstvennaya sel'skokhozyaystvennaya akademiya".

Дата поступления/Received: 10.04.2023

Стратегия цифровой экономики
Digital economy strategies

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-99-175-187

Кибернетическое планирование в системе обеспечения экологической и
экономической безопасности

Ведута Елена Николаевна

Доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой стратегического планирования и экономической политики, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: Veduta@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [5113-8810](#)

Ерицын Григор Артурович

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: eri.nune2010@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [9857-7606](#)

Аннотация

В статье рассмотрены основные причины появления глобальной угрозы для окружающей среды и перенаселения, проведен анализ различных подходов, определяющих причины возникновения проблемы перенаселения и нерационального использования природных ресурсов, а также меры, направленные на их решение. Проведена оценка предложений и практических мер, предпринимаемых государствами и корпорациями для борьбы с проблемой экологии, а также разработаны собственные предложения, направленные на решение проблем экологии в направлении роста общественного благосостояния. Целью статьи является обоснование необходимости кибернетического планирования экономики, координирующего деятельность государств и корпораций, для обеспечения защиты окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. В статье посредством применения общенаучных методов исследования, а также диалектического материализма поднимается вопрос необходимости переосмыслить существующие методы решения экономических и экологических проблем. В рамках исследования проведен сравнительный анализ Мальтузианства и марксизма в решении экологических проблем, ключевое различие между которыми состоит в разном отношении авторов к воспроизводству населения и капиталистическому способу экономического производства. Далее, отмечается наличие влияния теории Мальтузианства на формирование докладов по решению проблем экономики и экологии в различных международных аналитических центрах (например, Римский клуб). В рамках дальнейшего анализа решения проблем экологической и экономической безопасности анализируются инструменты «зеленого» курса с приведением также критических оценок зарубежных и отечественных исследователей и экспертов. Рассматривая в том числе посредством ретроспективного анализа советский и западные подходы к решению экологических и экономических проблем, авторы приходят к целесообразности внедрения кибернетической модели планирования, способствующей, в частности, усилению государственного контроля над экономическим производством, способным наносить вред экологии.

Ключевые слова

Экономическая безопасность, «зеленый» курс, глобализация, социально-ориентированная экономика, стратегическое планирование экономики, экономическая кибернетика.

Cybernetic Planning in the System of Environmental and Economic Security

Elena N. Veduta

DSc (Economics), Professor, Head of Department of Strategic Planning and Economic Policy, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Veduta@spa.msu.ru

Grigor A. Eritsyun

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: eri.nune2010@yandex.ru

Abstract

The article examines the main causes of the global threat to the environment and overpopulation, analyzes various approaches that determine the causes of the overpopulation problem and natural resources irrational use, as well as measures aimed at solving them. The evaluation of proposals and practical measures taken by states and corporations to combat the environmental problem has been carried out, as well as their own proposals aimed at solving environmental problems in the direction of increasing public welfare have been developed. The aim of the article is to substantiate the need for cybernetic economic planning that coordinates the activities of states and corporations to ensure environmental protection and rational use of natural resources. The article raises the problem of the need to rethink the essential methods of solving economic and environmental problems through the use of general scientific research methods and dialectical materialism. Within the framework of the study, a comparative analysis of Malthusianism and Marxism in solving environmental problems is carried out, the key difference between which is the different attitude of the authors to the reproduction of the population and the capitalist method of economic production. Further, the influence of the Malthusianism theory on the formation of reports on solving problems of economics and ecology in various international analytical centers (the Club of Rome) is noted. As part of the further analysis of solving environmental and economic security problems, the tools of the "green" course are analyzed with the addition of critical assessments by foreign and domestic researchers

and experts. Considering retrospective analysis, Soviet and Western approaches to solving environmental and economic problems, the authors come to the expediency of introducing a cybernetic planning model, which contributes, among other things, to strengthening state control over economic production capable of harming the environment.

Keywords

Economic security, "green" course, globalization, socially oriented economy, strategic economic planning, economic cybernetics.

Введение

Сегодня экологические проблемы рассматриваются как одни из наиболее серьезных глобальных вызовов, решение которых необходимо для предотвращения природных и техногенных катаклизмов планетарного масштаба, способных поставить под вопрос существование человечества. Вопросы экологии становятся все более злободневными в связи с ростом нерационального природопользования и невозможностью достичь должной координации деятельности всех государств и корпораций. Поэтому экологическая повестка стала исключительно актуальной в XXI веке. Этим и объясняется причина выбора президентом США «зеленого» курса, а также особое внимание ЕС, ООН и группы G20 к «зеленой» тематике.

Целью статьи является обоснование необходимости кибернетического планирования экономики, координирующей деятельность государств и корпораций, для обеспечения защиты окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Задачами исследования являются:

- анализ теоретических воззрений, объясняющих причины ухудшения экологии, и формулирование практических рекомендаций;
- выявление предпосылок возникновения экологической повестки и причин ухудшения состояния окружающей среды;
- анализ предложений и практических мер, предпринимаемых государствами и корпорациями для улучшения экологии;
- разработка предложений по улучшению экологии в направлении роста качества жизни.

Альтернативные подходы Мальтузианства и марксизма к решению проблем экологии

Эпоха промышленной революции, утвердившая капиталистической строй хозяйствования, началась в конце XVIII века. Она сопровождалась внедрением и распространением машинного производства, значительным ростом производительности труда и, как следствие, усилением интенсивности взаимодействия человека с природой.

Тогда же возникла и теория народонаселения Т. Мальтуса. В своем эссе он утверждает, что «природа щедрою рукою рассыпала зародыши жизни... но она бережлива, что касается места и пищи» [Мальтус 1993, 10]. Согласно его теории, «численность населения растет в геометрической прогрессии, в то время как производство необходимых для жизнедеятельности человека продуктов в арифметической» [Там же] (Рисунок 1).

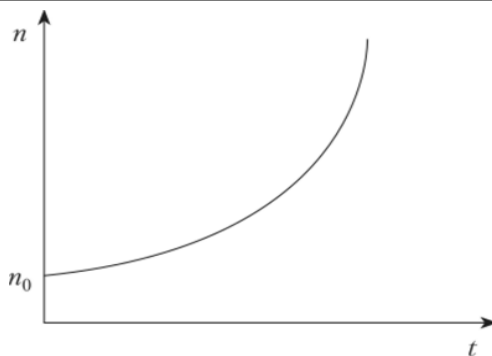

Рисунок 1. Кривая Т. Мальтуса, характеризующая рост численности населения по экспоненте¹

По теории Мальтуса, диспропорции между темпами роста населения и темпами роста производства средств существования обусловлены ограниченностью природных ресурсов. Поэтому Мальтус делает вывод, что неконтролируемый рост народонаселения ведет к снижению благосостояния и голоду на Земле, а войны и эпидемии являются неизбежным естественным барьером экспоненциальному росту населения. Вследствие этого, по его мнению, неизбежно образование безработицы как абсолютно излишнего населения при возрастающем недостатке средств существования.

Теории Т. Мальтуса, не подвергающей сомнению вечности капиталистического строя хозяйствования, противостоит теория воспроизводства Карла Маркса.

В своем фундаментальном труде Маркс доказал, что относительное перенаселение формируется в условиях действия естественного закона капиталистического производства, в соответствии с которым имеет рост органического строения капитала, обусловленный ростом производительности труда. Замещение старых машин более эффективными новыми ведет к высвобождению рабочей силы, пополняющей промышленную резервную армию, которая, в свою очередь, оказывает давление на повышение интенсивности труда занятых [Маркс 1952, 636].

К. Маркс доказал, что не естественные законы природы, а естественные законы цикличности диспропорционального развития капитализма и капиталистического накопления, с одной стороны, обеспечивают все большую концентрацию капитала в руках небольшого круга собственников, а с другой — приводят к относительному перенаселению, угрожающему в будущем краху данного способа материального производства. «Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления» [Там же, 650].

Капиталистическая практика XVI–XX вв. подтверждает правоту теории К. Маркса о цикличности развития капитализма, прерываемой войнами. Начиная с XVI века, в период первоначального накопления капитала, действия государств в области экономической политики

¹ Источник: Кузнецов Л.М., Николаев А.С. Экология: учебник и практикум для среднего профессионального образования. М.: Издательство Юрайт, 2023. С. 70.

приобрели системный характер. Первой системой экономической политики государства стал меркантилизм. Он предполагает государственное вмешательство в экономику на принципах протекционизма, индикативного планирования в интересах промышленников и колониальную политику для обеспечения ведущих стран дешевым сырьем, рабочей силой и рынками сбыта зависимых стран. Меркантилизм способствовал усилению финансовой власти ведущих стран и ускорению в них технического прогресса. История XVII–XX вв. подтверждает тяготение меркантилизма к применению вооруженной силы для защиты интересов конкурирующих метрополий.

После промышленной революции, утвердившей капиталистический строй, и Наполеоновских войн протекционизм двух ведущих государств Англии и Франции завершился переходом к однополярному миру во главе с Англией, реализующей политику либерализма. Являясь «мастерской мира» и будучи заинтересованной в либерализации международной торговли, Англия создала первую международную валютную систему золотомонетного стандарта, в которой фунт стерлингов имел самый высокий кредит доверия.

В последней трети XX века мир вновь стал многополярным. Английскому превосходству, помимо Франции, угрожали Германия, США, Япония и Италия. Эти государства, способствуя появлению в них капиталистических корпораций, начали проводить протекционистскую политику неомеркантилизма. Борьба государств за рынки в интересах капиталистических корпораций стала все более ожесточенной.

До начала Первой мировой войны конкурентным преимуществом Англии являлся высокий кредит доверия к ее валюте. Это позволяло ей иметь растущий дефицит торгового баланса, что означало запуск мировой инфляции, перераспределяющей произведенные в других странах доходы и активы в пользу представителей крупного капитала, базирующегося в Англии.

Во время кризисов идет быстрая централизация капитала: более крупный капитал скупает менее крупный капитал. К началу XX века была установлена власть мировой финансовой олигархии (МФО). Она навязала мировому сообществу свой глобальный проект запуска всеобщей мировой инфляции, укрепляющий ее власть за счет перераспределения производимых доходов и активов в мире в пользу небольшой группы людей. Для этого потребовалась Первая мировая война, обрушившая все международные договоренности по международной валютной системе.

После Первой мировой войны государства стали вмешиваться в денежно-кредитную политику центральных банков. Инфляция становится всеобщей и хронической. Цикличность экономической политики государств по фазам цикла «меркантилизм — война — либерализм...» трансформировалась в цикличность «инфляция — война — финансовая стабилизация...».

В XX веке после политики финансовой стабилизации (либерализм) в Европе в 20-х гг. наступил переход к умеренной инфляции в 30-е гг. в США и Великобритании с протекционизмом, а в Германии и СССР — к мобилизационным моделям с галопирующей инфляцией. Этот период закончился Второй мировой войной. Мировые войны, обеспечивая насильственный выход общества из глобального кризиса, становятся все более разрушительными для человечества.

После Второй мировой войны протекционизм и холодная война СССР и США завершились однополярным миром во главе с США, запускающими потоки фиктивного капитала Запада в бывшие республики СССР для дележа их собственности в условиях рыночной экономики. Бывшие советские республики стали проводить политику финансовой стабилизации под флагом либерализации национальных финансовых рынков. Установившийся в 1991 г. однополярный мир глобально управляется МФО в условиях кризисного развития.

С приходом в 2017 году Д. Трампа к власти в США мир вступил в очередную фазу предвоенного меркантилизма, проявляющуюся в резком усилении торговых и санкционных войн, новой гонке вооружений. Следуя привычным «правилам» глобального капиталистического проекта, США начали слом либерализма для перехода к меркантилизму. Данный переход подтверждается и тем, что идеи меркантилизма вновь получают огромную востребованность в современной экономической политике ведущих промышленно развитых стран мира [Покрытан 2019, 72].

Этот процесс авторы доклада, опубликованного до начала 56-й Мюнхенской конференции по безопасности, назвали *Westlessness* («Беззападность»)². По их мнению, Запад теряет лидерство, основанное на либеральной демократии, правах человека, рыночной экономике и международном сотрудничестве, поскольку все больше стран мира не ориентируются на опыт Европы и США. Называя основными провокаторами раздробленности и «заката западного мира» Россию и Китай, авторы доклада сокрушаются, что мир и сам Запад становятся менее «западными», хотя в том, что на смену «беззападности» вернется мир во главе с США и Европой, авторы доклада не сомневаются. По их мнению, нужно лишь провести работу над ошибками.

Однако авторы доклада не обозначили ни ошибки «западности», ни их причины, ни условия возвращения Запада к лидерству в мире. Повторяя как мантры лозунги «западности» о либеральной демократии и т.д. и т.п., авторы доклада уклонились от ответов о механизме практической реализации декларируемых ими мантр. Следует отметить, что «забалтывание» истинных причин глобального кризиса и доказательных механизмов выхода из него декларациями о свободе, демократии, правах человека, социальной справедливости стало типичным для всех современных глобальных проектов капиталистического развития.

Начиная с Первой мировой войны МФО реализует глобальный проект своего обогащения за счет перераспределения произведенных доходов и активов всех остальных социальных слоев с использованием монетарных инструментов, реформ, цветных революций и военных действий. Рост хаоса в экономике обслуживается смесью экономических и политических теорий, несогласованной информацией бухгалтерского учета, национального счетоводства и банковской системы, прогнозными сценариями развития, полученными на основе эконометрических моделей.

Учитывая ядерный потенциал развивающихся стран и стараясь поэтому избежать прямого военного конфликта, МФО добавила к этим инструментам достижения цифровой революции. В стратегии кибербезопасности США особое внимание уделяют созданию ИИ для организации кибератак и кибервойны, дестабилизирующей компьютерные системы и жизнь в государствах, стремящихся к национальной информационной безопасности, в числе которых названы Россия, Китай, Северная Корея и Иран³.

Пандемия вскрыла практически для всех цели МФО, которая стремится использовать возможности, открываемые цифровой революцией, для сохранения капитализма посредством установления тотального контроля за поведением людей и возвращения человечества в древние времена, приближая конец его истории, что также отражается в книге К. Шваба и Т. Маллерета [Schwab, Malleret 2022, 102], в которой авторы, манипулируя экологическими проблемами, призывают спасти существующий капитализм, результатом которого и стала существенная деградация состояния окружающей среды⁴.

² Munich Security Report 2020: *Westlessness* // Munich Security Conference [Электронный ресурс]. URL: https://securityconference.org/assets/user_upload/MunichSecurityReport2020.pdf (дата обращения: 01.02.2023).

³ Стратегия национальной кибербезопасности Соединенных Штатов Америки // D-Russia [Электронный ресурс]. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2019/01/National-Cyber-Strategy_USA_2018.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

⁴ Wieduta Y. *Cybernetyczne planowanie gospodarcze i globalizm* // *Myśl Polska* [Электронный ресурс]. URL: <https://myslpolska.info/2022/10/11/prof-jelena-wieduta-cybernetyczne-planowanie-gospodarcze-i-globalizm-3/> (дата обращения: 08.03.2023).

Это явилось причиной появления сегодня [Манифеста](#) для объединения всех людей разных национальностей, рас и вероисповеданий в их борьбе за построение социализма как сознательно организованного общества, экономика которого направлена на рост качества жизни и культурное развитие личности и в котором реализуются справедливость, свободомыслие, ответственность и другие человеческие ценности.

При этом следует отметить, что представители транснациональных политических и интеллектуальных элит в XXI веке обозначают проблему перенаселенности как одну из глобальных угроз в контексте теории мальтузианства, поскольку данная теория соответствует интересам крупного капитала, не связывают проблемы загрязнения окружающей среды и перенаселения с хищническим потреблением природных ресурсов транснациональными корпорациями и движением промышленного капитала из развитых стран в развивающиеся страны (получающие дешевую рабочую силу за счет высоких темпов демографического роста), а основываются на прогностических моделях, основанных на естественных законах природы. Так, Римский клуб, обслуживающий интересы крупного капитала, тяготеет к теории мальтузианства и начиная с 1972 года (год публикации доклада «Пределы роста») определяет перенаселение планеты как одну из главных экологических угроз, предлагая решить данную проблему посредством принятия государствами ограничительных мер в демографической политике, направленных на обеспечение равновесного состояния между уровнем рождаемости и смертности населения [Meadows et al. 1972, 191].

Зарождение международного «зеленого» социального движения и принятие «зеленого» курса на международном и национальном уровнях

Проблемы загрязнения окружающей среды стали более ощутимыми на национальном и международном уровнях, как уже отмечалось, с началом развития капиталистического способа производства, характерным свойством которого является бесконтрольная эксплуатация материальных ресурсов и труда с целью максимизации прибыли капиталиста, а также в связи с бурным развитием мирового экологического движения с середины XX века, целью которого являлось решение конкретных экологических проблем как посредством оказания давления на политические элиты через различные акции, так и получения доступа к государственной власти через создание «зеленых» партий. В СССР, так же как и в капиталистических странах, несмотря на отсутствие возможности проникновения «зеленого» движения, вопросы природопользования и изменения состояния окружающей среды поднимались на уровне руководства страны, при этом пути их решения порой приводили из-за волюнтаризма партийного руководства к глобальным катастрофам (обмеление Аральского моря, Чернобыльская катастрофа).

Наиболее влиятельной и масштабной по своей деятельности организацией, созданной в рамках «зеленого» движения, стал «Гринпис»⁵, созданный в 1971 году — в период процветания промышленности в Европе и СССР; акции этой организации часто критикуются как сторонниками «зеленого» движения, так и ее противниками, поскольку организация часто прибегает к манипулированию общественным мнением и преследованию политических интересов, которые порой противоречат самим ценностям «зеленого» движения. Например, в 1980-х, по некоторым свидетельствам, члены организации намеренно платили австралийским охотникам за истязание и убийство животных для создания видеоматериала⁶.

⁵ Деятельность организации признана нежелательной в России.

⁶ Сети «Гринписа» // Завтра.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://zavtra.ru/blogs/1999-10-0561> (дата обращения: 08.04.2023).

Активность мирового «зеленого» движения, значительное ухудшение состояния окружающей среды, вызванное хищнической эксплуатацией транснациональными корпорациями и войнами, привели к заключению международных климатических соглашений и принятию Рамочной конвенции по изменению климата ООН. Целью рамочной конвенции в 1992 году, в том числе ратифицированной и Россией, является стабилизация концентраций парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему в рамках сроков, достаточных для адаптации экосистем к изменению климата, не ставящих под угрозу производство продовольствия и обеспечивающих дальнейшее экономическое развитие на устойчивой основе⁷.

Учитывая особенности структуры экономики, их зависимости от более доступных и менее экологичных источников энергии, ООН внесла оговорку в цели конвенции, согласно которой соглашения, подписанные в рамках конвенции, не должны ставить под угрозу социально-экономическое развитие развивающихся стран и стран с переходной экономикой. При этом заключенные в рамках конвенции Киотский протокол 1997 года и Парижские соглашения 2015 года в первую очередь ставят под угрозу благосостояние населения стран, зависимых от добычи и использования сырьевых ресурсов в энергетике, к которым прежде всего относится и Россия как развивающаяся страна. Заключение Киотского протокола в 1997 году и присоединение к нему большинства стран мира сопровождалось разрушительными для развивающихся экономик экономическими потрясениями, наиболее разрушительными из которых стали азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. и экономический кризис в России 1998 года.

В условиях мирового экономического кризиса, в котором находится мировая экономика в условиях пандемии и глобального неравенства государств, все большую популярность среди правительств многих стран набирает так называемый «зеленый» курс, направленный на реализацию обозначенных Организацией объединенных наций целей устойчивого развития. Данный курс комплексной государственной политики в текущих условиях международного политического, социально-экономического и экологического кризиса предлагается как путь преодоления глобального кризиса. При этом глобальный кризис отмечается беспрецедентной масштабностью по сравнению с более ранними потрясениями [Жиряков 2023, 27].

В качестве механизмов, реализующих «зеленый» курс, предлагается использовать фискальные инструменты (экологические налоги, углеродный сбор); систему торговли квотами на выбросы; субсидирование компаний, производящих продукцию альтернативной энергетики; «зеленый» транспорт; инструменты финансового рынка (выпуск акций и зеленых облигаций, производные финансовые инструменты).

Экологические налоги, вводимые на уровне национальной экономики, хоть и способны косвенно повлиять на структуру энергетической системы в пользу альтернативных источников энергии за счет ухудшения экономических условий для менее экологичных сегментов энергетики в долгосрочной перспективе, однако, в сущности, представляют собой механизм перераспределения доходов от компаний энергетического сектора в пользу государства.

Ввод международного углеродного сбора (сборы за выбросы CO₂), предлагаемый в рамках Рамочной конвенции ООН как механизм реализации «зеленого» курса, более несостоятелен ввиду возможности подрыва благосостояния практически всех развивающихся и развитых стран, в структуре конечного продукта которых существенную долю занимает производство

⁷ Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата // ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 08.04.2023).

энергоресурсов и добыча полезных ископаемых, что дискредитирует саму миссию концепции устойчивого развития по обеспечению общественных благ и созданию благоприятной среды для жизни будущих поколений. Согласно докладу Института проблем естественных монополий, введение углеродного сбора в России окажет негативное влияние на все виды экономической деятельности, а дополнительные расходы, вызванные введением этого сбора, для многих предприятий составят до 75% от их выручки, следствием чего станет свертывание деятельности многих системообразующих предприятий и ликвидация целых отраслей промышленности⁸.

Введение квот на выбросы углекислого газа на уровне стран-участниц будущих соглашений по климату является довольно противоречивой мерой с точки зрения экономической эффективности [Bretschger 2018, 9] и нацелено не на избавление от нависшей перед миром угрозы глобальной экологической катастрофы, а основывается на лоббировании интересов ведущих транснациональных корпораций и навязывании развивающимся странам обязательств со стороны развитых стран, частично на основе фальсификации данных и посредством противоречивых научных исследований, проводимых международными группами экспертов. Функционирование существующей на сегодняшний день системы торговли квотами в ЕС, цены которых формируются рыночным спросом, также демонстрирует свою несостоятельность, особенно в условиях кризисов, обваливающих цены на квоты для энергетических компаний.

Субсидирование компаний сектора альтернативной энергетики, «зеленой» промышленности, устойчивого транспорта представляет собой меру государственной поддержки в виде налоговых льгот, возмещения процентных выплат по кредитам, государственных гарантий по займам. При этом в условиях отсутствия значимого спроса на товары «зеленого» сектора со стороны потребителей (в связи с их меньшей эффективностью и более высокой стоимостью), ограниченных возможностей системы государственных финансов и их значительной нагрузкой более значимыми социальными проблемами, а также из-за высокого уровня коррупции во многих странах субсидирование может привести к росту нецелевого расходования бюджетных средств, к ограничению возможностей для предоставления прочих, не менее значимых общественных благ в виде образования, здравоохранения.

«Зеленые» облигации и прочие инструменты финансового рынка являются фиктивным капиталом, который возникает при капиталистическом способе производства. В политической экономике фиктивный капитал рассматривается как «капитал, который имеет собственное движение, отличное от кругооборота действительного капитала как в производственной, так и в денежной формах, и является инструментом перераспределения дохода (произведенного за данный период) или богатства (произведенного за предшествующие периоды)» [Ведута, Гуляев 2015, 55–61]. Исходя из этого определения, акции, облигации, производные финансовые инструменты являются фиктивным капиталом, то есть так называемым титулом собственности (по Карлу Марксу), позволяющим получить часть от доходов, получаемых за счет извлечения прибавочной стоимости.

Сами по себе «зеленые» деривативы и другие инструменты нового «зеленого» курса как механизмы решения экологических проблем и стимулирования развития экономики не способны вывести мировую экономику из кризисного состояния, поскольку даже государственная поддержка предприятий «зеленого» сектора посредством субсидий, информационные компании со стороны международных организаций и правительств по продвижению «зеленых» облигаций хоть и могут привлечь значимый спрос на ценные бумаги в «зеленый» сектор (к которому относят

⁸ Риски реализации Парижского климатического соглашения для экономики и национальной безопасности России // Диалоги [Электронный ресурс]. URL: http://www.dialogi.su/storage/b/2016/11/03/IPEM_-_PA_report.pdf (дата обращения: 15.04.2023).

альтернативную энергетику, производство «зеленого» транспорта), однако подобная политика может привести к тяжелым последствиям для мировой экономики в целом в связи с кризисом перепроизводства, перенасыщением рынка ненужными товарами и услугами, вызванной ориентацией производителей не на конечный спрос потребителей, а на интересы бизнес-элит и финансовые спекуляции, целью которых является перераспределение доходов и концентрация капитала вокруг более ограниченного круга лиц.

«Зеленый» курс Байдена также окажет значительное воздействие на движение фиктивного капитала, поскольку может привести к обесцениванию рыночной стоимости углеводородных компаний, капитализация которых составляет порядка 20–30% от общей рыночной⁹, и, соответственно, надуванию «зеленого» пузыря, который рано или поздно лопнет. Само собой новая политика Белого Дома окажет серьезное влияние на международные финансовые рынки и приведет к простому перетоку фиктивного капитала в компании «зеленого» сектора экономики и перераспределению общественного богатства уже не в пользу крупнейших в мире нефтегазовых корпораций, а в пользу компаний «зеленой» промышленности, возобновляемой энергии и IT-сектора. Навязываемый Администрацией Байдена «зеленый» курс приводит к росту уровня недовольства среди граждан США, о чем, в частности, свидетельствуют провальные результаты Демократической партии на выборах губернатора Вирджинии, традиционно демократического штата.

Все инструменты практической реализации нового «зеленого» курса являются хорошо известными монетарными инструментами, обслуживающими кризисное развитие глобализации, переносящими бремя кризиса на развивающиеся страны и социально незащищенные слои населения. Побочными эффектами от реализации «зеленого» курса станут разрушение производства, рост бедности и массового голода в странах третьего мира.

Имея благие намерения, связанные с освещением и решением экологических проблем, мировые элиты обрекают мировую экономику на еще большую нестабильность и кризисность, что способно вызвать политические потрясения на глобальном уровне. Следует отметить, что отмечаемые приоритеты движения к экономике замкнутого цикла, «зеленой» энергетике и устойчивому транспорту в условиях существующей системы экономических отношений утопичны и влекут за собой идеологию разрушения производства общественных благ, переток фиктивного капитала от ведущих промышленных компаний в ведущие IT-корпорации и «зеленый» сектор.

Данные эффекты и являются отражением несбалансированного развития мировой экономики и ее структурных перекосов, последствием которых выступают такие события, как нефтяные шоки во второй половине XX века, кризис доткомов в начале 2000-х гг., мировой экономический кризис 2008 года, вызванный обвалом рынка ипотечного кредитования в США.

Стоит отметить, что новый «зеленый» курс подвергается критике со стороны экспертов (Д. Тенненбаум, В. Потапов, В. Ефимов, У. Хак). Так, Д. Тенненбаум считает, что реализация нового «зеленого» курса Байдена может повлечь за собой глобальные и, возможно, разрушительные для мировой экономики последствия. Автор серии статей, посвященных оценке и критике новой государственной политики Белого Дома, опасается того, что новая климатическая повестка США, которая будет реализована за счет нарушения суверенитета других стран и носить глобальный характер, может обречь мир на виток новых военных конфликтов¹⁰, поскольку избавление от ископаемого топлива на глобальном уровне, которое выступает главным врагом для человечества в глазах нового руководства США, ударит по интересам большинства

⁹ Осторожно! Байден хочет спасти планету // ИА REGNUM [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3204426.html> (дата обращения: 19.04.2023).

¹⁰ Там же.

развивающихся стран, экономическое развитие которых на данный момент невозможно без использования таких невозобновляемых энергоресурсов, как нефть, газ и уголь, и приведет к эскалации замороженных в текущее время внешнеполитических конфликтов. В частности, правительство Индии не собирается отказываться от угольной энергетики¹¹.

В условиях глобализации и значимого влияния различных международных межправительственных и неправительственных организаций на национальные государства политику «зеленого» курса пытаются успешно навязывать и России. Так, по мнению аналитика Виктора Потапова, Россия и многие другие развивающиеся страны становятся заложниками климатического мошенничества со стороны западных элит¹², которое осуществляется за счет принятия заведомо ущемляющих и неравноправных международных договоренностей по сокращению выбросов парниковых газов в атмосферу, которые при этом сами инициаторы нововведений и нарушают. В.И. Ефимов также по результатам анализа Парижского соглашения приходит к выводу об отсутствии какого-либо значимого влияния на поддержание экологической безопасности в мире и о нецелесообразности его заключения для развивающихся стран, в том числе и для России [Ефимов 2021, 334]. Некоторые ведущие члены межправительственной группы экспертов по изменению климата, выступающей ведущим аналитическим сообществом в рамках Конференции сторон по климату (COP26) в Глазго, фальсифицируя факты и манипулируя угрозой глобальной катастрофы из-за роста объема выбросов метана, пытаются демонизировать Россию как главного виновника в глобальном потеплении с целью выдавливания российских компаний из рынков сбыта энергоресурсов ЕС¹³.

Можно привести также оценку эффективности «зеленого» курса со стороны У.Хака, который, в отличие от Тенненбаума, критикующего «зеленый» курс через призму интересов развивающихся стран, считает невозможным решение данных проблем и для развитых стран, определяя «зеленый» курс как «неолиберальную фантазию о невидимой руке рынка»¹⁴, способной спасти планету от глобальной экологической катастрофы. Он также отражает пагубную самонадеянность элит касательно выхода из тяжелого экономического, экологического, социального и политического кризисов на глобальном уровне за счет рыночных механизмов лишь с небольшим воздействием государства в форме льгот и субсидий. Стоит, кроме того, отметить, что подъем доходов населения страны как главная задача перед государством, обозначенная Президентом Российской Федерации¹⁵, невозможно обеспечить посредством реализации «зеленого» курса и применяемых в рамках него механизмов.

Социально-ориентированная экономика как альтернатива «зеленому» курсу в решении проблем окружающей среды

Признавая важность и неоспоримость декларируемых ООН целей устойчивого развития, которые направлены на сокращение социального неравенства, защиту окружающей среды, обеспечение всех слоев населения необходимыми для жизнедеятельности общественными благами, ликвидацию бедности и голода, нужно отметить отсутствие реальных механизмов их достижения. Наблюдая глобальные проблемы, связанные с кризисным состоянием мировой

¹¹ Индия не собирается отказываться от угольной энергетики // ИА REGNUM [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/3339223.html>. (дата обращения: 19.04.2023).

¹² Глобальное углеродное мошенничество под видом борьбы с изменением климата // ИА REGNUM [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3181135.html> (дата обращения: 19.04.2023).

¹³ Огромные российские утечки метана требуют чрезвычайных мер? Так ли это? // ИА REGNUM [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3339400.html> (дата обращения: 14.04.2023).

¹⁴ Capitalism's Not Going to Save the Planet, Us, or Life on It // Eudamonia&Co [Электронный ресурс]. URL: <https://umairhaque.substack.com/p/capitalisms-not-going-to-save-the> (дата обращения: 01.04.2023)

¹⁵ Интервью телеканалу CNBC // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66920> (дата обращения: 06.04.2023).

экономики и угрозой возможной эскалации политических конфликтов между великими державами, следует отметить необходимость поиска выхода из кризиса глобализации, индикаторами которой является кризис текущей системы международных отношений и рост разрыва уровня жизни на глобальном уровне.

Альтернативой ручному планированию посредством косвенных методов регулирования выступает стратегическое планирование экономики, которое использует лучший советский опыт управления экономикой в интересах людей посредством метода последовательных приближений запросов производителей и потребителей, который еще в 1930–1940-х гг. позволил Советскому Союзу победить в Великой Отечественной войне и превратиться в одну из сверхдержав bipolarного мира¹⁶.

Ключ в решении текущих экологических проблем лежит в анализе практического опыта построения некапиталистской системы хозяйствования в СССР. В составе государственных планов развития народного хозяйства существовал отдельный раздел плана «Охрана природы и рациональное использование природных ресурсов»¹⁷. В рамках данного раздела для водных ресурсов составлялся водохозяйственный баланс. Для ликвидации дефицита водных ресурсов ограничивалось размещение водоемких производств; для охраны вод от загрязнения и истощения предприятиям устанавливали ограничения по выбору технологий для снижения загрязняющих веществ в отводимых сточных водах до допустимого уровня, что предполагало строительство эффективных очистных сооружений по утилизации промышленных отходов. Министерство мелиорации и водного хозяйства разрабатывало план берегоукрепительных, мелиоративных, водоохраных и других работ по улучшению технического состояния водохранилищ совместного пользования. Для охраны воздушного бассейна предприятия размещались с учетом влияния вредных газов, отходящих от предприятий и транспортных средств.

Для охраны и рационального использования земель планировались задания по борьбе с водной ветровой эрозией земель, снежными лавинами, оползнями, по объемам рекультивационных работ, по захоронению вредных материалов, по снятию, складыванию и использованию плодородного слоя почвы, создавались защитные лесные полосы и сооружения. Для охраны и рационального использования лесных ресурсов с учетом растущих потребностей национальной экономики в лесной продукции планировались мероприятия по созданию ценных лесных массивов в интересах охраны здоровья людей и обитания полезных диких животных, применялся биологический метод защиты лесов и осуществлялась их охрана с помощью авиации. Для охраны и рационального использования недр и минеральных ресурсов с учетом растущих потребностей национальной экономики в полезных ископаемых задавались ограничения по применению технологий с целью повышения степени извлечения полезных ископаемых из недр и извлечения полезных компонентов из минерального сырья, осуществлялась утилизация отходов производства.

Для охраны и воспроизводства диких зверей и птиц осуществлялись биотехнологические мероприятия по учету численности и подкормке диких животных, по охране перелетных птиц на путях пролета, местах зимовки и гнездования, по проведению охотничьего устройства территорий. Для охраны и воспроизводства рыбных запасов с учетом растущих потребностей национальной экономики в рыбных запасах осуществлялись мероприятия по выпуску в естественные водоемы и водохранилища ценных пород молоди и личинок рыб

¹⁶ Без киберсистемы управления экономикой Россия обречена погибнуть, как СССР // ИА REGNUM [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3241791.html> (дата обращения: 19.04.2023).

¹⁷ Методические указания к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР. М.: «Экономика», 1974. С. 571.

(осетровых, лососевых и др.). Для сохранения в естественном состоянии природных комплексов страны как эталонов природы, генетического фонда диких растений и животных организовалась сеть заповедников и прочих охраняемых природных территорий, в которых размножались в естественных условиях представители флоры и фауны.

Однако в рамках ручного планирования в СССР вышеприведенные меры не приводили к решению проблем экологии, поскольку отсутствие автоматизации планирования экономики не позволяло Госплану СССР провести должное количество итераций для обеспечения производства конечного продукта, необходимого для решения серьезных экологических проблем. Наиболее приемлемым выходом из текущей кризисной ситуации выступает построение новой модели глобального управления и экономической политики, основанной на внедрении автоматизированной системы управления экономическими и социальными процессами, разработанной Н.И. Ведутой и основанной на методе экономической кибернетики и технологиях искусственного интеллекта, позволяющих точно согласовать общественные потребности с экономическими возможностями на всех уровнях управления с внесением корректив в изменяющихся условиях внешней среды.

В данной модели управления экономикой государству отводится центральная роль в борьбе с экологическими проблемами. Кардинальное решение проблемы изменения климата и загрязнения окружающей среды возможно в рамках государственного обобществления производства, а в перспективе и в рамках мирового [Ведута 1999, 41]. Решение текущих проблем, связанных с изменением климата, ростом выбросов и отходов в окружающую среду и вымиранием различных представителей флоры и фауны, возможно лишь в условиях автоматизации плановых расчетов в рамках централизованного распределения ресурсов единовременных затрат для производства необходимого для решения экологических проблем конечного продукта, в том числе направленного для реализации государственных программ под общественным контролем.

Заключение

Таким образом, анализ подходов к решению экологических проблем показывает, что их невозможно решить с помощью примитивных инструментов финансовой и денежно-кредитной политики, поскольку, даже перекалдывая бремя на развивающиеся страны, невозможно решение экологических проблем в связи с капиталистической жадой наживы. Альтернативная практика СССР в решении экологических проблем также демонстрировала несостоятельность в связи с ручным планированием экономики, приводящим к несбалансированности развития отраслей народного хозяйства и ухудшению окружающей среды, а также отсутствием модели экономического развития, в рамках которой конечный продукт целенаправленно используется для решения экологических проблем. На данный момент существует кибернетическая модель планирования, использующая достижения цифровой революции для организации международной координации деятельности всех государств и транснациональных корпораций для ускоренного решения экологических проблем, способных уничтожить жизнь на земле.

Список литературы:

Ведута Е.Н., Гуляев Р.А. Сущность фиктивного капитала и его роль в развитии современного экономического кризиса // Журнал «Математическое моделирование экономики». 2015. № 3. С. 55–61.

Ведута Н.И. Социально эффективная экономика. М.: Издательство РЭА, 1999.

- Ефимов В.И. Реальность углеродного следа в глобальном изменении климата // Жизнь Земли. 2021. Т. 43. № 3. С. 328–335. DOI: [10.29003/m2437.0514-7468.2020_43_3/328-335](https://doi.org/10.29003/m2437.0514-7468.2020_43_3/328-335)
- Покрытан П.А. Актуализация позднего меркантилизма в современной экономической политике // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2019. № 3. С. 64–74.
- Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики: в 2 т. М.: ЭКОНОВ, 1993. Т. 2. С. 5–136.
- Маркс К. Капитал: Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952.
- Жиряков В.А. Экономические кризисы и смена управленческой парадигмы // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 96. С. 23–34. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-96-23-34](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-96-23-34)
- Bretschger L. *Greening Economy, Graying Society*. Zürich: CER-ETH Press, 2018.
- Schwab K., Malleret T. *The Great Narrative for a Better Future*. Geneva: Forum Publishing, 2022.
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. *The Limits to Growth*. New York: Universe Books, 1972.

References:

- Bretschger L. (2018) *Greening Economy, Graying Society*. Zürich: CER-ETH Press.
- Efimov V.I. (2021) The Reality of Carbon Footprint in Global Climate Change. *Zhizn' Zemli*. Vol. 43. No. 3. P. 328–335. DOI: [10.29003/m2437.0514-7468.2020_43_3/328-335](https://doi.org/10.29003/m2437.0514-7468.2020_43_3/328-335)
- Malthus T.R. (1993) An Essay on the Principle of Population. *Antologiya ekonomicheskoy klassiki: v 2 t*. Moscow: EKONOV. Vol. 2. P. 5–139.
- Marks K. (1952) *Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie*. Vol. 1. Book 1: Der Produktionsprozess des Kapitals. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. (1972) *The Limits to Growth*. New York: Universe Books.
- Schwab K., Malleret T. (2022) *The Great Narrative for a Better Future*. Geneva: Forum Publishing.
- Veduta E.N., Gulyaev R.A. (2015) Sushchnost' fiktivnogo kapitala i ego rol' v razvitii sovremennogo ekonomicheskogo krizisa [The essence of fictitious capital and its role in the development of the modern economic crisis]. *Zhurnal "Matematicheskoye modelirovaniye ekonomiki"*. No. 3. P. 55–61.
- Veduta N.I. (1999) *Sotsial'no effektivnaya ekonomika* [Socially efficient economy]. Moscow: Izdatel'stvo REA.
- Zhiryakov V.A. (2023) Economic Crises and Change of Managerial Paradigm. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 96. P. 23–34. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-96-23-34](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-96-23-34)
- Pokrytan P.A. (2019) Updating of Late Mercantilism in Contemporary Economic Policy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika*. No. 3. С. 64–74.

Дата поступления/Received: 30.04.2023

Цифровые компетенции специалиста по подбору персонала

Коновалов Максим Анатольевич

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: KononovMA@spa.msu.ru

SPIN-код для РИНЦ: [5985-6287](https://elibrary.ru/5985-6287)

Аннотация

Масштабное развитие цифровых технологий способствует пересмотру деятельности специалиста по подбору персонала. Нарботанные и апробированные в течение нескольких десятилетий модели компетенций рекрутера стремительно теряют актуальность в современных условиях. Речь идет не о частичных изменениях, а о фундаментальной трансформации. Все чаще слышатся мнения о том, что пришло время передать цифровым системам не только задачи поиска, подбора и оценки претендентов, но также право принятия финального решения в процессе трудоустройства. Данную ситуацию нельзя недооценивать, поскольку цифровые инструменты становятся определяющим фактором в работе организации, оказывают влияние на ее развитие, а также на развитие ее сотрудников. Как следствие, возникают вопросы к новому составу компетенций рекрутера, которые позволят сохранить высокие показатели профессионализма, а также обосновать востребованность труда реального специалиста на всем протяжении процесса рекрутмента. Цель работы — выявление актуальных компетенций рекрутера, необходимых для работы в условиях внедрения цифровых технологий. Обобщение информации из разных источников, в том числе результатов проведенного контент-анализа объявлений о вакансиях специалистов по подбору персонала, позволило определить наиболее значимые цифровые компетенции рекрутера в условиях цифровизации данной профессии. В результате выявлено, что цифровые инструменты являются не только формальным требованием, предъявляемым к рекрутерской деятельности, но и существенной характеристикой должностных обязанностей. Кроме этого, показано, что появляются некоторые проблемы в связи с расширением цифровизации в сфере деятельности по подбору персонала.

Ключевые слова

Компетенция, компетентность, цифровые компетенции, рекрутер, цифровизация, профессиональный стандарт.

Digital Competencies of a Recruiter

Maxim A. Kononov

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: KononovMA@spa.msu.ru

Abstract

The introduction of digital technologies leads to profound changes in the professional requirements for recruiters. These changes are manifested not only in the addition of new knowledge. They also cause the emergence of completely new recruiter functions and the loss of some functions and tasks that would seem to be an integral part of the profession. There are some approaches that suggest that digital systems must not only search for and evaluate candidates, but also make the final decision about the employment. These approaches should be taken into account, because digital tools play a key role in organizations and influence its development. As a result, it is necessary to determine new competences of a recruiter which allow them to maintain high professionalism. Thus, the aim of the article is to determine the current competencies of the recruiter necessary for working with digital technologies. Summarizing information from various sources, including the results of content analysis of job advertisements for recruiters, allowed us to compile a list of the most significant digital competencies of a recruiter in the context of digitalization of this profession. The research allowed concluding that digital tools are not only formal requirements but essential characteristic of job responsibilities. Moreover, it is shown that some new issues connected with digitalization of recruitment process appear.

Keywords

Competence, expertise, digital competencies, recruiter, digitalization, professional standard.

Введение

Изменения, происходящие в современном обществе, непосредственно влияют на компетентностные модели специалистов различных областей. Рутинные задачи все чаще перекладываются на машины, искусственный интеллект или компьютерные системы. На этом фоне особую актуальность приобретает непрерывное разнонаправленное развитие персонала, выражающееся в создании условий для полного раскрытия и приращения потенциала сотрудников [Зайцева 2010, 4].

Новые способы выполнения привычной для рекрутера работы меняют требования к уровню и структуре его подготовки. Речь идет о том, что используемые технические комплексы и программные решения в значительной степени автоматизировали почти весь цикл рекрутинга — от загрузки резюме до заключительного интервью [Васильчиков и др. 2018, 966]. Соответственно, происходит радикальное изменение состава знаний, навыков, умений, которые нужны были

при «ручном» рекрутинге, а теперь необходимы в условиях расширения цифровизации и ускоренного распространения информации [Gardner et al. 2003; Nankervis, Cameron 2023]. Изменения происходят настолько быстро, что способствуют появлению дополнительных вызовов для специалистов по подбору персонала, заключающихся в адаптации к нарастающим трансформациям.

Качество выполнения профессиональных задач, которые возникают перед специалистом по подбору персонала, зависит от наличия у него соответствующих компетенций. Следует заметить, что формирование компетенций будущего рекрутера происходит в процессе его обучения. При подготовке специалистов исследователи выделяют такие группы компетенций: общекультурные, общепрофессиональные, а также профессиональные [Яркова и др. 2018, 47]. Точечное рассмотрение содержания каждой из приведенных выше групп компетенций формирует представление о профессиональном наполнении профиля будущего специалиста. Общекультурные компетенции позволяют обнаружить метапредметные связи в изучаемых дисциплинах, они способствуют формированию мировоззрения и общей эрудиции. Общепрофессиональные компетенции нацелены на формирование уверенного ориентирования в практике управленческой деятельности в целом. И, наконец, профессиональные компетенции непосредственно связаны с будущими должностными обязанностями специалиста. В контексте настоящей статьи рассматриваются профессиональные компетенции рекрутера, которые наиболее зависимы от происходящей цифровизации отрасли.

Актуальность исследованию придает то, что развитие государственной политики и государственного управления направлено на создание благоприятных условий для цифровизации общества. Исходя из нормативной документации, которая регулирует цифровую среду в нашей стране, можно сделать вывод о большой заинтересованности государства в этом вопросе. Согласно паспорту федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды», до конца 2024 года должна быть «создана система правового регулирования цифровой экономики, основанного на гибком подходе в каждой сфере, а также внедрен гражданский оборот на базе цифровых технологий»¹. Одной из задач данного федерального проекта является обеспечение правовых условий работы с цифровыми данными, в частности порядка их использования, что для деятельности специалиста по подбору персонала играет значительную роль. Соответственно, потребуется пересмотр компетенций рекрутера в области работы с персональными данными кандидатов.

Связь понятий «компетенция» и «компетентность»

Исследователи по-разному определяют компетенцию и компетентность, что свидетельствует об отсутствии единого подхода к данным понятиям в настоящее время [Мирончук, Мирончук 2022; Каширин, Дубровская 2019; Chouhan, Srivastava 2014]. В основном в работах, посвященных данной тематике, авторы исследований приводят в качестве примера определения из известных отечественных и зарубежных словарей. Далее, используя контент-анализ, поочередно разбирают смысловые фрагменты приведенных понятий с целью выявления корреляций. Дополнительные затруднения в определении понятий вызывают различные семантические трактовки термина «компетенция».

¹ Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» // Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/08f25bcd101aec2ad6142099117dccc/pasport_fp_normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy.pdf (дата обращения: 14.06.2023).

В справочной литературе под компетенцией понимаются характеристики персонала, необходимые для успешной деятельности: совокупность знаний, навыков, способностей, прилагаемых усилий и стереотипов поведения². В данном определении прослеживается неразрывная связь полученных знаний с результатом их применения в работе. Получается, что, с одной стороны, мы рассматриваем компетенцию как «знаниевый» компонент деятельности, а с другой — как результат практики в конкретной области. Например, рекрутмент, как и любая профессиональная область деятельности, имеет свой особый набор знаний, необходимых для успешного осуществления обязанностей (Таблица 2).

Интересным представляется рассмотрение компетенции в качестве предмета социального конструирования в области организации профессиональной деятельности [Кудрявцева 2012, 92]. Получается, что такими единичными «конструктами» пронизывается как профессионально-производственная, так и повседневная жизнь социума. Одновременно возникают вопросы о сущности подобных «конструктов» и об их влиянии на личность. Когда речь идет о стандартизированных функциональных задачах, которые выполняет работник, логично предположить, что «конструкты» будут однообразны по своему типу, представляя частное проявление компетенции. Подобная односложность объясняется унифицированными требованиями, которые необходимы для выполнения конкретной работы. Видоизменение должностных обязанностей специалиста влечет за собой пересмотр стандартизированных «конструктов», поскольку привычные паттерны «конструктов» оказываются неэффективными.

Таким образом, под компетенциями рекрутера в данной статье понимаются навыки, знания, умения, полученные в процессе обучения либо профессиональной переподготовки, а также способности, позволяющие специалисту по подбору персонала осуществлять профессиональную деятельность в актуальных условиях на требуемом уровне эффективности.

Взаимная семантическая связь понятий «компетенция» и «компетентность» не отменяет другого рода различий между ними. При рассмотрении компетенций специалиста интересна главным образом его практическая деятельность, то, как он справляется с поставленными задачами. Однако когда речь идет о его компетентности, то на первый план выходят не внешние формальные проявления результатов деятельности, а собранные воедино особенности личности профессионала. Исследователи считают, что компетентность не гарантирует успешность специалиста, а только создает такую возможность, выступая как фактор фасилитации [Там же, 109]. Таким образом, можно предположить, что компетенции выступают как внешние «конструкты» деятельности специалиста по подбору персонала, а компетентность отражает совокупность имеющихся компетенций сквозь призму внутриличностного восприятия социально-профессиональной действительности. Компетентность вбирает в себя не только профессиональную, но и социально-культурную и психологическую компоненты [Мирончук, Мирончук 2022, 90].

Цифровые компетенции рекрутера

Отличительной особенностью текущего состояния развития общества является повсеместное внедрение цифровых технологий. Область деятельности, связанная с подбором персонала, не остается в стороне. В силу многоаспектности задач рекрутера стандартные пользовательские навыки работы с персональным компьютером становятся недостаточными

² Маслова В.М. Управление персоналом: Толковый словарь. М.: Дашков и К, 2021.

для осуществления должностных полномочий. Появляется необходимость в объединении в одну группу специальных навыков и умений, которые сопровождают деятельность в формате «человек — цифровой помощник».

В исследовательской литературе не сложилось единого подхода к определению сути и границ цифровых компетенций, а также их структурного наполнения [Лига, Щеткина 2021; Можяева и др. 2020; Ишмуратова 2022; Meyers et al. 2013]. С одной стороны, цифровые компетенции следует выделять в особый тип компетенций в силу того, что они рассматриваются как уникальное явление постиндустриального общества. С другой стороны, они не находятся в изолированном состоянии от других, востребованных в современном обществе навыков и умений. Подобная взаимосвязь коррелирует с особенностью современной социальной системы, ее усложнением, мобильностью, суперсвязанностью, сетевизацией и цифровизацией [Добринская 2019, 190].

Под цифровыми компетенциями исследователи подразумевают знания и умения, позволяющие достигать требуемого результата с использованием информационно-коммуникационных технологий [Симарова и др. 2022, 940]. Логично предположить, что подразумеваются навыки, знания и умения специалиста, которые отвечают всем требованиям действующего профессионального стандарта, а также являются актуальными в текущих социальных и производственных условиях. Авторы данного определения уточняют, что необходимо рассматривать цифровые компетенции, разделяя их на базовые и специальные. Поскольку использование цифровых технологий предполагает точечную фокусировку на задачах и результатах деятельности (коммуникация, сбор и обработка данных, аналитика и т.п.), скорее всего, в зависимости от ситуации будут изменяться и эффекты от их применения.

Главная особенность базовых цифровых компетенций состоит в том, что они не привязаны к какому-либо профессиональному стандарту, фактически они являются неотъемлемой частью жизни субъекта в современном социуме, отражая его цифровую грамотность. В буквальном смысле цифровая грамотность может рассматриваться как необходимое условие для выживания в нынешней социальной среде, поскольку большинство бытовых услуг и процессов сопровождаются использованием цифровых технологий. Кроме этого, фундаментальные цифровые навыки служат базисом для дальнейшего освоения специальных цифровых компетенций, которые, в свою очередь, напрямую повлияют на работу специалиста по подбору персонала. Такой дуальный подход к природе цифровых компетенций, с одной стороны, позволяет обосновать необходимость получения либо обновления знаний в профессиональной области, а с другой стороны, отражает сложность ситуации, в которой оказывается субъект, не обладающий соответствующими цифровыми навыками и знаниями.

Базовые цифровые компетенции позволяют специалисту по подбору персонала оптимальным образом выполнять свои должностные обязанности, избавляясь от рутинных операций, а также выстраивать конструктивные формы взаимодействия с потенциальными работниками. Специальные цифровые компетенции рекрутера являются продолжением общих цифровых компетенций, и сегодня они являются фундаментом его профессиональной деятельности. Основная задача рекрутингового программного обеспечения — увеличение скорости и качества подбора персонала [Ловчева и др. 2020, 66]. Особенность специальных цифровых компетенций состоит в том, что их нельзя зафиксировать в какой-то статичной описательной модели. Постоянная динамика внешней среды, развитие информационно-коммуникативных технологий способствуют непрерывной трансформации цифровых компетенций.

Таким образом, обзор научно-исследовательской литературы позволяет понимать под цифровыми компетенциями в рекрутменте общий круг компетенций, касающийся применения современных информационно-коммуникационных технологий в процессе подбора персонала.

Внедрение цифровых технологий в область подбора персонала приводит к пересмотру содержания компетенций рекрутера. Для проверки данной гипотезы были осуществлены сбор и обработка объявлений о вакансиях «рекрутер» или «специалист по подбору персонала», публикуемых организациями на сайтах поиска кандидатов. Исследование, проведенное в декабре 2022 года, позволило выявить перечень самых часто встречающихся требований, предъявляемых со стороны организации к рекрутеру. Опираясь на данные контент-анализа, можно выявить динамику изменений в области развития цифровых компетенций рекрутера, а также ключевые компетенции, которыми должен обладать рекрутер в современных реалиях.

Анализ цифровых компетенций рекрутера

Для определения актуальных компетенций рекрутера в цифровом обществе были подобраны и обработаны объявления о вакансиях для специалистов по подбору персонала на сайте поиска работы [HeadHunter](#). Данные, полученные в ходе обработки объявлений, были использованы для проведения контент-анализа.

Описание исследования. Как было показано выше, появление новых запросов к трудовым функциям, знаниям и умениям рекрутера повлияло на расширение функциональных задач специалиста по подбору персонала, на изменение требований к его компетенциям. Было предположено, что изменения в цифровых технологиях, которые задействованы в современном процессе рекрутмента, должны отразиться на том наборе требований, которые компании предъявляют к специалисту по подбору персонала. В частности, была выдвинута гипотеза, что требования к наличию цифровых компетенций (как общих, так и специальных) будут встречаться во всех объявлениях по подбору специалистов-рекрутеров. Для проверки данной гипотезы были обработаны 300 объявлений о вакансиях «рекрутер» или «специалист по подбору персонала», опубликованных в 2022 году. Обработке были подвергнуты требования к функциональным обязанностям и компетенциям специалиста по подбору персонала. Все объявления были разделены на три группы: объявления отечественных компаний (100 объявлений), объявления зарубежных компаний (100 объявлений), а также объявления кадровых агентств, которые искали сотрудников в свой штат (100 объявлений). Объявления о вакансиях отбирались, как уже было отмечено, на популярном сайте поиска работы HeadHunter. Для более качественного анализа исследовательского материала стандартный контент-анализ был совмещен с интерпретативным.

Результаты контент-анализа. Для проведения исследования определены следующие содержательные блоки: этапы подбора персонала согласно «воронке подбора» персонала; требования к владению цифровыми технологиями, упомянутые в объявлениях о вакансиях на должности специалистов по подбору персонала; количество упоминаний в объявлениях. Каждый из содержательных блоков включает данные о вакансиях в отечественных (100 объявлений) и зарубежных компаниях (100 объявлений), а также в кадровых агентствах (100 объявлений). В результате проведенного контент-анализа сформированы таблицы с указанием количества релевантных исследованию объявлений (Таблица 1).

Таблица 1. Требования к цифровым компетенциям рекрутера в объявлениях о вакансиях на должности специалистов по подбору персонала³

Тип организации	Этапы подбора персонала согласно «воронке подбора»	Требования к владению цифровыми технологиями, упомянутые в объявлениях о вакансиях на должности специалистов по подбору персонала	Количество упоминаний в объявлениях, % ⁴
Отечественные компании	поиск персонала	поисковые системы (рабочие сайты, социальные сети)	31
	фильтрация по данным резюме	Программные решения (Experium, MOLGA и др.)	8
	подбор персонала	базы данных	24
	проведение первичного интервью	приложения для видеоконференций (Zoom, Skype, Google Meet, Microsoft Teams и др.)	12
	оценка персонала	программные продукты (Excel, CRM, E-staff и др.)	7
Зарубежные компании	поиск персонала	поисковые системы (рабочие сайты, социальные сети)	35
	фильтрация по данным резюме	Программные решения (Experium, MOLGA и др.)	15
	подбор персонала	базы данных	25
	проведение первичного интервью	приложения для видеоконференций (Zoom, Skype, Google Meet, Microsoft Teams и др.)	11
	оценка персонала	программные продукты (Excel, CRM, E-staff, Zoom и др.)	12
Кадровые агентства	поиск персонала	поисковые системы (рабочие сайты, социальные сети)	21
	фильтрация по данным резюме	Программные решения (Experium, MOLGA и др.)	9
	подбор персонала	базы данных	12
	проведение первичного интервью	приложения для видеоконференций (Zoom, Skype, Google Meet, Microsoft Teams и др.)	8
	оценка персонала	программные продукты (Excel, CRM, E-staff, Zoom и др.)	23

Из Таблицы 1 следует, что для работодателей наиболее значимыми являются цифровые компетенции рекрутеров в области работы с социальными сетями, сайтами по поиску работы, а также с базами данных. Перечисленные компетенции можно отнести к специальным цифровым компетенциям, они предполагают наличие узкопрофильных знаний, которые востребованы лишь в данном виде профессиональной деятельности. На втором месте по востребованности — компетенции в области цифровых технологий, сопровождающих процессы отбора кандидатов с использованием приложений для видеоконференций, электронных таблиц, цифровых технологий скрининга. Здесь уже налицо сочетание как общих (электронные таблицы, видеоконференции), так и специальных компетенций (технологии скрининга). Таким образом, изменяется содержание трудовых функций благодаря внедрению цифровых технологий.

Дальнейшее обобщение результатов по типу работодателей позволило выявить неожиданную тенденцию: наиболее часто требования к владению цифровыми технологиями, упомянутые в объявлениях о вакансиях на должности специалистов по подбору персонала, встречаются в объявлениях зарубежных компаний. Наименее часто — в объявлениях специализированных агентств по поиску и подбору персонала (Рисунок 1).

³Составлено автором.

⁴ Процент рассчитан как соотношение количества упоминаний к общему количеству объявлений в указанной категории.

Рисунок 1. Частота упоминаний требований к владению цифровыми технологиями в объявлениях о вакансиях на должности специалистов по подбору персонала⁵

Как следует из Рисунка 1, заметно меньшее количество упоминаний требований к владению цифровыми технологиями встречается в объявлениях о вакансиях на должности специалистов по подбору персонала кадровых агентств. Возможно, это связано с тем, что кадровые агентства направляют набранных специалистов по подбору персонала на дополнительное профильное повышение квалификации в зависимости от специфики программных продуктов и цифровых систем, которые применяются в агентстве. Рассматривая данные, полученные в ходе сравнения результатов отечественных компаний с зарубежными, следует подчеркнуть, что одним из объяснений разницы (почти в 20%) приоритетности цифровых компетенций рекрутера может являться устоявшаяся модель общих компетенций в отечественных компаниях. Кроме того, редкое включение подобных требований в объявления российских компаний говорит о замедленном внедрении цифровых технологий. Однако данные результаты требуют дополнительной проверки для уточнения причин подобного расхождения в уровне востребованности компетенций в области работы с цифровыми технологиями у российских и зарубежных компаний.

Обобщая полученные данные, следует сделать вывод, что в объявлениях о вакансиях «рекрутер», «специалист по подбору персонала» выявлена тенденция высокой востребованности цифровых компетенций в профессиональном профиле соискателей. В то же время выдвинутая нами гипотеза подтвердилась лишь частично. Требования к владению цифровыми компетенциями встречаются почти во всех объявлениях о вакансии «рекрутер» или «специалист по подбору персонала» зарубежных компаний (98%), но при этом не во всех объявлениях российских компаний и кадровых агентств. Чаще всего упоминаются компетенции, которые необходимы на начальном этапе подбора персонала: создание спроса на рабочие места через размещение объявлений в социальных сетях и на специализированных сайтах по поиску персонала, а также поиск претендентов и последующая обработка резюме. Согласно результатам интерпретативного контент-анализа объявлений, в подавляющем большинстве случаев использование цифровых технологий носит вспомогательный характер в деятельности рекрутера. Оценка кандидатов и окончательное решение о приеме на работу по-прежнему находится в области ответственности специалистов по подбору персонала.

⁵ Составлено автором.

Поскольку цифровые инструменты в деятельности по подбору персонала, как нами было отмечено, рассматриваются в качестве вспомогательного элемента работы рекрутера, их использование должно быть определено высоким профессионализмом специалиста. Рассмотрение образовательного стандарта по направлению подготовки «Управление персоналом» позволило составить общее представление о компетенциях будущего специалиста по работе с персоналом⁶. Уже на уровне бакалавриата, согласно группе универсальных компетенций (УК-10), выпускник должен быть «способен использовать современные информационно-коммуникационные технологии в академической и профессиональной сферах»⁷. Это говорит о специфике подготовки будущего рекрутера в условиях цифровизации общества. Помимо этого, нельзя не заметить, что по результатам освоения данной программы в магистратуре выпускник, согласно группе профессиональных компетенций (ПК-13), должен быть «способен разрабатывать и внедрять профессиональные, в том числе корпоративные, стандарты в области управления персоналом»⁸. Значимость профессиональных стандартов состоит в том, что они являются ориентиром для специалиста в его профессиональной деятельности. Своевременность внесения изменений в профессиональный стандарт рекрутера, в соответствии с общественными реалиями, способствует корректировке компетенций специалиста по подбору персонала, их актуализации. Предлагается рассмотреть два профессиональных стандарта рекрутера в разных редакциях для сопоставления указанных в них формальных требований с задачами рекрутера и его цифровыми компетенциями.

Профессиональный стандарт рекрутера и цифровые компетенции

Важно, чтобы изменения, происходящие в различных профессиональных областях под влиянием цифровизации, не обходили стороной те формальные ориентиры, которые определяют облик профессии. Профессиональный стандарт рассматривается в качестве одного из таких важнейших ориентиров. На сегодняшний момент в области рекрутмента действует профессиональный стандарт в редакции 2022 года⁹, который пришел на смену профессиональному стандарту в редакции 2015 года¹⁰. После принятия первого профессионального стандарта в редакции от 2015 года произошло несколько событий, которые способствовали увеличению масштаба распространения цифровых технологий вообще и в области рекрутмента в частности. Одним из таких событий может рассматриваться пандемия, вызванная вирусом SARS-CoV-2. В период пандемического кризиса произошла актуализация цифровых компетенций специалистов в основных сферах производства и управления.

Как было отмечено, процесс подбора персонала с внедрением цифровых технологий испытывает кардинальные перемены. Сопоставив зафиксированные в рассматриваемых документах основные трудовые характеристики, умения, знания, которыми должен обладать специалист для успешного использования наиболее распространенных цифровых технологий в сфере рекрутмента, можно составить общее представление о направлении развития актуальных

⁶ Образовательный стандарт, самостоятельно устанавливаемый Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова для реализуемых основных профессиональных образовательных программ высшего образования по направлению подготовки 38.03.03. Управление персоналом (уровень бакалавриата), 38.04.03. Управление персоналом (уровень магистратуры) // МГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.msu.ru/sveden/eduStandarts/import/docs/38.03.03.%2038.04.03%201.pdf> (дата обращения: 14.06.2023).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Приказ Минтруда России от 09.03.2022 N 109н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по управлению персоналом» (Зарегистрировано в Минюсте России 08.04.2022 N 68136) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414472/ (дата обращения 23.03.23).

¹⁰ Приказ Минтруда России от 09.10.2015 N 717н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по подбору персонала (рекрутер)» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.11.2015 N 39628) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188774/ (дата обращения 18.03.23).

компетенций. Сравнительный анализ текстов указанных выше профессиональных стандартов позволит проследить изменение основных требований, предъявляемых к компетенциям рекрутера в условиях расширяющейся цифровизации отрасли.

Во-первых, в профессиональном стандарте в редакции от 2022 года зафиксировано, что цифровые компетенции специалиста по подбору персонала становятся необходимой частью его трудовой деятельности. Первое, где это нашло отражение, — в изменении формулировки основной задачи профессиональной деятельности рекрутера. Основной задачей рекрутера, согласно профессиональному стандарту 2015 года, является «обеспечение потребностей работодателей в трудовых ресурсах путем подбора персонала на постоянную или временную занятость». Согласно обновленному профессиональному стандарту 2022 года, главная цель профессиональной деятельности рекрутера состоит в «обеспечении эффективного функционирования системы управления персоналом для достижения целей организации». Как следует из данных формулировок, новая трактовка основной цели профессиональной деятельности рекрутера указывает на существенное повышение его роли в организации. Вместо «ремесленной» деятельности по подбору персонала от рекрутера теперь ожидают стратегического видения с точки зрения функционирования всей системы управления персоналом. Это вполне согласуется с усилением цифровизации профессии, которая, наряду с высвобождением времени рекрутера, вооружает его новейшим цифровым инструментарием для сбора, обработки и анализа данных по рынку труда.

Во-вторых, произошло заметное изменение требований к компетенциям специалиста по подбору персонала, отраженным в профессиональных стандартах от 2015 и 2022 годов. Для выявления направленности и содержания изменений сопоставим требования к знаниям и умениям в рассматриваемых профессиональных стандартах (Таблица 2). Интересен тот факт, что уровень квалификации для должностей «рекрутер» и «специалист по подбору персонала» возрос — с уровня 5 в 2015 году, до уровня 6 в 2022 году. Это отражает возрастающие требования к должностям данной категории.

Таблица 2. Требования к знаниям и умениям в работе специалиста по подбору персонала в профессиональных стандартах от 2015 и 2022 годов¹¹

Необходимые умения (профстандарт 2015 г.)	Необходимые знания (профстандарт 2015 г.)	Необходимые умения (профстандарт 2022 г.)	Необходимые знания (профстандарт 2022 г.)
Поиск и привлечение кандидатов В/01.5		Сбор информации о потребностях организации в персонале В/01.6	
Собирать и структурировать информацию о работодателях; анализировать информацию о работодателях; находить кандидатов, рекомендуемых другими работниками; привлекать кандидатов через публикацию информации о вакансии в средствах массовой информации; находить работников, не занимающихся поиском работы для себя, но потенциально заинтересованных в рассмотрении предложений, аналогичных профилю должности (прямой поиск); составлять объявление для публикации в средствах массовой информации о профиле должности; использовать публичные источники информации; налаживать и поддерживать контакты в профессиональной среде.	Информационно-коммуникационные технологии поиска кандидатов; источники информации о кандидатах; этические нормы работы с кандидатами; законодательство РФ о персональных данных; основы трудового законодательства РФ.	Собирать, анализировать и структурировать информацию об особенностях организации работ на различных участках производства и на конкретных рабочих местах с учетом целей, задач, планов и структуры организации; собирать, анализировать и структурировать информацию об особенностях и возможностях персонала организации; собирать, анализировать и структурировать информацию об особенностях рынка труда, включая предложения услуг по поиску, привлечению, подбору и отбору персонала; работать в информационных системах, использовать цифровые услуги и сервисы по сбору, анализу и структурированию потребности организации в кадрах; формировать предложения по автоматизации и цифровизации операций и процессов сбора потребности в персонале; консультировать сотрудников и руководителей организации по вопросам рынка труда и обеспечения персоналом; обеспечивать соблюдение требований законодательства РФ и корпоративных политик в области обработки персональных данных и конфиденциальной информации; вести деловую переписку; соблюдать нормы этики делового общения.	Технологии, методы и методики проведения анализа и систематизации документов и информации; порядок определения перспективной и текущей потребности в персонале; источники обеспечения организации персоналом; организация работ на различных участках производства, организации, отрасли; общие тенденции на рынке труда в целом и в отдельной отрасли, конкретной профессии (должности, специальности); основы психологии и социологии труда; основы экономики, организации труда и управления; тарифно-квалификационные справочники работ и профессий рабочих и квалификационные характеристики должностей служащих, профессиональные стандарты; нормативные правовые акты, определяющие нормы трудового права; основы архивного законодательства и нормативные правовые акты РФ в области ведения документации по персоналу; законодательство РФ о персональных данных; локальные нормативные акты организации, регулирующие порядок подбора персонала; специализированные информационные системы, цифровые услуги и сервисы в области обеспечения персоналом, границы их применения; основные метрики в области подбора и отбора кандидатов на вакантные должности для обеспечения потребности в персонале; правила ведения деловой переписки; нормы этики делового общения.

¹¹ Составлено автором по: Приказ Минтруда России от 09.03.2022 N 109н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по управлению персоналом» (Зарегистрировано в Минюсте России 08.04.2022 N 68136) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414472/ (дата обращения 23.03.23); Приказ Минтруда России от 09.10.2015 N 717н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по подбору персонала (рекрутер)» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.11.2015 N 39628) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188774/ (дата обращения 18.03.23).

Отбор и оценка кандидатов В/02.5		Поиск, привлечение, подбор и отбор персонала В/02.6	
Анализировать резюме кандидата и оценивать его соответствие профилю должности; разрабатывать план структурированного собеседования; проводить собеседование с использованием средств связи и лично; интерпретировать результаты собеседования; осуществлять профессиональную и личностную оценку кандидатов с использованием соответствующих инструментов; устно и письменно общаться с кандидатами; налаживать и поддерживать контакты в профессиональной среде.	Технологии анализа резюме кандидата; технологии проведения собеседований; инструменты оценки и тестирования кандидатов; этические нормы при работе с кандидатами и работодателями; законодательство РФ о персональных данных; основы трудового законодательства РФ.	Определять критерии поиска, привлечения, подбора и отбора персонала; собирать, анализировать и структурировать информацию о кандидатах и предложениях на рынке труда; работать с поисковыми системами, информационными ресурсами цифровыми сервисами в области обеспечения персоналом; формировать предложения по автоматизации и цифровизации процессов поиска и привлечения персонала; применять технологии и методики поиска, привлечения, подбора и отбора кандидатов на вакантные должности (профессии, специальности) в соответствии с их спецификой; консультировать по вопросам привлечения персонала; составлять и контролировать статьи расходов на обеспечение персоналом для планирования бюджетов; обеспечивать соблюдение требований законодательства РФ и политик работодателя в области обработки персональных данных и конфиденциальной информации; вести деловую переписку; соблюдать нормы этики делового общения.	Источники обеспечения организации персоналом; технологии и методики поиска, привлечения, подбора и отбора персонала; системы, методы и формы материального и нематериального стимулирования труда персонала; технологии и методы формирования и контроля бюджетов организации; технологии, методы и методики проведения анализа, систематизации документов и информации; организационная структура организации; перечень вакантных должностей (профессий, специальностей); тарифно-квалификационные справочники работ и профессий рабочих и квалификационные характеристики должностей служащих, профессиональные стандарты; методика планирования потребности организации в поиске и привлечении персонала; общие тенденции на рынке труда и в отдельных отраслях и видах профессиональной деятельности; основы психологии и социологии труда; основы экономики, организации труда и управления персоналом; специализированные информационные системы, цифровые услуги и сервисы в области поиска и привлечения персонала, границы их применения; основные метрики и аналитические срезы в области поиска и привлечения персонала; нормативные правовые акты, определяющие нормы трудового права; основы архивного законодательства и нормативные правовые акты РФ в области ведения документации по персоналу; основы налогового законодательства РФ; законодательство РФ о персональных данных; локальные акты организации, регулирующие порядок обеспечения персоналом; правила ведения деловой переписки; нормы этики делового общения.

Презентация кандидатов на всех этапах отбора у работодателя В/03.5		Администрирование процессов обеспечения персоналом и соответствующего документооборота В/03.6	
Согласовывать графики собеседований и осуществлять подготовку к ним; проверять рекомендации с прежних мест работы кандидата; сообщать информацию кандидатам, не прошедшим конкурсный отбор у работодателя.	Технологии организации собеседований; технологии проверки рекомендаций с прежних мест работы кандидатов; этические нормы при работе с кандидатами; законодательство РФ о персональных данных; основы трудового законодательства РФ.	Обеспечивать документационное сопровождение выхода кандидата на работу и перемещения персонала; оформлять документы по вопросам обеспечения ресурсами персонала, необходимыми для предоставления в государственные органы, представительные органы работников; организовывать хранение документов в соответствии с требованиями законодательства РФ и локальными нормативными актами организации; работать с информационными системами, цифровыми услугами и сервисами по вопросам обеспечения персоналом, ведения поиска и учета кандидатов на вакантные должности (профессии, специальности); формировать предложения по автоматизации и цифровизации процессов и документооборота по обеспечению персоналом; производить предварительные закупочные процедуры и оформлять сопутствующую документацию по заключению договоров; организовывать и проводить конкурсы, оформлять и анализировать конкурсную документацию; обеспечивать соблюдение требований законодательства РФ и корпоративных политик в области обработки персональных данных и конфиденциальной информации; вести деловую переписку; соблюдать нормы этики делового общения.	Порядок оформления, ведения и хранения документации, связанной с поиском, привлечением, подбором и отбором кандидатов на вакантные должности; порядок формирования, ведения данных о персонале организации, порядок предоставления отчетности; основы документооборота и документационного обеспечения; технологии, методы и методики проведения анализа и систематизации документов и информации; порядок проведения конкурсов и оформления конкурсной документации; порядок проведения закупочных процедур и оформления сопутствующей документации; организационная структура организации и вакантные должности (профессии, специальности); специализированные информационные системы, цифровые услуги и сервисы в области обеспечения персоналом, границы их применения; тарифно-квалификационные справочники работ и профессий рабочих и квалификационные характеристики должностей служащих, профессиональные стандарты; основные метрики и аналитические срезы в области обеспечения персоналом; нормативные правовые акты, определяющие нормы трудового права; основы архивного законодательства и нормативные правовые акты РФ в области ведения документации по персоналу; основы налогового законодательства РФ; законодательство РФ о персональных данных; локальные акты организации, регулирующие порядок подбора персонала; порядок заключения договоров (контрактов); правила ведения деловой переписки; нормы этики делового общения.

Согласование условий найма с работодателем и кандидатом В/04.5			
Проводить переговоры с кандидатом по всем существенным условиям найма;	Размеры заработной платы, запрашиваемые кандидатами для соответствующей должности в отрасли на момент оказания услуги по подбору персонала;		
проводить переговоры с работодателем по всем существенным условиям найма;	размеры заработной платы, льготы и компенсации для соответствующей должности в отрасли на момент оказания услуги по подбору персонала;		
консультировать работодателя по вопросам заработной платы, компенсаций и льгот.	трудовое законодательство РФ; этические нормы при работе с кандидатами.		

Первое, что обращает на себя внимание при сопоставлении обоих стандартов — появление прямых указаний на знания цифровых технологий в профстандарте 2022 года. Анализ полученных результатов показал, что значительная часть компетенций, которыми должен обладать рекрутер в современной организации, в настоящее время начинает реализовываться уже не «в ручном» режиме, а с применением цифровых технологий. Как видно из Таблицы 3, компетенции рекрутера перемещаются из части непосредственного осуществления мероприятий по этапам поиска, подбора и отбора персонала, в область принятия решений на базе результатов поиска и скрининга, полученных с привлечением или даже автономным использованием цифровых технологий. В обновленном профессиональном стандарте продолжается тенденция цифровизации области деятельности специалиста по подбору персонала; расширяются профессиональные задачи рекрутера, решение которых становится возможным при условии активного внедрения в процесс работы цифровых инструментов.

Таблица 3. Трудовые функции специалиста по подбору персонала в профессиональном стандарте и доступные цифровые технологии для частичной или полной автоматизации трудовых действий¹²

Трудовые функции специалиста по подбору персонала	Трудовые действия	Цифровые технологии, которые применяются для частичной или полной автоматизации трудовых действий
Сбор информации о потребностях организации в персонале В/01.6	Формирование перечней вакантных и планируемых к укомплектованию должностей (профессий, специальностей) организации; формирование самостоятельно и (или) совместно с руководителем соответствующего подразделения требований к вакантной должности (профессии) и их коррекция; анализ рынка труда и персонала организации по профилю вакантной должности (профессии, специальности); информирование и консультирование руководителей подразделений и организации по вопросам рынка труда и обеспечения персоналом.	Поисковые системы (Boolean search, X-Ray и т.п.); искусственный интеллект; сервисы для хранения, обработки и анализа больших данных; приложения для мобильных устройств; базы данных.

¹² Составлено автором по: Приказ Минтруда России от 09.03.2022 N 109н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по управлению персоналом» (Зарегистрировано в Минюсте России 08.04.2022 N 68136) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414472/ (дата обращения 23.03.23);

Поиск, привлечение, подбор и отбор персонала В/02.6	Поиск во внутренних и внешних источниках информации о кандидатах, соответствующих требованиям вакантной должности (профессии, специальности) и иным потребностям организации в персонале; размещение сведений о вакантной должности (профессии, специальности) в средствах массовой информации, специализированных ресурсах и сервисах; выбор способов и методов привлечения персонала в соответствии с планами и ограничениями организации сбор, сопоставление, структурирование и проверка информации о кандидатах на вакантные должности (профессии, специальности); проведение собеседований и встреч с кандидатами на вакантные должности (профессии, специальности), извещение кандидата и нанимателя о результатах собеседования (встречи); оценка соответствия кандидатов требованиям вакантной должности и иным требованиям организации (профессии, специальности); подготовка предложений по формированию бюджета на поиск, привлечение, подбор и отбор персонала; информирование и консультирование руководителей подразделений и организации по вопросам привлечения персонала с оценкой затрат.	Приложения для мобильных устройств; сайты по поиску работы; социальные медиа; цифровые средства скрининга; приложения для видеоконференций.
Администрирование процессов обеспечения персоналом и соответствующего документооборота В/03.6	Анализ процессов документооборота, локальных документов по вопросам обеспечения персоналом; ведение информации о вакантных должностях (профессиях, специальностях) и кандидатах; документационное сопровождение кандидатов на этапах поиска, привлечения, подбора и отбора персонала на вакантные должности (профессии, специальности), информирование кандидатов о результатах отбора; подготовка запросов о кандидатах в государственные органы в случаях, предусмотренных действующим законодательством Российской Федерации, и обработка полученных сведений; подготовка и обработка уведомлений в государственные органы, представительные органы работников по вопросам поиска, привлечения, подбора и отбора персонала; сопровождение договоров по обеспечению организации персоналом, включая предварительные процедуры при их заключении.	Текстовые редакторы; программные продукты по аналитике; чат-боты; облачные технологии; Экосистема Skillaz и др.

В Таблице 3 добавлены цифровые технологии, которые на сегодня стали неотъемлемой частью профессионального «багажа» рекрутера. Как видно из указанного перечня, рекрутерам приходится развивать широкий спектр цифровых компетенций. Информационная составляющая цифровых компетенций проявляется при анализе рынка труда и персонала организации по профилю вакантной должности с использованием цифровых технологий поиска, социальных сетей, облачных решений. Кроме этого, она задействована в оптимизации работы в информационных системах, направленной на сбор и анализ информации из доступных источников. Коммуникативная составляющая цифровых компетенций наиболее ярко раскрывается во время оцифрованного контакта с кандидатами посредством социальных медиа или видеоконференций. Техническая составляющая цифровых компетенций проявляется в использовании всех указанных в таблице цифровых технологий, отражает степень подготовленности рекрутера как пользователя и включает в себя навыки в области программирования, работы с облачными технологиями и специализированными приложениями. Каждая из рассмотренных составляющих цифровых компетенций способствует расширению и развитию профессиональных компетенций рекрутера в области использования цифровых технологий.

Цифровые компетенции напрямую влияют на результат деятельности специалиста по подбору персонала. К примеру, проведение тестирования кандидата рекрутером при отсутствии у последнего соответствующих компетенций приведет к невозможности обнаружения сбоя в системе тестирования и принятию неоднозначных решений по ликвидации возникших

проблем. Использование цифровых инструментов позволяет алгоритмизировать процесс подбора, свести к минимуму ошибки в расчетах, однако возникновение «внеалгоритмичных» ситуаций ставит под угрозу всю работу по подбору персонала. Поэтому окончательное решение о приеме на работу кандидата по-прежнему пока остается за рекрутером. Таким образом, крайней степенью цифровизации рекрутмента является совмещение классических компетенций рекрутера (выбор финалиста) с цифровыми помощниками, которые берут на себя все большую часть рутинных действий и решений, поддающихся цифровизации.

Основные выводы

Профессиональные стандарты специалиста по подбору персонала наглядного подтверждают происходящую глубинную трансформацию профессиональной деятельности рекрутеров. На фоне цифровизации отрасли у специалистов по подбору персонала появляются новые функциональные обязанности и задачи, осуществление которых не представляется возможным без обладания соответствующими цифровыми компетенциями. Специалисту по подбору персонала приходится осваивать значительное количество цифровых инструментов в своей работе, чтобы справляться с вызовами и угрозами цифрового пространства.

Проведенный контент-анализ позволил подтвердить рост значимости и актуальности использования цифровых инструментов в деятельности рекрутеров. Цифровые компетенции рекрутера можно разделить на базовые (работа с таблицами, инструментами электронных коммуникаций) и специальные (технологии работы с социальными медиа, технологии проверки и скрининга кандидатов). Специальные цифровые компетенции «надстраиваются» над базовыми, расширяя поле деятельности специалиста и его должностные функции. Подобная связь базовых и цифровых компетенций подкрепляет вывод о том, что цифровые технологии, используемые специалистами по подбору персоналу, все еще остаются вспомогательными инструментами в их профессиональной деятельности, но пока не являются абсолютно определяющими ее.

На основе результатов обработки отобранных объявлений методом контент-анализа может быть сделан дополнительный вывод о разнообразии используемых цифровых инструментов в подборе персонала в организациях. Как в отечественных, так и в зарубежных компаниях представлен обширный перечень внедряемых цифровых инструментов (включая программное обеспечение, облачные технологии, специализированные приложения), что вызывает дополнительный интерес к данному вопросу. Несомненно, скорость внедрения цифровых технологий зависит от размера, финансовых возможностей, общего уровня развития компаний, но заметна общая нарастающая тенденция цифровизации подбора персонала.

Таким образом, цифровые компетенции становятся условием продуктивной работы специалиста по подбору персонала. Являясь не только формальным требованием, предъявляемым к рекрутерской деятельности, но и существенной характеристикой должностных обязанностей, цифровые компетенции позволяют расширить границы деятельности специалиста. Отсутствие необходимости выполнения рутинных задач, которые постепенно переключаются на цифровых помощников, позволяет специалисту по подбору персонала сосредоточиться на развитии иных своих компетенций, а также на индивидуальном подходе к процессу взаимодействия с отобранными кандидатами. В то же время усиливающаяся цифровизация ставит новые вызовы перед профессией рекрутера, которые будут находиться уже в области профессиональной этики.

Список литературы:

- Васильчиков А.В., Гагаринская Г.П., Обущенко Т.Н. Модель компетенций рекрутера в эпоху технологичности и цифровой экономики // Экономика труда. 2018. Т. 5. № 4. С. 959–974. DOI: [10.18334/et.5.4.39652](https://doi.org/10.18334/et.5.4.39652)
- Добринская Д.Е. Цифровое общество в социологической перспективе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. №. 4. С. 175–192. DOI: [10.24290/1029-3736-2019-25-4-175-192](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-175-192)
- Зайцева Т.В. Управление развитием человеческих ресурсов организации // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2010. № 1. С. 3–16.
- Ишмуратова Д.Ф. Цифровая грамотность молодежи: анализ отдельных элементов // Теория и практика общественного развития. 2022. № 1(167). С. 83–86. DOI: [10.24158/tipor.2022.1.12](https://doi.org/10.24158/tipor.2022.1.12)
- Каширин К.А., Дубровская Е.Д. Компетентность и компетентность // Педагогика & Психология. Теория и практика. Международный научный журнал. 2019. № 5(25). С. 53–60.
- Кудрявцева Е.И. Компетенции и менеджмент: компетенции в менеджменте, компетенции менеджеров, менеджмент компетенций. Спб.: СЗИУ РАНХиГС, 2012.
- Лига М.Б., Щеткина И.А. Человек в эпоху цифровизации общества // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 2. С. 29–38. DOI: [10.21209/1996-7853-2021-16-2-29-38](https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-2-29-38)
- Ловчева М.В., Гурова Е.В., Лаас Н.И., Романова И.А. Цифровые инструменты рекрутинга и оценки профессиональных компетенций ИТ-специалистов // Современная экономика: проблемы и решения. 2020. Т. 2. С. 61–71. DOI: [10.17308/meps.2020.2/2306](https://doi.org/10.17308/meps.2020.2/2306)
- Мирончук Е.В., Мирончук Д.Э. Понятия «компетентность» и «компетентность» в системе педагогического и общенаучного знания // Наука и школа. 2022. № 5. С. 85–97. DOI: [10.31862/1819-463X-2022-5-85-97](https://doi.org/10.31862/1819-463X-2022-5-85-97)
- Можаева Г.В., Александрова Л.Д., Пуляева В.Н. Цифровые компетенции в модели актуальных компетенций управленческих кадров // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. № 6. С. 49–55. DOI: [10.26794/2226-7867-2020-10-6-49-55](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-6-49-55)
- Симарова И.С., Алезшкеевичева Ю.В., Жигин Д.В. Цифровые компетенции: понятие, виды, оценка и развитие // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 2. С. 935–948. DOI: [10.18334/vinec.12.2.114823](https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114823)
- Яркова С.А., Якимова Л.Д., Данилова А.С. Компетентностный подход в подготовке HR-менеджеров: от образовательного к профессиональному стандарту // Экономика труда. 2018. Т. 5. № 1. С. 43–60. DOI: [10.18334/et.5.1.38808](https://doi.org/10.18334/et.5.1.38808)
- Chouhan V.S., Srivastava S. Understanding Competencies and Competency Modeling — A Literature Survey // IOSR Journal of Business and Management. 2014. Vol. 16. Is. 1. P. 14–22.
- Gardner S.D., Lepak D.P., Bartol K.M. Virtual HR: The Impact of Information Technology on the Human Resource Professional // Journal of Vocational Behavior. 2003. Vol. 63. Is. 2. P. 159–179. DOI: [10.1016/S0001-8791\(03\)00039-3](https://doi.org/10.1016/S0001-8791(03)00039-3)
- Meyers E.M., Erickson I., Small R.V. Digital Literacy and Informal Learning Environments: An Introduction // Learning, Media and Technology. 2013. Vol. 38. Is. 4. P. 355–367. DOI: [10.1080/17439884.2013.783597](https://doi.org/10.1080/17439884.2013.783597)
- Nankervis A.R., Cameron R. Capabilities and Competencies for Digitised Human Resource Management: Perspectives from Australian HR Professionals // Asia Pacific Journal of Human Resources. 2023. Vol. 61. Is. 1. P. 232–251. DOI: [10.1111/1744-7941.12354](https://doi.org/10.1111/1744-7941.12354)

References:

- Chouhan V.S., Srivastava S. (2014) Understanding Competencies and Competency Modeling — A Literature Survey. *IOSR Journal of Business and Management*. Vol. 16. Is. 1. P. 14–22.
- Dobrinskaya D.E. (2019) Digital Society: Sociological Perspective. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. Vol. 25. No. 4. P. 175–192. DOI: [10.24290/1029-3736-2019-25-4-175-192](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-175-192)
- Gardner S.D., Lepak D.P., Bartol K.M. (2003) Virtual HR: The Impact of Information Technology on the Human Resource Professional. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 63. No. 2. P. 159–179. DOI: [10.1016/S0001-8791\(03\)00039-3](https://doi.org/10.1016/S0001-8791(03)00039-3)
- Ishmuratova D.F. (2022) Youth Digital Literacy: Analysis of Selected Elements. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. No. 1(167). P. 83–86. DOI: [10.24158/tipor.2022.1.12](https://doi.org/10.24158/tipor.2022.1.12)
- Kashirin K.A., Dubravskaya E.D. (2019) Competence and Adequacy. *Pedagogika & Psikhologiya. Teoriya i praktika. Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal*. No. 5(25). P. 53–60.
- Kudryavtseva E.I. (2012) *Kompetentsii i menedzhment: kompetentsii v menedzhmente, kompetentsii menedzherov, menedzhment kompetentsiy* [Competences and management: competencies in management, competencies of managers, competencies management]. Saint Petersburg: SZIU RANKhiGS.
- Liga M.B., Shchetkina I.A. (2021) A Man in the Era of Digitalization of Society. *Gumanitarnyy vector*. Vol. 16. No. 2. P. 29–38. DOI: [10.21209/1996-7853-2021-16-2-29-38](https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-2-29-38)
- Lovcheva M.V., Gurova E.V., Laas. N.I., Romanova I.A. (2020) Digital Tools of Recruiting and Evaluation of Professional Competences for IT-Specialists. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya*. Vol. 2. P. 61–71. DOI: [10.17308/meps.2020.2/2306](https://doi.org/10.17308/meps.2020.2/2306)
- Meyers E.M., Erickson I., Small R.V. (2013) Digital Literacy and Informal Learning Environments: An Introduction. *Learning, Media and Technology*. Vol. 38. No. 4. P. 355–367. DOI: [10.1080/17439884.2013.783597](https://doi.org/10.1080/17439884.2013.783597)
- Mironchuk E.V., Mironchuk D.E. (2022) The Concepts of “Competence” and “Competency” as General Academic and Pedagogical Categories. *Nauka i shkola*. No. 5. P. 85–97. DOI: [10.31862/1819-463X-2022-5-85-97](https://doi.org/10.31862/1819-463X-2022-5-85-97)
- Mozhaeva G.V., Aleksandrova L.D., Pulyaeva V.N. (2020) Digital Competencies in the Model of Relevant Competencies of Managerial Personnel. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. Vol. 10. No. 6. P. 49–55. DOI: [10.26794/2226-7867-2020-10-6-49-55](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-6-49-55)
- Nankervis A.R., Cameron R. (2023) Capabilities and Competencies for Digitised Human Resource Management: Perspectives from Australian HR Professionals. *Asia Pacific Journal of Human Resources*. Vol. 61. Is. 1. P. 232–251. DOI: [10.1111/1744-7941.12354](https://doi.org/10.1111/1744-7941.12354)
- Simarova I.S., Alekseevicheva Yu.V., Zhigin D.V. (2022) Digital Competencies: Concept, Types, Assessment and Development. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*. Vol. 12. No. 2. P. 935–948. DOI: [10.18334/vinec.12.2.114823](https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114823)
- Vasilchikov A.V., Gagarinskaya G.P., Obuschenko T.N. (2018) The Model of Competencies of a Recruiter in the Age of Technology and Digital Economy. *Ekonomika truda*. Vol. 5. No. 4. P. 959–974. DOI: [10.18334/et.5.4.39652](https://doi.org/10.18334/et.5.4.39652)
- Yarkova S.A., Yakimova L.D., Danilova A.S. (2018) Competence Approach in the Training of HR Managers: From Educational to Professional Standard. *Ekonomika truda*. Vol. 5. No. 1. P. 43–60. DOI: [10.18334/et.5.1.38808](https://doi.org/10.18334/et.5.1.38808)
- Zaytseva T.V. (2010) Upravleniye razvitiyem chelovecheskikh resursov organizatsii [Managing the development of human resources of the organization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)*. No. 1. P. 3–16.

Дата поступления/Received: 29.06.2023

Подготовка управленческих кадров
Administration personnel training

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-99-205-232

Организационная поддержка, стимулирующая сотрудников
научно-исследовательских организаций к защите диссертационных работ
в формате соискательства

Зайцева Татьяна Вячеславовна

Доктор экономических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой управления персоналом, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: zaytv@spa.msu.ru

SPIN код РИНЦ: [6358-5492](#)

ORCID ID: [0000-0001-8213-4907](#)

Суворова Анна Александровна

Эксперт проектного офиса по программе РТТН (МБИР), частное учреждение по обеспечению научного развития атомной отрасли «Наука и инновации»; советник проектного офиса по управлению тематическим планированием, АО «Наука и инновации», Госкорпорация по атомной энергии «Росатом», Москва, РФ.

E-mail: AnnaSuvorova@rosatom.ru

SPIN код РИНЦ: [3607-2509](#)

ORCID ID: [0000-0002-1283-4681](#)

Аннотация

С 1 марта 2022 года вступило в силу новое Положение о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре. Оно стало следствием непрекращающейся работы по формированию полноценной четвертой ступени высшего образования. Это требует серьезных усилий по совершенствованию организационных мер поддержки аспирантов, и не только госорганы, но и организации (в особенности госкорпорации) должны вести свой вклад в увеличение количества и качества защищаемых диссертаций. В последние годы развитие кадрового научного потенциала стало важнейшей частью общей стратегии организаций научного дивизиона Госкорпорации по атомной энергии «Росатом». Концентрация усилий на прорывных направлениях исследований в различных областях высокотехнологичной атомной отрасли означает непрерывный рост научно-исследовательских достижений сотрудников, стимулирование их к написанию и защите диссертаций. Однако такое изменение роли научного знания и технологий требует не только управленческой воли (хотя она, безусловно, необходима), но и решения целого ряда сопутствующих организационных проблем, а также создания базы для подготовки квалифицированных кадров. Основной вопрос, особенно в быстроменяющемся глобальном мире, — в степени уважения к науке как к области профессиональной деятельности в российском обществе. Для повышения эффективности научно-исследовательской деятельности жизненно важно понять, что необходимо делать организациям для повышения заинтересованности своих сотрудников в защите диссертаций. Излагаемые в статье результаты являются продолжением исследования о факторах готовности к написанию и защите диссертационных работ, проведенного авторами ранее, и направлены на поиск и определение эффективных организационных мероприятий, сосредоточенных на повышении интереса сотрудников научного дивизиона госкорпорации «Росатом» в соискании ученых степеней. Авторами предпринята попытка выявить наиболее действенные меры организационной поддержки, стимулирующие интерес к научной деятельности сотрудников научного дивизиона отрасли, а также причины спада активности в области защиты диссертационных работ.

Ключевые слова

Мотивация к научной деятельности, исследовательская работа, соискатель ученой степени, защита диссертационных работ, научная диссертация, научный руководитель, соискательство.

The Organizational Support That Encourages Employees-Applicants of Research
Organizations to Defend Scientific Papers

Tatiana V. Zaytseva

DSc (Economics), Professor, Deputy Head of Human Resource Management Department, Lomonosov Moscow State University, School of Public Administration, Moscow, Russian Federation.

E-mail: zaytv@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0001-8213-4907](#)

Anna A. Suvorova

Expert of the project office for the Development of equipment, technologies and scientific research comprehensive program, Science and Innovations — Nuclear Industry Scientific Development, Private Enterprise; Advisor, Joint-stock company “Science and Innovations”, State Atomic Energy Corporation “Rosatom”.

E-mail: AnnaSuvorova@rosatom.ru

ORCID ID: [0000-0002-1283-4681](#)

Abstract

In recent years, the development of human scientific potential has become an important part of the overall strategy of the Rosatom State Atomic Energy Corporation. The concentration of efforts on breakthrough areas of research in various areas of

the high-tech nuclear industry means the continuous growth of research achievements of employees, encouraging them to write and defend dissertations. However, such a change in the role of scientific knowledge and technology requires not only managerial will (although it is certainly necessary), but also the solution of a number of related organizational problems, as well as the training of qualified personnel. The main issue, especially in a rapidly changing global world, is the degree of respect for science as a field of professional activity in Russian society. The results presented in the article are a continuation of the research, provided by the authors earlier, on incentives for writing and defending dissertations. They are aimed at finding and defining effective organizational actions focused on increasing the interest of Rosatom employees in applying for academic degrees. The authors made an attempt to identify the most effective organizational support measures that stimulate interest in the scientific activities of employees, as well as the reasons for the decline in activity in the field of dissertation defense.

Keywords

Motivation for science activity, research work, applicant for an academic degree, defense of dissertations, theses, scientific supervisor, scientific competition.

Введение

Наука и образование в современной экономике знаний — это главное условие независимости и процветания страны на мировой арене, повышения качества жизни ее граждан. И опыт нашей страны — лучшее тому свидетельство. Приоритетное развитие образования и науки в СССР стало, по словам на тот момент сенатора США Джона Кеннеди, основной причиной научного лидерства СССР в 60-е годы прошлого века. «На протяжении большей части XX века люди восхищались американской наукой и американским образованием, которым не было равных. Но сейчас они совсем не уверены в том, в каком направлении лежит будущее. Первый космический аппарат, запущенный в открытый космос, назывался “Спутник”, а не Vanguard. Первой страной, разместившей свой национальный символ на Луне, был Советский Союз, а не США. Первые собаки, благополучно вернувшиеся из космоса, звались Белка и Стрелка, а не Ровер или Фидо и даже не Чекерс»¹.

Важно понимать, что лидерство советской науки формировалось не партийными лозунгами и призывами, а детально продуманной системой управления научно-исследовательскими организациями, а также весомой социальной, экономической и административной поддержкой всех, кто был занят в преподавании и научно-исследовательской деятельности. Создавались условия для проведения научных изысканий и экспериментов, научная деятельность предоставляла возможности как для профессиональной, так и для личностной самореализации, ученых избавляли от большинства бытовых проблем и забот о завтрашнем дне для себя и своих близких.

Обозначая развитие науки как важнейшее условие сохранения Российской Федерацией своего суверенитета и поступательного развития, необходимо вспомнить лучший отечественный опыт управления наукой, переосмыслив и адаптировав его для условий рыночной экономики. Госкорпорация «Росатом», будучи преемником предприятий советской атомной отрасли, смогла сохранить многие, в том числе управленческие, достижения Советского Союза.

Атомная энергетика — одна из самых наукоемких отраслей экономики. Ежегодно «Росатом» принимает на работу тысячи выпускников по ключевым направлениям деятельности Госкорпорации. Несмотря на все негативные постсоветские тенденции, процент молодежи в научном дивизионе «Росатома» за последние годы существенно вырос: с 21% в 2017 году до 36% в 2022 году; в ряде организаций научного дивизиона доля молодежи превысила 60%. Сегодня в Европе и Северной Америке, например, хорошим показателем считается 25%. Данный показатель соизмерим с китайскими компаниями, демонстрирующими довольно агрессивную политику

¹ Speech of Senator John F. Kennedy, Civic Auditorium, Portland, OR // The American Presidency Project [Электронный ресурс]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/speech-senator-john-f-kennedy-civic-auditorium-portland-or> (дата обращения: 18.02.2023).

привлечения в науку, что выражается в том числе в огромном количестве грантов и фондов для поддержки талантливой молодежи. КНР удалось добиться высоких показателей научных достижений именно благодаря сложной и системной кадровой работе.

На готовность сотрудников писать и защищать научные диссертации влияют множество различных факторов, в том числе организационных. Задача научных организаций — сформировать такое кадровое предложение, от которого сложно будет отказаться, а также обеспечить системную организационную поддержку на всех этапах проведения научных изысканий, написания диссертаций и выхода на защиту. Очевидно, что государственные меры поддержки ориентированы прежде всего на институт аспирантуры. Забота о написании и защите диссертационных работ в формате соискательства, когда претенденты сочетают основную профессиональную деятельность с проведением научных исследований, практически полностью ложится на самих диссертантов и их работодателей.

Целью данной работы является выявление наиболее действенных форм административной и организационной поддержки, помогающих сотрудникам научного дивизиона Госкорпорации по атомной энергии «Росатом» разного пола и разного возраста в написании и защите диссертаций на соискание степеней кандидата или доктора наук.

Для достижения поставленной цели авторами исследования обработаны статистические данные, накопленные в организациях научного дивизиона Госкорпорации «Росатом» за последние 10 лет, а также проведены интервью и анкетирование сотрудников.

Отдельное внимание уделено мерам поддержки научной деятельности сотрудников Госкорпорации «Росатом»: систематизирован набор факторов, влияющих на повышение и распространение интереса к научным знаниям, научным исследованиям и в целом к инновационной деятельности. Как следствие, адресная административная и организационная поддержка соискателей научных степеней поможет не только разумно расходовать средства, но также будет способствовать росту числа научных достижений. Необходимо выработать продуманные решения для преодоления сложностей и проблем, возникающих перед работающими соискателями, которые позволят достичь поступательного развития научной деятельности на долгосрочную перспективу, обеспечит высокие темпы защит, что повысит статус и престиж обладания ученой степенью.

Теоретическая разработанность проблемы

Перед Российской Федерацией стоит задача «пересоздать» собственную науку так, чтобы вернуть себе звание одной из лидирующих научных держав. Делать это необходимо через совершенствование двух институтов: института аспирантуры и института соискательства. Причем связь между двумя этими институтами очевидная: те аспиранты, которые покинули университеты, так и не защитив диссертацию, имеют возможность завершить начатое через механизм соискательства. Тем более важна поддержка молодым соискателям на фоне значительного сокращения числа ежегодно присуждаемых ученых степеней в России — среди них уменьшается процентная доля аспирантов, защитивших диссертации в срок, и увеличивается удельный вес соискателей из числа «бывших аспирантов», то есть тех, кто ранее проходил аспирантскую подготовку, но не успел завершить работу над диссертацией при обучении в вузе. В этом случае нанимающие организации должны взять на себя ответственность за создание благоприятных условий для доведения работ над диссертациями до конца [Бедный, Чупрунов 2019; Корчагин, Сафин 2019; Hasgall et al. 2019].

Согласно современным исследованиям, сегодня в РФ защищают кандидатские диссертации в срок лишь 4% поступивших в аспирантуру [Воронов 2020]. Ежегодно около 14,5% выпускников аспирантуры остаются в науке и являются частью категории «молодые ученые до 29 лет». Около 44% ученых России относятся к категории «молодые ученые» (возраст до 35 лет). Согласно данным статистики², молодой ученый в России все позже либо защищает кандидатскую диссертацию, либо приходит в науку. Это подтверждает и динамика численности молодых ученых докторов наук [Обжорин 2017].

Развитие университетской науки привлекает все больше внимания со стороны руководства нашей страны. Университеты активно входят в научные процессы. Если в 2010 году исследования и разработки выполняли менее половины вузов (46,4%), то в 2019 — уже 83,3% (603 из 724)³. На развитие вузовской науки направлены и инструменты национального проекта «Наука и университеты», основным из которых выступает программа «[Приоритет-2030](#)».

А вот развитие института соискательства фактически отдано на откуп отдельным организациям. Государство никак не участвует в изменении подходов к поддержке молодых ученых, которые вынуждены совмещать написание и защиту диссертаций с основной работой. В то же время само соискательство как институт обладает рядом значимых отличий, которые необходимо учитывать при выборе мер его организационной поддержки.

Проведенный анализ научной литературы позволил выделить ряд особенностей института соискательства, которые напрямую влияют на количество защищаемых в данном формате научных диссертаций. Во-первых, если основная профессиональная деятельность соискателей не связана с производством научного знания, для соискателя отрыв научной деятельности от основной работы может вызвать дополнительные преграды к получению степени [Бедный, Чупрунов 2019].

Во-вторых, отличие соискательства от третьей ступени высшего образования (аспирантуры) состоит в совмещении не только профессионального и личностного, но и научно-исследовательского развития. Осуществление научных изысканий — это обособленная группа компетенций по методологии науки, которые не всегда присутствуют в основной профессиональной деятельности. Таким образом, на соискателей ложится дополнительная нагрузка по овладению новыми навыками и умениями в области проведения экспериментов и прикладных исследований, обработки эмпирических данных и написания научных текстов. Это усугубляется ростом коммуникаций по вопросам научно-исследовательской деятельности как на базе своей организации, так и за ее пределами [Владимиров 2022; Мардахаев 2016].

Появление дополнительной нагрузки приводит к тому, что сроки работы над диссертацией у соискателей существенно больше, чем у аспирантов. Обычно они составляют 6–8 лет. Анализ подготовки ученых через соискательство показал, что до защиты диссертации доходит не более 30–40% активно начинающих работать соискателей. И это при условии хорошей индивидуальной работы с ними со стороны научного руководителя.

В-третьих, соискательство предполагает предоставление соискателям возможности самим определять стратегию и темпы своего обучения, самим повышать рациональность научно-исследовательского процесса и тем самым повышать его результативность. Обозначенные задачи, однако, не могут быть достигнуты без грамотного наставничества [Артюхина и др. 2022; Голиков и др. 2022].

² Численность исследователей по возрастным группам по Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/nauka-3.xls> (дата обращения: 09.01.2023).

³ Доля занимающихся наукой российских вузов в 2010–2019 годах выросла почти вдвое // ТАСС [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/obschestvo/11365691> (дата обращения 11.01.2023).

В-четвертых, существуют проблемы правовой регламентации статуса соискателей в организации. Ведь в большинстве случаев до момента прикрепления в качестве соискателя и выхода на защиту деятельность по написанию текста диссертации остается незаметной для организации, а сами авторы могут не получать достаточной административной и организационной поддержки [Соколов 2022].

В-пятых, отсутствие формализованного статуса до момента прикрепления в качестве соискателя приводит к отсутствию материальной поддержки таких диссертантов со стороны вузов. В то время как аспиранты могут получать стипендию на протяжении всего периода обучения в аспирантуре и работы над диссертацией [Там же].

В-шестых, прикрепление и сама процедура защиты для соискателей, согласно действующей практике, являются платными, то есть требуют от них дополнительных трат из личных сбережений [Стратегия и практика достижения высшей квалификации субъектом инновационного труда 2018; Соколов 2022].

Наконец, в-седьмых, перед соискателями значительно чаще, чем перед аспирантами, встает вопрос о разграничении прав на интеллектуальный продукт, возникший в результате написания диссертации, между диссертантом и его основным местом работы, а также закрепления права и защиты интеллектуальной собственности [Москвин 2015].

Таким образом, соискатели нуждаются в особой организационной поддержке для максимального раскрытия своего потенциала и как ученого-исследователя, и как профессионального работника. Совершенствование института соискательства для формирования «ученого по призванию» отвечает вызовам современной общемировой ситуации в области производства научного знания.

Помимо особенностей института соискательства, которые требуют разработки дополнительных организационных мер по поддержке соискателей, ученые выделяют организационные факторы, которые мешают или способствуют защите диссертационных работ в формате соискательства.

Обобщая, к факторам, препятствующим успешному написанию диссертации, можно отнести:

- 1) отсутствие материально-технических условий для проведения исследования;
- 2) недостаток времени из-за необходимости работать;
- 3) финансовые затруднения;
- 4) отсутствие научного руководителя или помощи с его стороны;
- 5) сложность публикации статей в ведущих научных журналах;
- 6) ситуация неопределенности после защиты диссертации;
- 7) недостаточная сформированность научно-исследовательских компетенций [Багдасарьян и др. 2020; Кандыбович, Разина 2018; Осипов 2021].

Отдельно хочется представить результаты исследования коллектива авторов, в котором у аспирантов были не только выделены 15 барьеров, которые возникают во время работы над диссертацией, и 7 барьеров, которые мешают на завершающей фазе защиты диссертационных работ, но также проведено их ранжирование [Матушанский и др. 2019] (Таблица 1). Безусловно, не все факторы, выделенные для аспирантов, можно напрямую переносить на соискателей: например, «совмещение учебы с работой не по научной специальности» или «слабая организация педагогической деятельности». Но в остальном причины отсутствия защит у аспирантов и соискателей, на наш взгляд, полностью совпадают.

Таблица 1. Ключевые барьеры в ходе аспирантской подготовки, препятствующие завершению диссертационного исследования⁴

Ранг	Барьеры, которые возникают у аспирантов во время обучения в аспирантуре
1	Финансовая необеспеченность
2	Совмещение учебы с работой не по научной специальности
3	Барьеры в семейной жизни
4	Низкий уровень подготовки по базовой специальности
5	Низкий уровень компетенций в области самообразования
6	Низкая мотивация научного руководителя
7	Декретный отпуск
8	Отсутствие исследовательского задела
9	Слабая экспериментальная база
10	Неготовность научного руководителя
11	Болезнь
12	Психологические барьеры адаптационного периода
13	Языковой и коммуникативный барьеры
14	Слабая организация педагогической и исследовательской деятельности
15	Болезнь, смерть, смена работы научного руководителя
Ранг	Барьеры, которые возникают у аспиранта во время завершения и защиты кандидатской диссертации
1	Финансовые барьеры предзащитного и защитного периодов
2	Сложности в публикации статей в ведущих научных журналах
3	Низкая мотивация получения учёной степени
4	Отсутствие навыка публичных выступлений
5	Организационные барьеры предзащитного периода
6	Барьеры карьерного роста по месту трудоустройства
7	Низкий уровень компетенций представления результатов исследования

Таким образом, из перечисленного выше следует, что организация может оказать существенную помощь соискателям, снижая степень действия негативных факторов, которые создают барьеры на пути к защите. Речь в первую очередь идет о таких факторах, как финансовая необеспеченность, отсутствие научного руководителя и его низкая мотивация, слабая экспериментальная база, низкий уровень научно-исследовательских компетенций, частично сложности публикации статей в ведущих научных журналах.

К факторам, стимулирующим написания диссертационных работ, отнесены:

- 1) помощь со стороны научного руководителя;
- 2) положительный пример со стороны административного руководства (их профессиональные и научные достижения);
- 3) дополнительные программы по развитию навыков в области научно-исследовательской деятельности;
- 4) создание со стороны организации возможностей сочетать написание диссертации с трудовой деятельностью [Багдасарьян и др.2020; Осипов 2021].

Рассмотрим эти факторы более подробно. Большинство исследователей сходятся во мнении, что одним из наиболее важных факторов, способствующих защите соискателями диссертационных работ, является наличие профессионального и мотивированного научного руководителя. Любой реализуемый проект, любое серьезное начинание нуждаются в руководстве

⁴ Составлено авторами по: [Матушанский и др. 2019].

и сопровождении. Успех научно-образовательной деятельности как аспиранта, так и соискателя во многом зависит от научного руководителя, который помогает освоить необходимые компетенции и найти свой путь в науке [Зерчанинова, Тарбеева 2019; Зерчанинова, Тарбеева 2020; Зырянов 2019]. Как указывают авторы, научный руководитель является сверхресурсным субъектом научно-образовательной деятельности [Зерчанинова, Тарбеева 2020, 145]. Среди зарубежных исследований, посвященных изучению взаимодействия соискателя и научного руководителя, можно выделить работы М. Синклера [Sinclair 2004], Б. Сигрэма [Seagram et al. 1998], Т. Гатфилда [Gatfield 2005] и Н. Мерфи [Murphy et al. 2007].

Научные руководители должны способствовать раскрытию потенциала и развитию исследовательских способностей будущих ученых [Попова, Биричева 2017]. Существует множество примеров эффективного сотрудничества людей науки и практиков. В рамках этого сотрудничества практики подготавливают диссертационные исследования, а их наставники от науки помогают глубже разобраться в проблеме [Загвязинский 2015].

Интересно исследование Т.Е. Зерчаниновой и И.С. Тарбеевой, в котором авторы выделили три уровня взаимодействия научного руководителя и его подопечного при написании и защите диссертации: образовательный, педагогический и научно-исследовательский [Зерчанинова, Тарбеева 2019]. Каждый из этих уровней предъявляет к научному руководителю свой набор требований и ставит уникальные задачи. Это указывает на чрезвычайную сложность, насыщенность и трудоемкость научного руководства как особого вида профессиональной деятельности. Руководитель играет решающую роль в развитии подопечных: помогает актуализировать их знания, видит проблематику в нехватке компетенций и умеет ее деликатно подсветить, задает вектор развития соискателя, мотивирует и поддерживает в процессе обучения, контролирует и обучает сам [Котлярова, Сериков 2018].

Исследователи отмечают, что без научного руководителя молодые ученые почти не в состоянии преодолеть описанные выше барьеры и постепенно теряют мотивацию и интерес к научной работе [Миронос и др. 2017; Резник, Чемезов 2018; Рыбаков 2018].

За рубежом серьезным образом подходят к вопросу о готовности специалистов реализовывать персонализированное наставничество в науке [Gess-Newsome et al. 2019]. В России пока обсуждаются лишь отдельные стороны этого процесса. В частности, ученые горячо обсуждают вопросы соответствия подготовки научно-педагогических кадров требованиям рынка труда [Бедный и др. 2019; Корчагин, Сафин 2019; Миронос и др. 2017].

В исследовании Л.Ф. Красинской и А.С. Климовой обобщены трудности научного руководителя в процессе работы с аспирантами или соискателями. Оказалось, что наибольшие трудности связаны с нахождением базы для опытно-экспериментальной работы (28,1%), что особенно важно для подготовки диссертаций по техническим специальностям. Отмечались также трудности организации самостоятельной исследовательской деятельности подопечных (25%), планирования и распределения времени для выполнения ими научного исследования (21,8%). Выделялись проблемы, связанные с отсутствием современных материально-технических средств для проведения эксперимента (18,7%), необходимостью повышения мотивации аспирантов и соискателей, стимулирования их интереса к науке [Красинская, Климова 2020].

Особняком стоят вопросы мотивации научных руководителей, в том числе материальной. Согласно исследованиям, в большинстве организаций научное руководство не оплачивается [Соколов 2022]. Предполагается, что назначение научным руководителем — это фактор престижа и репутации. Возможно, в отношении первого аспиранта или соискателя это действительно так. Но очевидно, что при наличии нескольких подопечных мотивация к полноценному руководству и

научному попечительству падает. Некоторые организации применяют систему разовой выплаты после защиты. С нашей точки зрения, такое решение также является ошибочным. Как было показано выше, большинство факторов, которые выступают барьерами к защите, находятся в сфере влияния организации, а не научного руководителя. В то же время при применении разовых премий после защиты организации перекадывают все риски на плечи научного руководителя. Однако эти риски ему не подвластны.

Положительный пример со стороны административного руководителя — еще один организационный фактор, который способствует росту числа диссертаций, защищенных соискателями. Во-первых, сотрудники берут пример со своего лидера. Если руководитель не транслирует заинтересованность в развитии, не посещает деловые и обучающие мероприятия, то и работники вряд ли почувствуют тягу к знаниям. Руководителю необходимо создать условия, в которых захочется развиваться. В качестве примера могут выступать организации регулярных обсуждений новых технологий, подходов; обмен знаниями и опытом с молодыми сотрудниками; разбор полезных инструментов саморазвития; эксперименты с разумными нововведениями на рабочих местах и т.д. Во-вторых, наличие ученой степени у административного руководителя — лучшее доказательство ценности научно-исследовательской деятельности для организации. Это формирует уверенность в оправданности всех усилий и затрат [Кандыбович, Разина 2018].

Защита диссертации и получение ученой степени — процесс небыстрый. Поэтому мотивация и вовлеченность сотрудника может меняться. Например, если работник беспокоится, что ему в «спину дышат» молодые специалисты, недавние выпускники вуза, то получение степени может помочь сохранить или увеличить свою ценность для организации. Обращает на себя внимание тот факт, что, согласно исследованиям, в последние годы среди соискателей стали более выражены мотивы карьерного продвижения. Нарастание конкуренции в профессиональной среде накладывает ограничения на работников-соискателей без ученой степени. Наряду с желанием заниматься наукой многие начинают руководствоваться карьерными соображениями. И здесь вновь важна роль руководителя, отмечается недооценивание руководителями интереса своих подопечных к исследовательской деятельности из карьерных соображений. Например, согласно исследованию, только 8,5% руководителей считают, что вариант построения карьеры через получение ученой степени является важным для сотрудников; при этом ответы самих соискателей говорят об обратном: 37% считают этот аспект значимым [Красинская, Климова 2020]. Если же сотрудник заботится о своем статусе и ищет признания, защиту диссертации можно рассматривать как уникальную возможность получения степени, которая будет котироваться на любом предприятии и в любой отрасли, или как способ вхождения в более статусные проекты.

Следующим организационным фактором, который стимулирует рост количества защищаемых в организации диссертаций является наличие дополнительных программ по развитию навыков в области научно-исследовательской деятельности [Артюхина и др. 2022]. Как отмечалось выше, работа над диссертацией требует от их авторов особого перечня компетенций. Речь идет и о способности к самообразованию, и об умении представлять научные результаты, о навыках коммуникаций и владении специфическим научным языком [Матушанский 2019]. Особое место занимают компетенции по методологии научного исследования и научной обработке данных.

Получение ученых степеней для соискателей — это деятельность, органично вписывающаяся в профессиональную подготовку и переподготовку. Ведь диссертацию можно написать «по работе», например в порядке реализации какого-либо проекта. Многие исследователи отмечают, что для соискателей важны не знания сами по себе, а умения использовать их на практике [Артюхина и др. 2022; Бабаев и др. 2012; Загвязинский 2015].

Наконец, заключительным среди факторов, стимулирующих написание и защиту диссертационных работ, нами было выделено «создание со стороны организации возможностей сочетать написание диссертации с трудовой деятельностью». Парадоксально, но проведенный анализ научно-исследовательской литературы не позволил найти сколько-нибудь содержательных исследований по данному вопросу. По этой причине было принято решение провести дополнительное исследование для уточнения перечня мер организационной поддержки, которые способствуют успешному написанию и защите диссертационных работ сотрудниками научного дивизиона Госкорпорации «Росатом».

Теоретическая рамка исследования

В первой части исследования [Зайцева, Суворова 2023], опубликованном ранее, авторами было дано определение понятия научного персонала и его категорий — научных работников и исследователей в организациях научного дивизиона Госкорпорации «Росатом». Подчеркнем здесь еще раз, что административно-управленческий персонал и сотрудники, осуществляющие НИОКР, также попадают в понятие научного персонала, независимо от наличия ученой степени.

В настоящей работе авторы под молодыми учеными понимают категорию работников организации научного дивизиона «Наука и инновации» Госкорпорации «Росатом» до 35 лет, кандидатов наук или работников без степени, соискателей с горизонтом защиты не более пяти лет, занимающихся научными исследованиями.

Новизна предлагаемого исследования состоит в систематизации существующих подходов к осуществлению научной деятельности работниками в организациях научного дивизиона, повышении интереса исследователей к защитам научных работ и престижности профессии ученого. В частности, исследование направлено на поиск и определение эффективных методов управления деятельностью молодых ученых в научных организациях с четким пониманием их ожиданий и условий, влияющих на научные результаты.

Рассматривая научный дивизион Госкорпорации «Росатом» с 603 сотрудниками, имеющими степень кандидата и доктора наук в возрасте от 28 до 93 лет, отметим, что только 27 сотрудников (в возрасте от 36 до 72 лет) имеют степень кандидата наук нетехнических специальностей (экономических, психологических, педагогических, военных, политических, сельскохозяйственных, биологических и геолого-минералогических). Примечательно, что кандидатов наук нетехнических специальностей среди женщин больше, чем мужчин (17 и 10 работников соответственно).

Среди 568 сотрудников, обладающих ученой степенью по техническим специальностям, 120 имеют ученую степень доктора наук. И лишь шесть из них — женщины, средний возраст которых 63,5 лет (самому молодому доктору-женщине 44 года). Средний возраст мужчин-докторов наук выше — 70,3 лет, самому молодому доктору 36 лет. В научном дивизионе работает более 9560 человек, из них 1700 в категории научный персонал. И процент женщин в научном дивизионе составляет около 35%. Госкорпорация заинтересована в том, чтобы гендерный баланс соблюдался на всех уровнях, а сотрудники научного дивизиона Росатома — как мужчины, так и женщины — получали равные возможности для успешного развития, построения карьеры и финансового благополучия. Одно из направлений такой работы — усилия по повышению доли женщин среди сотрудников, защищающих докторские диссертации.

Эмпирическая база и методология исследования

Основной задачей данного исследования является выделение наиболее действенных организационных мер, факторов и условий, которые положительно влияют на готовность к научной деятельности и помогают работникам научного дивизиона Госкорпорации «Росатом» сочетать работу с написанием и защитой диссертационных работ.

Эмпирическую базу настоящего исследования составил агрегированный массив данных результатов научной деятельности организаций научного дивизиона Госкорпорации «Росатом», в том числе сведения о защитах научных работ, накопленные с 2012 по 2022 годы, а также результаты анкетного опроса сотрудников научного дивизиона (мужчин и женщин) в категории «научный персонал», имеющих различный возраст, стаж работы в атомной отрасли и занимающих различные должности. Дополнительные сведения были получены с применением углубленных интервью.

При проведении исследования авторы использовали методы математической статистики, групповой анкетный опрос и интервью. Групповой анкетный опрос проводился дистанционно при помощи онлайн-платформы «[Мой голос](#)». Анкетирование включало применение закрытых и открытых вопросов. Выбранный метод обеспечивает быстроту получения информации и простоту обработки результатов, сравнительно большую систематичность и высокую точность, меньшую предвзятость исследователя. Он также позволяет охватить широкую аудиторию.

Характеристика выборки. Анкетный опрос «Факторы готовности к написанию и защите научно-исследовательских работ» проводился в августе 2022 года в режиме полной анонимности и носил добровольный характер. Ответы были получены от 79 респондентов (из них 48 мужчин и 31 женщина), что составляет 4% от общего списочного состава сотрудников категории «научный персонал» и 13% от общего количества сотрудников, имеющих степень. К сожалению, часть анкет оказалась заполнена не полностью, из-за чего общее количество ответов на некоторые вопросы колеблется от 62 до 79. Из ответивших человек ученую степень доктора или кандидата наук имеют 18 человек (24% от опрашиваемых, или 3% от общего количества сотрудников, имеющих степень), остальные 57 сотрудников (76%) не имеют ученой степени, но намерены защититься в ближайшие 3 года, так как уже имеют текст диссертаций в разной степени готовности.

Напомним, что в исследовании приняли участие респонденты, имеющие ученую степень или только готовящиеся к защите научных работ. Распределение по гендерному признаку, а также наличию ученых степеней представлено в Таблице 2.

Таблица 2. Распределение респондентов исследования по гендерному признаку и наличию ученой степени⁵

Пол респондента	Наличие ученой степени, %	Отсутствие ученой степени, %
Мужской, %	12	49
Женский, %	12	27
Итого, %	24	76

Такую выборку можно считать репрезентативной как по объему, так и по составу участников.

⁵ Здесь и далее таблицы и рисунки составлены авторами на основе проведенного исследования. Здесь и далее все показатели считаются в % от числа респондентов данной категории, давших ответы на указанный вопрос.

Обсуждение результатов

Всего в опросе было задано 11 вопросов, часть из которых относилась к вопросам с множественным выбором, а часть давала возможность предложить собственные варианты ответов в рубрике «другое».

На первый вопрос «Вы защитились/будете защищаться в своей альма-матер (вузе, в котором учились)?» с вариантами ответов «да» или «нет» ответили 71 респондент. Распределение ответов можно посмотреть на Рисунке 1.

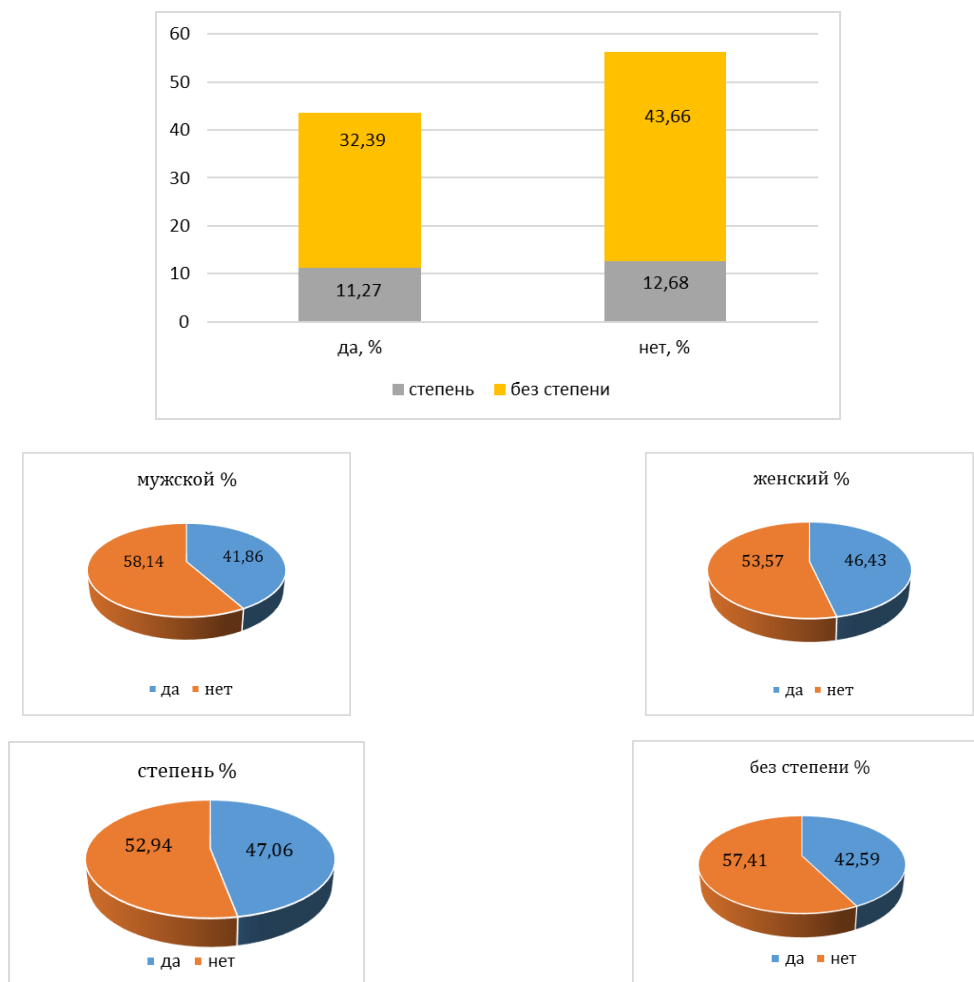

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Вы защитились/будете защищаться в своей альма-матер (вузе, в котором учились)?»⁶

Согласно ответам, заметное количество ответивших (чуть больше 40%) планирует защищаться или уже защитило диссертации в вузе, в котором училось. Это хорошо коррелирует с выявленным нами в предыдущем исследовании фактом, что решение получить степень ко многим респондентам пришло именно во время обучения в институте [Зайцева, Суворова 2023]. При этом заметной разницы в выборах мужчин и женщин не наблюдается. В то же время можно отметить преобладающее количество респондентов, которые находятся в стадии подготовки диссертации, избравших своей стратегией защиту результатов работы диссертационного исследования вне стен альма-матер. Как будет показано и обсуждено ниже, такие сотрудники нуждаются в дополнительных мерах организационной поддержки по выбору диссертационного совета, подготовке всего пакета документов, а также при необходимости для оплаты процедуры сдачи кандидатских экзаменов.

⁶ Здесь и далее проценты считаются как соотношение числа ответов к общему числу давших ответы по категории.

При ответе на вопрос «Согласны ли Вы, что недавние выпускники вузов более мотивированы к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, чем сотрудники, работающие в отрасли более продолжительное время?» предлагались следующие варианты ответов: абсолютно не согласен/абсолютно не согласна, скорее не согласен/скорее не согласна, скорее согласен/скорее согласна, согласен/согласна, убежден/убеждена. Вопрос вошел в состав анкетного опроса на основании обработки результатов углубленных интервью, когда опрошенные говорили о «привычке учиться» после окончания вуза, что и приводило к написанию диссертации «по инерции». Распределение ответов можно увидеть на Рисунке 2.

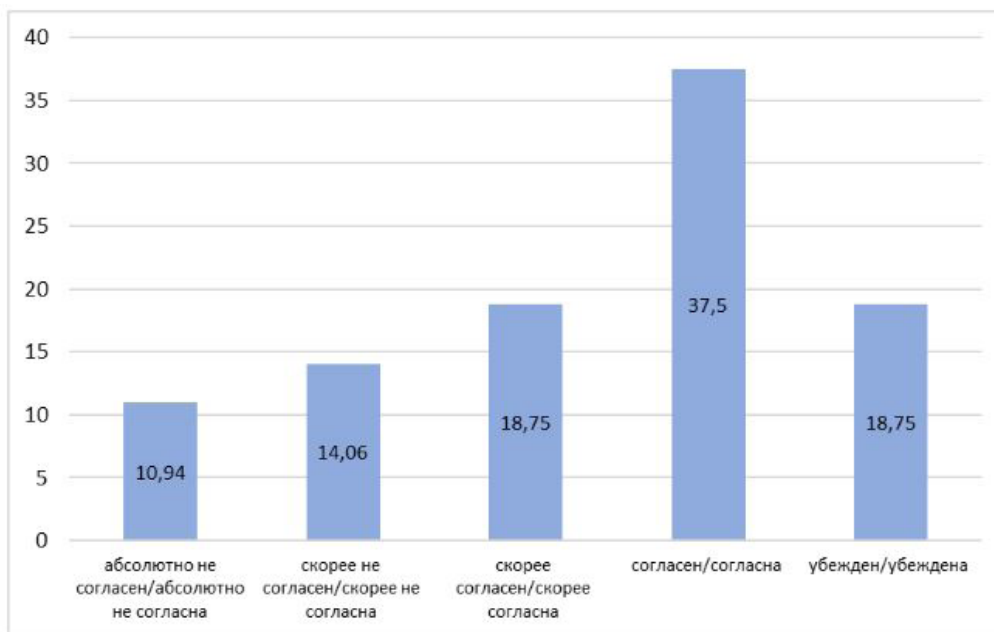

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы, что недавние выпускники вузов более мотивированы к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, чем сотрудники, работающие в отрасли более продолжительное время?»

Из ответов видно, что подавляющее большинство ответивших (ответы «согласен» и «убежден») считает, что защиты на ранних этапах занятости более вероятны, чем защиты у сотрудников, которые проработали после окончания вуза значительное время. Принимая во внимание, что при ответе на данный вопрос респондентов, которые сами прошли через защиты или находятся в финальной точке перед защитой, можно считать экспертами, результаты приобретают особый вес. Таким образом, предположение о том, что мотивация к защите диссертации падает по мере увеличения стажа работы, подтвердилось. Схожую тенденцию раскрывает и статистика защит диссертационных работ в Госкорпорации за последние 10 лет: заметно большее количество защит кандидатских диссертаций приходится на тех сотрудников, которые проработали после окончания вуза не более 5 лет.

В то же время средний возраст защищающихся работников отрасли увеличивается с каждым годом, несмотря на более высокий уровень мотивированности на защиту у более молодых сотрудников (речь идет только о первых защитах — кандидатских диссертаций). Для объяснения данного факта было предположено, что сотрудники, работающие в отрасли более продолжительное время, все чаще защищаются уже не «по инерции», а более осознанно, решая задачу построения научной карьеры.

Следующий вопрос касался представлений опрошенных в отношении гендерных особенностей соискателей и звучал как: «Согласны ли Вы, что женщины, защитив кандидатскую диссертацию, как правило, ограничиваются этим, их мотивация научной деятельности иссякает. Мужчины, наоборот, продолжают целенаправленно реализовывать научно-исследовательскую деятельность». Вопрос подразумевал два варианта ответов. Результаты представлены на Рисунке 3.

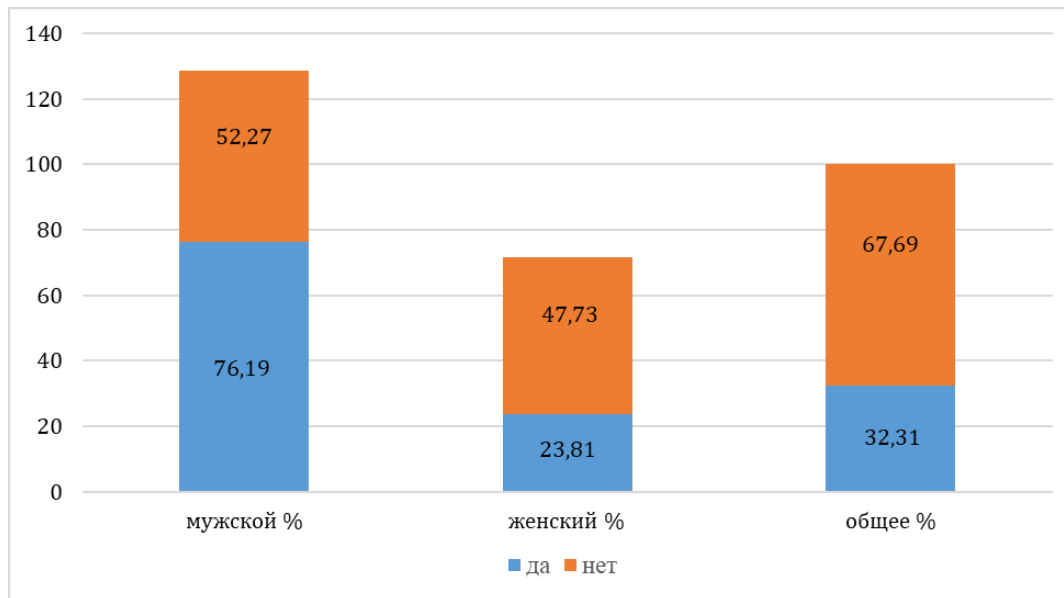

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы, что женщины, защитив кандидатскую диссертацию, как правило, ограничиваются этим, их мотивация научной деятельности иссякает. Мужчины, наоборот, продолжают целенаправленно реализовывать научно-исследовательскую деятельность»

Как видно из полученных результатов, мужчины демонстрируют предубеждение в отношении вероятности продолжения у женщин научно-исследовательских изысканий после защиты кандидатских диссертаций по сравнению с респондентами-женщинами: если подавляющее большинство женщин считает, что принадлежность к женскому полу не влияет на мотивацию к научно-исследовательской деятельности после первой защиты, то заметно больше мужчин убеждены в обратном. В целом же по выборке большая часть респондентов уверена, что гендерная принадлежность сотрудника оказывает меньшее влияние на продолжение научно-исследовательской деятельности, чем индивидуальные устремления и мотивация. Однако в комментариях к вопросу многие респонденты отмечали, что причин, сдерживающих защиту кандидатских работ у работников женского пола, больше, чем у работников мужского пола: большая связь женщин с семьей, ролью матери, которые создают весомую дополнительную нагрузку и накладывают определенные ограничения на профессиональную деятельность.

Распределение ответов на вопрос «Какую карьеру Вы для себя видите: экспертную, проектную или руководящую?» представлено на Рисунке 4.

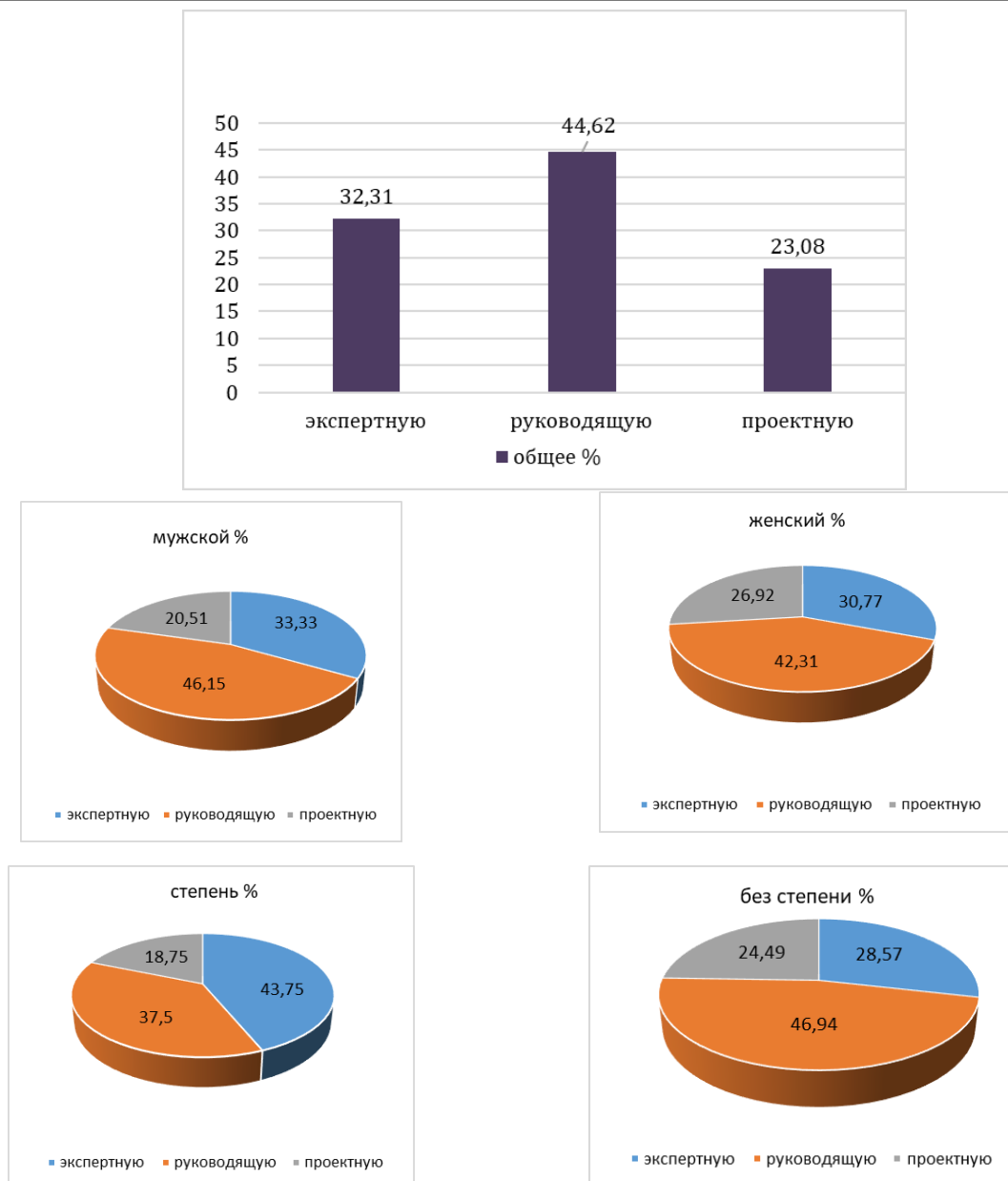

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос «Какую карьеру Вы для себя видите?»

Как показали результаты, и мужчины, и женщины, находящиеся в процессе написания и подготовки к защите диссертационных работ, отдают предпочтение руководящей карьере. В то же время уже защитившиеся респонденты чуть чаще выбирают экспертную карьеру. Таким образом, очевидно, что внедренный в ряде организаций научного дивизиона Госкорпорации экспертный трек карьеры отвечает потребностям состоявшихся ученых, защитивших диссертации, и позволяет им получать карьерные преимущества без необходимости вовлекаться в административное руководство и развиваться в качестве экспертов в своей научной тематике.

На вопрос, предназначенный для кандидатов и докторов наук, «Помогла ли Вам ученая степень добиться каких-либо значимых результатов в работе и карьере?» (с вариантами ответов: да, помогла устроиться в отрасли; да, помогла получить повышение в должности; да, благодаря степени увеличилась моя заработная плата; нет; другое) ответили 18 респондентов. Распределение ответов представлено на Рисунке 5.

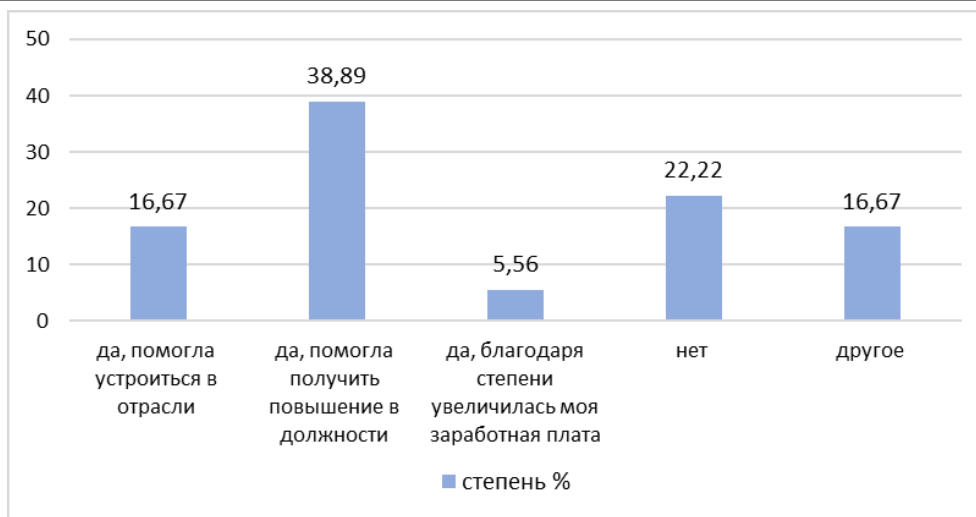

Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос «Помогла ли Вам ученая степень добиться каких-либо значимых результатов в работе и карьере?»

Из ответов видно, что получение ученой степени в целом способствует трудоустройству на предприятиях атомной отрасли и также часто сопровождается повышением в должности, что влечет за собой и повышение дохода. Без повышения в должности рост заработной платы фиксирует небольшое число респондентов. Мотивацию сотрудников к защите демонстрируют комментарии респондентов: «Диссертацию я защищал исключительно для себя», «На протяжении всей трудовой деятельности ученая степень кандидата и доктора наук помогала мне в научной и трудовой деятельности, в том числе в получении должности на конкурсной основе», «Начальник лаборатории должен быть минимум кандидатом», «Уважение научного сообщества», «Кандидату дается больше свободы в решении научных задач, расширяются и полномочия, и уровень ответственности». Таким образом, очевидна нематериальная мотивация сотрудников к защите диссертационных работ. Диссертация является признаком принадлежности сотрудника к сообществу экспертов, а материальное стимулирование является дополнительной мерой.

Следующий вопрос появился в результате обработки материалов углубленных интервью и касался компонентов внутренней мотивации сотрудников к защите диссертаций. Вопрос звучал следующим образом: «Испытываете ли Вы чувство гордости от того, что имеете ученую степень?». Ответы на данный вопрос можно увидеть на Рисунке 6.

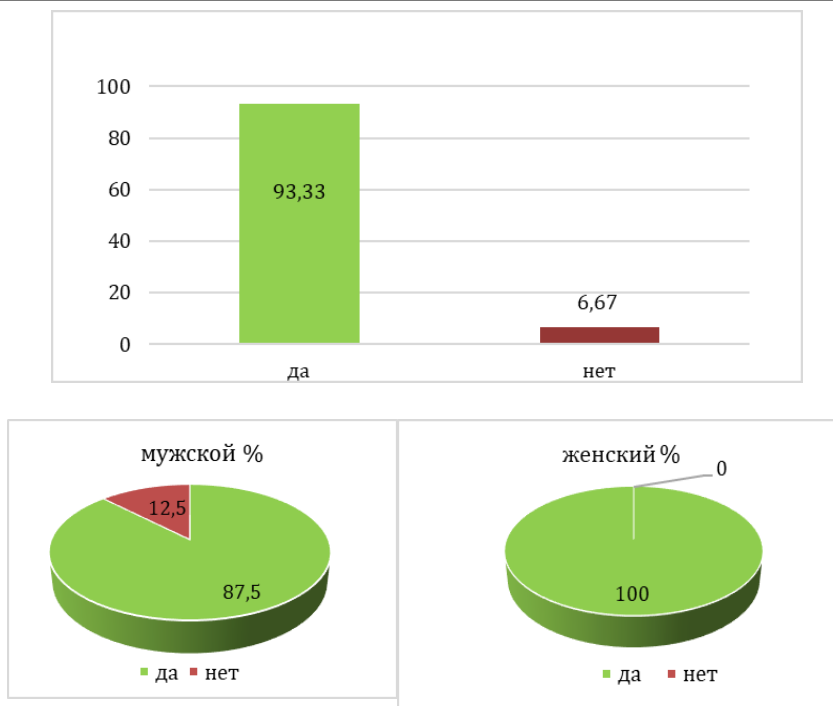

Рисунок 6. Распределение ответов на вопрос «Испытываете ли Вы чувство гордости от того, что имеете ученую степень?»

Важно, что подавляющее большинство (93%) респондентов, имеющих ученую степень, ответили положительно на данный вопрос. Причем среди женщин отрицательных ответов на данный вопрос не наблюдалось. Сопоставив ответы на данный вопрос с ответами и комментариями на вопрос № 3, можно предположить, что женщины выше ценят свою ученую степень, чем мужчины, из-за того, что им приходится преодолевать большее число трудностей для ее получения.

Следующий вопрос состоял из двух частей и также предназначался только опрашиваемым с ученой степенью. Цель данного вопроса состояла в уточнении перечня значимых положительных последствий, которые наступали для респондентов после получения ученой степени. Сначала респондентам предстояло ответить на вопрос «Была ли Вам полезна ученая степень?». В случае ответа «да» предлагалось конкретизировать, в чем именно проявлялась эта польза. Ответы на обе части можно найти на Рисунках 7а и 7б.

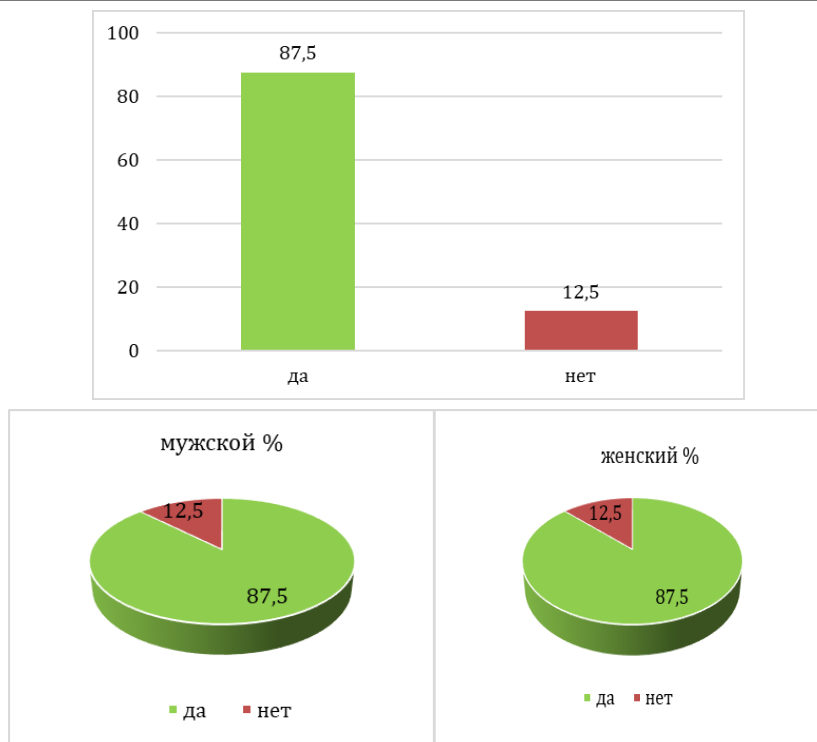

Рисунок 7а. Распределение ответов на вопрос «Была ли Вам полезна ученая степень?»

Как видно из Рисунка 7а, число тех, кто считает получение ученой степени полезной для себя, в среднем в четыре раза превышает число тех, кто не согласен с этим утверждением. Особый интерес представляет дальнейшая конкретизация этого ответа.

При формулировке вопроса «Назовите, пожалуйста, чем ученая степень оказалась Вам полезной?» возможные варианты ответов были подобраны на основании обобщения обзора литературных источников и предварительных углубленных интервью. Всего респондентам предлагалось выбрать из семи вариантов ответов, включая вариант «другое»: «новые знания, повышение уровня компетентности», «способствовало продвижению по карьерной лестнице», «помогло профессионально реализоваться», «рост заработной платы», «новые полезные знакомства и связи», «выработка привычки учиться», «другое». Распределение ответов можно увидеть на Рисунке 7б.

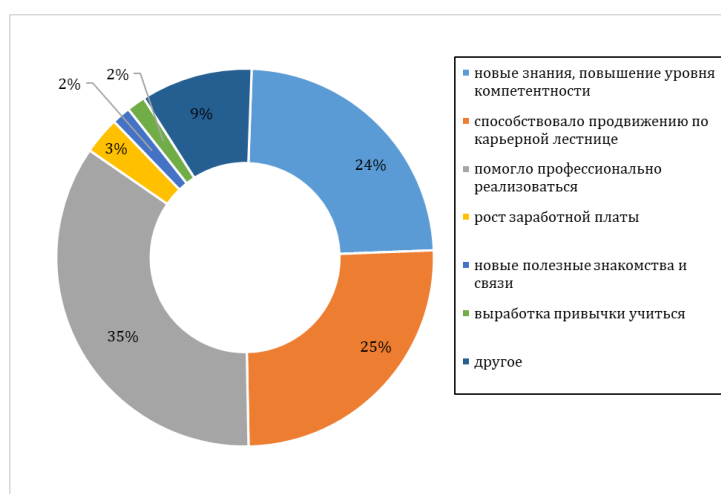

Рисунок 7б. Распределение ответов на вопрос «Назовите, пожалуйста, чем Вам могла быть полезна ученая степень?»

При анализе результатов ответов на данный вопрос важно учитывать специфику деятельности респондентов: карьерными преимуществами при научной работе будут выступать не только прямой рост должности и дохода, но и новые полезные знакомства, приобретенные компетенции, профессиональная реализация в качестве исследователя, доказавшего уровень своей квалификации научному сообществу. Суммарно ответы на вопросы, показывающие рост респондента в своей профессиональной сфере и карьере, охватывают более 90% ответов респондентов, что доказывает неразрывную связь между карьерными выгодами и профессиональным ростом ученого, достигаемым после защиты диссертации. Ответы показывают также значимость стимулов внутренней мотивации при защите диссертаций и говорят об осознанном желании заниматься научной деятельностью. 24% респондентов отметили у себя получение новых знаний и повышение уровня компетентности, 35% — рост возможностей для профессиональной реализации. Среди вариантов «другое» респонденты отмечали, что научная деятельность — это иной способ мышления, систематизация знаний, повышение уровня компетентности в работе с научной литературой, погружение в научный мир; диссертация — это кропотливый труд, вызов, возможность ответить себе на вопрос «А можешь ли ты?».

Сотрудники научного дивизиона (44%) считают, что люди, имеющие ученую степень, более компетентны в работе (Рисунок 8).

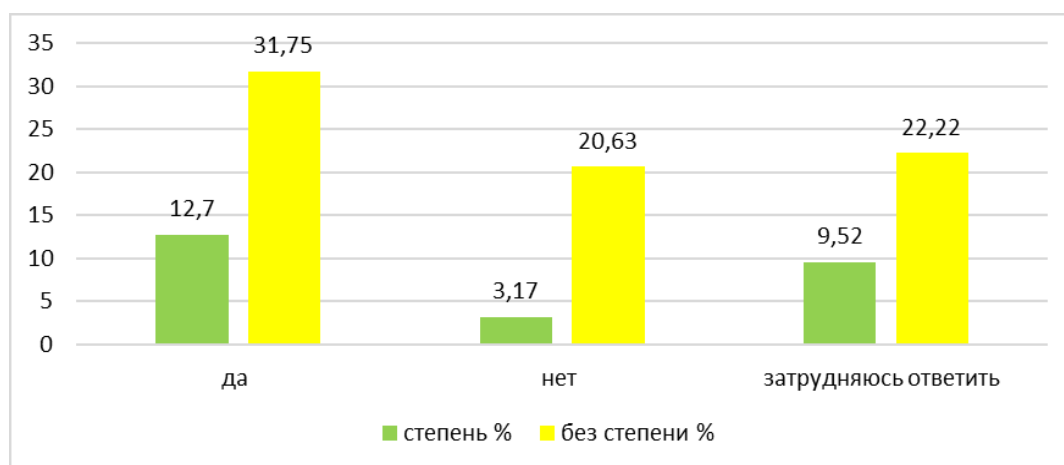

Рисунок 8. Распределение ответов на вопрос «На Ваш взгляд, люди, имеющие степень более компетентны в работе?»

Обращает на себя внимание тот факт, что заметная часть респондентов без ученой степени тем не менее считает, что «остепенные» сотрудники более компетентны в работе. Те респонденты, которые затруднились с ответом, были осторожны в своих комментариях и отмечали, что, как правило, это так, но совсем необязательно: «В исследуемой ими области, возможно, они более компетентны, но всесторонними знаниями не обладают», «Компетентность конкретно в области диссертационного исследования несомненна, но если рассматривать научную деятельность более расширенно, то степень кандидата не гарантирует, что общая компетентность в области у кандидата будет выше, чем у опытного сотрудника». Многие респонденты подчеркивают, что компетентность — наличие знаний и навыков, а защита диссертации выступает следствием, не причиной появления этих знаний и навыков: «Написание кандидатской учит верно определять слова. Дает большой скачок в развитии экспертных навыков».

Еще один вопрос респондентам был связан с выявлением барьеров на пути к защите и звучал следующим образом: «Какие трудности Вы испытывали / испытываете на пути к защите диссертационной работы?». Возможные варианты ответов, так же как и ранее, были подобраны

по результатам углубленных интервью. Варианты ответов, представленные в исследованиях других авторов, сознательно не использовались, так как стояла задача обновить данные с учетом реалий сегодняшнего дня и специфики Госкорпорации. Распределение ответов на вопрос представлено на Рисунке 9.

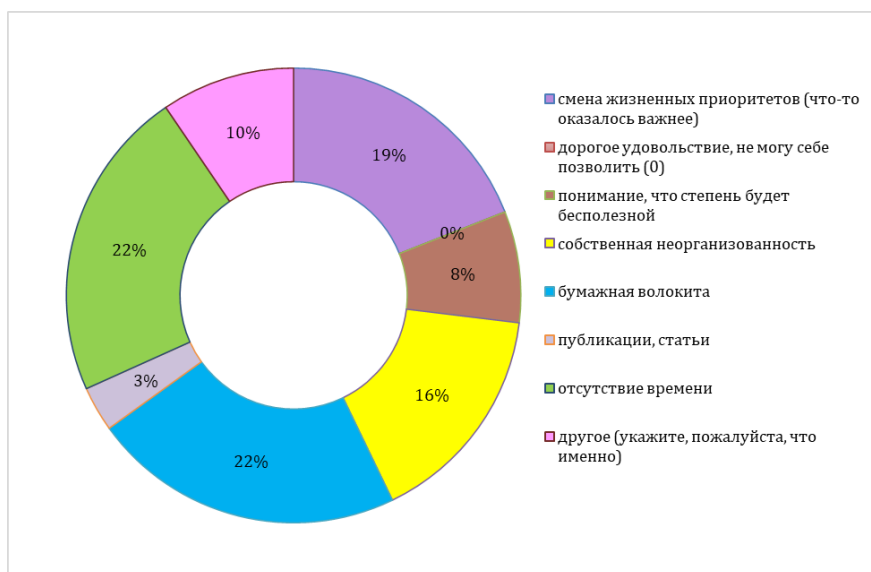

Рисунок 9. Распределение ответов на вопрос «Какие трудности Вы испытывали / испытываете на пути к защите диссертационной работы?»

На наш взгляд, ответ на этот вопрос наиболее информативен с точки зрения понимания истинных причин, отодвигающих или блокирующих защиту диссертаций в организации. Во-первых, заметна существенная разница в ответах тех, кто уже защитился, и тех, кто только планирует защиты. Сотрудники со степенью реже ссылаются на нехватку времени и смену приоритетов, чем те, кто только идет по пути защиты диссертации. По сути, это означает, что данные причины следует рассматривать скорее как отговорки на фоне отсутствия достаточной мотивации. Любопытно

также высокие значения по фактору «бумажная волокита». Этот результат открывает множество возможностей для организационной поддержки соискателей: например, можно дополнить области ответственности некоторых специалистов, занимающих должности секретарей или помощников в диссертационных советах вузов и научных организаций, задачами помощи в оформлении документов или хотя бы создания и своевременного обновления шаблонов документов. Незначимым для респондентов оказался фактор «дороговизны» процедуры защиты. Любопытно, что среди комментариев на вопрос о барьерах также были корректно поставленная цель и задачи исследования, обучение работе с информацией и литературой, неумение излагать собственные научные мысли письменно (в форме статьи, докладов и др.), отсутствие рецензирования. Среди ответов в категории «другое» встречаются также трудности с подбором диссертационного совета, отсутствие методик экспериментальных испытаний, проблемы с промышленным применением, сложности с организацией экспериментов, поиск неаффилированных ученых по необходимой тематике, поиск ведущей организации, оппонентов, рецензентов; сопротивление со стороны руководителей, сбор необходимых документов для защиты. Большая доля соискателей отмечает нехватку временного ресурса: «У меня была частичная смена работы во время непосредственной подготовки к защите из-за чего довольно сложно было организовать, чтобы по всем направлениям все успевать», «С кандидатской степенью проще, она оказалась результатом обучения в аспирантуре вуза. С докторской диссертацией было сложнее именно из-за смены приоритетов и по работе, и в личной жизни. Но был в конце концов найден компромисс», «Достаточно много времени уходит в том возрасте, когда требуется выходить на высокий уровень заработка, чтобы обеспечить себе комфортную жизнь».

Как видно из ответов на вопрос № 9, многие проблемы могут быть сняты с помощью назначения научного руководителя. Поэтому следующий вопрос был направлен на выявление роли научного руководителя и его влияния на уровень «защищаемости» респондентов. Вопрос звучал так: «Кто, на Ваш взгляд, может помочь при возникновении трудностей на пути к защите?». Варианты ответов были подобраны на основе углубленных интервью. Результаты ответов на данный вопрос можно увидеть на Рисунке 10.

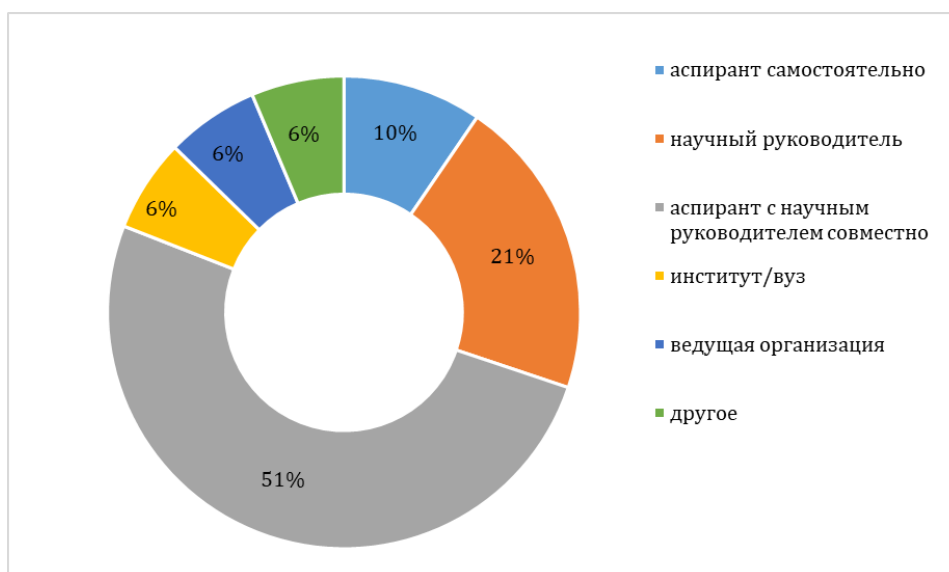

Рисунок 10. Распределение ответов на вопрос «Кто, на Ваш взгляд, может помочь при возникновении трудностей на пути к защите?»

Как показывают результаты опроса, с точки зрения респондентов, при возникновении трудностей на пути к защите аспирант и научный руководитель должны либо действовать сообща, либо ключевая роль отводится научному руководителю. Действительно, роль научного руководителя трудно переоценить: он выполняет множество функций, связанных с планированием и организацией научной активности и повышением мотивации молодых исследователей, освещением результатов их научных изысканий. Для большинства респондентов сотрудничество с руководителем — наиболее существенный фактор успешности защиты.

К слову, на вопрос о трудностях на пути к защите респонденты отмечали, что отсутствие мотивации у научного руководителя является одним из барьеров к защите. Поддержка и выстроенная в научном дивизионе система наставничества не только упрощают процесс написания диссертации, но и оказывают диссертанту неоценимую помощь в постановке задач и планировании исследования.

Наконец, заключительный вопрос был задан только респондентам со степенью кандидата наук с целью выявить нацеленность на защиту докторской диссертации. Результаты ответов на вопрос представлены на Рисунке 11.

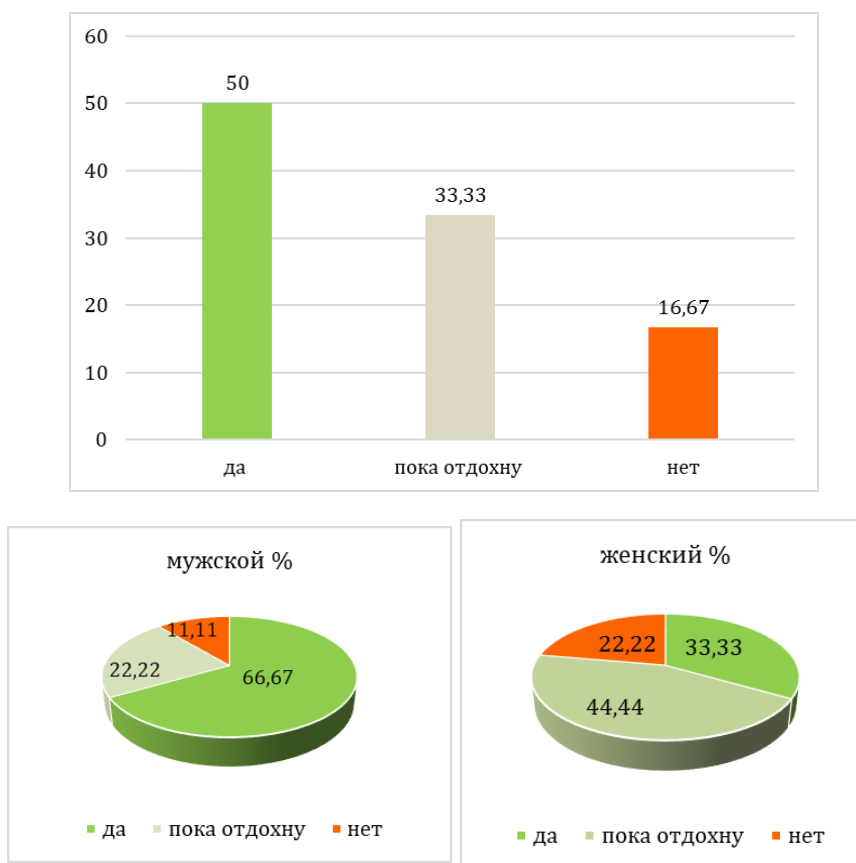

Рисунок 11. Распределение ответов на вопрос «Намерены ли Вы защищать докторскую диссертацию?»

Как видно из ответов, заметная доля мужчин после получения степени кандидата наук намерены двигаться дальше и защищать докторскую диссертацию. Готовность женщин к карьерному росту за счет докторской степени выражена существенно ниже.

На завершающем этапе опроса был задан открытый вопрос для выявления отношения сотрудников к защите диссертаций. На открытый вопрос «Защита диссертации для меня — это...» были получены следующие результаты среди сотрудников без степени: для кого-то из респондентов это вызов, новые горизонты и возможности, школа жизни и возможность самореализации;

многими сотрудниками диссертационная работа воспринимается как труд, упорство и подтверждение всему в виде «сертификата качества» и «черного пояса по науке»; престиж и статус также нашли отклик у некоторых респондентов. Однако для части респондентов защита диссертационной работы остается лишь необходимым обязательством. При этом многие респонденты выразили убежденность, что ученого отличают не формальные достижения, а способность проводить значимые научные исследования и вносить вклад в науку.

Выводы и рекомендации

Полученные результаты исследования показывают, что современный работник научного дивизиона Госкорпорации «Росатом» для защит диссертационных работ продолжает нуждаться в организационной поддержке со стороны научного руководителя, работодателя, диссертационного совета. Было выявлено, что истинное назначение организационных мероприятий по стимулированию защит диссертационных работ — обеспечивать среду, в которой человек может раскрыть свой талант и использовать свои сильные стороны.

Особенно перспективными для защиты выглядят образовательные организации, чьи выпускники трудоустраиваются в организации атомной отрасли: преимущественно это участники Ассоциации высших учебных заведений «Консорциум опорных вузов Госкорпорации «Росатом». Защита в своей альма-матер многими сотрудниками рассматривается как более привлекательная возможность, нежели защита в незнакомом диссертационном совете.

Ответы респондентов, а также сопоставление статистики защит диссертационных работ со временем, прошедшим после окончания вуза, свидетельствуют, что основная организационная поддержка в стимулировании защит должна быть сосредоточена на сотрудниках, недавно завершивших обучение в вузе. Формы организационной поддержки могут носить разный характер: от предоставления возможностей для проведения экспериментов и испытаний вне рабочих задач на материале и оборудовании организации до оказания материальной помощи для оплаты сдачи кандидатских экзаменов.

Особо хочется обратить внимание на необходимость адресной поддержки сотрудников-женщин. Высвобождение их личного времени от домашних хлопот и перенаправление его на защиту диссертаций может быть достигнуто с помощью создания корпоративных детских садов в непосредственной близости от места работы, детских оздоровительных лагерей и других подобных мер. Часть из перечисленного активно применяется еще с советских времен, но какие-то мероприятия необходимо адаптировать под современные реалии.

Ответы респондентов о предпочитаемой карьере: экспертной, проектной или руководящей — дают очень богатую пищу для размышлений. Защита диссертации является безусловным шагом для профессионального роста ученого и отражается на его карьерных достижениях и перспективах. Существование экспертного трека карьеры не только способствует росту числа защит, но и помогает удерживать ученых в организации.

Вышеизложенное хорошо перекликается с результатами ответов на вопрос о взаимосвязи между получением научной степени и полученными выгодами. Ученая степень для научных сотрудников является важной ценностью и сама по себе, и как свидетельство их принадлежности к сообществу профессиональных ученых, и как обязательное требование для занятия руководящей должности. Такое требование уже действует в научном дивизионе Госкорпорации «Росатом»: степень обязательна для ведущего научного сотрудника и крайне желательна для старшего научного сотрудника. Очевидно, что защитившиеся сотрудники в процессе

подготовки наращивают дополнительные компетенции, поэтому готовы к расширению областей ответственности и делегированию большего круга полномочий. Материальные выгоды являются следствием этого профессионального и карьерного роста.

Как видно из большинства ответов и комментариев к вопросу о барьерах защиты диссертации, почти все указанные респондентами сложности можно либо существенно снизить, либо вовсе устранить при эффективной помощи научного руководителя. Дополнительным инструментом организации такой помощи является система наставничества в самой организации научного дивизиона.

Таким образом, усилия в области кадровой политики научного дивизиона Госкорпорации «Росатом» помогают не только привлекать молодых людей к научной карьере, но и удерживать их, сохранять и развивать желание заниматься приоритетными направлениями исследований.

Выдвинутые нами предположения-гипотезы подтвердились частично. Например, гипотеза о влиянии возраста верна лишь в контексте времени, прошедшего с момента выпуска из учебного заведения. Было обнаружено также, что различия между мужчинами и женщинами-сотрудниками атомной отрасли касаются наличия дополнительной нагрузки в виде семейных обязанностей, а не принципиальной неспособности женщин к высокой продуктивности в научной деятельности.

Полученные данные позволяют рекомендовать систему мер, которая будет отражать как запросы и возможности самого сотрудника, так и организации, отрасли в целом. Повышению количества защит диссертационных работ будет способствовать организация эффективного научного руководства и ориентация на практическое применение исследовательских результатов, в том числе включение представителей диссертационных советов в состав заказчиков научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научно-технологического развития.

В качестве дополнительных рекомендаций предлагается продолжить реализовывать и при необходимости интенсифицировать следующие меры поддержки соискателей:

- юридическую помощь в оформлении результатов исследований;
- увеличение числа тематических молодежных форумов и конференций;
- расширение спектра механизмов выстраивания диалога между бизнесом и молодыми инноваторами-исследователями;
- взаимосвязь (трансфер) результатов НИОКР и технологий бизнес-заказчику по продукту;
- решение вопросов кооперации и коммуникации науки, бизнеса и общества;
- практики регулярных встреч молодых ученых с представителями диссертационных советов вузов и организации встреч с известными представителями инновационной сферы;
- проведение работы над повышением уровня инновационной грамотности молодых ученых;
- проведение дополнительных мероприятий по повышению престижа научной, научно-технической и инновационной деятельности.

Потенциально для преодоления трудностей на пути к защите и увеличения количества соискателей в организациях научного дивизиона можно рассмотреть вопросы:

- упрощения процедуры подготовки к защите в диссертационных советах;

- поддержки реализации индивидуального плана по подготовке к защите для соискателя и научного руководителя;
- помощи и поддержки с подготовкой документации в диссертационном совете;
- развития сотрудничества между диссертационными советами организаций дивизиона и отрасли;
- включения в состав диссертационных советов сотрудников научных организаций корпораций;
- расширения существующей в дивизионе базы диссертационных советов и создания карты ведущих организаций по профильным тематикам и направлениям;
- поддержки соискателей в виде «освобождения» от рутинной работы.

«Росатом» — огромная Госкорпорация, где любой человек, вне зависимости от его пола, возраста, культурной и иной принадлежности, может найти способ реализовать свой потенциал. Продолжая реализацию политики равных возможностей, можно значительно увеличить эффективность принимаемых решений, наладить передачу знаний и опыта между сотрудниками.

Существуют мощные вызовы, в силу которых формируется новый тип воспроизводства кадров с высшим профессиональным образованием, учеными степенями и учеными званиями. Многие соискатели научного дивизиона Госкорпорации «Росатом» обладают всеми необходимыми компетенциями — достаточным уровнем критического мышления, способностью отделять главную информацию от второстепенной, аргументированно и логично выстраивать собственные суждения. Эти люди в состоянии решать сложные вопросы, которые ставят современные вызовы. В то же время активизация диссертационных исследований позволит выявлять резервы развития атомной отрасли и страны в целом, что особо значимо в современных условиях.

Список литературы:

- Артюхина А.И., Чижова В.М., Чумаков В.И. Персонализированный подход к педагогической подготовке кадров высшей квалификации в ординатуре и аспирантуре // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2022. Т. 21. № S1. DOI: [10.15829/1728-8800-2022-3160](https://doi.org/10.15829/1728-8800-2022-3160)
- Бабаев Б.Д., Чекмарев В.В., Смольянинова Ю.В. Аспирантура, докторантура, соискательство как институты: общественная востребованность // Экономика образования. 2012. № 2. С. 111–115.
- Багдасарьян Н.Г., Балыева Т. В., Крупа О.В. Аспирант и его диссертация: потенциал и риски защиты // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. 2020. № 3. С. 3–18. DOI: [10.37005/2687-0231-2020-0-9-3-18](https://doi.org/10.37005/2687-0231-2020-0-9-3-18)
- Бедный Б.И., Миронос А.А., Рыбаков Н.В. Аспирантура как институциональный ресурс подготовки кадров для науки и высшей школы // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 8–9. С. 44–54. DOI: [10.31992/0869-3617-2019-28-8-9-44-54](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-8-9-44-54)
- Бедный Б.И., Чупрунов Е.В. Современная российская аспирантура: актуальные направления развития // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 3. С. 9–20. DOI: [10.31992/0869-3617-2019-28-3-9-20](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-3-9-20)
- Владимиров И.А. Социальный механизм функционирования института аспирантуры в современной России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 1. С. 153–160. DOI: [10.26794/2226-7867-2022-12-1-153-160](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-1-153-160)
- Воронов А.С. Развитие научно-исследовательского потенциала молодежи и популяризация науки среди школьников, студентов и молодых ученых России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 78. С. 198–228. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10040](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10040)

Голиков А.И., Игнатъев В.П., Николаев П.Н. Пути модернизации аспирантуры в Федеральном университете // Высшее образование сегодня. 2022. № 1–2. С. 18–25. DOI: [10.18137/RNU.HET.22.01-02.P018](https://doi.org/10.18137/RNU.HET.22.01-02.P018)

Загвязинский В.И. О социальной значимости и востребованности педагогических исследований // Образование и наука. 2015 № 8(127). С. 4–19. DOI: [10.17853/1994-5639-2015-7-4-19](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2015-7-4-19)

Зайцева Т.В., Суворова А.А. Факторы готовности к написанию и защите диссертационных работ // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 96. С. 198–228. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-96](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-96)

Зерчанинова Т.Е., Тарбеева И.С. Проблемы научной и образовательной деятельности аспирантов // Научный результат. Серия: Социология и управление. 2019. Т. 5. № 3. С. 37–48. DOI: [10.18413/2408-9338-2019-5-3-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-3-0-3)

Зерчанинова Т.Е., Тарбеева И.С. Роль научного руководителя в научно-образовательной деятельности аспиранта // Научный результат. Серия: Социология и управление. 2020. Т. 6. № 2. С. 145–158. DOI: [10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-10](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-10)

Зырянов В.В. Научный руководитель: между вызовами времени и реалиями высшего образования // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 10. С. 25–37. DOI: [10.31992/0869-3617-2019-28-10-25-37](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-10-25-37)

Кандыбович С.Л., Разина Т.В. Ситуация неопределенности после защиты диссертации и её воздействие на психологическое здоровье научных сотрудников // Инновационные технологии в фармации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти доцента Пешковой В.А. Иркутск: Иркутский государственный медицинский университет, 2018. № 5. С. 345–351.

Красинская Л.Ф., Климова А.С. Аспирантура в ожидании перемен: насколько к ним готовы аспиранты и их научные руководители? // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 3. С. 24–36. DOI: [10.31992/0869-3617-2020-29-3-24-36](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-3-24-36)

Корчагин Е.А., Сафин Р.С. Образовательная составляющая подготовки аспирантов в техническом университете // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 3. С. 67–74. DOI: [10.31992/0869-3617-2019-28-3-67-74](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-3-67-74)

Котлярова И.О., Сериков Г.Н. Партнерство субъектов образовательного процесса в непрерывной научно-исследовательской деятельности аспирантов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2018. Т. 10. № 2. С. 6–16. DOI: [10.14529/ped180201](https://doi.org/10.14529/ped180201)

Мардахаев Л.В. Диссертация и диссертационная деятельность соискателя // ЦИТИСЭ. 2016. № 5(9). URL: http://ma123.su/_ld/3/338_JMH.pdf

Матушанский Г.У., Завада Г.В., Матушанская Ю.Г. Барьеры в аспирантской подготовке и при защите кандидатской диссертации // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 8–9. С. 55–66. DOI: [10.31992/0869-3617-2019-28-8-9-55-66](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-8-9-55-66)

Миронос А.А., Бедный Б.И., Рыбаков Н.В. Академические профессии в спектре профессиональных предпочтений аспирантов // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 3. С. 74–84.

Москвин В.Н. Перспективы использования интеллектуальной собственности при подготовке кандидатских и магистерских диссертаций по направлению «Землеустройство и кадастры» // Вестник Сибирской государственной геодезической академии. 2015. № 3(31). С. 151–158.

Обжорин А.М. Проблемы популяризации науки в России // Научная периодика: проблемы и решения. 2017. Т. 7. № 2. С. 117–125. DOI: [10.18334/nppir.7.2.37947](https://doi.org/10.18334/nppir.7.2.37947)

Осипов П.Н. Подготовка и защита диссертации: о пользе барьеров // Педагогика и психология образования. 2021. № 3. С. 105–118. DOI: [10.31862/2500-297X-2021-3-105-118](https://doi.org/10.31862/2500-297X-2021-3-105-118)

Попова Н.Г., Биричева Е.В. Подготовка молодых учёных в аспирантуре: поиск единого ориентира // Высшее образование в России. 2017. № 208(1). С. 5–14.

Резник С.Д., Чемезов И.С. Институт аспирантуры российского вуза: состояние, проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 159–168. DOI: [10.17223/15617793/430/22](https://doi.org/10.17223/15617793/430/22)

Рыбаков Н.В. Современная модель российской аспирантуры: пилотное исследование первого выпуска // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 7. С. 86–95. DOI: [10.31992/0869-3617-2018-27-7-86-95](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-7-86-95)

Соколов А.Ю. О совершенствовании правового регулирования прикрепления для подготовки диссертации кандидата наук вне аспирантуры // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 4. С. 32–39. DOI: [10.24412/1608-8794-2022-4-32-39](https://doi.org/10.24412/1608-8794-2022-4-32-39)

Стратегия и практика достижения высшей квалификации субъектом инновационного труда / под ред. С.И. Пахомова, В.Л. Кубышко, А.Н. Конева. Москва: КТ «Буки-Веди», 2018.

Gatfield T. An Investigation into PhD Supervisory Management Styles: Development of a Dynamic Conceptual Model and Its Managerial Implications // Journal of Higher Education Policy and Management. 2005. Vol. 27. Is. 3. P. 311–325. DOI: [10.1080/13600800500283585](https://doi.org/10.1080/13600800500283585)

Gess-Newsome J., Taylor J., Carlson J., Gardner A.L., Wilson Ch.D., Stuhlsatz M.A.M. Teacher Pedagogical Content Knowledge, Practice, and Student Achievement // International Journal of Science Education. 2019. Vol. 41. Is. 7. P. 944–963. DOI: [10.1080/09500693.2016.1265158](https://doi.org/10.1080/09500693.2016.1265158)

Hasgall A., Saenen B., Borrell-Damian L. Doctoral Education in Europe Today: Approaches and Institutional Structures, 2019. URL: <https://eua.eu/downloads/publications/online%20eua%20cde%20survey%2016.01.2019.pdf>

Murphy N., Bain J.D., Conrad L.M. Orientations to Research Higher Degree Supervision // Higher Education. 2007. Vol. 53. P. 209–234. DOI: [10.1007/s10734-005-5608-9](https://doi.org/10.1007/s10734-005-5608-9)

Seagram B.C., Gould J., Pyke W. An Investigation of Gender and Other Variables on Time to Completion of Doctoral Degrees // Research in Higher Education. 1998. Vol. 39. P. 319–335.

Sinclair M. The Pedagogy of 'Good' PhD Supervision: A National Crossdisciplinary Investigation of PhD Supervision. Canberra: Australian Government, Department of Education, Science and Training, 2004.

References:

Artyukhina A.I., Chizhova V.M., Chumakov V.I. (2022) Personalized Pedagogical Learning of Highly Qualified Residents and Postgraduate Students. *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika*. Vol. 21. No. S1. DOI: [10.15829/1728-8800-2022-3160](https://doi.org/10.15829/1728-8800-2022-3160)

Babaev B.D., Chekmarev V.V., Smolyaninova Yu.V. (2012) Post-Graduate, Doctoral, Soiskatelstvo as Institutions: Public Demand for. *Ekonomika obrazovaniya*. No. 2. P. 111–115.

Bagdasaryan N.G., Balueva T.V., Krupa O.V. (2020) Postgraduate Student and His Dissertation: Potential and Risks of Defense. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta "Dubna", Seriya: Nauki o cheloveke o obshchestve*. No. 3. P. 3–18. DOI: [10.37005/2687-0231-2020-0-9-3-18](https://doi.org/10.37005/2687-0231-2020-0-9-3-18)

Bednyi B.I., Mironos A.A., Rybakov N.V. (2019) Doctoral Education as an Institutional Resource for Training Research and Higher Education Personnel. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. Vol. 28. No. 8–9. P. 44–54. DOI: [10.31992/0869-3617-2019-28-8-9-44-54](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-8-9-44-54)

Bednyi B.I., Chuprunov E.V. (2019) Modern Doctoral Education in Russia: Current Directions of Development. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. Vol. 28. No. 3. P. 9–20. DOI: [10.31992/0869-3617-2019-28-3-9-20](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-3-9-20)

- Gatfield T. (2005) An Investigation into PhD Supervisory Management Styles: Development of a Dynamic Conceptual Model and Its Managerial Implications. *Journal of Higher Education Policy and Management*. Vol. 27. Is. 3. P. 311–325. DOI: [10.1080/13600800500283585](https://doi.org/10.1080/13600800500283585)
- Gess-Newsome J., Taylor J., Carlson J., Gardner A.L., Wilson Ch.D., Stuhlsatz M.A.M. (2019) Teacher Pedagogical Content Knowledge, Practice, and Student Achievement. *International Journal of Science Education*. Vol. 41. Is. 7. P. 944–963. DOI: [10.1080/09500693.2016.1265158](https://doi.org/10.1080/09500693.2016.1265158)
- Golikov A.I., Ignatiev V.P., Nikolaev P.N. (2022) Ways to Modernize Postgraduate Studies at the Federal University. *Vyssheye obrazovaniye segodnya*. No. 1–2. P. 18–25. DOI: [10.18137/RNU.HET.22.01-02.P.018](https://doi.org/10.18137/RNU.HET.22.01-02.P.018)
- Hasgall A., Saenen B., Borrell-Damian L. (2019) *Doctoral Education in Europe Today: Approaches and Institutional Structures*. Available at: <https://eua.eu/downloads/publications/online%20eua%20cde%20survey%2016.01.2019.pdf>
- Kandybovich S.L., Rasina T.V. (2018) The Situation of Uncertainty after the Thesis Defense and Its Influences on the Mental Health of Scientific Staff. *Innovatsionnyye tekhnologii v farmatsii: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchennoy pamyati dotsenta Peshkovoy V.A.* Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet, Irkutsk. Vol. 5. P. 345–351.
- Krasinskaya L.F., Klimova A.S. (2020). Doctoral Programs Are in Anticipation of Change: Postgraduates and Their Scientific Supervisors' Readiness. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. Vol. 29. No. 3. P. 24–36. DOI: [10.31992/0869-3617-2020-29-3-24-36](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-3-24-36)
- Korchagin E.A., Safin R.S. (2019) Educational Component of Doctoral Training at Engineering University. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. Vol. 28. No. 3. P. 67–74. DOI: [10.31992/0869-3617-2019-28-3-67-74](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-3-67-74)
- Kotlyarova I.O., Serikov G.N. (2018) Partnership of the Agents of Education Process in Continuing Research Activity of Doctoral Students. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Obrazovaniye. Pedagogicheskiye nauki»*. Vol. 10. No. 2. P. 6–16. DOI: [10.14529/ped180201](https://doi.org/10.14529/ped180201)
- Mardakhaev L.V. (2016) Thesis and the Thesis Activities Applicant. *Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy i sotsial'noy ekspertizy*. No. 5(9). Available at: http://ma123.su/ld/3/338_JMH.pdf
- Matushansky G.U., Zavada G.V., Matushanskaya Yu.G. (2019) Barriers Impeding Postgraduate Training Completion and Dissertation Submission and Defense. *Vysshee obrazovanie v Rossii* Vol. 28. No. 8–9. P. 55–66. DOI: [10.31992/0869-3617-2019-28-8-9-55-66](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-8-9-55-66)
- Mironos A.A., Bednyi B.I., Rybakov N.V. (2017) Academic Careers in the Spectrum of Postgraduate Students' Professional Preferences. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. Vol. 21. No. 3. P. 74–84.
- Moskvin V.N. (2015) Prospects for the Use of Intellectual Property In The Preparation of PhD and Master Theses in the Field of "Land Management and Cadaster". *Vestnik Sibirskoy gosudarstvennoy geodezicheskoy akademii*. No. 3(31), P. 151–158.
- Murphy N., Bain J.D., Conrad L.M. (2007) Orientations to Research Higher Degree Supervision. *Higher Education*. Vol. 53. P. 209–234. DOI: [10.1007/s10734-005-5608-9](https://doi.org/10.1007/s10734-005-5608-9)
- Obzhorin A.M. (2017) The Problems of Popularization of Science in Russia. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya*. Vol. 7. No. 2. P. 117–125. DOI: [10.18334/nppir.7.2.37947](https://doi.org/10.18334/nppir.7.2.37947)
- Osipov P.N. (2021) Writing and Defending a Thesis: The Value of Barriers. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya*. No. 3. P. 105–118. DOI: [10.31862/2500-297X-2021-3-105-118](https://doi.org/10.31862/2500-297X-2021-3-105-118)
- Pakhomov S.I., Kubyshko V.L., Konev A.N. (eds.) (2018) *Strategiya i praktika dostizheniya vysshey kvalifikatsii sub'yektom innovatsionnogo truda* [Strategy and practice of achieving the highest qualification by the subject of innovative labor]. Moscow: KT "Buki-Vedi".
- Popova N.G., Biricheva E.V. (2017) Training Young Researchers at the Postgraduate Level: In Search of a Goal. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. No. 1. P. 5–14.

- Reznik S.D., Chemezov I.S. (2018) Postgraduate Education in Russian Universities: State, Problems and Prospects of Development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 430. P. 159–168. DOI: [10.17223/15617793/430/22](https://doi.org/10.17223/15617793/430/22)
- Rybakov N.V. (2018) A New Model of Russian Postgraduate Education: Pilot Study of the First Graduation of PhD Students. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. Vol. 27. No. 7. P. 86–95. DOI: [10.31992/0869-3617-2018-27-7-86-95](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-7-86-95)
- Seagram B.C., Gould J., Pyke W. (1998) An Investigation of Gender and Other Variables on Time to Completion of Doctoral Degrees. *Research in Higher Education*. Vol. 39. P. 319–335.
- Sinclair M. (2004) The Pedagogy of 'Good' PhD Supervision: *A National Crossdisciplinary Investigation of PhD Supervision*. Canberra: Australian Government, Department of Education, Science and Training.
- Sokolov A.Yu. (2022) On Improving the Legal Regulation of Attachment for the Preparation of a Dissertation for a Candidate of Science Outside of Postgraduate Studies. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*. No. 4. P. 32–39. DOI: [10.24412/1608-8794-2022-4-32-39](https://doi.org/10.24412/1608-8794-2022-4-32-39)
- Vladimirov I.A. (2022) The Social Mechanism of the Functioning of the Institute of Postgraduate Studies in Contemporary Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta*. Vol. 12. No. 1. P. 153–160. DOI: [10.26794/2226-7867-2022-12-1-153-160](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-1-153-160)
- Voronov A.S. (2020) Development of Young People Research Potential and Popularization of Science among Schoolchildren, Students and Young Scientists in Russia. *Gosudarstvennoe uprevlenie. Electronny vestnik*. No. 78. P. 198–228. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10040](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10040)
- Zagvyazinsky V.I. (2015) Concerning the Social Importance and a Demand of Pedagogical Researches. *Obrazovaniye i nauka*. No. 8(127). P. 4–19. DOI: [10.17853/1994-5639-2015-7-4-19](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2015-7-4-19)
- Zaytseva T.V., Suvorova A.A. (2023) Motivational Factors for Writing and Defending Scientific Papers. *Gosudarstvennoe uprevlenie. Electronny vestnik*. No. 96. P. 198–228. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-96](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-96)
- Zerchaninova T.E., Tarbeeva I.S. (2019) Problems of Scientific and Educational Activities of Postgraduate Students. *Nauchnyy rezul'tat. Seriya: Sotsiologiya i upravleniye*. Vol. 5. No. 3. P. 37–48. DOI: [10.18413/2408-9338-2019-5-3-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-3-0-3)
- Zerchaninova T.E., Tarbeeva I.S. (2020) The Role of an Academic Advisor in the Scientific and Educational Activities of a Postgraduate Student. *Nauchnyy rezul'tat. Seriya: Sotsiologiya i upravleniye*. Vol. 6. No. 2. P. 145–158. DOI: [10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-10](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-10)
- Zyryanov V.V. (2019) Research Supervisor: Between the Challenges of Time and the Realities of Higher Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. Vol. 28. No. 10. P. 25–37. DOI: [10.31992/0869-3617-2019-28-10-25-37](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-10-25-37)

Дата поступления/Received: 10.06.2023

Инновационная деятельность университетов в современном Китае

Цзоу Синьюй

Аспирант, Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: lenazxy@yandex.ru

Аннотация

В связи с тем, что Китай активно укрепляет строительство инновационной системы и реализует стратегию инновационного развития, трансформация научно-технических достижений, являясь связующим звеном между рыночной экономикой и университетскими исследованиями, напрямую влияет на повышение конкурентоспособности китайских предприятий и развитие университетских научных исследований, поэтому трансформация научно-технических достижений все больше и больше ценится университетами, предприятиями и правительством, а также появляются соответствующие результаты исследований. В данной статье объединены и проанализированы исследования различных ученых по трансформации научно-технических достижений университетов за последние годы, обобщены основные способы трансформации научно-технических достижений китайских университетов, препятствия на пути этой трансформации и меры противодействия трансформации научно-технических достижений университетов. На основе анализа внутренних ограничений, таких как несоответствие научно-технических достижений университетов рыночному спросу, несовершенство внутренней системы университетов и недостаточное понимание проблемы трансформации научно-технических достижений самими университетами, а также внешних ограничений, таких как недостаточная финансовая поддержка со стороны государства, несовершенство внешней системы и незрелость рынка трансформации научно-технических достижений, мы выдвинули предложение о необходимости создания механизма рисков и построения процесса трансформации научно-технических достижений под влиянием рыночного спроса. Предлагается ряд мер противодействия, таких как усиление предпринимательского потенциала научно-технических посредников, совершенствование механизма оценки научных исследований, построение рыночно ориентированной инновационной системы для результатов научных исследований, что четко определяет направления, на которых необходимо сосредоточиться на следующем этапе, и дает ориентиры для решения проблем трансформации научно-технических достижений в университетах.

Ключевые слова

Трансформация научно-технических достижений, модель, университет, инновация, инновационный процесс.

Innovation Activities of Universities in Modern China

Zou Xinyu

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: lenazxy@yandex.ru

Abstract

Due to the fact that China actively strengthens the construction of the innovation system and implements the innovation development strategy, the transformation of scientific and technological achievements, being the link between the market economy and university research, directly affects the competitiveness of Chinese enterprises and the development of university scientific research, so the transformation of scientific and technological achievements — technological advances — are more and more appreciated by universities, enterprises, and the government, and related research results are also emerging. This article mainly combines and analyzes the research of various scholars on the transformation of scientific and technological achievements of universities in recent years and summarizes the main ways of transforming the scientific and technological achievements of Chinese universities, obstacles to the transformation of scientific and technological achievements of universities, and measures to counteract the transformation of scientific and technological achievements of universities. Based on the analysis of internal constraints, such as the discrepancy between the scientific and technological achievements of universities and market demand, the imperfection of the internal system of universities and insufficient understanding of the problem of transforming scientific and technological achievements by the universities themselves, as well as external constraints, such as insufficient financial support from the state, the imperfection of the external system and the immaturity of the market for the transformation of scientific and technological achievements, we put forward the need to create a risk mechanism and build a process for the transformation of scientific and technological achievements under the influence of market demand. A number of countermeasures are proposed, such as strengthening the entrepreneurial potential of scientific and technological intermediaries, creating a market-oriented innovation system for research results that clearly defines the areas that need to be focused on in the next stage, and providing guidance for solving the problems of transforming scientific and technological achievements in universities.

Keywords

Transformation of scientific and technological achievements, model, university, innovation, innovation process.

Введение

В 1912 году Й. Шумпетер ввел понятие инноваций [Schumpeter 2020], и научно-технические инновации впервые предстали в глазах людей как основной фактор, стимулирующий экономический рост. Двенадцать лет спустя Р. Солоу, основываясь на своем исследовании теории инноваций, впервые выдвинул два условия создания инновации: источник новых идей

и реализация и развитие более поздних стадий. Эта «двухступенчатая теория» развивала мысль, что технологические инновации определяют фактический интенсивный рост в экономике. Благодаря этому в поле зрения ученых постепенно попала проблема трансформации научно-технических достижений.

Исходя из основных национальных условий Китая, университеты как важная опора научно-технических инноваций в последние годы еще больше повысили свой научно-исследовательский потенциал, и количество патентов растет год от года. Но при этом коэффициент трансформации их научно-исследовательских достижений составляет всего 20%, коэффициент трансформации патентов — всего 5%, а коэффициент трансформации научно-технических достижений, которые могут быть внедрены в производство и применены, еще ниже [林青宁, 毛世平 2019]. Будучи связующим звеном между рыночной экономикой и университетскими исследованиями, трансформация научно-технических достижений оказывает непосредственное влияние на повышение производительности китайских предприятий и продвижение университетских исследований, поэтому необходимо уделять внимание трансформацию научно-технических достижений.

Концепции, связанные с трансформацией научно-технических достижений

На уровне концептуального анализа понятия «научно-технические достижения» Хэ Дефан резюмировал, что определение в Китае часто дается в узком смысле, то есть научно-технические достижения — это продукты, полученные учеными в ходе собственных исследований и признанные после оценки и экспертизы, что подчеркивает, что их академическая значимость или практическая ценность должны быть оценены и проанализированы авторитетными авторами или экспертами [贺德方 2011]. Другие исследователи считают, что научно-технические достижения должны быть результатами научных исследований, которые уже обладают достаточным авторитетом, ценность которых, как академическая, так и экономическая, уже признана. При этом научно-технические достижения должны иметь как академическую, так и экономическую ценность [李爱雄, 贾长林 2018].

Что касается концепции трансформации научно-технических достижений, то Хэ Дефан считает, что определение трансформации научно-технических достижений в Китае в основном исходит из узкой перспективы, то есть научно-технические достижения сосредоточены на достижении экономической выгоды и в конечном итоге трансформируются в производительность [贺德方 2011]; Ли Айсионг и Цзя Чанлинь, основываясь на определении в Законе о трансформации научно-технических достижений, также полагают, что конечной целью трансформации является повышение производительности, и делают акцент на конечном результате [李爱雄, 贾长林 2018].

Что касается оценки эффективности трансформации научно-технических достижений, то большинство ученых в качестве критерия оценки принимают коэффициент трансформации научно-технических достижений. Ху Дэшэн предлагает формулу, где коэффициент трансформации научно-технических достижений — это отношение числа трансформированных достижений к общему числу достижений [胡德胜 1992]. А Ли Айсионг и Цзя Чанлинь считают, что, поскольку коэффициент трансформации научно-технических достижений до сих пор не имеет официального определения, трудно использовать единый показатель для измерения трансформации научно-технических достижений за определенный период времени [李爱雄, 贾长林 2018].

Основные способы трансформации научно-технических достижений в университетах

Основные пути инноваций в зарубежных университетах. Трансформация научно-технических достижений в зарубежных университетах началась раньше, и в результате большого опыта, после многих лет исследований здесь сформировались более зрелые режимы трансформации. Китайские исследования в настоящее время в основном сосредоточены на внедрении передового опыта разных стран. При этом трансформация научно-технических достижений зарубежных университетов обычно делится на американскую модель [赵小凡 2021], японскую модель [黄勇荣 et al. 2021] и немецкую модель. Результатов интеграции моделей и проведения глубокого и систематического анализа и исследований в этой области пока не очень много.

Китайская технологическая биржа недавно опубликовала отчет, в котором собраны основные модели передачи технологий в зарубежных университетах и представлен глубокий анализ типичных случаев, что имеет определенную справочную ценность. В отчете отмечается, что существуют две основные модели передачи технологий из университетов в производство: первая — модель офиса лицензирования технологий (OTL), вторая — создание компаний по передаче технологий. Модель OTL имеет три основные особенности: во-первых, патентный маркетинг является приоритетным; во-вторых, все сотрудники являются технологическими менеджерами; в-третьих, изобретатель и отдел изобретателя участвуют в распределении доходов от лицензирования патентов. Типичным примером такой модели является отдел лицензирования технологий в Стэнфордском университете в США. Компании по передаче технологий, также известные как компании по оказанию инновационных услуг, создаются университетами самостоятельно в качестве сторонних поставщиков услуг для оказания услуг по коммерциализации ИС и содействия в преобразовании университетских технологий и ИС в промышленные. Типичными примерами этой модели являются Imperial Innovation Services, основанная Имперским колледжем в Великобритании, и Cambridge Enterprise Ltd, созданная Кембриджским университетом. Помимо этих двух моделей, модель компании по управлению технологиями и модель исследовательского фонда также сыграли важную роль в продвижении обмена технологиями и сотрудничества между университетами и предприятиями, а также в продвижении передачи технологий и трансформации университетских достижений, чему, конечно, стоит поучиться.

Способы трансформации достижений в китайских университетах. Первое поколение режима трансформации. Преобразование научно-технических достижений в университетах появилось в 1950-х гг. В условиях экономической системы и среды того времени, в соответствии с участвующими субъектами способ трансформации научно-технических достижений колледжей и университетов в основном делился на два типа: трансформация силами университетов и трансформация путем сотрудничества с предприятиями. Это было первое поколение режима трансформации научно-технических достижений в Китае. В некоторых источниках режим самопреобразования университетов также называют режимом самореализации, режимом самоуправляемой структуры и т.д. По словам Ван Тиецзюня, главная особенность этого режима заключается в идее, что университеты выступали в качестве основного участника этого процесса. Весь процесс же должен был быть построен таким образом, чтобы, начинаясь фундаментальными исследованиями, прикладными исследованиями, исследованиями развития, пилотными испытаниями, научно-технические достижения поступали в промышленность и занимали рынок [王铁军 2010]. Эта модель исключает многие промежуточные звенья в процессе трансформации, экономит транзакционные издержки и в значительной степени защищает независимые права

интеллектуальной собственности университетов. Университеты, использующие эту модель для преобразования научно-технических достижений, обычно имеют высокий уровень научных исследований и сильный потенциал научных исследований в определенной отрасли, а также мощную финансовую поддержку и определенное количество управленческого персонала в качестве поддержки.

Сотрудничество между университетами и предприятиями — это способ преобразования, используемый и сегодня, характеризующийся использованием, с одной стороны, научно-технических талантов университетов, их научно-исследовательских сил, экспериментального оборудования, а с другой стороны, производственных мощностей предприятий, их прогнозирования и анализа рыночной информации. Чжоу Сюншэн назвал этот режим моделью «точка—точка» и разделил ее с позиции глубины сотрудничества на модель передачи технологий и модель совместного предприятия [周训胜 2011]. Другие ученые провели более глубокое и детальное изучение этой модели: например, разделили ее на модель лицензирования, модель передачи научно-технических достижений, модель поручения развития и модель создания акций и совместных предприятий. Модель акционерного участия и совместного предприятия находится в русле сотрудничества между университетом и предприятием. В целях привлечения капитала, талантов и передовой концепции управления, разделения операционного риска и повышения конкурентоспособности предприятий университеты в процессе реструктуризации первоначальных университетских предприятий и создания современной системы предприятий более склонны к созданию акционерных предприятий [林继志, 张向前 2016]. При этом разработанные технологии, результаты научных исследований, квалификация персонала и т.д. конвертируются в акции соответствующих предприятий. Промышленные предприятия, исходя из необходимости технологических инноваций и понимания рыночного спроса, также готовы сотрудничать с университетами, создавая механизм такого углубленного сотрудничества с университетами.

Модель второго поколения трансформации. С точки зрения степени взаимодействия режим «точка — точка» — это своего рода более неглубокое сотрудничество между университетами и предприятиями, в котором акцент делается на результат, но не на процесс. На ранних этапах режим «точка — точка» в основном представляет собой одноразовое сотрудничество, такое как доверительная разработка, передача лицензии и даже режим сотрудничества, при котором университеты производят продукты, а предприятия упаковывают и продают их. Хотя с появлением акционерного режима, режим «точка — точка» был разработан более научно и эффективно, а сотрудничество между университетами и предприятиями перешло на более глубокий уровень, эффективность и успешность трансформации научно-технических достижений значительно повысились.

Однако темпы трансформации научно-технических достижений в университетах все еще сохраняются на относительно низком уровне. Основная причина заключается в том, что существует давнее несоответствие между достижениями научных исследований и рыночным спросом; распределение выгод и механизм стимулирования при трансформации научно-технических достижений в университетах не обоснованы, а также зачастую не решены вопросы финансовой поддержки в процессе трансформации. В 1989 году при совместном содействии правительства и университетов был создан Научно-технологический парк Северо-Восточного университета. Это первый национальный университетский научно-технический парк в Китае, который, как считается, открыл новый способ трансформации научно-технических достижений

в университетах. Большинство исследований фокусируются на различиях участвующих субъектов и способах сотрудничества между ними и разделяют новый режим трансформации на две категории:

- режим сотрудничества между правительством и высшим образованием;
- режим сотрудничества между университетом и предприятием.

Модель сотрудничества государства и высшего образования возглавляется правительством, и ее основными формами являются модель инкубатора, национальный инженерный центр, центр передачи технологий и т.д. Она отличается от традиционной модели «точка — точка», но сочетает в себе преимущества оригинальных инноваций университетов с преимуществами применения научно-технических достижений предприятий. Университеты и предприятия уделяют больше внимания совместному участию и сотрудничеству в процессе НИОКР и создают различные формы совместных инновационных платформ университетов и предприятий, такие как совместные исследовательские институты, инновационные исследовательские институты, совместные лаборатории и совместные технологические центры. Некоторые ученые назвали способ трансформации и индустриализации университетских научно-технических достижений с помощью вышеупомянутой комплексной платформы способом трансформации университетских научно-технических достижений «второго поколения» [胡罡 et al. 2014].

Существует еще один особый тип режима трансформации научно-технических достижений университетов второго поколения, а именно режим интеграции университета и предприятия. Предприятия становятся основными акционерами университетов, технологические потребности предприятий становятся объектами НИОКР университетов, результаты НИОКР университетов — основными источниками технологий для предприятий, и обе стороны могут эффективно обмениваться ресурсами в плане научно-исследовательских команд, управленческих талантов и практики трудоустройства. Причина, по которой его относят ко второму поколению режима трансформации университетских научно-технических достижений, заключается в том, что этот режим возник позже в материковом Китае и в основном встречается в высших профессиональных колледжах или в третьей группе бакалавриата. Появление модели трансформации научно-технических достижений университетов второго поколения привело к тому, что трансформация научно-технических достижений все чаще представляет собой путь совместного развития.

Ли Дунлян и некоторые другие исследователи взяли в качестве объекта исследования научно-исследовательские и инновационные учреждения нового типа в провинции Гуандун, проанализировали состояние их развития и выдвинули соответствующие предложения по контрмерам [李栋亮, 陈宇山 2013]. Другие исследователи утверждают, что быстрое развитие новых исследовательских институтов под руководством университетов полностью воплощает концепцию и практику совместных инноваций: достигается лучшее взаимодействие университетов, ориентированных на потребности рынка и промышленности, сосредоточенных вокруг онтологии инновационных знаний, полностью мобилизующих субъектов инноваций, таких как предприятия и исследовательские институты, а также вспомогательную поддержку со стороны правительства, финансовых институтов, посреднических организаций и отраслевых ассоциаций [江海, 资智洪 2015]. В то же время достигается синергия талантов, технологий, достижений, капитала, информации и управления во всех аспектах цепочки преобразований — от разработки технологий, внедрения на рынок до индустриализации. Правительство,

университеты и рынок могли в полной мере использовать свои преимущества во всех аспектах инновационной цепочки, служить местному экономическому развитию и способствовать трансформации от традиционных факторов к инновациям. С момента своего появления модель трансформации научно-технических достижений университетов второго поколения после почти тридцати лет развития продолжает играть важную роль в инновации научно-технических достижений, высокотехнологичной индустриализации и выращивании научно-технических инновационных талантов, создавая благоприятную среду для социального предпринимательства и внося важный вклад в строительство региональных и даже национальных инновационных систем. Можно сделать вывод, что эта модель останется основной моделью трансформации научно-технических достижений в университетах на длительный период в будущем.

Новые тенденции в развитии режима трансформации. Хотя второе поколение режима достигло большого прогресса, по сравнению с первым поколением, в плане организационной формы и эффективности преобразования, оно также принесло некоторые новые проблемы и вызовы. Среди них — множество отделов управления, непоследовательная руководящая идеология и размытые цели, неточное функциональное позиционирование инновационной платформы, административные препоны, нечеткое распределение прав и интересов, несоответствие механизмов работы и механизма управления. Существует также проблема необходимости ведения фундаментальных исследований, которые не дают быстрые экономически выгодные инновации в производстве. Поэтому режим трансформации университетских научно-технических достижений второго поколения не только останется в центре внимания исследователей в будущем, но и нуждается в совершенствовании и развитии на практике.

Новая тенденция режима трансформации научно-технических достижений в университетах в основном проявляется в двух аспектах: во-первых, в постоянном обновлении и обогащении существующих режимов, таких как режим плана промышленного альянса; во-вторых, в появлении совершенно новых моделей. Некоторые исследователи выдвинули концепцию модели инновационной сети на основе перспективы совместного управления, считая, что инновационная сеть может быть относительно стабильной, формальной или неформальной связью, установленной между субъектами трансформации научно-технических достижений, которая может способствовать инновациям [翟天任, 李源 2012]. Эта модель ориентирована на научно-техническую продукцию и нацелена на продвижение инноваций. По организационной структуре она похожа на сетевой тип организации, где между участвующими субъектами нет формальной принадлежности к капиталу или административного подчинения, но есть формальный контракт как связующее звено, а сотрудничество осуществляется в рамках механизма взаимной выгоды, доверия и поддержки. В рамках этой модели организационная структура имеет тенденцию быть более «горизонтальной», а управленческие связи — менее тесными, что обеспечивает более высокую устойчивость и адаптивность к окружающей среде и способствует повышению темпов трансформации научно-технических достижений в университетах. В настоящее время эта модель находится только на стадии исследования, и ее еще предстоит проверить и обогатить в практике управления и теоретических исследованиях.

Сложности на пути трансформации научно-технических достижений в колледжах и университетах

Внутренние ограничения для преобразования научно-технических достижений в университетах. Анализ исследований китайских и зарубежных ученых показывает, что сложности заключаются в следующем: в недостаточном соответствии научно-технических достижений и рыночного спроса, во внутренней системе университетов и внутренней идеологии университетов.

Научно-технические достижения колледжей и университетов и спрос на рынке. По мнению ряда ученых, в университетских научных исследованиях существует проблема разрыва связи между производством и исследованиями, а преподаватели университетов редко могут проводить полевые исследования, чтобы понять рыночный спрос на научно-технические достижения. Отсюда трудности с тем, чтобы превратить научно-технические достижения в реальные продукты [谷德斌 et al. 2012]. Другие исследователи отметили, что результатам исследований вертикальных предметов не хватает зрелости и адаптивности, а результаты исследований горизонтальных предметов трудно популяризировать и ретрансформировать; большинство научно-технических достижений университетов основаны на масштабах небольших лабораторных экспериментов, которым не хватает социальной практичности, их трудно сопоставить с рыночной связью и удовлетворить рыночный спрос [申轶男 et al. 2016]. Другие ученые утверждают, что рыночная конкуренция и культурная среда являются важными факторами, влияющими на трансформацию научно-технических достижений [Cui et al. 2016].

Организация и структура управления университетов. По мнению Ли Фэн, система управления университетами централизована, а руководителям не хватает профессиональных и технических знаний, чтобы обеспечить эффективное руководство [李锋 2020]. Другие исследователи предполагают, что в институциональном аспекте университетов отсутствуют механизмы оценки и стимулирования преобразования результатов исследований, а также факторы оценки преобразования результатов исследований при оценке профессиональных и технических званий преподавателей, что приводит к отсутствию стимулов для преобразования результатов исследований у преподавателей университетов [罗建 et al. 2019]. Ли Цзяньчжун утверждает, что простые механизмы количественной оценки результатов в университетах препятствуют инновациям [李建中 2018].

Идеология внутри университетов. Ли Цзяньчжун также предполагает, что первопричина низких темпов трансформации научно-технических достижений в университетах происходит от недостаточного осознания социальной ответственности университетов, поскольку научные исследования, проводимые университетскими учеными, имеют высокую перспективность, поэтому обладают большой неопределенностью и с трудом поддаются коммерциализации. Син Фэйфэй и Чжан Юньхуа, с другой стороны, понимают, что трансформация научно-технических достижений не является основной ответственностью университетов и в настоящее время университеты по-прежнему сосредоточены на образовании, что приводит к отсутствию достаточной осведомленности о трансформации научно-технических достижений в самих университетах [邢飞飞, 张云化 2019].

Внешние препятствия на пути трансформации научно-технических достижений в университетах

По результатам исследований ученых можно заключить, что препятствия на пути трансформации научно-технических достижений в университетах обычно заключаются в аспектах финансовой поддержки, внешней системы и научно-технических посредников.

Финансовая поддержка. Ма Сяоцзюнь и Пан Чанвэй предположили, что доля расходов на преобразование научно-технических достижений в общем государственном бюджете очень мала, а выделяемые университетами средства часто недостаточны или просто не могут соответствовать заявленным целям. [马晓君 · 潘昌伟 2015] Другие исследователи утверждали, что университетам не хватает средств на проведение пилотных экспериментов, что сильно влияет на трансформацию научно-технических достижений [罗建 et al. 2019].

Внешняя система. Чэнь Хуа считает, что нынешней национальной политике преобразования научно-технических достижений в университетах не хватает рациональности, что в основном выражается в необоснованном распределении выгод и споров в процессе преобразовательной практики, в результате чего отсутствуют стимулы для преобразования научно-технических достижений; в то же время нынешняя политическая среда несовершенна, и отсутствие выстроенной системы юридических гарантий также является причиной низкой эффективности преобразования научно-технических достижений в университетах [陈华 2018].

Научно-технические посредники. По мнению Шао Цинцин, нынешний рынок трансформации научно-технических достижений в Китае является незрелым и несовершенным, с небольшим количеством посредников, единственной функцией и недостатком профессионализма, который не может эффективно соответствовать рыночному спросу на научно-технические достижения [邵青青 2017].

Меры противодействия замедлению трансформации научно-технических достижений в университетах

Опираясь на передовой зарубежный опыт и сочетая его с реальной ситуацией в Китае, исследователи предлагают следующие меры для улучшения ситуации. Цзян Хуалинь представил в своих работах практику и опыт Калифорнийского университета в Сан-Диего по содействию коммерциализации технологий, а именно создание организации CONNECT для беспрепятственного соединения инноваций и их применения. Он считает, что внедрение модели CONNECT имеет потенциально уникальные последствия для содействия трансформации научно-технических достижений в университетах Китая. В частности, необходимо придерживаться концепции «связи» и построить интегрированную платформу для трансформации научно-технических достижений; придерживаться рыночной ориентации и преодолеть административную тенденцию преобразования научно-технических достижений; усилить ориентацию услуг и исправить неправильное преследование интересов в преобразовании научно-технических достижений; усилить институциональное строительство и повысить потенциал трансформации научно-технических достижений [蒋华林 2015].

Исходя из рассмотренной выше ситуации с предложением трансформации научно-технических достижений, в данной работе основное внимание уделяется обобщению предложений, уже сделанных различными учеными, в качестве ориентира для путей оптимизации. Чу Жунюэ отметила, что необходимо повысить рыночную осведомленность университетов и научно-технических работников, понять реальную ситуацию рыночного спроса, улучшить инновационную ориентацию и трансформационную уместность

научно-технических достижений [储蓉月 2018]. Пэн Чэнь и Ли Баоянь предложили улучшить механизм оценки научных исследований, добавить в систему оценки возможную трансформацию результатов научных исследований и создать соответствующий механизм стимулирования трансформации результатов научных исследований [彭陈, 李宝艳 2018]; Цзи Чэнцзюнь и Ся Хуайминь, основываясь на эмпирических исследованиях, предложили увеличить государственную поддержку, оптимизировать пространственную планировку и укрепить сотрудничество между университетами в разных регионах для создания рыночно ориентированной инновационной системы [纪成君, 夏怀明 2019].

В целом текущие результаты исследований китайских ученых недостаточно хорошо известны производственникам, так как большинство ученых по-прежнему сосредоточены на «стороне предложений». В этой связи представляется необходимым следующее: во-первых, правительство должно оказывать достаточную поддержку университетам, а университеты должны реформировать свои системы для разработки научно-технических достижений, отвечающих потребностям рынка. Однако на другом конце спектра этой проблемы ситуация складывается так, что многие ученые не изучали спрос на технологические достижения со стороны компаний на рынке. Они сосредоточены на университетах и правительстве в модели тройной спирали «университет — правительство — рынок».

Институциональные реформы в университетах могут помочь улучшить качество результатов научно-технической деятельности именно в плане их переводимости, усиления инновационного процесса. Разработка и реализация новой государственной политики будет способствовать развитию посредников и рыночно ориентированному сдвигу в НИОКР. Поскольку не стоит забывать, что рынок во многом определяет качество результатов научно-технической деятельности, именно рынок определяет конечное предназначение результатов науки и техники. Вместе с тем отсутствие спроса на результаты науки и техники в конечном итоге ограничит эффективность трансформации результатов, поэтому у исследований в этой области большое будущее.

Заключение

Благодаря приведенному обзору текущей ситуации по исследованию трансформации научно-технических достижений в университетах можно сделать ряд выводов. С одной стороны, исследование трансформации научно-технических достижений в университетах приобрело большие масштабы, с другой стороны, в существующих исследованиях все еще есть недостатки. Исходя из определения трансформации научно-технических достижений, данная работа в первую очередь анализирует проблему определения трансформации научно-технических достижений, очерчивает текущий режим трансформации научно-технических достижений в университетах, результаты исследований китайских и зарубежных ученых о внутренних факторах и внешних препятствиях трансформации научно-технических достижений и, наконец, интегрирует пути оптимизации по проблеме трансформации научно-технических достижений. В частности, согласно приведенному выше обзору, с точки зрения направлений исследований научные изыскания в этой области были достаточно плодотворными, хотя и узконаправленными, поскольку большинство современных исследований сосредоточены на университетской системе, транзакционных аспектах и государственной поддержке. Однако в меньшей степени учитываются факторы регионального рынка, на котором расположены университеты, и не рассматривается влияние взаимодействия между рыночными факторами и факторами университета на передачу университетских технологий. Кроме того, существует множество предшественников университетского трансфера

технологий, но их влияние на направление университетского трансфера технологий не вполне последовательно. Определение факторов влияния и механизмов, способствующих университетскому трансферу технологий, а также проверка того, действительно ли университетский трансфер технологий может способствовать модернизации промышленности, важны для реализации стратегии инновационного развития и построения инновационной страны.

Список литературы:

Cui A.S., Griffith D.A., Cavusgil S.T., Dabic M. The Influence of Market and Cultural Environmental Factors on Technology Transfer between Foreign MNCs and Local Subsidiaries: A Croatian Illustration // Journal of World Business. 2006. Vol. 41. Is. 2. P. 100–111. DOI: [10.1016/j.jwb.2006.01.011](https://doi.org/10.1016/j.jwb.2006.01.011)

Schumpeter J. Theory of Economic Development. Beijing: Overseas Chinese Publishing House of China, 2020.

陈华. 基于政策分析视角的我国高校科技成果转化问题及对策建议 // 河北工业大学学报 (社会科学版). 2018. Vol. 10. Is. 3. P. 71–81 [Чэнь Хуа. Трансформация научно-технических достижений в китайских университетах: политический анализ // Журнал Хэбэйского технологического университета (социальное издание). 2018. Т. 10. № 3. С. 71–81].

储蓉月. 科技成果转化的影响因素与优化路径 // 中国高校科技. 2018. № 10. P. 84–85 [Чу Жунъюэ. Влияющие факторы и пути оптимизации трансформации научно-технических достижений // Трансфер технологий Китайского университета. 2018. № 10. С. 84–85].

翟天任, 李源. 高校科技成果转化的协同管理路径研 // 科技进步与对策. 2012. Vol. 29. Is. 22. P. 44–47 [Чжай Тяньрэн, Ли Юань. Анализ пути совместного управления трансформацией научно-технических достижений университета // Научно-технический прогресс и меры противодействия. 2012. Т. 29. № 22. С. 44–47].

谷德斌, 尹航, 杨贵彬. 高校科技成果转化驱动模式研究 // 科技进步与对策. 2012. Vol. 29. Is. 13. P. 24–28 [Гу Дэбинь, Инь Ханг, Ян Гуйбинь. Исследование движущей силы трансформации научно-технических достижений в вузах // Научно-технический прогресс и меры противодействия. 2012. Т. 29. № 13. С. 24–28].

贺德方. 对科技成果及科技成果转化若干基本概念的辨析与思考[J] // 中国软科学. 2011. № 11. P. 1–7 [Хэ Дефан. Анализ и рассмотрение концепций научно-технических достижений и их трансформации // China Soft Science. 2011. № 11. С. 1–7].

胡德胜. 浅议科技成果转化率概念的界定及统计 // 科学学与科学技术管理. 1992. № 08. P. 23–49 [Ху Дэшэн. Дискуссия об определении и статистике понятия темпа трансформации научно-технических достижений // Науковедение и управление наукой и технологиями. 1992. № 8. С. 23–49].

胡罡, 章向宏, 刘薇薇, 胡丹. 地方研究院:高校科技成果转化模式新探索 // 研究与发展管理. 2014. Vol. 26. Is. 3. P. 122–128 [Ху Ган, Чжан Сянхун, Лю Вэйвэй Ху Дань. Местные институты: новое исследование способа трансформации научно-технических достижений в университетах // Управление исследованиями и разработками. 2014. Т. 26. № 3. С. 122–128].

黄勇荣, 陈伟强. 中日大学技术转移比较与启示 // 南宁职业技术学院学报. 2021. Vol. 29. Is. 5. P. 15–21 [Хуан Юнжун, Чен Вэйцян. Сравнение передачи технологий между китайскими и японскими университетами и Revelation // Journal of Nanning Polytechnic. 2021. Т. 29. № 5. С. 15–21].

纪成君, 夏怀明. 中国高校科技成果转化效率及路径优化 // 科技管理研究. 2019. Vol. 39. Is. 1. P. 97–103 [Цзи Чэнцзюнь, Ся Хуайминь. Эффективность и оптимизация пути преобразования научно-технических достижений в университетах Китая // Исследования в области управления наукой и технологиями. 2019. Т. 39. № 1. С. 97–103].

江海, 资智洪. 高校科技成果转化协同创新模式的广东探索与实践 // 科技管理研究. 2015. № 16. P. 94–99 [Цзян Хай, Цзы Чжихун. Исследование и практика синергетических инновационных моделей трансформации научно-технических достижений университетов провинции Гуандун // Исследования в области управления наукой и технологиями. 2015. № 16. С. 94–99].

蒋华林. “联结”:加州大学圣迭戈分校的技术商业化模式 // 社会科学家. 2015. № 11. P. 119–123 [Цзян Хуалинь. «Соединение»: модель коммерциализации технологий Калифорнийского университета в Сан-Диего // Социолог. 2015. № 11. С. 119–123].

李爱雄, 贾长林. 科技成果及科技成果转化若干基本概念的辨析与思 // 产业创新研究. 2018. № 5. P. 60–62 [Ли Айсунг, Цзя Чанлинь. Различение и осмысление некоторых основных понятий научно-технических достижений и трансформация научно-технических достижений // Промышленно-инновационные исследования. 2018. № 5. С. 60–62].

李栋亮, 陈宇山. 广东新型科研创新机构发展的现状与对策 // 科技管理研究. 2013. Vol. 33. Is. 3. P. 99–106 [Ли Дунлян, Чен Юшань. Состояние и меры противодействия развитию научно-исследовательских учреждений нового типа в провинции Гуандун // Исследования в области управления наукой и технологиями. 2013. Т. 33. № 3. С. 99–106].

李锋. 高校科技成果转化的现实困境与突破策略研究 // 产业创新研究. 2020. № 18. P. 148–149 [Ли Фэн. Исследование практической дилеммы и прорывных стратегий трансформации научно-технических достижений в университетах // Промышленные инновации. 2020. № 18. С. 148–149].

李建中. 科学与技术的离散和自洽:我国高校科技成果转化率低的根源与对策 // 科技管理研究. 2018. Vol. 38. Is. 11. P. 260–266 [Ли Цзяньчжун. Дискретная и самосогласованная наука и технология: первопричина и меры противодействия низкой конверсии научно-технических достижений в китайских университетах // Research and Technology Management Research. 2018. Т. 38. №. 11. С. 260–266].

林继志, 张向前. 教学研究型高校科技成果转化分析 // 中国成人教育. 2016. № 4. P. 50–54 [Линь Цзичжи, Чжан Сянцян. Анализ трансформации научно-технических достижений в учебных и исследовательских университетах // Китайское образование для взрослых. 2016. № 4. С. 50–54].

林青宁, 毛世平. 高校科技成果转化效率研究 // 中国科技论坛. 2019. № 05. P. 144–162 [Линь Циннин, Мао Шипин. Исследование эффективности трансформации китайских университетов // Форум науки и технологий Китая. 2019. № 5. С. 144–162].

罗建, 史敏, 彭清辉, 毛珊瑚. 核心利益相关者认知差异视角下高校科技成果转化问题及对策研究 // 科技进步与对策. 2019. No. 13. P. 112–117 [Ло Цзянь, Ши Минь, Пэн Цинхуэй Мао Шаньин. Белые пятна трансформации политики научно-технических достижений и меры ее противодействия в университетах с точки зрения когнитивных различий основных стейкхолдеров // Научно-технический прогресс и меры противодействия. 2019. № 13. С. 112–117].

马晓君·潘昌伟. 高校科技成果转化的困境与推进策略 // 现代教育管理. 2015. № 1. P. 78–82 [Ма Сяоцзюнь, Пан Чанвэй. Исследование сложности и стратегии трансформации университетских научных и технологических достижений // Современный менеджмент образования. 2015. № 1. С. 78–82].

彭陈, 李宝艳. 当代高校科技成果转化的现实瓶颈及破解路径研究 // 农村经济与科技. 2018. № 19. P. 296–297 [Пэн Чэнь, Ли Баоянь. Исследование реального узкого места и решение трансформации научно-технических достижений в современных университетах // Сельская экономика и наука. 2018. № 19. С. 296–297].

邵青青. 高校科技成果转化“热”下的“冷”思考 // 中国高校科技. 2017. № 6. P. 17–19 [Шяо Цинцин. «Холодное» мышление при «горячей» трансформации научно-технических достижений в колледжах и университетах // Трансфер технологий китайских университетов. 2017. № 6. С. 17–19].

申轶男, 张超, 朱国峰, 孙冬柏. 高校科技成果转化存在的问题、成因及解决办法 // 中国高校科技. 2016. № 3. P. 8–11 [Шэнь Инань, Чжан Чао, Чжу Гофэн, Сунь Дунбо. Проблемы, причины и решения трансформации научно-технических достижений в колледжах и университетах // Трансфер технологий китайских университетов. 2016. № 3. С. 8–11].

王铁军. 新疆高校科技成果转化模式研究 // 中国科技论坛. 2010. № 1. P. 96–100 [Ван Тиецзюня. Исследование современных моделей трансформации научно-технических результатов в высших учебных заведениях Синьцзяна // Китайский научно-технический форум. 2010. № 1. С. 96–100].

邢飞飞, 张云化. 高校科技成果转化存在的问题与建议 // 经营与管理. 2019. № 1. P. 146–148 [Син Фейфей, Чжан Юньхуа. Проблемы и предложения по трансформации научно-технических достижений в вузах // Менеджмент и управление. 2019. № 1. С. 146–148].

赵小凡. 美国大学技术转移发展历程的启示与总结 // 上海质量. 2021. № 04. P. 15–17 [Чжао Сяофань. Просвещение и краткое изложение курса развития трансфера технологий в американских университетах // Шанхайское качество. 2021. № 4. С. 15–17].

周训胜. 我国高校科技成果转化模式研究 // 福州大学学报(哲学社会科学版). 2011. Vol. 25. Is. 1. P. 104–107 [Чжоу Сюньшэн. Исследование модели трансформации научно-технических достижений китайских университетов // Журнал Фучжоуского университета (философия и социальные науки). 2011. Т. 25. № 1. С. 104–107].

References:

Cui A.S., Griffith D.A., Cavusgil S.T., Dabic M. (2006) The Influence of Market and Cultural Environmental Factors on Technology Transfer between Foreign MNCs and Local Subsidiaries: A Croatian Illustration. *Journal of World Business*. Vol. 41. Is. 2. P. 100–111. DOI: [10.1016/j.jwb.2006.01.011](https://doi.org/10.1016/j.jwb.2006.01.011)

Schumpeter J. (2020) *Theory of Economic Development*. Beijing: Overseas Chinese Publishing House of China.

陈华 (2018) 基于政策分析视角的我国高校科技成果转化问题及对策建议. 河北工业大学学报 (社会科学版). Vol. 10. Is. 3. P. 71–81 [Chen Hua (2018) Transformation of scientific and technological achievements in Chinese Universities: a Policy analysis. *Journal of Hebei University of Technology (Social Science Edition)*. Vol. 10. Is. 3. P. 71–81].

储蓉月 (2018) 科技成果转化影响因素与优化路径. 中国高校科技. No. 10. P. 84–85 [Chu Rongyue (2018) The Influencing factors and optimization paths of the transformation of scientific and technological achievements. *Chinese University Technology Transfer*. No. 10. P. 84–85].

翟天任, 李源 (2012) 高校科技成果转化的协同管理路径研. 科技进步与对策. Vol. 29. Is. 22. P. 44–47 [Zhai Tianren, Li Yuan (2012) The path analysis of collaborative management on transformation of university scientific and technological achievements. *Science and Technology Progress and Countermeasures*. Vol. 29. Is. 22. P. 44–47].

谷德斌, 尹航, 杨贵彬 (2012) 高校科技成果转化驱动模式研究. 科技进步与对策. Vol. 29. Is. 13. P. 24–28 [Gu Debin, Yin Hang, Yang Guibin (2012) Research on the driving mode of transformation of scientific and technological achievements in colleges and universities. *Science and Technology Progress and Countermeasures*. Vol. 29. Is. 13. P. 24–28].

贺德方 (2011) 对科技成果及科技成果转化若干基本概念的辨析与思考. 中国软科学. No. 11. P. 1–7 [He Defang (2011) Analysis of and considerations on the concepts of scientific and technological achievement and its transformation. *China Soft Science*. No. 11. P. 1–7].

胡德胜 (1992) 浅议科技成果转化率概念的界定及统计. 科学学与科学技术管理. No. 08. P. 23–49 [Hu Desheng (1992) Discussion on the definition and statistics of the concept of transformation rate of scientific and technological achievements. *Science of Science and Management of S.&T*. No. 08. P. 23–49].

胡罡, 章向宏, 刘薇薇, 胡丹 (2014) 地方研究院:高校科技成果转化模式新探索. 研究与发展管理. Vol. 26. Is. 3. P. 122–128 [Hu Gang, Zhang Xianghong, Liu Weiwei Hu Dan (2014) Local institutes: A new exploration of the transformation mode of S&T achievements in Universities. *R&D Management*. Vol. 26. Is. 3. P. 122–128].

黄勇荣, 陈伟强 (2021) 中日大学技术转移比较与启示. 南宁职业技术学院学报. Vol. 29. Is. 5. P. 15–21 [Huang Yongrong, Chen Weiqiang (2021) Comparison of technology transfer between Chinese and Japanese universities and revelation. *Journal of Nanning Poly technic*. Vol. 29. Is. 5. P. 15–21].

纪成君, 夏怀明 (2019) 中国高校科技成果转化效率及路径优化[J]. 科技管理研究. Vol. 39. Is. 1. P. 97–103 [Ji Chengjun, Xia Huaimin (2019) Transformation efficiency and path optimization of scientific and technological achievements in Chinese universities. *Science and Technology Management Research*. Vol. 39. Is. 1. P. 97–103].

江海, 资智洪 (2015) 高校科技成果转化协同创新模式的广东探索与实践. 科技管理研究. No. 16. P. 94–99 [Jiang Hai, Zi Zhihong (2015) Exploration and practice of synergic innovation models of universities' scientific and technological achievements transformation in Guangdong. *Science and Technology Management Research*. No. 16. P. 94–99].

蒋华林 (2015) “联结”:加州大学圣迭戈分校的技术商业化模式. 社会科学家. No. 11. P. 119–123 [Jiang Hualin. “Connecting”: UC San Diego's Technology Commercialization Model. *Social Scientist*. No. 11. P. 119–123.]

李爱雄, 贾长林 (2018) 科技成果及科技成果转化若干基本概念的辨析与思考. 产业创新研究. No. 5. P. 60–62 [Li Aixiong, Jia Changlin (2018) Discrimination and thinking of some basic concepts of scientific and technological achievements and transformation of scientific and technological achievements. *Industrial Innovation Research*. No. 5. P. 60–62].

李栋亮, 陈宇山 (2013) 广东新型科研创新机构发展的现状与对策. 科技管理研究. Vol. 33. Is. 3. P. 99–106 [Li Dongliang, Chen Yushan (2013) Status and countermeasures of development of new types scientific research institutions in Guangdong. *Science and Technology Management Research*. Vol. 33. Is. 3. P. 99–106].

李锋 (2020) 高校科技成果转化的现实困境与突破策略研究. 产业创新研究. No. 18. P. 148–149 [Li Feng (2020) Research on the practical dilemma and breakthrough strategies of the transformation of scientific and technological achievements in universities. *Industrial Innovation*. No. 18. P. 148–149].

李建中 (2018) 科学与技术的离散和自洽:我国高校科技成果转化率低的原因与对策. 科技管理研究. Vol. 38. Is. 11. P. 260–266 [Li Jianzhong (2018) Discrete and self-consistent science and technology: the root cause and countermeasures of the low conversion rate of scientific and technological achievements in Chinese universities. *Science and Technology Management Research*. Vol. 38. Is. 11. P. 260–266].

林继志, 张向前 (2016) 教学研究型高校科技成果转化分析. 中国成人教育. No. 4. P. 50–54 [Lin Jizhi, Zhang Xiangqian (2016) Analysis on the transformation of scientific and technological achievements in teaching and research-oriented universities. *China Adult Education*. No. 4. P. 50–54].

林青宁, 毛世平 (2019) 高校科技成果转化效率研究. 中国科技论坛. No. 05. P. 144–162 [Lin Qingning, Mao Shiping (2019) Research on transformation efficiency of Chinese universities. *Forum on Science and Technology in China*. No. 05. P. 144–162].

罗建, 史敏, 彭清辉, 毛珊瑛 (2019) 核心利益相关者认知差异视角下高校科技成果转化问题及对策研究. 科技进步与对策. № 13. P. 112–117 [Luo Jian, Shi Min, Peng Qinghui, Mao Shanying (2019) The blind spots of transformation of scientific and technological achievements policy and its countermeasures in universities from the perspective of cognitive differences of core stakeholders. *Science and Technology Progress and Countermeasures*. No. 13. P. 112–117].

马晓君, 潘昌伟 (2015) 高校科技成果转化的困境与推进策略. 现代教育管理. No. 1. P. 78–82 [Ma Xiaojun, Pan Changwei (2015) Research on the difficulty and promote strategy of university science and technology achievements transformation. *Modern Education Management*. No. 1. P. 78–82].

彭陈, 李宝艳 (2018) 当代高校科技成果转化的现实瓶颈及破解路径研究. 农村经济与科技. No. 19. P. 296–297 [Peng Chen, Li Baoyan (2019) Research on the realistic bottleneck and solution of the transformation of scientific and technological achievements in contemporary universities. *Rural Economy and Science*. No. 19. P. 296–297].

邵青青 (2017) 高校科技成果转化“热”下的“冷”思考. 中国高校科技. No. 6. P. 17–19 [Shao Qingqing (2017) “Cold” thinking under the “hot” transformation of scientific and technological achievements in colleges and universities. *Chinese University Technology Transfer*. No. 6. P. 17–19].

申轶男, 张超, 朱国峰, 孙冬柏 (2016) 高校科技成果转化存在的问题、成因及解决办法. 中国高校科技. No. 3. P. 8–11 [Shen Yinan, Zhang Chao, Zhu guofeng, Sun Dongbo (2016) Problems, causes and solutions of the transformation of scientific and technological achievements in colleges and universities. *Chinese University Technology Transfer*. No. 3. P. 8–11].

王铁军 (2010) 新疆高校科技成果转化模式研究. 中国科技论坛. No. 1. C. 96–100 [Wang Tiejun (2010) Research on current sci-tech result transformation patterns in higher education institutions in Xinjiang. *China Science and Technology Forum*. No. 1. C. 96–100].

邢飞飞, 张云化 (2019) 高校科技成果转化存在的问题与建议. 经营与管理. No. 1. P. 146–148 [Xing Feifei, Zhang Yunhua (2019) Problems and suggestions on the transformation of scientific and technological achievements in universities. *Management and Administration*. No. 1. P. 146–148].

赵小凡 (2021) 美国大学技术转移发展历程的启示与总结. 上海质量. No. 04. P. 15–17 [Zhao Xiaofan (2021) Enlightenment and summary of the development course of technology transfer in American universities. *Shanghai Quality*. No. 04. P. 15–17].

周训胜 (2011) 我国高校科技成果转化模式研究. 福州大学学报(哲学社会科学版). Vol. 25. Is. 1. P. 104–107 [Zhou Xunsheng (2011) Research on the transformation model of scientific and technological achievements in Chinese universities. *Journal of Fuzhou University (Philosophy and Social Sciences)*. Vol. 25. Is. 1. P. 104–107].

Дата поступления/Received: 10.06.2023